

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

МОСКОВСКИЕ ЭНЕРГЕТИКИ

в годы Великой Отечественной войны

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 года
Московское районное энергетическое управление «Мосэнерго» «за
обеспечение бесперебойного энергоснабжения населения, оборонной
промышленности и военных объектов города Москвы в 1941–1945 годах»
награждено орденом Отечественной войны I степени

К 75-летию Победы

**МОСКОВСКИЕ ЭНЕРГЕТИКИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИКОВ МОСЭНЕРГО –
УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ И ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

Москва 2020

Московские энергетики в годы Великой Отечественной войны :

Воспоминания работников Мосэнерго – участников войны и тружеников тыла :

К 75-летию Победы / Автор-составитель Г.Л. Андреев при участии Ю.Н. Вавилова ;

Под общей ред. А.Я. Копсова. – М., 2020. – 400 с. : ил.

Редакционная коллегия:

А.Я. Копсов, Ю.Н. Вавилов, В.Н. Воронков, М.П. Катаев, Е.В. Лушпаева,

А.А. Митяев, С.А. Пронин, М.М. Пчелин, Н.М. Сандрер, С.А. Сверчкова

Четвертая страница обложки:

Петр Оссовский. «Салют Победы»

© Клуб ветеранов энергетики Московского региона

© ПАО «Мосэнерго»

© ПАО «Россети Московский регион»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В год 70-летия Великой Победы Клубом ветеранов энергетики Московского региона была издана книга «Московская энергетика в годы Великой Отечественной войны», получившая признание энергетической общественности и ветеранских организаций Минэнерго, МОЭСК, Мосэнерго и других энергопредприятий, входящих в Газпром энергохолдинг, Россети, РусГидро, Т Плюс, Юнипро.

Учитывая большой интерес к этой книге, Клуб ветеранов энергетики Московского региона решил подготовить к 75-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне новое издание – воспоминания самих работников Мосэнерго, – фронтовиков и тружеников тыла.

Война принесла неисчислимые бедствия, оборвала и разрушила жизни миллионов людей. Тысячи работников Мосэнерго ушли на фронт и с оружием в руках защищали нашу Родину. Многие из них не вернулись домой. Раны, нанесенные войной, не зажили до сих пор. Но подвиг мосэнерговцев на фронте и в тылу – навсегда предмет нашей гордости.

В тяжелейшие годы Великой Отечественной войны коллектив Мосэнерго прошел самую большую проверку на прочность и с честью выдержал все испытания. О подвиге мосэнерговцев на фронте и в тылу вы можете прочитать на страницах этой книги. В воспоминаниях конкретных людей – настоящая правда о войне, без выдумок и приукрашивания – как они пережили эти годы и что испытали вместе со всей страной. Все авторы как один утверждают: война – это прежде всего тяжелая работа. А трудиться мосэнерговцы умеют!

С первого дня войны сохранение энергетической мощи стало одной из первостепенных задач, стоявших перед страной. Потери энергетики были огромны. Было выведено из строя более пяти миллионов кВт мощностей, повреждены или разрушены 61 станция, более 10 тысяч километров высоковольтных линий. Уже с конца июня 1941 года в западных районах страны стали разворачиваться работы по демонтажу и эвакуации энергетического оборудования и вывозу его на восток. За Уралом, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии начали создаваться новые промышленные районы, строиться оборонные предприятия и вводиться энергетические мощности.

В Мосэнерго были демонтированы: оборудование Фрунзенской ТЭЦ, вторая очередь Каширской ГРЭС, турбогенератор Шатурской ГРЭС. Часть электростанций и районов высоковольтных сетей оказалась на оккупированной территории. Крупнейшая электростанция системы – Стalingорская ГРЭС – была взорвана перед приходом гитлеровцев. К концу 1941 года Московская энергосистема потеряла около половины своей мощности. Но уже в 1942 году, после победы Красной армии под Москвой, начинается восстановление московской энергетики. Всего год понадобился для ввода в эксплуатацию агрегатов общей мощностью в 341 тысячу кВт, а уже в конце 1945 года Московская энергосистема по мощности почти достигла довоенного уровня, а по электрическим сетям даже его превысила.

Высочайший профессионализм и силу духа проявили в те годы работники всех предприятий Мосэнерго. Работая без выходных и отпусков по 12 часов в день, не доедая и не досыпая, московские энергетики приближали Великую Победу.

В тяжелейших условиях Московская энергосистема выстояла и выполнила важнейшую задачу снабжения электроэнергией столицы нашей Родины и оборонных предприятий Москвы и Московской области.

Немалый вклад в выполнение этой задачи был сделан теми, кто руководил Мосэнерго в военную эпоху. Прежде всего мы должны вспомнить двух управляющих: Ивана Матвеевича Клочкива, на долю которого выпало управление компанией в первые, самые тяжелые, годы войны, и Михаила Яковлевича Уфаева, возглавившего энергосистему в 1943 году. Во многом благодаря их непререкаемому авторитету, железной воле, самоотверженному труду Мосэнерго смогло преодолеть огромные трудности военного времени. Вместе с ними весь коллектив, от простых работников до руководителей предприятий, работал как единый организм.

Бессмертному подвигу мосэнерговцев, защищавших нашу Родину на фронте и работавших в тылу, посвящается эта книга.

*Президент Клуба ветеранов энергетики Московского региона
А.Я. Копсов*

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В 2020 году мы отмечаем 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эта война изменила ход мировой истории, судьбу нашей страны и каждого живущего в ней человека. На протяжении 1418 дней и ночей наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки ежедневно совершали свой подвиг – защищали Родину на передовой, самоотверженно трудились в тылу. Сохранение исторической памяти о бессмертном подвиге народа – наш долг и обязанность.

Колоссальный вклад в Победу внесли советские энергетики, благодаря которым было обеспечено надежное энергоснабжение народного хозяйства страны. В тяжелейших условиях военного времени они эвакуировали оборудование электростанций, находили новые источники топливоснабжения, строили электросети, осваивали выпуск продукции для нужд фронта. По призыву и добровольцами энергетики уходили на фронт. Многие из них погибли на полях сражений.

Эта книга посвящена военному и трудовому подвигу работников крупнейшей энергосистемы СССР – Мосэнерго. В ней собраны воспоминания ветеранов войны и трудового фронта, архивные документы, многие из которых публикуются впервые.

Издание включает живые свидетельства непосредственных участников тех событий о крупнейших военных операциях, деятельности партизанских отрядов, освобождении оккупированных врагом территорий. В книге подробно рассказывается о работе энергетиков в тылу – организации противовоздушной обороны, строительстве комплекса электрозаграждений на подступах к Москве, энергоснабжении оборонных предприятий, ведомств и жилых домов в тяжелых военных условиях, производстве боеприпасов и передвижных электростанций. Также здесь приведены краткие биографии Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, работавших в Мосэнерго.

Мы бережно храним память о подвиге московских энергетиков. В 2017 году была издана «Книга памяти», в которой собрана информация о более чем трех тысячах работников Московской энергосистемы, призванных в Красную армию в 1941–1945 годах. Более половины из них не вернулись домой. Цена Победы была очень высока – и мы сделаем все возможное для того, чтобы память о мосэнерговцах, отдавших все силы борьбе с врагом, передавалась из поколения в поколение.

В 2020 году на ТЭЦ-12, введенной в эксплуатацию накануне начала Великой Отечественной войны, будет открыт памятник всем работникам Мосэнерго, приближившим Победу своим ратным и трудовым подвигом.

Вечная слава и низкий поклон героям!

*Управляющий директор ПАО «Мосэнерго»
А.А. Бутко*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках бесценное с точки зрения памяти о подвиге энергетиков издание. Это собранные по крупицам, с большим уважением и преклонением, воспоминания людей, на своих плечах перенесших все тяготы военного времени и внесших значительный вклад в победу над противником.

Символично, что выход книги приурочен к двум великим юбилеям, отмечаемым в 2020 году: 100-летию плана ГОЭЛРО и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Книга служит объективным свидетельством героических свершений наших коллег-энергетиков, своим самоотверженным трудом, волей и мужеством заложивших фундамент надежной работы отечественного электросетевого комплекса на десятилетия вперед.

Мы с большим почтением и благодарностью относимся к великому подвигу, который совершили специалисты Московской энергетической системы в годы войны. Именно по инициативе ПАО «МОЭСК» (работает под брендом «Россети Московский регион») на территории мемориального комплекса «Рубеж обороны Москвы» в деревне Нефедьево Красногорского района Московской области воздвигнут памятник строителям электрозаграждений. Уникальное инженерное сооружение в 1941 году стало эффективным элементом обороны столицы нашей Родины.

Мы всегда бережно относились к истории энергетической отрасли и к памяти о людях, чьими усилиями она создавалась и крепла. Координационный совет ветеранов войны и труда компании ведет постоянную кропотливую работу с архивами. Благодаря этому удалось установить имена еще 22 работников Мосэнерго, принимавшего участие в строительстве электрозаграждений, помимо тех, чьи имена размещены на монументе. В память о бессмертном подвиге энергетиков мы планируем увековечить их имена и провести работы по расширению памятника.

Еще одним подтверждением трепетного отношения к историческому наследию служит тот факт, что это уже вторая книга о московской энергетике в годы Великой Отечественной войны. Первая увидела свет в 2015 году. В подготовку этих изданий мы вложили не только свои силы, профессиональные знания, но и частичку души. Ведь чем чаще мы будем вспоминать о тех годах, тем сильнее будем ценить мир, в котором живем. Мир без войны! Отдавая дань уважения и бесконечной благодарности за славные героические дела нашим предшественникам, мы хотим, чтобы память о них жила в сердцах современников и будущих поколений. Мы гордимся ими и равняемся на них!

*Генеральный директор ПАО «МОЭСК»
П.А. Синютин*

От составителя

В этой книге представлены воспоминания о войне 198 работников Мосэнерго. Хронологически эти воспоминания создавались и собирались на протяжении всего послевоенного отрезка времени – до 2020 года. Наибольшее число приходится на 1980-е годы, когда на предприятиях в системе Мосэнерго широко разворачивалось создание музеев. Но среди этих воспоминаний практически нет последовательных биографических рассказов. В основном до нас дошли сухие факты, в виде ответов на вопросы в анкетах, либо отрывков из интервью, которые проводились среди ветеранов накануне круглых дат или иных памятных событий. Но среди этих фактов подчас прорывается что-то особенное, личное. Было решено составить книгу именно из этих самых ярких и эмоциональных отрывков. Наверняка – важнейших и для самих авторов. Правда, был определенный риск, что книга в результате не получится единой, а распадется на отдельные куски, и читатель столкнется с мозаикой не связанных друг с другом впечатлений. Но удивительным образом – все получилось с точностью до наоборот! У непредвзятого читателя не может не возникнуть ощущения, что она словно написана одним автором. Один автор – только в 198 лицах. Хотя – какие разные биографии! И моряки, и танкисты, и артиллеристы, и пехотинцы, работники электростанций и электросетей в тылу, жители блокадного Ленинграда и оккупированного Можайска...

Это, уже почти ушедшее поколение, не могло победить в самой страшной из войн, если бы не имело чего-то общего, что объединяло их всех – от мала до велика. Что это было? Вера в конечную победу, ненависть к жесточайшему врагу, стремление защитить родных и близких...? А может – ощущение святости их дела, «остервенение народа», желание отомстить за гибель товарищей? Наверное, все перечисленное, а может – что-то иное. Важно, что эти разные чувства не противоречили друг другу. И в этот судьбоносный для страны и всего человечества час создавали общность, сливались в единое духовное поле, которое соединило народ и позволило сначала остановить врага, а потом – победить. И уже за этим, главным единством, – последовало все другое, более конкретное и ощутимое: единство народов, поколений, фронта и тыла.

Война вновь открыла для нас реальную, действующую в истории, святость. Политика, экономика, фигуры вождей, взаимоотношения государств и наций уже очень давно превратились в главное содержание истории, заставляя забыть о силе святости. А между тем, возможно, это вообще единственная настоящая сила в истории. Потому что имена правителей теряются в прошлом, а имена святых – нет. Проходят десятки лет, века, и никто уже не может в точности сказать, – какое для сегодняшнего времени значение имеет давно ушедший, а когда-то определявший судьбы мира правитель. А голоса святых людей слышатся в нас и через многие столетия.

И имена героев прошедшей войны и ее простых тружеников – тоже святы. Все вместе они показали, что есть нечто более ценное, чем конкретная человеческая жизнь. Показали, что история имеет не только горизонт, но и вертикаль, высоту. Ради этой высоты и победы над злом они, молодые и старые, не жалели себя, и память об этом не должна исчезнуть у их потомков.

Но все же святость эта особенная, не похожая ни на что в истории. Прежде всего, потому, что нацизм был равнодушен к духу и боролся не против небес, а против самой жизни. Поэтому настоящий враг нацизма – жизнелюбие. Вполне земное, а не небесное чувство. И именно даром жизнелюбия было наделено военное поколение, победившее нацизм.

Как писал драматург и фронтовик Виктор Розов: «Это сила жизни. Та сила, которая позволяет нежной травке-муравке взламывать асфальт, вылезая на свет Божий. Слава ей, этой силе, слава! Помните, у Толстого: "Как ни старались люди..." Как ни старалась война убить все живое, жизнь лезла во все щели, везде».

Это и есть главный завет военного поколения и главное человеческое свойство, объединявшее их – умение ценить жизнь, в том числе и самую простую.

И свидетельство тому – эта книга.

В книге также представлены отрывки из воспоминаний людей, которые никогда не работали в Московской энергосистеме. Это – родственники, одноклассники, либо те, кто воевал вместе с работниками Мосэнерго. Есть воспоминания двух руководителей – партийного (В.Г. Жаворонков) и военного (А.П. Белобородов), которые описывают битву под Москвой на тех участках, где воевали и трудились мосэнерговцы.

Полноправной частью данной книги являются фотографии, представленные в виде фронтового альбома. В альбом включались фотографии военного периода. Исключения делались только в том случае, если военная служба авторов воспоминаний продолжилась после окончания войны. Поэтому в альбоме есть несколько фотографий второй половины 40-х или начала 50-х (в это время демобилизовывались призывы 1926–1927 годов рождения). Кроме фотографий авторов воспоминаний, в альбом включены несколько фотографий фронтовиков и работников тыла, не оставивших воспоминаний. Слишком мало сохранилось фотографий того времени, и хотелось, чтобы читатель смог увидеть как можно больше лиц мосэнерговцев военной эпохи.

Г.Л. Андреев

НАЧАЛО ВОЙНЫ

22 июня 1941 года

**Личный состав Красной армии – 5 млн 774 тыс. 211
Развернуто на западной границе – 3 млн 061 тыс. 160**

**Личный состав вермахта – 7 млн 329 тыс.
Развернуто на восточной границе – 3 млн 562 тыс.
Вместе с союзниками – 4 млн 329 тыс. 500**

- 03:05** Группа из 14 немецких бомбардировщиков Ju-88 сбрасывает 28 магнитных мин у Кронштадтского рейда.
- 03:07** Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский – начальнику Генштаба генералу Жукову: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности».
- 03:30** Начальник штаба Западного округа генерал Климовских докладывает о налете вражеской авиации на города Белоруссии: Брест, Гродно, Лиду, Кобрин, Слоним, Барановичи и другие.
- 03:33** Начальник штаба Киевского округа генерал Пуркаев докладывает о налете авиации на города Украины, в том числе Киев.
- 03:40** Командующий Прибалтийским военным округом генерал Кузнецов докладывает о налетах вражеской авиации на Ригу, Шауляй, Вильнюс, Каунас и другие города Прибалтики.
- 03:42** Жуков звонит Сталину и сообщает о начале Германией боевых действий. Stalin приказывает наркому обороны Тимошенко и Жукову прибыть в Кремль, где созывается экстренное заседание Политбюро.
- 03:45** 1-я погранзастава 86-го пограничного отряда (штаб отряда располагался в городе Августове Белостокской области Белорусской ССР) атакована разведывательно-диверсионной группой противника.
- 04:00** Октябрьский докладывает Жукову: «Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в Севастополе есть разрушения».
- 04:05** Заставы 86-го пограничного отряда, включая 1-ю погранзаставу под командованием старшего лейтенанта Александра Сивачева, подвергаются мощному артиллерийскому обстрелу, после чего начинается немецкое наступление. Пограничники, лишенные связи с командованием, вступают в бой с превосходящими силами противника.

- 04:10** Западный и Прибалтийский особые военные округа докладывают о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках.
- 04:15** Гитлеровцы открывают массированный артиллерийский огонь по Брестской крепости. В результате уничтожены склады, нарушена связь, имеется большое число убитых и раненых.
- 04:25** 45-я пехотная дивизия вермахта начинает наступление на Брестскую крепость.
- 04:30** В Кремле начинается заседание Политбюро. Сталин выражает сомнение в том, что происшедшее является началом войны, и не исключает версии немецкой провокации. Тимошенко и Жуков настаивают: это война.
- 04:55** В Брестской крепости гитлеровцам удается захватить почти половину территории. Дальнейшее продвижение остановлено внезапной контратакой красноармейцев.
- 05:00** Посол Германии в СССР граф фон Шуленбург вручает наркому иностранных дел СССР Молотову «Ноту Министерства иностранных дел Германии Советскому Правительству», в которой говорится: «Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе, поэтому фюрер отдал приказ Германским вооруженным силам всеми средствами отвести эту угрозу». Через час после фактического начала боевых действий Германия де-юре объявляет войну Советскому Союзу.
- 07:00** Рейхсминистр иностранных дел Риббентроп начинает пресс-конференцию, на которой объявляет о начале боевых действий против СССР: «Германская армия вторглась на территорию большевистской России!»
- 07:15** Сталин утверждает директиву об отражении нападения гитлеровской Германии: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу».
- 11:00** Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа преобразованы в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.
- 12:00** Нарком иностранных дел Молотов зачитывает обращение к гражданам Советского Союза: «Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории... Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Стالина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».
- 12:30** Передовые немецкие части врываются в белорусский город Гродно.

13:00 Президиум Верховного Совета СССР издает указ «О мобилизации военнообязанных...»

На основании статьи 49 пункта «о» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов – Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского.

13:30 Жуков вылетает в Киев в качестве представителя вновь созданной Ставки Главного Командования на Юго-Западном фронте.

14:00 Брестская крепость полностью окружена немецкими войсками. Советские части, блокированные в цитадели, продолжают оказывать ожесточенное сопротивление.

14:05 Глава МИД Италии Чиано заявляет: «Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию».

14:10 1-я погранзастава старшего лейтенанта Сивачева ведет бой более 10 часов. Имевшие только стрелковое оружие и гранаты пограничники уничтожили до 60 гитлеровцев и сожгли три танка. Раненый начальник заставы продолжал командовать боем.

16:00 После 12-часового боя гитлеровцы занимают позиции 1-й погранзаставы. Это стало возможным только после того, как погибли все пограничники.

Государственную границу СССР от Баренцева до Черного моря на 22 июня 1941 г. охраняли 666 пограничных застав, 485 из них подверглись нападению в первый день войны. Ни одна из 485 застав, атакованных 22 июня, не отошла без приказа.

Гитлеровское командование отводило на то, чтобы сломить сопротивление пограничников, 20 минут. 257 советских погранзастав держали оборону от нескольких часов до одних суток. Свыше одних суток – 20, более двух суток – 16, свыше трех суток – 20, более четырех и пяти суток – 43, от семи до девяти суток – 4, свыше одиннадцати суток – 51, свыше двенадцати суток – 55, свыше 15 суток – 51 застава. До двух месяцев сражались 45 застав.

17:00 Гитлеровским подразделениям удается занять юго-западную часть Брестской крепости, северо-восток остался под контролем советских войск.

18:00 Патриарший местоблюститель, митрополит Московский и Коломенский Сергий, обращается с посланием к верующим: «Фашистующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошаet родную землю... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины».

19:00 Из записок начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Гальдера: «Все армии, кроме 11-й армии группы армий „Юг“ в Румынии, перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось

для противника на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрыты брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены».

- 20:00** Утверждена директива № 3 Наркомата обороны, предписывающая советским войскам перейти в контрнаступление с задачей разгрома гитлеровских войск на территории СССР с дальнейшим продвижением на территорию противника. Директива предписывала к исходу 24 июня овладеть польским городом Люблин.
- 21:00** Сводка Главного Командования Красной армии за 22 июня: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристинопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два – в 15 км и последнее – в 10 км от границы). Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встретила решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника».
- 23:00** Обращение премьер-министра Великобритании Черчилля к британскому народу в связи с нападением Германии на СССР: «В 4 часа этим утром Гитлер напал на Россию ... Никто не был более стойким противником коммунизма в течение последних 25 лет, чем я. Я не возьму обратно ни одного сказанного о нем слова. Но все это бледнеет перед зреющим, разворачивающимся сейчас. Гитлер – это злобный монстр, ненасытный в своей жажде крови и грабежа. Я вижу русских солдат, как они стоят на границе родной земли и охраняют поля, которые их отцы пахали с незапамятных времен. Я вижу, как они охраняют свои дома; их матери и жены молятся – о, да, потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя, своих защитников... Мы должны оказать России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы должны призвать всех наших друзей и союзников во всех частях света придерживаться аналогичного курса и проводить его так же стойко и неуклонно, как это будем делать мы, до самого конца».

Впереди было 1417 дней самой страшной войны в истории человечества.

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.*

*Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.*

*А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит,
ставит
obelischi.*

Константин Симонов

М.Е. Коновалов. Каширская ГРЭС

Служил я на флоте. Мы стояли на рейде в Севастопольской бухте. Летний июньский вечер был на редкость хороший. Закат на безоблачном небе, бившиеся легкие волны о борт корабля. Казалось, ничего не предвещало беды. И вдруг среди ночи нас разбудили мощные взрывы. Фашистские снаряды один за другим обрушивались на бухту, начались пожары, водяные столбы от взрывов поднимались выше борта. Нападение врага было неожиданным. Были ошеломлены, но духом не пали.

Так для нас началась война. После налета немецкой авиации стали вылавливать неразорвавшиеся мины и готовиться к отражению следующего налета. Высадились на берег, заняли оборону Севастополя.

Л.Д. Нестеров. Каширская ГРЭС

Каждое утро курсанты школы младшего командного состава в Киеве выходили на физзарядку, вот и 22 июня, как обычно, разминались на плацу. В небе ровным строем пролетело несколько самолетов. Задрав головы вверх, будущие авиаиспользовалисты наблюдали за полетом. Неожиданно самолеты развернулись, и курсанты увидели на их корпусах свастику. А через несколько секунд на землю стали падать бомбы. Так началась для меня Великая Отечественная война.

Л.Ф. Алотин. Центральный ремонтно-механический завод (ЦРМЗ)

Я был дежурным по лагерю, это возле Черновиц. В субботу после обеда последовал приказ – привести технику в состояние боевой готовности. Тревога ощущалась буквально в воздухе. Чувствовали мы, что нависли грозные события, но, конечно, в эти июньские дни не ждали беды. Помню, жены наших офицеров говорили: «Дайте им (немцам), чтобы неповадно было!»

На рассвете 22 июня в 4 часа утра вижу идущего командира дивизиона. На мое обращение он отмахнулся, бросил лишь: «Объявите боевую тревогу!» Через несколько минут в воздухе появились самолеты с черными крестами на плоскостях, и, когда на шоссе упали первые бомбы, я понял: началась война...

Дивизион был дислоцирован в восьми километрах от границы, и ему досталось сполна. Почти неделю сдерживали атаки румын. Потом был отдан приказ отходить.

М.А. Афанасьев. Каширская ГРЭС

Службу проходил в танковом полку. 22 июня в шесть часов вечера наш полк в местечке между озерами Себеж и Ворон в Латвии принял первый бой с немецкими захватчиками. Тогда мы целые сутки сдерживали наступление противника. В нашем полку воевали более 70 каширян. В том бою я потерял свою боевую машину – танк был подорван фашистами и сожжен.

Н.М. Кочкин. Шатурские электросети

На действительную военную службу призвали меня в 1940 году. Тогда вышел приказ К.Е. Воронилова о том, чтобы в армию брать с 20 лет. До этого брали с 23. Попал в польский город Замбрев в 8-ю армию, 13-ю стрелковую дивизию, 312-й отдельный зенитный дивизион. Прошел курс молодого бойца, годичные курсы младших командиров. 1 мая 1941 года наши войска устроили парад, а уже 6 мая поступил приказ зенитчикам и артиллеристам отправиться в летние лагеря. Расположились мы в 35 километрах от столицы Белоруссии и стали готовиться к учениям, но 22 июня наш комиссар объявил о начале войны. Срочно подняли весь лагерь и направились к Минску в штаб за получением дальнейших распоряжений. Так для меня началась Великая Отечественная война. На пути к Минску уже увидели в небе вражеский самолет: на брюхе – черный крест в желтой окантовке. Получили приказ защищать узловые железнодорожные станции от вражеской авиации сначала в Минске, затем в Смоленске.

М.А. Трухачева. Северные электросети

Когда пришло известие о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз, а это произошло 22 июня 1941 года, мы все были дома – папа, мама, старший брат и я. Особенно запомнилось ма-мино отчаяние, безумный страх в глазах и боль за близких людей, все валилось у нее из рук. Мама, помню, просто на глазах постарела на несколько лет, слезы не высыхали на ее глазах, да, собственно, горем была охвачена вся деревня. Началась мобилизация – старшему брату и папе пришли повестки явиться на сборный пункт в город Юрлово, а оттуда батальоны уходили на фронт.

И.М. Маркович. Управление Мосэнерго

В мае 1941 года И.С. Брук получил в подарок от какого-то завода хороший радиоприемник, принимавший заграницу. Однажды он пришел ко мне очень встревоженный. По английскому радио сообщили о том, что Германия готовится к нападению на СССР, что 200 дивизий стоят на границах Союза...

Что нам делать? Может быть, разработать устройство, которое бы обеспечило сохранение нормальной работы энергосистемы?

Я говорю об этом потому, что это в какой-то мере характеризовало атмосферу тревожного ожидания, в которой мы все тогда жили. Мы понимали, что энергетика – жизненный нерв страны и что удара по ней можно ожидать в первую очередь.

Е.С. Платонова. Энергосбыт

Жизнь шла размеренно. Утром школа, а после уроков – бегом помогать родителям по хозяйству: либо к отцу в конюшню, либо к матери на колхозное поле. Но внезапно все переменилось. Мне только недавно исполнилось 12 лет. Стоял жаркий июньский день. Некоторые односельчане отправились в соседнее село на рынок торговать своей продукцией. А кто-то, как я с матерью, остались работать в поле. Обычно торговля занимала целый день, и продавцы возвращались только к вечеру. Смотрим, идут обратно с полными обозами. Странно, слишком рано. Люди приближались, и тут мы увидели, что они плачут. Так и узнали, что началась война.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Сняли две семьи, две медсестры, дачу так называемую, то есть переднюю избу в деревне Данилово, это станция Шугино по северной дороге, в полутора километрах от станции. Мы собирались переезжать, как раз заказали грузовое такси, проснулись в назначенное время – такси нету. Отец звонит в парк. Говорят: пока подождите. Ждем, репродукторы такие черные, радио включено было, слышим, что в 12 часов будет выступать Молотов. Отец говорит: ну, война, наверное. Он снова звонит, так несколько раз было, потом в последний раз сказали, что машины не будет, без всяких объяснений, без всего. И вот в 12 часов выступал Молотов, сказал такую вещь. Что делать? Продукты закуплены, упакованы, постельное белье, все это сделано. Ну, давайте обедать, а время обеда уже подошло, давайте пельмени делать, а мать мастерица в этом деле была – она сибирячка, сели, сделали пельмени, поели, и все...

А.П. Пятницкий. ГЭС-1

В этот день я отправился на берег водохранилища. Любил в выходной день побродить по лесу, подышать ароматом хвои, повалиться под солнцем на песчаной отмели. И когда мальчишка, катившийся по берегу на велосипеде (видно, искал отца-рыболова), бросил на ходу: «Дядя, дядя, вставай – война началась!» – я вскрикнул от отчаяния. Ведь вот не зря не хотел уезжать вчера из дома! Словно предчувствие какое-то было.

И.В. Тихомиров

Войну мы ждали, все шло к этому. Но, как всегда, она пришла неожиданно. Воскресное утро 22 июня 1941 года было чудесным, солнце сияло вовсю, предвещая жаркий день. Легкий теплый ветерок мерно колыхал деревья, близлежащий пруд манил своей прохладой. [...]

Было около 10 часов утра, когда Д.С. Кривозуб, который тогда жил в нашем четырехэтажном доме, спешно позвал меня к своему радиоприемнику. Из него на коротких волнах на украинском языке неслись истерические выкрики против коммунистов, угрозы в адрес Советского Союза и призывы к содействию немецким войскам, идущим якобы для создания самостийной Украины без коммунистов. Врезались в память частые выкрики: «Увага! Увага!», что на украинском языке означает внимание. У всех нас сразу мелькнуло в голове – неужели война?! Мы еще не знали, что несколько часов тому назад немецкие «юнкерсы» уже бомбили Минск, Киев, Севастополь, а на границе начались бои, и в ряде мест немцы пересекли ее.

Официальное сообщение нашего правительства о начале войны мы услышали по радио только в 12 часов. Сообщение сделал Молотов. Так началась новая, военная полоса нашей жизни и работы.

Н.А. Шевелев. 4-й район ВВС¹

С 21 на 22 июня 1941 года граница жила мирной жизнью. В 3 ч 30 мин по московскому времени через мост прошел еще один наш поезд с нефтью. Затем на нашу сторону должен был пройти встречный немецкий эшелон с углем. Но, когда он стал подходить к нашей контрольной будке, у часового возникло подозрение. Паровоз шел не впереди состава, а позади. И вагоны были не стандартные, как обычно, а немного выше. Боец решил остановить поезд и дал предупредительный выстрел в воздух, но ему ответили автоматной очередью. Пули попали в будку, где находились еще двое наших, тех, что посланы на усиление охраны поста. Одного из них убило наповал, а другой не растерялся, выскочил с пулеметом, залег и стал стрелять по эшелону. Поезд попятился назад, и, когда вагоны были уже на берегу, борта откинулись и на землю начали съезжать танкетки с солдатами. Это была первая попытка немцев прорваться в советскую часть Перемышля. В 3 часа 45 минут застава была поднята в ружье, и по приказу начальника заставы Потарыкина выделили три подвижные группы по пять и шесть бойцов. Одну послали на левый фланг, к парку, в распоряжение старшины Привезенцова, другой, во главе с Шабелиным², дали задание в случае прорыва обеспечить оборону заставы, а пока поддерживать фланги. На самый опасный участок, к мосту, направили третью группу во главе с заместителем начальника заставы по боевой подготовке лейтенантом Нечаевым.

В 4.00 началась артподготовка. Перемышль в дыму! Снаряды рвутся в разных частях города, но именно там, где важнейшие военные объекты – казармы, склады, гаражи. В районе госпиталя все заволокло дымом. Вскоре немцы повторили атаку. Но теперь они применили более хитрую тактику – перебежками до середины моста, а затем залегали за трупами убитых или рассредотачивались по краям и вели огонь из-за железных выступов опор.

¹ Высоковольтные воздушные сети.

² В другом месте – Шебалин.

С той стороны их поддерживали минометы. А наша артиллерия по-прежнему молчала. Но преимущество противника было не только в этом. Наши могли вести только «косой» огонь, чтобы, не дай бог, не задеть какого-либо фрица на его территории. Приходилось все время прикидывать, перешел их солдат линию границы или нет.

А те прут и прут. Некоторые успели добраться до последнего пролета. До нашего берега им оставалось несколько шагов. И тут лейтенант Нечаев выкатил пулемет на открытую позицию, в самый центр, и начал косить врагов. Атака снова захлебнулась. На мосту росла груда трупов. Немцы срывались с перил, падали в воду. Кое-кто не выдержал и побежал назад. И все же, как отважно ни дрались нечаевцы, мост они удержать не смогли.

На штурм двинулась еще одна вражеская группа. С того берега открыли ураганный огонь из минометов. Лейтенанта Нечаева ранило, его пулемет замолчал. А противник уже прорвался на нашу сторону. Нечаев увидел, что трое немцев бегут к нему, чтобы взять его в плен. Он взорвал на себе гранату, сам погиб и их положил. Силы иссякли, положение создалось тревожное. Немцы соединились с диверсантами, засевшими в большом доме на набережной, и вместе рвутся к заставе. Их сдерживает наш заслон. Шебалин ранен в голову, обливается кровью, но не уходит. В этот момент застучил вражеский пулемет слева, от Замковой горы. Пришлось всем залечь и сражаться на два фронта. К 10.00 наша граница была пробита в нескольких местах. Но вдруг к нам прибавилось пополнение – отряд ополченцев и пограничников комендатуры во главе с младшим политруком Виктором Королевым. В это время приходит связной и сообщает Королеву, что убили Красного, а они земляки, оба из города Бологое, знали друг друга с детства. Виктор выпросил у начальника заставы несколько ребят: «Я должен отомстить за Женю». Он поднял ребят в штыковую атаку. Немцев гнали до самого Сана и многих прикололи прямо в воде. Говорят, что река в этом месте была красная от крови. На какое-то время граница формально восстановилась. Тогда немцы двинули свой десант на лодках. И вот тут-то по ним ударили из дзотов. Это был первый артиллерийский залп. Мы еще больше воспряли духом. Но через полчаса после выступления по радио В.М. Молотова командир 92-го пограничного отряда Тарутин дал приказ снять пограничный пост и начал отход к восточной окраине Перемышля – селу Негрыбка.

В самих Негрыбках стояла пехота – полк, а то и больше. Пехотинцы, как вы знаете, еще не вступили в бой, но уже понимали, что началась война, и тоже рвались схватиться с врагом.

Они встретили нас как героев, накормили, напоили, табачком угостили. Им стыдно было, что мы на границе за всех отбивались, ждали, когда же, наконец, будет получен приказ начать активные действия. Долго ждать не пришлось, но кто пойдет первым? По логике, предпочтение надо было отдать пехоте, она еще не была в бою, силы свежие, но командир корпуса генерал Снегов решил: в авангарде должны пойти пограничники. Почему? Ведь им досталось больше всех, они уже потрапаны, многие едва держатся на ногах. Зато они будут драться в пять раз злее и за себя, за свои раны, и за своих погибших товарищей. И так это будет не контрнаступление, а контрудар. И осуществим его в то же время – в 4.00 завтра.

М.Я. Уфаев

И.М. Клочков

В.Д. Юреков

Н.Н. Малютин

М.С. Емельянов

Г.И. Фомичев

А.В. Бобков

Нам, пограничникам, дали приказ подтянуться ближе и еще до рассвета сосредоточиться на обратном скате Замковой горы, в районе городских кладбищ. Мы должны были являться как бы ударной группой. Всего нас, зеленофуражечников, собралось примерно около трехсот. Злые как черти – в темноте даже было видно: только глаза горят да оружие блестит. К нам присоединили около ста человек ополченцев во главе с секретарем горкома партии Орлиенко.

Ровно в четыре утра по вражеской стороне ударила наша артиллерия. И тут мы пошли в атаку. Немцы не ожидали нашей атаки в эти первые минуты боя, но вскоре они опомнились и открыли страшный огонь – из орудий, минометов и пулеметов. Навстречу нам, это уже было в районе самого замка, фашистское командование выдвинуло большую группу, примерно около батальона. Злости у нас хватило, а где злость, там и хитрость. Мы город знали лучше немцев, тем более что находились уже недалеко от центра, где нам были знакомы не только дома, но и каждая лазейка, и каждый выступ. Это знание нам крепко помогло. Нас разделили на малые подвижные группы, по три-четыре бойца, и дали общую задачу: выйти к заставе и восстановить границу. Мы бежали от дома к дому, падая на землю и снова вскакивая, прижимаясь к стенам, укрываясь за выступающими вперед контрфорсами, перепрыгивали через ограды, – откуда только бралась такая лихость?

Вражеские заслоны смяты. Немцы бегут, ныряют в ворота, растекаются по дворам.

А в конце улицы, у костела – новая схватка, на этот раз с мотоцилистами. Они воюют умело: одни отвлекают наших бойцов, другие, обогнув квартал, пытаются зайти с тыла. Но их маневр скоро был разгадан, раздались глухой треск и взрывы гранат – это работала пограничная артиллерия. Пущены в ход ручные гранаты, и мотоцисты удирают вниз по Капитульной улице. Группы идут по дворам, путаясь в закоулках. Через головы с тяжелым шелестом летят снаряды – это артиллерия 99-й стрелковой дивизии бьет по Засанью, не дает противнику подбросить подкрепление. Немецкие батареи на Винной горе уже больше часа молчат, по-видимому, их подавили огнем или заставили менять огневые позиции.

Примерно часам к трем дня мы вышли к заставе. Затем сюда начали стягиваться и другие группы. Немцы бежали к себе в Засанье, оставляя на улицах, на берегу и в воде убитых и раненых, оружие, машины, повозки.

Атака сводного батальона пограничников, поддержанная активными действиями пехоты и огнем наших батарей, остановилась только тогда, когда в советской части Перемышля не осталось ни одного фашиста.

Вечером, пока смеркалось, нам объявили построение, чтобы присутствовать на похоронах погибших в боях.

Погибших защитников города, а их было около 40 человек, хоронили в самом центре, на старой площади, недалеко от памятника Мицкевичу. Вырыли одну могилу на всех. Собралось много народа – войска, гражданские, жены убитых, которым разрешили выйти из подвалов. И было очень тихо, или это так казалось. У края могилы на плащ-палатах лежали тела убитых товарищей. Первым к памятнику подошел командир сводного батальона пограничников старший лейтенант Поливода – не похожий на себя, мрачный, с сурово сдвинутыми бровями. Голос у него был хриплый.

«Солдат может спать спокойно, – сказал он, – если отдал свою жизнь недаром. Они все сражались как герои. И Родина их никогда не забудет».

Затем еще выступали товарищи по оружию. Грязнул прощальный залп из винтовок. Затишье кончилось. Враг, озвевшийся от неудач, снова обрушился на Перемышль.

На город посыпались снаряды, налетели самолеты – их черные тени метались по земле и еще пугали, но не так, как раньше. Паники не было – после первой победы люди как-то сразу переродились. Они поняли, что эта война будет долгой и упорной, что теперь им надо терпеть и верить в себя и свои силы.

26 июня получили приказ взорвать мост. Вскоре воздух потряс взрыв, в ночное небо взметнулось пламя, и мост рухнул, а через два дня получили приказ оставить город Перемышль и двигаться на восток в район Комарно.

Впереди еще будет много тяжелых, кровопролитных дней и боев, а это был лишь первый бой.

ФРОНТ

Оборона

Война началась рано утром 22 июня 1941 г.

Первыми приняли удар пограничники. Навсегда вошла в историю героическая оборона Брестской крепости. Почти месяц защитники крепости отвлекали на себя целую фашистскую дивизию. В соответствии с планом «Барбаросса», который был построен на тактике «блицкрига» (молниеносной войны), гитлеровское командование намечало за 1–2 месяца выйти на линию Архангельск – Астрахань.

С первых дней войны советским руководством были принятые меры для организации обороны страны:

- 1) 22 июня объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения.
- 2) 22 июня введено военное положение в Москве, Ленинграде и на большей части Европейской части СССР. 29 июня выдвинут лозунг «Все для фронта, все для победы!» как призыв к самоотверженному труду во имя общей Победы.
- 3) 23 июня создана Ставка Главного командования во главе с наркомом обороны С.К. Тимошенко (10 июля Ставку возглавил И.В. Сталин). 8 августа переименована в Ставку Верховного Главнокомандования.
- 4) 24 июня создан единый центр информации – Совинформбюро при Совнаркome СССР; основной задачей которого стало составление ежедневных сводок о положении на фронтах и работе тыла. Ежедневно диктор Ю.Б. Левитан зачитывал по радио эти сводки, начинавшиеся с фразы «От Советского информбюро».
- 5) Директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня определялась тактика ведения начавшейся войны: мобилизация сил на защиту советской территории; ничего не оставлять врагу; создание подполья и партизанского движения; укрепление тыла; борьба с панкерами и шпионами.
- 6) 30 июня создан Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным. ГКО руководил решением всех военных и хозяйственных вопросов. Руководство боевыми действиями и стратегическое управление осуществлялись через Ставку Верховного Главнокомандования.
- 7) В 1941 г. проведена эвакуация 1523 крупных предприятий; из оккупируемых районов в глубь страны эвакуировано от 12 до 17 млн человек.

- 8) Начато переустройство хозяйства страны на военный лад.
- 9) Введено нормированное распределение продуктов по карточной системе.

В первый месяц войны Красная армия оставила почти всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. До декабря 1941 г. Красная армия потеряла до 7 млн солдат и офицеров, несколько миллионов оказалось в немецком плену. В конце сентября пять советских армий попали в окружение под Киевом. Ожесточенные оборонительные бои за Одессу шли до 16 октября. Наиболее длительной была оборона Севастополя – 250 дней.

На Московском направлении крупным событием в августе–сентябре 1941 г. стало Смоленское сражение, во время которого начали действовать соединения реактивных минометов («катюши»), родилась советская гвардия и было выиграно время для укрепления обороны Москвы.

Битва за Москву началась 30 сентября 1941 г. и продолжалась до 20 апреля 1942 г.

По немецкому плану «Тайфун» было создано многократное превосходство в людях и военной технике на главных направлениях наступления, ставившее целью расчленить советские армии и, не допуская их отхода, уничтожить войска и захватить Москву. Немецкая армия добилась существенных успехов и к концу ноября подошла к Москве на расстояние 25–30 км.

5–6 декабря 1941 г. Красная армия перешла в контрнаступление, оборона противника была прорвана. По всему фронту от Твери до Ельца враг был отброшен на 100–150 км от Москвы. Наступление Красной армии продолжалось до конца января 1942 г. План захвата Москвы провалился, молниеносная война на востоке не состоялась.

В целом за первый период войны страна лишилась не только огромных людских ресурсов, но и крупнейших промышленных и сельскохозяйственных районов. К осени 1942 г. фашисты оккупировали территорию, на которой до войны проживало более 80 млн человек и выпускалось до 50 % промышленной и сельскохозяйственной продукции. Государственным комитетом обороны было принято решение о создании военно-промышленной базы на востоке, для чего в срочном порядке проводилась эвакуация предприятий в глубь страны. Вся экономика была перестроена на выпуск военной продукции.

В начале 1942 г. Красная армия не смогла удержать стратегическую инициативу. Советское командование ожидало летом 1942 г. нового наступления на Москву, но весной–летом 1942 г. враг двинулся в южном направлении – на Кавказ и Нижнее Поволжье. Это было крупным просчетом и повлекло огромные потери Красной армии на северо-западе, в Крыму и под Харьковом. Поражение привело к новому отступлению советских войск: одна группа немецких армий вышла к Волге в районе Сталинграда, а другая, после взятия в июле 1942 г. Ростова-на-Дону, двинулась на Кубань и далее, в августе–сентябре,

– вдоль северной стороны Кавказского хребта и дошла до Новороссийска и Моздока. Но одновременно летом и осенью 1942 г. проводились реорганизация и переоснащение советских войск, создавался резерв военной техники и людских ресурсов, что вынуждало Красную армию находиться во временной стратегической обороне.

17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва. С середины сентября бои шли внутри города. Германское командование придавало особое значение овладению Сталинградом. Его захват позволил бы перерезать Волжскую транспортную артерию, по которой в центр страны доставлялись хлеб и нефть.

Битва под Москвой

А.П. Дудаков

В октябре–ноябре 1941 года бои в районе Наро-Фоминска не стихали, а в начале декабря, перейдя в решительное контрнаступление, сосредоточенные под Москвой части Красной армии разгромили северную и южную группировки фашистских войск, направлявшихся в обход Москвы с северо-востока и юго-востока. Войска противника в результате ударов Красной армии были вынуждены спешно отходить от Москвы, неся огромные потери и бросая вооружение и военную технику. На Наро-Фоминском направлении части советских войск совместно с подоспевшими свежими силами перешли в наступление 18 декабря. Деятельное и активное участие в этом приняла 110-я ополченческая дивизия.

В заснеженных лесах и на полях Подмосковья остались многие тысячи вражеских солдат и офицеров, сотни орудий, танков и автомашин, разгромленных частями нашей армии.

Вечером 27 декабря с криком «Ура!» ополченцы нашей дивизии с двух сторон ворвались в Ерюхино. Этот удар оказался для гитлеровцев настолько неожиданным, что они в испуге выбегали из изб, где проводили празднование Рождества. Сильные бои разгорелись 2 и 3 января 1942 года в д. Щекутино, где отличились бойцы Мазуров, Кудюмов, Занин, Гусаревич, Исаев, Суприц и другие.

Проявил бесстрашие и храбрость молодой ополченец дивизии Алексей Панин. До войны он работал в Мосэнерго, а во время – был хорошим наводчиком. Он же обладал удивительным качеством хорошего агитатора. В самой тяжелой обстановке умел найти нужное слово и поднять настроение бойцов батареи, часто повторял русские поговорки: «Русский боец – всем образец», «Друг за друга стой – выиграешь бой». Он провел много интересных бесед с личным составом. Его любили в батарее. Алексей отличался целеустремленностью, правдивостью и храбростью.

В оборонительных боях под деревней Ильино он неоднократно под сильным обстрелом противника искусно менял позиции своего орудия. 1 декабря 1941 года в жестоком бою

под деревней Атепцево прямой наводкой расстреливал наступавшего противника. Алексей Панин уничтожил два пулеметных гнезда, ДЗОТ, наблюдательный пункт и орудие с расчетом противника, минометную батарею и обоз с боеприпасами. Будучи сам контужен, под сильным огнем противника он вынес с поля боя двух старших офицеров вместе с их оружием. Панин успешно окончил артучилище, получил звание лейтенанта. В одном из жестоких боев на фронте потерял ногу.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года

Г.А. Кидияров. Северные электросети

В состоянии повышенной напряженности и готовности к самому худшему мы находились до памятного дня 6 ноября 1941 года, когда по радио раздался голос Левитана, объявившего, что будет транслироваться торжественное заседание Московского совета, посвященное годовщине Октября.

Все, кто в это время был на улице, собирались у репродукторов и, несмотря на то, что было очень холодно и шел снег, буквально затаив дыхание, слушали доклад И.В. Сталина. Его спокойная, твердая, хорошо аргументированная речь с характерным акцентом с каждым словом все больше и больше вселяла в нас уверенность, что Москва не будет сдана, а наша победа над фашистскими полчищами неизбежна.

А когда на следующий день на Красной площади состоялся парад войск, где с напутственной речью к бойцам выступил И.В. Сталин – эта уверенность перешла в непоколебимую уверенность.

В том, что Победа будет, сомнений ни у кого не было. Только не знали мы, как скоро она придет и какую цену за нее придется заплатить нашему народу.

Впереди было еще более трех лет до окончания войны. И трудностей, и тревог было тоже немало, но вера в Победу помогла нам преодолеть все тяготы и невзгоды военного лихолетья.

Электроизгородительный рубеж под Москвой

А.И. Голицын. 1-й район ВВС

Как член партии, кроме своих обязанностей и дежурства по району, я был назначен ответственным за осуществление мероприятий ПВО на подстанции № 12 «Карачарово». В конце июля послан в составе группы инженеров ВВС Мосэнерго, среди которых были Г.В. Сербиноуский, Н.С. Лебедев, А.А. Кузнецов, В.В. Поливанов, М.И. Комаров и другие, для оказания помощи в строительстве электризованного рубежа обороны вокруг Москвы. Сооружение этого рубежа поручалось организованному по

приказанию Государственного комитета обороны³ Управлению специальных работ при штабе Западного фронта. Руководителями Управления назначены: начальником – военинженер 2 ранга М.Ф. Иоффе, его заместителем – военинженер 2 ранга И.Н. Гуреев, главным инженером – Г.В. Сербиноуский, заместителем главного инженера – Н.С. Лебедев, комиссаром – М.А. Элькинд, начальником штаба – военинженер 3 ранга В.К. Харченко.

Нас распределили по участкам. Меня назначили главным инженером к начальнику участка воентехнику 2 ранга П.А. Сизых. И поручили строительство электризованного рубежа обороны вдоль левого берега реки Истры на участке Павловская Слобода – Велединово, добавив потом соседний участок Велединово – Степановское – река Москва. С сооружением на обоих участках двух подземных подстанций, питающих их линий 6,6 кВ с кабельными вводами, разветвленных сетей пониженного напряжения к заграждениям и самих электрозаграждений в виде четырехрядного противопехотного забора из колючей проволоки с электризуемым четвертым рядом.

На все участки прибыли из Мосэнерго, Мособлэлектро, Моссельэнерго, метрополитена и ряда других организаций монтерские кадры. На наш участок прибыли М.П. Каравес (ВВС), Д.Ф. Наумов и А. Воеводин (МКС), Зябров, М. Дремин, М. Самков (Мособлэлектро).

В качестве подсобной силы работали комсомольцы Дзержинского и Ростокинского районов Москвы, рабочие, население поселков и городов и колхозники Красногорского района. Большинство работающих были женщины. Работа была тяжелая, работали от зари до зари, в отрыве от семей, при скучном питании, размещались на ночлег в сараях. Часто не допущенные до Москвы самолеты противника сбрасывали свой смертельный груз [на нас]. В октябре стал приближаться нарастающий гул боев. Потянулись беженцы, выходящие из окружений солдаты. Все это, вместе с рассказами проходивших, угнетающе действовало на работавших на рубеже. Но стремление сделать все и не допустить врага к Москве было сильнее, и люди работали самоотверженно.

Рубеж был сооружен, опробован и принят комиссией ГКО 28–29 октября. Для обеспечения боевого действия рубежа при Управлении спецработ 30 октября был сформирован 303-й армейский батальон, в который зачислены все инженерно-технические работники и монтеры, работавшие на сооружении рубежа, и дополнительно мобилизованные из тех же московских организаций.

Организованы боевые участки. Имея в запасе звание воентехника 1 ранга, я был назначен командиром восстановительных команд на боевом участке электризованных заграждений Сходня – Козино – Нахабино – Павловская Слобода – река Москва. Начальником боевого участка назначен военинженер 2 ранга И.В. Тихомиров, главным инженером – В.В. Поливанов, политруком – В.Ф. Князев (Мосэнерго), дежурными по участку – вновь мобилизованные из ВВС Мосэнерго О.В. Громов, Бомин и Усанов. При боевом участке организовано три района во главе с начальниками Д.С. Кривозубом, П.Г. Бондаренко и П.А. Сизых.

Наш боевой участок попал в полосу действий 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского.

³ Распоряжением Государственного комитета обороны № 373сс от 2 августа 1941 г. предписывалось «немедленно приступить к созданию на оборонительном рубеже полос электризации почвы и противопехотных заграждений с использованием стационарных силовых установок и линий передачи».

На этом участке фронта противник всего больше приблизился к Москве и вел упорные, ожесточенные бои, стремясь всеми силами прорваться к столице.

Захватив в конце ноября Красную поляну и Крюково, противник приблизился к нашему рубежу. Оборона была занята подошедшими из резерва частями, а сами электризованные заграждения включались на напряжение.

В районе Козино разведка противника напоролась на электризованные заграждения и, оставив девять пораженных электротоком трупов, вынуждена была отойти.

Стремясь захватить Нахабино, противник приблизился к Павловской Слободе. Возникла угроза и опасность с возможным отходом наших частей на подготовленный рубеж с электризованными заграждениями.

Меня с тремя бойцами направили в Павловскую Слободу в штаб действующей части для обеспечения безопасности отвода наших частей за заграждения. Дорога и мост через реку Истру у Павловской Слободы были загружены уходящим населением, ранеными, на повозках везли тяжелораненых.

Ночью автоматчики противника просочились на окраину и на кладбище Павловской Слободы. Завязался ближний, рукопашный бой, но противник успеха не имел, был уничтожен и отогнан. Утром 6 декабря с возвышенного левого берега реки Истры наши «катюши» дали залп по противнику. С обеих сторон от нас открыла огонь наша артиллерия, и наши войска перешли в наступление. Дня два оно развивалось медленно, а затем темп его стал нарастать.

Г.А. Кидияров. Северные электросети

С приближением врага к столице перед Мосэнерго была поставлена задача создать вокруг Москвы электрозаградительный пояс. Эта работа в основном легла на сетевые предприятия, были определены подстанции для питания пояса, на подстанциях специально выделено на эти цели оборудование, а мы, защитники, разрабатывали и осуществляли схемы релейной защиты и специальной автоматики. Такой пояс был создан и охватывал столицу с севера, запада и юга.

М.И. Комаров. Северные электросети

Вокруг Москвы было решено создать электрозаграждение, пропустить через проволоку ток высокого напряжения. Специалистов-электриков было мало. Я работал начальником подрайона высоковольтного сетевого района Мосэнерго. Был направлен МК ВКП(б) на строительство подмосковного укрепленного электрифицированного рубежа и получил приказ начать действовать в районе Перхушково. На рубеже был проработан с начала развертывания работ, то есть с 26 июля 1941 года. Строили под землей подстанции, проводили кабели. Все делалось вручную в предельно сжатые сроки в трудных условиях, при недостатке квалифицированной рабочей силы и необходимого оборудования. Не спали сутками, но сдали всю сеть в эксплуатацию.

В короткие сроки было построено свыше 20 километров высоковольтных воздушных линий, 4 переключательных пункта, проложено и смонтировано около 20 километров кабельных линий, построено 4 трансформаторных помещения и 10 километров различного типа электризованных препятствий.

По окончании строительства я добровольно вступил в ряды Красной армии, изъявив желание остаться на боевом применении электризованных заграждений. В период боевого применения электrozаграждений как начальник аварийно-восстановительной команды, а затем начальник подрайона, добился отличной слаженности своего подразделения и содержал сооружения подрайона в полной боевой готовности.

Вскоре я стал командиром взвода. Помню ночь в Подмосковье. Непрерывный огонь врага: нельзя даже пошевелиться. Впереди – поле, к которому нужно подвести кабель. Три часа пролежал я в мокром снегу, пока не подошли наши.

Нам всегда приходилось начинать на нейтральной полосе, иногда у самых немецких окопов. Минировали поля, устанавливали разного рода препятствия, заграждения.

В.А. Сатаров. ПКБ

Пассивное участие в обороне Москвы начинает раздражать. Злишься, что ничего не можешь сделать врагу. Неожиданно меня вызывает начальство.

В кабинете сидят Г.В. Сербновский, К.А. Орлов, Н.Е. Афанасьев, Ю.А. Иванов, рабочие группы изысканий и две чертежницы. Нам зачитывают приказ И.М. Клочкива о направлении нас в распоряжение воинской части для выполнения изыскательских и проектных работ по обороне Москвы.

На следующий день нас везут на военной машине в штаб Управления военно-строительных работ, расположенный возле железнодорожной станции Жаворонки.

Инженер-полковник Иоффе (впоследствии генерал-лейтенант) ставит перед нами задачу по проектированию укрепленного пояса вокруг Москвы.

Знакомимся на месте с рубежом обороны, которая должна охватить Москву с запада полукольцом от станции Сходня до Подольска.

Объезжаем первую очередь строительства. С военными инженерами намечаем линию электризованных проволочных заграждений. Ориентируясь по карте и непосредственно на местности, размещаем подземные трансформаторные подстанции, трассы кабельных и воздушных линий электропередачи высокого напряжения. Одно подземное ТП сооружается на бывшей даче Молотова в районе Усово.

Работаем с утра до позднего вечера, без выходных. Чертежи с рабочего стола сразу передаются строителям. Многие вопросы решаются непосредственно на месте.

Перед электризованными проволочными заграждениями роются противотанковые рвы и устанавливаются минные поля контактного действия и дистанционного управления, как против танков, так и против пехоты противника.

Сооружаются закрытые командные пункты, в ряде случаев совмещенные с подземными ТП. Тянется проволочная связь, строятся кабельные и воздушные линии высокого напряжения. На опытных участках вместе с военными инженерами проводим испытания боевого действия электризованных препятствий на собаках. Большие трудности возникают с изоляцией проволочных заграждений. Имеются случаи пробоя и самовозгорания столбов под действием электрического тока. Разрабатываем ряд новых вариантов изоляции, проводим регулирование рабочего напряжения на анцапфах трансформаторов и добиваемся удовлетворительных результатов. Постепенно

участок за участком передаются воинским частям. Проводится обучение солдат боевой эксплуатации электризованных препятствий, организуется диспетчерская служба, все укрепленные рубежи переходят на боевую оборону.

Из штаба Западного фронта прибывает начальник инженерно-технических войск генерал Воробьев (впоследствии маршал инженерных войск), объявляет благодарность строителям и проектировщикам за выполненную работу. Враг приближается к Москве. Немецкая артиллерия бьет по Звенигороду, он по ночам горит.

Железная дорога действует только на участке от Москвы до Одинцово, дальше рельсы снимаются. Наша работа окончена, мы отываем в Москву.

А.П. Белобородов

Утром 2 декабря 10-я немецкая танковая дивизия предприняла сильный удар на Нефедьево и Козино.

Участок 258-го полка был основательно укреплен. Три линии траншей полного профиля, ходы сообщения, бронеколпаки с пулеметами, противотанковые районы, в которых стояли на прямой наводке пушечные батареи 159-го⁴ артполка, гаубичные батареи этого же полка, расположенные в глубине, – все это сделало оборону достаточно прочной.

Правда, в ней имелся один изъян, и весьма существенный. Дело в том, что у нас было мало пехоты. В батальонах командира 258-го полка М.А. Суханова числилось по 100–120 человек...

На оборонительном рубеже завязался напряженный бой. 86-й немецкий моторизованный полк, поддержаный двумя десятками танков, захватил первую траншею на западной окраине Нефедьево и, перейдя рассекавшую деревню речку Норка, ворвался во вторую траншею. До Козино фашистам осталось пройти менее 500 метров.

Командира 258-го полка я нашел на его КП в козинской церкви. На деревню пикировали «юнкерсы» и «мессеры», пулеметные очереди глухо барабанили по крышам домов, по церковным стенам. Пройти на КП и выйти из него можно было только ползком – по-пластунски.

– Сдал вторую траншею? – спросил я М.А. Суханова.

– Частично, – ответил он. – Ночью вернем.

– Отбить немедленно! Я привел три танка, бери их, сажай бойцов на броню и вперед!

– Есть отбить!

Михаил Афанасьевич со сноровкой, не свойственной, казалось бы, его солидной комплекции, ползком выбрался из церкви и вместе с адъютантом, лейтенантом А.А. Горбуновым, перебежками направился к бойцам. Управление полком мне пришлось взять на себя.

С колокольни спустился командир 159-го артполка майор Ф.М. Осипычев, доложил, что на льду Норки скопились немецкие танки и автомашины с пехотой.

– Что они намерены предпринять?

⁴ В составе 159-го легкого артиллерийского полка в этих боях принимал участие Герой Советского Союза, бывший работник торфоразработок МОГЭС Ф.А. Полетаев (см. его биографию на с. 343).

Он пожал плечами. Мы забрались на площадку колокольни. Пули сыпались градом, выбивали кирпичную пыль. Стереотруба была разбита. Разведчики и связисты, притаившись за деревянным бруском, привычно делали свое дело.

– Где танки?

Федор Михайлович указал на опушку леса, вплотную подступавшую к речке.

– Они оттуда спустились на лед.

– Сам видел?

– Нет. Там, на опушке, вторые сутки сидит лейтенант Волков. Закопался в снег, держим с ним связь по телефону. Сейчас его вызову.

Говорю с Волковым: Далеко от вас «коробки»?

– Метров сто.

– Сколько их?

– С десяток. И машины с пехотой.

– Что делают?

– Стоят на льду реки. Моторы работают.

Не знаю, с какой целью командование 10-й немецкой танковой дивизии хотело использовать замерзшее русло Норки. Возможно, как дорогу, поскольку речка течет на юг, в сторону Волоколамского шоссе, пересекая его у поселка Нахабино.

Так или иначе, но танкам и автомашинам не удалось и с места сдвинуться. Майор Осипычев отдал команду, дивизионы открыли огонь, лейтенант Волков его корректировал. Четыре танка и две-надцать грузовиков были сожжены, другие получили повреждения, и фашисты выволокли их со льда на буксире.

Полк Суханова выбил пехоту противника из второй траншеи, потом опять был вынужден ее оставить, и лишь ночью батальон капитана Романова (80 пехотинцев с двумя машинами 17-й танковой бригады) окончательно ею овладел, захватив при этом два исправных немецких танка Т-3.

3 декабря фашисты бросили на Нефедьево и Козино все свои силы – около 50 танков.

Двое суток, днем и ночью, кипел здесь сильнейший бой. Фашисты прорвались к командному пункту Суханова.

– Прошу дать огонь артиллерии на меня! – услышал я в трубке его спокойный голос.

– Михаил Афанасьевич...

– Прошу огонь на меня! – повторил он.

Огонь дали всем 210-м гаубичным полком. Толстые стены церкви выдержали, Суханов и его штаб остались невредимы. А фашистов из Козино как вымело. За два дня они потеряли более 20 танков. Отбитые у них траншеи были завалены трупами, снег густо перемешан с кровью. Такой массы погибших солдат противника на небольшом сравнительно участке мне еще не доводилось видеть.

С.В. Карпова

Была мобилизована на фронт в сентябре 1942 года и направлена на службу в 193-й зенитно-артиллерийский полк под командованием М.Г. Кикнадзе. Служила на прожекторной точке в селе Перхушково при батарее зенитных орудий, располагавшихся на поле за больницей. В 1944 году была переведена в деревню Лапино в подразделение ВНОС⁵ на должность «телефонист-прожекторист-планшетист». После окончания войны осталась жить в селе Перхушково.

В конце деревни проходил противотанковый ров от деревни Щедрино до пруда у храма⁶. Также был еще один противотанковый ров за железнодорожным переездом в деревне Трубачеевке, между улицами Крайней и Полевой, и он выходил к точке, где сейчас стоит магазин на улице Широкой. И там, где проходил ров, шли высоковольтные провода, закопанные в землю. Какая была цель? Если бы танк, проходя ров, попал на линии тока высокого напряжения, он бы взорвался. После войны местные жители растаскивали из рва резину, чтобы подправлять крыши своих домов. И была отдельная точка, откуда командовали этим противотанковым рвом. В 1944 году, когда я служила в Лапино и проверяла обрыв проводов, то случайно заблудилась и вышла как раз к этой точке.

И.В. Тихомиров

В первые дни [после начала войны] практически ничего не изменилось, если не считать, что во дворе стали рыть щели и строить убежища, а на окнах появились белые кресты из бумаги, несколько предохраняющие оконные стекла от полного разрушения взрывной волной. Но вот прошла неделя, другая – вести с фронта поступали все тревожнее. Вместо того, чтобы воевать на чужой территории, о чем трубила предвоенная пропаганда, мы с трудом сдерживали танковые натиски врага.

Уже в конце июня немцами был взят Минск, фронт на западе откатывался к Смоленску (16 июля он пал), на юго-западе – к Киеву, а на северо-западе – к Ленинграду. Доходили мрачные слухи об очень больших потерях нашей авиации, которую немцы в приграничных округах уничтожили на земле в первые часы войны, много наших частей и даже крупных соединений оказались в окружении.

Тяжело мы это переживали, задавали себе вопрос – почему так получается, и не находили ответа. Теперь, когда появились такие произведения, как «Живые и мертвые» Константина Симонова, «Война» Станюковича, мемуары Жукова, Штеменко и других крупных военачальников, многое прояснилось. И все-таки, кроме внезапности и просчетов Сталина о сроках начала фашистской агрессии, во многом виноват дух «шапкозакидайства», который царил повсеместно, и пренебрежение к подготовке сильной обороны. Просто преступно было разоружать наши укрепленные районы на старой границе при полной неготовности таких районов на новой.

Время шло, и легче нам в 1941 году не становилось. Начались налеты немцев на Москву. Первый налет был совершен вечером 22 июля, а затем они повторялись почти каждую ночь в течение

⁵ Войска ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи).

⁶ Покровский храм села Перхушково.

августа и сентября. Трасса налета проходила как раз через Нахабино, а точнее – через институт. Все очень скоро начали различать вибрирующие звуки двухмоторных «юнкерсов». Обычно во время налетов мы выходили из служебных помещений и, вместо того, чтобы прятаться в щелях, стояли в лесочке около детсада и с тревогой и болью смотрели, как мерно, не опасаясь нашей противовоздушной обороны, плывут чуть влево от нас на высоте около 2000 метров их эскадрильи. Здесь мы ни разу не видели наших истребителей или разрывов зенитных снарядов. Противовоздушная оборона начиналась, по-видимому, значительно ближе к Москве, да и Москва тогда была много меньше теперешней.

Нахабино немцы бомбили только один раз днем одиночным самолетом. Одна из бомб упала на противоположном берегу пруда около красного одноэтажного домика (бывшая гостиница). В нашем четырехэтажном доме воздушной волной было выбито несколько стекол на верхних этажах. Я в это время был где-то в отъезде ... Жена Кривозуба в панике бегала и истерически кричала: «Виолетта! Виолетта!», разыскивая свою дочь.

После падения Смоленска и окружения в районе Вязьмы нескольких наших армий (подумать только – армий!!!) создалась непосредственная угроза Москве. Спешно стали создавать укрепленные рубежи около Можайска и в непосредственной близости к Москве. Одним из таких рубежей стал рубеж Крюково – Дедовск – Павловская Слобода, Красная Пахра – Подольск. Тысячи москвичей и жителей Подмосковья взялись за лопаты и начали рыть окопы, эскарпы против танков, делали лесные завалы, ставили ежи. Одновременно наш институт выступил с предложением усилить этот рубеж электризованными проволочными заграждениями и управляемыми противотанковыми минами. Главным инициатором этой идеи и воплощения ее в жизнь был начальник электротехнического отдела института военный инженер 2 ранга Михаил Фадеевич Иоффе.

Требовалось согласие начальника Военно-инженерного управления Красной армии и решение Московского комитета партии о привлечении к этой работе ряда гражданских учреждений Москвы и, в первую очередь, МОГЭСа, так как снабжать электроэнергией электропрепятствия должны были московские электростанции. Требовалось также соорудить ряд понижающих подстанций и проложить кабель непосредственно к препятствиям. Такое решение состоялось, и было создано Управление специальных работ Западного фронта. Начальником его стал М.Ф. Иоффе, и многие сотрудники отдела вошли в состав этого управления. Я был назначен начальником 1-го района, передний край которого начинался у станции Сходня Октябрьской железной дороги, проходил по правому берегу реки Горетовки, впадавшей в реку Сходню, пересекал Пятницкое шоссе у Брехово, огибая Козино – Нефедьево и Желябино, пересекал Волоколамское шоссе чуть западнее Нахабино, шел по левому берегу реки Истры и кончался за Павловской Слободой.

Примерно в это же время, то есть в конце июля, состоялось решение об эвакуации института на Урал в Алапаевск. Предстояла разлука с семьей на совершенно неопределенное время. Все было как в тумане. Рушилась так хорошо сложившаяся жизнь в Нахабино. [...]

После эвакуации института я вскоре перебрался в Красногорск (Павшино), где обосновался штаб 1-го района Управления специальных работ Западного фронта. Это был подвал дома № 14 по Октябрьской улице.

Комиссаром (вернее, политруком) ко мне был назначен В.Ф. Князев – он работал раньше на одной из электростанций МОГЭСа, начальниками трех подрайонов стали сотрудники института военные инженеры Д.С. Кривозуб, П.Г. Бондаренко и П.А. Сизых. Вскоре прибыли специалисты из МОГЭСа, Всесоюзного электротехнического института и других московских организаций. Это были В.В. Поливанов, А.В. Алмазов, Е.И. Горин, А.И. Голицын, Д.Г. Ермолов, О.В. Громов, Н.С. Бомин и другие. Всего к началу боевых действий в районе числилось 118 военнослужащих.

Строительство электрозаграждений на участке 1-го района развернулось полным ходом с конца июля 1941 года. Ежедневно на их строительство выходило не менее 500 человек москвичей. Что представляли собой эти заграждения? Это был четырехрядный проволочный забор из колючей проволоки на деревянных кольях. Проволока на последнем ряду, ближе к нашим позициям, укреплялась на кольях на резиновых трубках для уменьшения утечки тока. Через каждые 50–70 метров по фронту подземным кабелем к забору подводился переменный ток с напряжением 1500 вольт от специально построенных в блиндажах подстанций, преобразующих трехфазный ток напряжением 6000 вольт в однофазный ток напряжением 1500 вольт. Эти подстанции располагались в 1,5–2 километрах от электрозаграждений. Электроэнергия к таким подстанциям подводилась по воздушным линиям от базовых подстанций Мосэнерго на большие напряжения, например в Павшино. Подстанций в блиндажах на участке 1-го района было построено шесть, и значительно развита воздушная сеть с переключательными пунктами для обеспечения надежности электроснабжения препятствий. Электрозаграждения являются противопехотными заграждениями, и для защиты от танков впереди проволочного забора устанавливались противотанковые мины на танкоопасных направлениях.

К началу ноября строительство заграждений было закончено, и к ним было подведено боевое напряжение, которое в любое время дня и ночи могло быть подано на препятствия по требованию командования частей, занимающих оборону на этом участке.

Обстановка на фронте к тому времени, то есть к ноябрю, была такая. Закончился первый бросок немцев на Москву, в результате которого немцы заняли город Калинин, преодолели Можайскую линию нашей обороны, подошли к Туле. 19 октября Москва и прилегающие к ней районы были объявлены на осадном положении. 16 октября в связи с отъездом в Куйбышев некоторых правительственные учреждений в Москве произошла паника – многие стихийно кинулись бежать на восток на чем попало, очевидцы говорят, что «аж борта у машин трещали». На фронте было спокойно, мы энергично продолжали строить электрозаграждения.

Второе наступление немцев на Москву началось 15–16 ноября. Волоколамское направление обороняла 16-я армия генерала К.К. Рокоссовского. Здесь был совершен героический подвиг панфиловцев, но, несмотря на это, враг скоро оказался у Истры, форсировал реку Истру и двинулся по Волоколамскому и Пятницкому шоссе к Москве.

Ближе всего немцы подошли к заграждениям у д. Козино, где был подрайон Д.С. Кривозуба. В этом месте держал оборону 258-й стрелковый полк (командир полка М.А. Суханов) 78-й стрелковой дивизии 16-й армии. Была установлена связь с М.А. Сухановым, от которого Д.С. Кривозуб и получал приказания о включении и выключении электrozаграждений на участке полка. Сохранился журнал боевых действий этого подрайона по включению заграждений в период со 2 по 5 декабря 1941 года. 4 декабря были неоднократно отмечены большие броски тока, по которым можно

предположить, что немцы пытались преодолеть электрозаграждения. Были ли потери, точно не установлено.

Мне часто приходилось бывать на других участках заграждений и на переднем крае обороны. Поражало почти полное отсутствие наших войск в районе Павловской Слободы, не было близко и немцев. Запомнилась ложбинка шоссе перед Снегирями, где были установлены наши мины. В Снегирях были уже немцы с танками, и по ним стреляла одна-единственная зенитная пушка около придорожной церквушки в д. Садки. Дальше здесь немцы уже не продвинулись. Это можно объяснить тем, что их главные силы были направлены в обход Москвы с северо-запада – на Крюково, Сходню, Красную Поляну, канал Москва–Волга у Икши.

Заезжал я и в нашу всеми покинутую квартиру в четырехэтажном доме. В Нахабино было полнейшее безвластие. Этим пользовались мародеры из оставшихся местных жителей. Все замки были взломаны: заходи, бери, что хочешь. Позже, когда началось наступление, заходили обогреться наши бойцы. Они прямо на полу разводили костер из оставшейся мебели и бумаг. Ночью на западе Нахабино видны были многочисленные зарева – горели Манихино, Снегири, Рождествено и другие селения, захваченные немцами.

Так продолжалось недолго – 6 декабря началось наше контрнаступление. Душа ликовала, когда видел стремительно несущиеся, взметавшие снежную пыль танки Т-34 с десантом на борту в добрых белых полуշубках.

К концу января 1942 года немцы были отброшены на правом фланге до Великих Лук, на левом – до Ельни, а в центре – только до Гжатска. Не удалось овладеть Ржевом и Вязьмой. Поэтому командование Западного фронта было настороже, наши заграждения не демонтировались. Больше этого, ранней весной 1942 года мы выехали на рекогносировка на Бородинское поле с целью их установки на этом историческом поле. Полазили мы там по грязи вдоволь. Но вскоре обстановка изменилась.

А.И. Голицын. 1-й район BBC

1 мая 1942 года была сформирована 33-я отдельная инженерная бригада специального назначения, преобразованная впоследствии в 33-ю отдельную мотоинженерную бригаду. В ее состав входил 8-й электротехнический батальон, преобразованный затем в 8-й отдельный батальон электрозаграждений. В составе этого батальона, где я был начальником штаба, находилось много мосэнерговцев: Н.С. Лебедев, М.И. Комаров, О.В. Громов (3-й район BBC), А.В. Соловьев (ПКБ), М.П. Карасев (1-й район BBC), из МКС – Г.П. Сергеев, Румянцев, Петухов, В.П. Пресняков, И.И. Тюрин, Д.Ф. Наумов, А. Воеводин, Г.В. Чулаев, Тяпкин (ГРЭС-10) и другие, фамилии которых не сохранились в моей памяти. Румянцев погиб в районе Жиздры, на Калужской земле убит Петухов, Н.С. Лебедев убит в районе Гродно, будучи уже командиром 143-го батальона.

Действуя далее на Западном и 2-м Белорусском фронтах, батальон, пройдя боевой путь от Москвы до побережья Балтийского моря западнее Ростока, успешно участвовал в боевых операциях по освобождению Смоленской и Калужской областей, окружении и разгроме немецкой группировки под Минском, освобождении Белоруссии и Польши, окружении восточно-прусской группировки, в штурме Данцига и Гдыни, в Берлинской операции по отсечению и уничтожению северной группы войск противника.

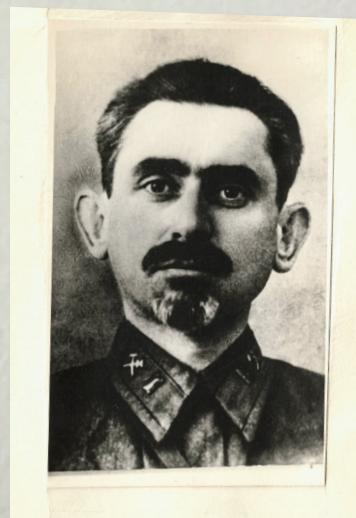
Бригада награждена орденом Красного Знамени, и ей присвоено звание Могилевской. За взятие города и порта Гдыня батальон награжден орденом Красной Звезды.

Ф.А. Полетаев (справа). 1930-е гг.

В.В. Талберг

С.Е. Шицман

Н.И. Сакович

Полимрук
И.И. Волков

Строители Красногорского участка электрозварграждений. Слева направо,
сидят: П.А. Сизых, Д.С. Кривозуб, И.С. Тихомиров, В.Ф. Князев, неизвестный.
Стоят: старшина (фамилия не известна), Усанов, В.В. Поливанов,
А.И. Голицын, Н.С. Бомин. Красногорск. Ноябрь 1941 г.

Защита Каширы

Г.П. Мосалов, старший монтер Рудневского монтерского пункта,
М.Т. Мосалова (рассказ записан Г.В. Липенским)

Георгий Павлович: Знали, что немец вот-вот придет, собирались эвакуироваться... Пять человек детей. Как уедешь?

Мария Тимофеевна: Муж с монтером Тарасовым были в мастерской, чего-то делали, а я в окно глядела. Вижу, идут – гуськом, один за другим. Позвонила в Каширу Бачковскому! Немцы, говорю. Он просит: «Спрячьте хоть провод!» Выскочила, забросала провод кое-чем, домой вернулась, а за мной, гляжу, немцы в дом заходят. Сначала – солдаты, четверо. За ними – офицер с мертвой головой на петлице. Один по-русски говорил.

Г.П.: А мы с Иваном Михайловичем Тарасовым не знали, что немцы в доме. Заходим в дежурку, а они – тут. За автоматы схватились. Один у жены спрашивает: «Кто?» Она отвечает: «Муж». «Кто он, чего делает?» – «Монтер, – говорит, – по линиям».

М.Т.: Они их с Тарасовым усадили рядом на лавку и не велели никуда отлучаться, а то, мол, застрелим.

Тут – телефон. Бачковский звонит из Каширы. Тарасов, он ближе сидел, хотел взять трубку, так немец-переводчик Тарасова оттолкнул, трубку схватил и отвечает: «Слушаю». Не знаю, что ему Бачковский сказал, только немец тут же передал трубку Тарасову. А Иван-то Михайлович возьми да и скажи: «Немцы, мол, у нас здесь». Переводчик озлился, пистолет вытащил на Тарасова: «Знай, что говорить». Ну, а Бачковский, видно, спросил у Тарасова, кто первый трубку брал. Иван Михайлович тогда уж отвечает что-то, будто бы был знакомый из деревни.

Г.П.: После этого разговора немец телефон сорвал и в угол швырнул. На стене у нас три портрета висело: Ленин, Сталин и Щербаков. Ленина немец не тронул. А Сталина со Щербаковым сорвал, на пол бросил и ногами потоптал.

И вдруг, гляжу – Володька Побережник является. С обходом он от Каширы шел и то ли их не заметил, то ли идти ему больше было некуда... Переводчик кричит: «Солдат!» и на противогазную сумку показывает, на плече у него висела. Мы с Тарасовым сказали, что никакой он не солдат, такой же монтер, как и мы. Тогда и Побережника посадили на лавку рядом с нами.

М.Т.: Потом эти немцы ушли, только одного своего оставили. Перед тем сказали, что если кто из наших отлучится, то все ровно найдут и постреляют. А тот, который остался, взялся печи топить. И печь, и плиту до того накалил, что кирпичи красные стали. Думала, дом сожжет.

Мужики мои сидят, а я все ж таки потихоньку вышла и всем гусям, курам головы пооугрубала. В кладовку рядом положила и сверху на них разного старья набросала. Думала, не найдут. Как не так! Вскорости вернулись и давай по всем углам шарить! Смотрю – и гусей моих несут, жарить стали. Да что гусей! Две хорошие меховые шубы из сундука вытянули. Рукава у них отрезали, на ноги заместо голенищев натянули. Полы поотрезали – тоже ноги пообмотали. А что осталось – на себя двое напялили.

Г.П.: А спать легли – маленькие такие подушки под головы положили и укрылись детскими одеяльцами. На каждом одеялке белый лоскутик пришит и на нем русские имя и фамилия. Видать, где-то детский дом разграбили.

М.Т.: А перед тем-то еще чего. Горшок с картошкой я стала из печи вытаскивать. Детей хотела накормить. Да ручкой от ухвата одного ихнего по лбу и зацепила. Что было-то! Как шмякнет меня об стенку. Еле дух перевела. А он покраснел, кричит, на автомат показывает. А я ему – на детей: с ними-то, мол, что будет? Еле утихомирился. Долго бурчал чего-то.

На другой день еще много ихних фашистов к нам в дом набилось. Меня с ребятами вытолкали на улицу. Снег, холод... Встали и стоим. Соседка из погреба выглядывает. И мы – туда. Там тоже, конечно не сахар, а теплее, чем на улице. Пошла в дом одежину какую взять, так одно тряпье осталось. Все растащили. Днем я в подвале мало была. Немцы то и дело в дом требовали: гусей-кур им ошипли да поджарь, еще чего сделай. А ребятишки так в темном погребе и сидели. Три дня и три ночи. Приду, а они плачут, заливаются. Маленькие: два, четыре, шесть лет. Старшей дочери, правда, двенадцать.

Г.П.: Нас в дежурке держали. Вроде пленных. На улицу только до ветру выводили.

М.Т.: На третий день, как они пришли, такая стрельба поднялась – не приведи Господь! Сначала снаряды вон на том поле падали. Потом, видать, наши «катюши» палить начали: огонь, грохот. Из погреба я высунулась, гляжу – самолеты. Один ихний – большой такой, закувыркался и вниз повалился. Я не утерпела, в ладоши захлопала. А немец, у крыльца стоял, как закричит. Я – назад, в погреб.

Г.П.: Наших пленных пригнали. Фашисты заставили их ров рыть. Ребята без шапок, а мороз не меньше тридцати. Своего офицера, всего перевязанного, принесли в дежурку. За тем бугром поставили пушки, стали подвозить снаряды. Потом подошла их пехота, разошлись по садам, за домами...

М.Т.: А те, что у нас в доме стояли, стали собираться уезжать. Все как есть забрали. Во всем доме один голый стол оставили. Да еще кричат: «Отдайте наше!» Вроде мы чего припрятали. Чего отдавать, когда ничего у них не было. Соседского мальчишку повалил один на улице и давай с него валеные сапоги снимать. Отец с крыльца кричит: «Малы же они тебе!» А он, знай, тянет. Так и забрал, унес.

Г.П.: Переводчик нашу дочку Валю хотел увезти с собой. Я говорю: «На что она вам? Двенадцать лет всего, в пятый класс ходит». А он свое. «Пусть, – говорит, – собирается».

М.Т.: Тут уж я догадалась. Вроде бы собирать ее повела, а сама – к соседке на печь.

Г.П.: К мастерской на танке подъехали и все оттуда выгрузили: блоки, веревки, инструмент. За нами уже не смотрели. Побережника, гляжу, нет. Он в той толчее из дома вышел и мимо домов – на линию. По линии – в подрайон. К ночи 29-го все немцы от нас убрались. Я кое-как телефон наладил, Бачковского вызвал. Он сказал, что Семенихин с бригадами поехали ремонтировать линию. Мне и Тарасову велел идти к ним.

М.Т.: А на другой день утром пришла наша конница. В нашем доме остановился красный командир Высоцкий. И медпункт еще у нас был, раненых перевязывали.

Н.Ф. Якушин. Каширская ГРЭС

Жили мы в деревне Горки, немецкие самолеты часто пролетали над нашими домами. И вот мама, заслышав рев моторов «мессершмиттов», бросала все дела и с нами бежала в погреб, который был нашим бомбоубежищем. А когда не успевали спрятаться, то она прикрывала нас собой. Осенью враг подошел близко к Кашире, и нам пришлось несколько дней провести в землянке. Помню, как мы с ней ходили по деревням, где меняли мыло, отрезы ткани, вещи на продукты питания. Такое не забудется. В памяти всплывает и такая картина: как мы хоронили младшую сестренку, которую не смогли уберечь от какой-то болезни.

Тульская оборонительная операция

В.Г. Жаворонков, первый секретарь Тульского обкома ВКП(б), председатель городского Комитета обороны

Сдача Стalinогорска и Узловой вызвала тяжелые последствия. После 21 ноября началось очень сильное продвижение противника. 24 ноября немецкие танки вошли в Венев, 25 ноября вышли к Кашире.

Могло показаться, что фронт взломан на 85 километров и танки немцев вышли на оперативный простор: взятия мостов через Оку и рывок по автостраде от Каширы на Москву. Но только могло показаться, если бы у Ставки не было создано стратегического резерва, которого не имели немцы.

С 1 декабря начались ожесточенные бои на почти всех участках вокруг Тулы. Противник пытается окружить город севернее Тулы с востока наперерез железной и шоссейной дорогам, выйти по Веневскому шоссе, перерезав его, и стремится на Московское шоссе. Ночью с 4 на 5 декабря 1941 года дороги были перерезаны у разъезда Ревякино, телефонно-телеграфная связь с Москвой прервана. Была попытка частей противника, наступающих с востока, соединиться с частями 43-го армейского корпуса, наступающего с запада. Но она не удалась.

Тула оставалась в «кувшине» с узким горлышком. Коридор, в котором наши части сражались – одни лицом на запад, а другие лицом на восток, – был шириной 5–6 километров, но замкнуть кольцо окружения противнику не дали, хотя угроза окружения города стала реальной.

В то время была организована круговая оборона города. Бои шли непрерывные на Орловском, Воронежском, Веневском, Одоевском, Калужском шоссе, и очень жестокие, противник нес большие потери, добиваясь своими атаками проникновения в город. Были потери и в наших войсках. Подача электричества из Каширы прекратилась. Немцы перебили линию передачи. Электроэнергия подавалась на заводы с помощью турбины начала века, найденной на 176-м заводе. Ее быстро отремонтировали и пустили в дело.

На юго-востоке (за заводом «Новая Тула») идут день и ночь бои. На Веневском шоссе около Пригори и Торхово идут бои очень кровопролитные. И 5–6 [декабря] начались бои на шоссе и под Лаптево. Противника наши части окружили [на] шоссе Москва – Тула, Тула – Венев и Лаптево и уничтожают его. Одновременно идут бои на всем фронте под Тулой.

Противостояние в эти дни было во всем, везде, очень плотным, принимало подчас самые неожиданные формы. Приведу один пример. Гудериан пишет в своих воспоминаниях, что, возвращаясь из Грязново в Ясную Поляну в ночь на 5 декабря, он попал в овраг на своем командирском танке и не мог выбраться из него по обледенелым склонам.

«К счастью, по другую сторону оврага, – пишет Гудериан, – я встретил машину связи штаба группы, которая и доставила меня в ту же ночь в Ясную Поляну».

Незадолго до описываемого немцем счастливого для него момента разведчики доложили мне, что в овраге под Тулой кто-то возится на танке. Туда немедленно была выслана стрелковая рота, которая опоздала буквально на считанные минуты. Когда наши бойцы вышли к брошенному немецким командующим танку, мотор машины был еще теплым. Мы ходили по своей земле, и большой вопрос – кто за кем охотился.

Сработала разведка и на следующий день, взяв живьем немецкого высшего офицера. Допрашивали мы его в доме на окраине, держался он нагло, было видно, что попалась важная птица, и мы выяснили, что они готовят через несколько часов. Подготовились и мы.

В ночь на 7 декабря по Калужскому шоссе со стороны д. Маслово фашисты силами только что прибывшей 296-й пехотной дивизии «Оленья голова» (попавшийся нам барон в мундире с опушкой оленьей шерсти на погоне был из этой части) предприняли психическую атаку на п. Мясново. Шли, распахнув френчи, в лютый мороз, пьяные. Бой длился два с половиной часа⁷.

Мы тогда применили прожекторные противовоздушные установки против преобладающих сил пехотных частей немцев, чтобы им не удалось подобраться к нам незамеченными. Поставили установки в защищенных домами местах и при содействии прожекторных лучей, подсветивших и ослепивших атакующие порядки противника, осветили все поле боя. Было светло как днем. Артиллеристы-зенитчики залпами пушек прямой наводкой, бойцы рабочего полка и других пехотных частей огнем пулеметов, автоматов и винтовок сорвали атаку врага и нанесли ему жестокие потери. Били наверняка. Свет против слепых сил захватчиков дал отличные результаты.

⁷ Видимо, основывается на сообщении корреспондента «Красной Звезды» от 17 декабря 1941 г., который написал в газете о разгроме 296-й немецкой дивизии «Оленья голова» на Тульском участке фронта. 296-я пехотная дивизия вермахта действительно потерпела поражение под Тулой, но ее эмблемой была «пантера», а «оленья голова» была эмблемой 298-й пехотной дивизии, которая вела бои в районе Киева и Краснограда.

Бои за Севастополь

Р.А. Гришин. Энергосбыт

Война меня застала в Тирасполе, Тираспольский укрепленный район. С боями отступали до Одессы. Оборону города держали до последних дней. Из Одессы моя часть была направлена на оборону Перекопа. Дальше с боями отступали на Симферополь. За Симферополем в горах немцы высадили десант и вели по нам огонь. На дороге скопилось большое количество машин и другой техники, образовалась пробка. Немцы открыли огонь из 45-мм пушки. Машины и повозки горят, лошади горят, и свернуть было некуда. Мы открыли огонь по противнику из пушки. Убрали одну вражескую пушку с первого выстрела, а по другой дали промах. За наводчика был командир батареи. Противник заметил нас, и наш командир был смертельно ранен. Орудие сильно повреждено.

Моряки пошли в обход, бой мы продолжали, и вражеский десант был уничтожен. Был открыт путь на Ялту, затем на Севастополь.

В Севастополе я был всю оборону, все 250 дней. В последних боях за город я был тяжело ранен. Отступали с Северной бухты на катере. Немцы, заметив нас, открыли огонь по катеру. Катер горит, осколки падают на раненых солдат, катер пошел ко дну вместе с ранеными. Кто мог хоть как-нибудь двигаться, поплыли к берегу. Собрав последние силы, плыл и я. До берега доплыли, но берега были очень крутые, и выбраться из моря было невозможно, волной смывало обратно в море. Не помню, как отнесло меня к отлогому берегу. Выбрался из моря и попал в морскую батарею. Там меня перевязали и положили на койку. Больше я встать не мог, а ночью отправили в порт. В порту пролежал двое суток до прихода корабля. Все это время немцы бомбили беспрерывно. 26 июня пришел крейсер «Ташкент», чтобы забрать раненых и эвакуированных.

На рассвете отплыли из Севастополя в Новороссийск. Плыли под беспрерывной бомбёжкой противника до 12 часов дня. Моряки израсходовали все боеприпасы, прикрывая нас. Одна бомба попала в носовую часть крейсера, крейсер стал тонуть.

И опять началась борьба за жизнь, хотелось продержаться во что бы то ни стало. Пришел из Новороссийска спасательный катер и спас всех, кто остался в живых.

В.Г. Волостнов. Теплосеть

В августе 41-го, когда создалась угроза Крыму, был направлен в Симферополь в штаб погранокруга. Пограничники, первыми принявшие удар врага, стали ядром защитников Крыма. В это же время из кадров опытных офицеров была сформирована 184-я дивизия в составе Приморской армии. Согласно личной просьбе я был направлен туда командиром роты связи, приданной полку под командованием Г.А. Рубцова. Полк участвовал в боях за Крым. После того, как фашисты заняли Симферополь, на дивизию легла вся тяжесть по прикрытию отхода наших войск. Ведя непрерывные бои, рубцовцы прикрывали направление Алушта – Ялта – Байдарские ворота – Севастополь. Враг не раз пытался отрезать полк, создавая видимость окружения. 6 ноября в районе Медведь-горы полк был окружжен значительными силами фашистов. Проявляя мужество

и стойкость, бойцы, уничтожая врага, прорвали кольцо и группами выходили из окружения. Но самое страшное началось при обороне Севастополя. Полк сражался на участке Балаклавы. 30 июня 1942 года полк получил приказ прикрывать отход войск для эвакуации. 2 июля Севастополь был оставлен советскими войсками. Полк выполнил приказ и, не имея транспорта для эвакуации своих бойцов, продолжал бой с противником до 6 июля у мыса Фиолент. Немцы занимали высоты и предпринимали жестокие атаки, бомбили, обстреливали из орудий и минометов, сжигали все из огнеметов. Массированные удары вражеской авиации не сломили сопротивление оставшихся пограничников. В один из дней обороны мыса Фиолент насчитали 970 самолето-вылетов на расположение полка. Немцы предпринимали и воздушные психические атаки, для чего наряду с бомбами сбрасывали металлические бочки и банки. Воздух наполнялся звуками взрывов, свиста и скрежета. С гор фашисты скатывали бочки, в которых была взрывчатка. Враг не смог сломить мужество пограничников. 3 июля 1942 года оставшиеся в живых защитники во главе с Рубцовым не только отбивались от фашистов, но и ходили в контратаки с целью пробиться к бухте Камышовой. Трижды ходили на прорыв, не имея боеприпасов и ночами собирая их убитых. Нечего было есть, нечего пить. Решено было спрятать знамя полка. Его уложили в ящик от патронов и зарыли в лисьей норе, где его вряд ли мог найти враг. Прорыв 6 июля оказался неудачным. В этом последнем бою осталась в живых горстка раненых бойцов, Рубцов⁸ погиб, я был тяжело контужен. Раненые и контуженные были пленены фашистами.

⁸ Г.А. Рубцов (1904–1942) – подполковник пограничных войск НКВД СССР. 8 мая 1965 г. за «мужество и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками», посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

В конце лета 1941 г. германская армия начала блокаду Ленинграда, продолжавшуюся до января 1944 г. Железнодорожное сообщение со страной было прервано 30 августа после занятия немцами станции Мга. 8 сентября 1941 г., с захватом Шлиссельбурга, прервалось сообщение с Ленинградом со стороны суши. Оставалось лишь воздушное сообщение и транспортная магистраль по Ладожскому озеру.

Сразу стал ощущаться недостаток продовольствия. По карточкам военнослужащим выдавали 500 граммов хлеба в сутки, рабочим – 250 граммов, остальным – 125. Это был хлеб из смеси муки, солода и жмыха. Зима 1941 г. в Ленинграде выдалась лютой – температура опускалась до -32°C . Оттепелей не было, снег растаял только в апреле, а отрицательная температура продержалась до мая. Голод и холод принес смерть десяткам тысяч горожан. Трупы ленинградцев в декабре лежали прямо на улицах.

22 ноября 1941 г. была открыта легендарная Дорога жизни. Первая колонна грузовиков, состоявшая из 60 автомобилей, покинула город, пересекла Ладогу, а затем вернулась в Ленинград, уже груженная хлебом. Двигаясь по льду, рискуя провалиться под воду, грузовики везли муку и прочие продукты, давая надежду на выживание огромному количеству жителей осадного города. По дороге также проводилась эвакуация людей, перебрасывались войска. Просуществовав 152 дня, дорога растаяла и вновь была создана зимой следующего года.

К декабрю 1941 г. были израсходованы небольшие запасы топлива, имевшиеся в городе. Производство электро- и теплоэнергии резко снизилось, что привело к жесткому ограничению потребления. Рабочники электростанций собирали остатки топлива на эвакуированных или бездействовавших предприятиях, разбирали деревянные дома. Остановилось движение электротранспорта, прекратились подача воды, освещение домов и улиц. 25 января 1942 г. во всей энергетической системе работала только ГЭС-1, неся нагрузку в 3000 кВт. Топлива оставалось на несколько дней. Электроэнергию получали только хлебозавод, госпиталь и Смольный.

23 сентября 1942 г. в обход линии фронта по воздушным линиям 60 кВ и кабелю 10 кВ, проложенному по дну Ладожского озера, энергия частично восстановленной Волховской ГЭС стала поступать в осажденный город. Энергетическая блокада была прорвана. Это поставило электроснабжение Ленинграда на твердую основу, позволило включить в сеть большую группу заводов, расширить трамвайное движение и даже дать свет в квартиры героических защитников – жителей Ленинграда 6–7 ноября 1942 г.

Город сражался. Из жителей было сформировано десять дивизий ополчения. Заводы производили боеприпасы, оружие, обмундирование.

Все время блокады не прекращались бомбежки и обстрелы. По городу фашисты выпустили более 150 тыс. снарядов и сбросили 100 тыс. бомб.

Постепенно Ленинград превращался в крепость – было построено 35 км баррикад, 22 тыс. укрепленных и оборудованных огневых точек было сооружено в домах.

Прорыв блокады произошел в январе 1943 г. в ходе операции «Искра». Общую координацию наступления осуществлял Г.К. Жуков.

18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Рабочих поселков № 1 и 5. В этот же день был освобожден Шлиссельбург и очищено от противника все южное побережье Ладожского озера. Через пробитый вдоль берега коридор шириной 8–11 километров была восстановлена сухопутная связь Ленинграда со страной. За 17 суток по берегу были проложены автомобильная и железная дороги – «Дороги победы».

Операция по полному деблокированию началась 14 января 1944 г. совместными ударами Ленинградского и Волховского фронтов по флангам немецкой обороны в районах Петергофа и Новгорода. Германские войска были отброшены от города, и 27 января был издан особый приказ по фронту, возвестивший об окончательном снятии блокады Ленинграда.

Блокада продолжалась долгие 872 дня и стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны. За время блокады погибло от голода, холода и бомбардировок более 700 000 жителей Ленинграда.

*Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутались вдвоем.
И тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.*

*И стыли ноги, и томилась свечка,
Вокруг ее слепого огонька
Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.*

*Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом
И услыхали дальней канонады
Рыдающий, тяжелый, мерный гул:
То армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.*

Ольга Берггольци

М.И. Точенова. Коломенские электросети

Родилась я в марте, и папа дал мне имя по названию месяца. Он умер в 1939 году, еще до начала Финской войны. Мама работала на Балтийском заводе, и мне приходилось заниматься домашними делами, заботиться о четырехлетней сестричке Сашеньке. С началом войны девочки почти не видели маму: она рыла окопы на подступах к городу, была занята на оборонном предприятии. Родственники слали письма и просили привезти малышек. А потом письма прекратились, потому что началась блокада.

Пустели комнаты соседей, постоянно хотелось есть: иждивенцам полагался кусочек хлеба в 125 граммов в день. Как можно забыть ту жуткую зиму 1941–42 годов, когда от холода лопнули водопроводные трубы и нужно было спускаться за водой к Неве. А на улице – завернутые в одеяла трупы умерших соседей: у их родственников не хватило сил довезти их до кладбища. Сестренка умерла весной 1942 года, мама – летом. И где похоронены самые дорогие мне люди – неизвестно.

До сих пор помнится вкус блокадного хлеба и холодца, сваренного из столярного клея. Мне повезло: детский дом, в который я попала, эвакуировали из Ленинграда в сентябре 1942 года. Истощенные маленькие ленинградцы добирались на катере через Ладогу. В этот день фашисты не бомбили переправу, и они чудом добрались до суши. Их повезли в Свердловскую область.

Нас жалели воспитатели, а ребята из школы, где учились юные ленинградцы, старались принести из дома хоть что-то из еды. А потом меня нашла бабушка, Евдокия Ивановна, и увезла в деревню Кунаково Луховицкого района.

А.Н. Филиппович. ТЭЦ-17

В 1939 году окончила отличницей Пензенскую среднюю школу № 4 и поступила без экзаменов в Ленинградский текстильный институт имени Кирова на химико-технологический факультет, где проучилась два года и закончила два курса. В июне 1941 года началась Отечественная война. Нас, студентов, отправили рыть окопы, где мы и находились до начала учебы. В сентябре начали учиться и работать для фронта. В химической лаборатории мы делали зажигательные бутылки. 8 сентября сгорели Бадаевские продовольственные склады, в Ленинграде появились продовольственные карточки, и стремительно стали падать нормы выдачи хлеба и других продуктов. В это время мы жили в общежитии на Моховой улице, а 13 ноября 1941 года в общежитие попала бомба, но не взорвалась, и поэтому мы остались живы. Но общежитие пришлось покинуть и переселиться в здание Текстильного института – вход был со стороны Набережной Мойки, дом 63, где мы и жили до эвакуации. Здание института не отапливалось, стены промерзли, непрерывные обстрелы и бомбежки преследовали и днем, и ночью. Голод и холод не давали никакой возможности учиться. Учеба прекратилась, профессора и преподаватели в полуобморочном состоянии не могли читать лекции.

Я была еще и донором, до станции переливания крови на 2-ю Советскую улицу приходилось от Адмиралтейства до Московского вокзала пробираться пешком. Ленинградцы умирали, но не сдавались, очень часто можно было видеть грузовики, нагруженные трупами, завернутыми во что попало, которые лежали штабелями, как дрова. С появлением «Дороги жизни» на Ладоге нас, студентов и преподавателей, в конце февраля 1942 года решили эвакуировать. Эвакуировали в Иваново, где нас приютили на месячный карантин текстильные предприятия.

Т.В. Мартынов. ТЭЦ-11

В августе 41-го года немец хотел сомкнуть второе кольцо [вокруг Ленинграда]. Туда нас и направили, 77-й полк, 316-я дивизия. Мы заняли оборону, и немцев взяли в плен. Немецкий лейтенант не хотел ничего говорить, его отправили дальше. Я был в то время как раз при штабе полка. И вот стали допрашивать рядовых, они сказали, что завтра в это же время будет психическая атака. Дожидаемся этой психической атаки, пошли немцы, действительно. «Катюши» вышли и по два залпа дали. Каждый залп, когда ударит термитом, – горело все, и всю их эсэсовскую дивизию сожгли. Назавтра на нас посыпалось несметное количество листовок о том, что адское оружие прекратите [применять], жестокую расправу получите. Они не знали, как ее назвать («катюшу»). Дождались второй раз, еще угостили их этим же самым, они видят, что тут сомкнуть нельзя, и дай на Москву наступление. Не дали сомкнуть им кольцо живой силой.

В.П. Коновалов. Энергосбыт

Многие бывшие танкисты попали в 153-ю пехотную дивизию, которой командовал генерал-майор Бондарев. И вот уже бой на Невской Дубровке, знаменитая восьмая переправа, легендарный Невский пятак. Отвоевана узкая прибрежная полоса. Маленький клочок земли на левом берегу Невы, рядом разбитая ТЭЦ – оборванные провода ЛЭП 110 кВ. Непрерывный минный обстрел, бесконечные автоматные и пулеметные очереди. Мы пробирались по узким полузасыпанным траншеям. До противника – не более 100 метров.

Отчетливо слышна гортанная немецкая речь, и на русском языке: «Русь, восьмая рота, сдавайся в плен». В первый же день был убит политрук роты Берман. Я как замполитрука встал вместо него. В очередном бою за деревню Арбузово в декабре 1941 года я получил ранение и больше не возвратился в строй.

В.М. Филиппов. Алексинская ТЭЦ.

Конечно, война не мать родная. Всего пришлось испытать – и страх, и голод, особенно когда был в Ленинграде во время блокады. Нас посыпали собирать трупы умерших мирных жителей. Приходили в квартиры, а там целыми семьями лежали мертвые люди. Умерших от голода и холода собирали и везли на Пискаревское кладбище в общую могилу для захоронения. Это было в 1942 году. Нам, солдатам, тогда давали по 300 граммов хлеба, а мирному населению – 125. За водой люди ходили на реку Неву. Водопроводы были все порваны, света и отопления не было, и люди умирали от холода и голода.

А.Н. Есаков. Коломенские электросети

В армии попал на Балтфлот в школу младших авиационных специалистов, находившуюся в Петергофе. Шла Финская война, и служба проходила так: день – учеба, день – в карауле. Из личного дела командиры узнали о моей гражданской специальности и после окончания учебки оставили в школе преподавать новобранцам электротехнику. Школа тогда перебралась на несколько станций дальше от Ленинграда, в Ораниенбаум (Ломоносов), здесь меня и застала Великая Отечественная война.

На базе школы в срочном порядке организовали полк военно-морской пехоты для обороны Ораниенбаума. Приказ был: ни шагу назад и ни шагу вперед, только оборона. Но немцы шли мимо: уже был занят Петергоф, уже и Ленинград был взят в кольцо, а полк так и не вступил в бой.

Так как определенная подготовка у молодых солдат была, их решили перебросить в Саранск для продолжения учебы. Для этого сначала нужно было перебраться в Ленинград, а уже оттуда, самолетом, перелететь на Большую землю. Но и первый этап этого пути было преодолеть нелегко: самолеты сбивали, едва они успевали взлететь. И тогда бойцов перебросили в Ленинград по воде через Кронштадт; под обстрелом катера удалось пересечь Финский залив.

Но тут очередное препятствие: ежедневно мы с товарищами приходили на аэродром, и каждый день нам говорили, что возможности отправить нет. Быть может, отсутствие возможности спасло нам жизнь: большинство транспортных самолетов, взлетавших в те дни с ленинградских аэродромов, до Большой земли так и не добралось.

Помыкавшись по аэродромам, мы с напарником решили остаться в Питере: пришли в штаб, показали документы и были откомандированы на авиаремонтный завод. Там я прослужил всю войну. Естественно, ни о каких новых запчастях речи в блокадном Ленинграде быть не могло, да и поломки у самолетов были совсем не те, что в мирное время: сюда привозили самолеты, сбитые немцами, и из двух-трех упавших машин на заводе собирали одну новую. Завод часто менял местоположение. Шпионы в блокадном Ленинграде – не выдумка, нам приходилось вылавливать и уничтожать людей, пытавшихся выдать немцам расположение завода: и костры разжигали, и пускали из окон близлежащих домов сигнальные ракеты, и использовали радиомаяки.

От смерти спасло то, что все дни блокады постоянно находился в движении: работал, испытывал самолеты, и, несмотря на то, что вокруг гибли люди, гибли под бомбами, гибли от голода и холода, я выжил и даже не был ранен, отдавая все силы делу Победы. Блокада Ленинграда – это незаживающая рана для страны и вечная память о его защитниках.

Ю.А. Лаптев. Северные электросети

Осенью 1943 года наша бригада была переброшена на Ленинградский фронт, где мы с марша форсировали реку Свирь и получили задание захватить хутор.

Под покровом ночи, ползком, мы приблизились к хутору, сняли часовых и рассредоточились по два человека на каждый дом, где спали фашисты, а затем забросали спящих через окна гранатами.

Поднялась паника: оставшиеся в живых немцы спасались бегством в одном нижнем белье, и это позволило хорошо различать их в темноте ночи и уничтожать прицельным огнем. Наутро хутор был полностью очищен от фашистов, и наши части пошли в наступление. Я был тяжело ранен в правую ногу и отправлен в госпиталь. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды.

А.А. Колесникова. Энергосбыт

1942 год. Родина в опасности!

Этот клич мы, девушки-комсомолки, приняли как призыв встать вместе с мужчинами на защиту Родины.

Недолгий сбор – и вот мы уже в поезде-теплушке. Направление – Ленинград. Волхов, Тихвин, поезд идет только по ночам, днем – бомбежка. Кругом все горит. Не столько движемся, сколько стоим. В вагоне нары, печурка с выходом дымохода через щель в потолке. Очередная бомбежка. Команда – покинуть вагоны, состав горит. Но ни паники, ни криков. Только мы, девчата, вышли тушить, забрасывая снегом пламя. Огонь отступил, и мы рады, что снова в путь, к цели.

Вот и Ладога, через которую надо было нам переправиться. Пешком до берега, вдоль льда, который ломается под бомбажкой вражеской авиации. Трасса, по которой наши машины везут снаряды и продовольствие для Ленинграда. Нас, девушек, 500 человек. Стоим, прижавшись друг к другу, и слышим голос командира: по одному человеку в кабину каждой машины на переправу. Ночь... Темнота... Фары не зажигали, только заднее освещение машины давало знать, что движемся гуськом по льду Ладоги с интервалом метров 20, машина за машиной. Шофер, уже немолодой человек, скрупульно ведет разговор. Дочка, сколько тебе лет? А впереди цель – скорее, скорее.

Снова налет авиации. И вдруг машину обдают брызги воды. Упала бомба, и впереди идущая машина пошла под лед. Шофер берет круто вправо, объезжает воронку, и, минуя беду, едем дальше.

Наконец мы на том берегу. Сбор в раскинутых наспех палатках, и многих мы уже недосчитались. Затем зенитная батарея, учеба на приборе, солдатское обмундирование – и я воин-солдат.

Коса – Лисий Нос – берег Финского залива, с одной стороны мы, на том берегу – Петергоф, в котором немцы.

Все неудобства солдатской жизни – землянка, вместо кроваток нары, обмундирование – брюки и шинель – не смущали, наоборот, чувство того, что приносишь пользу, наполняло жизнь чувством гордости и необходимости своего дела.

Через год – звание сержанта и назначение командиром дальномерного отделения. В отделении шесть человек, я командир. А как недостает знаний, ведь приходится учить людей старше себя и по возрасту, и по образованию. Иногда ночью даешь волю слезам. Что-то сделано не так, как надо, советуешься со старшими, и на помощь приходят товарищи.

Три года охраняли небо Ленинграда. Смерть товарищней, потеря близких закалили силу и волю. Но сердце не огрубело, победу встретили со слезами.

Май, 1945 год, сам генерал Говоров вручал медали за оборону Ленинграда и с большой благодарностью провожал нас, девушек, по домам, к мирному труду. Спасибо Родине, что дала силы выстоять и победить!

Благодарю судьбу, что осталась жива!

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

Когда блокада Ленинграда была окончательно снята, меня взяли в группу участников митинга, посвященного этому знаменательному событию. Привезли нас в Ленинград, построили в шеренгу, и пошли мы на Дворцовую площадь. Смотрю, на мосту стоит регулировщица. Присмотрелся – да это дочка моего учителя по физике, тоже учившаяся в школе имени Короленко. Я не выдержал, побежал из строя к ней. Начал расспрашивать, как она здесь оказалась, что сейчас происходит в Ногинске. Это было своего рода кратковременное свидание с частичкой родного города во время войны.

Л.Н. Гришукова. Каширская ГРЭС

Как только советские войска прорвали блокаду, мы сразу вернулись в Ленинград. И что же мы увидели? Город был в руинах – разрушенные здания, покореженная боевая техника, воронки от разрывов бомб, даже были незахороненные трупы людей. Зрелище ужасное. Не нашли мы и своего дома, как и многие вернувшиеся из эвакуации ленинградцы. Пострадал от бомбежки и всеми нами любимый бабушкин загородный дом. Оставшиеся в оккупации родственники ютились во временном жилье, сооруженном из досок, обложенных дерном, с покрытой битумом крышей, который на солнце плавился и капал на головы. Его невозможно было снять с волос, приходилось выстригать целые пряди. Не было никакой мебели, спали на матрацах, набитых соломой. На огороде сажали овощи, чтобы хоть как-то прокормиться. Тогда рабочие получали по 200 грамм хлеба, а остальные – по 125. Это такие крохи! С продовольствием было плохо. И тогда местные власти призывали жителей заняться огородничеством, по возможности. И там, где была земля – газоны, Марсовое поле, даже территорию Летнего сада использовали, – стали выращивать овощи. И мы разбили небольшой огород у себя на приусадебном участке. В 45-м, незадолго до окончания войны, вернулся с фронта отец, из-за ранения его комиссовали. Победу встретили вместе, всей семьей.

Н.В. Серов. Энергосвязь

1941 год застал меня в Кронштадтском военно-морском училище связи имени А.С. Попова. Началась война, и я был направлен радистом на миноносец «Гневный». Но плавать долго не суждено было. При отходе из Таллина «Гневный» был торпедирован и затонул. В живых осталось менее

40 человек. Мне повезло. В числе других моряков был отправлен на ленинградский Балтийский завод получать новый корабль. Однако судьба распорядилась по-иному. На заводе ко мне подошел капитан 1 ранга Панников (впоследствии начальник артиллерии Балтийского флота) и предложил вместе с радиостанцией ехать в его часть, занимающую Пулковские высоты. Для Ленинграда наступили тревожные и драматические дни. Фашистская армия рвалась к городу. На самом высоком месте, за обсерваторией, в хозяйственном погребе профессора астрономии обосновался первый корректировочный пост. Я помогал по радио морским батареям вести огонь по немецким танкам. Бой длился более суток. Немцы не выдержали и отошли на город Пушкин.

Вслед за первым корректировочным постом был организован ряд других. Меня направляли на разные участки: Колпино, Манушкино, Невская Дубровка (где шли бои на знаменитом Дубровском пятаке) – только некоторые из них. Что больше всего запомнилось мне? То, что не было в сердцах наших в то время чувства ужаса или обреченности. Каждый выполнял свой долг – обычно, по-беседничному, на совесть и без страха за свою жизнь, во имя Родины...

Когда в короткие поездки в Ленинград мне приходилось бывать в городе, я «отводил душу» за любимым занятием. Организовывал молниеносные импровизированные концерты самодеятельности вместе с товарищем – Юлькой Алексеевым. Концерты имели большой успех, а мы выступали в качестве конферансье. Алексеев, как и я, был москвичом.

Шли месяцы. Готовился прорыв блокады. Через Ладогу переправлялись новенькие орудия и знаменитые «катюши». Кому их дать, как не морякам?! Из балтийцев был сформирован 32-й минометный полк. Со своей «катюшой» в составе полка мы переправились с боями через Неву, вышли к Синявинским болотам. Часы, дни, минуты. Медленные и скоротечные. Наконец – блокада прорвана!!!

С.Д. Царин. ЦРМЗ

В июле 41-го мне исполнилось 18 лет, и в сентябре меня призвали в армию, отправив в город Арзамас в запасной полк. Через месяц под звуки духового оркестра, игравшего «Прощание славянки», наш полк погрузили в товарный эшелон и отправили на фронт под Ленинград. Два года я воевал под Ленинградом пулеметчиком, минометчиком, снайпером. Был пулеметчиком в 5-м гвардейском полку 3-й гвардейской дивизии 54-й армии генерала Федюнинского.

На посылках, которые мы получали на фронте от тружеников тыла, помню, был такой адрес: «Ленинградский фронт, героям-федюнинцам». Сражаясь за Ленинград, армия Федюнинского остановила и разгромила немецко-фашистские войска в ноябре 1941 года под Волховом, не дав немцам прорваться к Новой Ладоге и замкнуть Ленинград вторым кольцом вражеской блокады. Была спасена Волховская ТЭЦ – первенец советской энергетики, а враг был отброшен далеко на запад. 12 марта 1942 года в бою под д. Малиновкой я был ранен и контужен. Спасибо санитарным собакам, которые притащили меня на волокуше-лодочке по глубокому снегу в медсанроту. В санроте я открыл глаза и услышал голос медсестры, обращенный к санитару: «А ты говоришь, он не живой – смотри, глаза открыли». Затем на санях-розвальнях нас отвезли в медсанбат. Там, в палатке, лежа на нарах из еловых веток, накрытых плащ-палатками, и грязясь у горячего железного бака, мы ожидали отправки в госпиталь и слушали новости от вновь

прибывающих с передовой. Они нам сообщали, что осталось чуть-чуть для прорыва блокады Ленинграда, уже связные танки проходят через линию фронта. Войска 54-й армии и 2-й Ударной армии должны были соединиться у Любани для нанесения последнего удара и прорвать блокаду. Но 2-я Ударная армия попала в окружение, а ее командир – генерал Власов – со своим штабом сдались немцам в плен.

В госпиталь под Сясьстрой нас привезли на грузовой машине, разместили в сельской церкви, где были оборудованы двухкоечные нары. Тяжелораненые лежали на нижних нарах, а я, раненный осколком в правое бедро, – на верхних. Там, где в церкви располагался алтарь, вывесили полотняный экран, и нам показывали кино. Затем меня отправили в батальон выздоравливающих, потом – снова на фронт.

Я попал в 105-й пограничный полк НКВД. В августе 1942 года была еще одна попытка прорыва блокады, южнее Ладожского озера, но 2-я Ударная армия опять попала в окружение с большими потерями. В январе 1943 года блокада Ленинграда была прорвана, и войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились южнее Ладожского озера, в районе Синявино, и по коридору прорыва по железной дороге Ленинграда соединились с Большой землей. Летом 1943 года я в болотах Синявина ползал со снайперской винтовкой, высматривая немцев. На счету у меня было девять убитых немцев, а у моего наставника – старшины Николая Аксакова – их было более 100. У него была снайперская винтовка от Мерецкова, командира фронта, и именные карманные часы с надписью на крышке «Товарищу Аксакову за бесстрашие перед немецко-фашистскими захватчиками». В нашем полку был поэт Александр Гурвич, который сложил песню для нашего полка.

В ней были такие слова:

*В боях с ордой проклятой
Всегда исполнит долг
Наш доблестный сто пятый,
Наш пограничный полк.*

Во время снятия блокады наш полк участвовал в боях в составе 2-й Ударной армии, которой командовал наш генерал Федюнинский. Теперь я воевал уже минометчиком. Шел пешком, преследуя спешно отступающего врага, до Прибалтики. Минометы тащили за лямки на волокушах по снежным дорогам.

Н.И. Бодрова. Сталиногорская ГРЭС

Жили до войны, как все. В школу бегали, комсомолками были. Отец и мать трудились на заводе имени Свердлова. Я училась в медицинском техникуме. Работала в детской поликлинике медсестрой, когда началась война. Совсем недавно отмечали Первомай: гремела музыка, мы бегали на Неву смотреть расцвеченные огнями военные корабли.

Немец к Москве катился. Тревожно становилось на душе. Город стал, как чужой, суровый. Щиты с песком у витрин магазинов, бумажные полосы на окнах. На улицах баррикады, колючие ежи. На крышах пулеметы, зенитные пушки, посты ПВО. В парках, скверах вырыты узкие щели, где можно будет укрыться от осколков.

Никогда не забудется 19 сентября 1941 года – день жуткой бомбейки и обстрелов города. А вскоре мы узнали горькую правду: после наступления немцев город оказался отрезанным от страны.

«Мы в кольце», – со страхом говорили повсюду. Горожане впервые услышали слово «блокада». Беда не приходит одна. Погиб брат Николай. Он служил на Балтийском флоте. А в конце ноября появились на улицах первые гробы на санках.

Меня призвали в армию, медсестрой в госпиталь, помещался он в Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, на Пироговской набережной. Работали в тяжелейших условиях. Не было воды, раненым нечем было запивать лекарственный порошок. Вместо света – вонючие мигалки. Холод, голод. Нечем истопить буржуйку-времянку. В отделении было триста раненых, а обслуживающих всего двое – я в качестве медсестры да нянька. Но мы не роптали.

Когда немцы захватили Пулковские высоты, казалось, вот-вот случится то, чего каждый из нас боялся: захват города. «Ленинград, как спелое яблоко, упадет к нашим ногам», – барабанился Гитлер. Не упал! Ленинград сражался, город жил.

Помню, как выручало радио. Нигде не значило оно так много, как в нашем городе во время войны. Когда кольцо плотно сдавило город, оно было единственным средством общения с народом. «Слушай нас, родная страна! Говорит Ленинград».

А люди слабели все больше и больше. Трупы убирать было некому. Их везли на санках в одеялах, простирая. Живые еле идут, шатаются, но тянут страшную поклажу.

На улице мороз минус 30, в квартире минус 10. Стекла заиндевели. Истопить буржуйку нечем. Дровишек охапку купить дорого – 100 граммов хлеба. Нет воды. У проруби на Неве очередь, и не так-то легко засечь воду. Ветер в спину бьет, дрожишь. Разделила хлебушек. Пайки мизерные: 125 граммов по карточке. Получала паек – 250 граммов хлебца, немного кашки и супа. Жуткую весть узнали: бомба попала в госпиталь на Суворовском проспекте, а там более тысячи раненых. Госпиталь горит.

Дежурю, сижу за столом, склонившись над бумагой. Слыши, как громыхнуло за окном. Звякнуло стекло. Оказалось, осколок, пробив ставню, оконное стекло, влетел в шкаф, разбив три градусника. Подними я голову повыше – и поминай, как звали.

Случилось то, чего я боялась: умер отец, истощенный до крайности. Ему было 47 лет. Сколотила, как могла, ящик и на салазках свезла на «кладбище». Там целые горушки мертвцев. Вслед за отцом ушла из жизни мама. Горела коптилка, моргал слабый фитилек, бросал тусклый свет на ее худенькое лицо. Я одиноко сижу, лью слезы. Не смогла ее похоронить. У меня не было сил. Она лежала на улице, а я стояла у запорошенного снегом бугорка, изливая свое горе слезами. Мысленно просила: «Люди добрые, помогите». Только люди шли мимо. Бреди по улице, безучастные, понурые, у каждого свое горе. Проводила на Большую землю сестру Марию с малышом на руках по Дороге жизни. Осталась одна.

Минула суровая зима. Какой будет вторая? Однажды весной нас, 15 девушек, отправили в лес на заготовку дров. До декабря жили в палатках. В лесу было тихо. Это так удивительно, так хорошо. Ни стрельбы, ни бомбейек. Собирали грибы, ягоды для госпиталя. Окрепли, щечки у нас зарозовели.

Как-то утром в небе завязался воздушный бой. Наши сбили немецкий самолет. Два немца спустились на парашютах. Мы их изловили, глядят немцы на нас безумными глазами: это надо же, девчата их в плен взяли!

Снова я в госпитале. Привезли тяжелораненого командира. Большая потеря крови. «Надя, – говорит мне хирург, – можешь дать свою кровь?» А я была донором и только-только сдала кровь. «Ну, немного, граммов двести, сто». Согласилась, а потом сама упала в обморок.

А немец бьет по городу, и нет этому конца. Разрушен Театр оперы и балета, поврежден Эрмитаж, груды битого кирпича, пустые улицы, кругом тьма. С грохотом бьют зенитные пушки, бегают по небу лучи прожекторов. И так день за днем. Скоро ли прорвут кольцо?

И вот, в ночь на 19 января 1943 года громом сотен, может, тысяч орудий фронты приступили к сокрушению блокады. Мы ждали эту канонаду два с половиной года. Многие плакали. Это надо пережить. Багровое утро. Блокада прорвана.

27 января 1943 года Ленинград салютовал своим доблестным войскам.

Кончилась война. Я демобилизовалась и с мужем приехала в Сталиногорск. Петр Васильевич работал слесарем в механическом цехе ГРЭС, я – участковым фельдшером в поликлинике Заводского района, потом в амбулатории ГРЭС и 17 лет – медсестрой в детском садике.

Случилось горе. Обломок карниза или кирпича упал Петру на голову. Долго болел и умер. Было ему 32 года. Во фронтовом Ленинграде не погиб старшина П.В. Мартынов, так здесь нашла его смертушка.

Ленинград первый остановил Гитлера, не сдался, выстоял, и я горда тем, что была рядом с героями. Память об этих днях – как осколок в груди. Мой Ленинград! Здесь прошли мое детство, военная юность. Дети наши не будут верить тому, что мы пережили. Но это было, было!

Так тяжело вспоминать...

Перелом

К ноябрю 1942 г. к Сталинграду были стянуты огромные силы войск и техники, превосходство частей Красной армии по направлению главных ударов было в два-три раза. Всего в наступательной операции участвовали больше миллиона солдат, 1,5 тыс. танков, 11,5 тыс. минометов, 1400 «катюш». 19 ноября 1942 г. по плану «Уран» Красная армия перешла в наступление, через несколько дней окружив немецкую группировку под командованием генерал-фельдмаршала фон Паулюса. В окружении под Сталинградом оказалась 330-тысячная армия гитлеровцев.

10 января 1943 г. советские войска начали разгром фашистской группировки, разделив ее на две части – южную и северную. Сначала капитулировала южная, а затем 2 февраля 1943 г. – северная часть.

С ноября 1942 по ноябрь–декабрь 1943 г. Красная армия перешла к стратегическому наступлению, что положило начало коренному перелому в Великой Отечественной войне.

Стремясь вернуть стратегическую инициативу, германское руководство разработало план «Цитадель», согласно которому немецкая армия должна была окружить и уничтожить войска Воронежского и Центрального фронтов, сосредоточенные на Курском выступе. Битва на Курской дуге началась 5 июля 1943 г. В ходе ожесточенных боев наступление противника было остановлено. 5 августа были освобождены Орел и Белгород. В честь этого события был дан первый в ходе войны салют. 23 августа битва завершилась освобождением Харькова.

К этому моменту были освобождены почти весь Северный Кавказ, Ростовская, Воронежская, Орловская, Курская области. В октябре 1943 г. прошли ожесточенные бои на р. Днепр, в результате которых была сокрушена мощная линия обороны врага. 6 ноября 1943 г. в ходе Киевской наступательной операции столица Украины была освобождена.

За время летне-осеннего наступления 1943 г. была разгромлена половина дивизий противника, и гитлеровская Германия на всех фронтах перешла к стратегической обороне. От захватчиков было освобождено более половины советской территории, началось восстановление разрушенных районов. К середине декабря советские войска освободили часть Калининской и всю Смоленскую области, часть Полоцкой,

Витебской, Могилевской и Гомельской областей, форсировали реки Десну, Сож, Днепр, Припять, Березину и вышли к Полесью. Началось освобождение восточных районов Белоруссии.

1943 г. стал годом коренного перелома не только на фронте, но и в работе советского тыла. Благодаря самоотверженному труду к концу 1943 г. была одержана экономическая победа над Германией. Военная промышленность в 1943 г. дала фронту 29,9 тыс. самолетов, 24,1 тыс. танков, 130,3 тыс. орудий всех видов. Советский Союз стал превосходить Германию по производству основных видов боевой техники и оружия.

СТАЛИНГРАД

*Медаль Сталинграда,
простая медаль.
Бывают и выше, чем эта
награда.
Но чем-то особым блестит
эта сталь,
Кружочек войны –
медаль Сталинграда.*

*Еще предстоит по грязище
и льду
Пройти пол-Европы сквозь
пули, снаряды.
Но светит уже
в сорок третьем году
Победы звезда –
медаль Сталинграда.*

Юрий Визбор

А.Я. Торгашов. Октябрьские электросети

Бригада, отступая, вела тяжелые кровопролитные бои. Мы прибыли в Сталинград в конце октября 1942 года. Город был разрушен немецкой авиацией, казалось, что город мертв: развалины домов, тишина, никаких признаков жизни. Утро, светит солнце, в тишине хорошо слышен мотор немецкого самолета-разведчика. Раздается артиллерийский выстрел, при ярком солнечном свете самолет превращается в огненный шар. Вздрогнули руины от восторга и криков «Ура!» К вечеру определили место расположения бригады в районе Сталинградского тракторного завода.

Помню, стою я с группой сослуживцев. Подходит к нам военный патруль: капитан с повязкой «заградотряд» и два автоматчика, просят предъявить документы. Увидев это, подошел наш командир, майор, сказал, что «это мои люди», поинтересовался, в чем дело. Патруль рассказал, что в городе была сформирована 10-я стрелковая дивизия из жителей Сталинграда, во время бомбёжки города все разбежались, сейчас их разыскивают. Патруль ушел, а наш майор сказал: «Ну, ребята, купаться нам в Волге», имея в виду, что город будет захвачен немцами.

Конец Сталинградской битвы известен.

Из нашего пулеметного взвода численностью 12 человек остались в живых только трое, остальные были или убиты, или ранены. Один расчет вместе с пулеметом был расстрелян и раздавлен танком. В бригаде положение было еще хуже. Когда выделили участок обороны на окраине Сталинграда, то вся бригада смогла выставить всего человек 40–50, включив в состав группы писарей и поваров, поэтому при первой же возможности бригаду переправили на левый берег Волги для переформирования.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

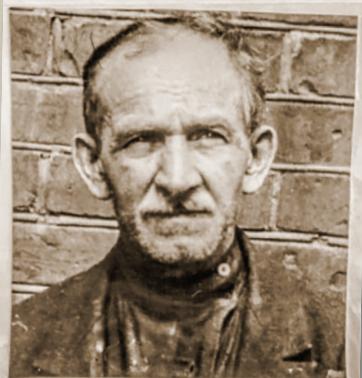
А.Н. Городенцев. Энергосбыт

Из многочисленных сражений, успешных и безуспешных, ярко осталось в памяти форсирование Днепра.

Задача нашей дивизии была переправиться через Днепр на участке километров 20–25 правее города Кременчуга. В течение недели на этот участок было подтянуто большое количество разных калибров артиллерии. Артстрельба не утихала ни днем, ни ночью. Несколько дней мы наводили pontоны, строили плоты и другие перевозки через Днепр. Под покровом ночи пытались перейти реку, но всякий раз фашисты отбрасывали нас со значительными потерями в людях.

Нам, солдатам, казалось, что командование что-то делает не то, так как затраченные усилия и потери людей не приносили желаемых результатов.

По замыслу командования, наступление нашей дивизии было отвлекающим маневром. А в это время, левее города Кременчуга, наши войска почти без потерь форсировали Днепр, а нам оставалось быстро свернуться и всей дивизией пройти по готовому пути и занять позиции на другом берегу Днепра.

П. Нечаев. ОТК ГЭС-1

Н.В. Горбачева. ГЭС-1

А.Д. Саломатин.
ГЭС-1

М.И. Калинин среди награжденных
званием Героя Советского Союза.
Д.А. Зайцев (четвертый слева)

Д.А. Зайцев

Личный самолет Д.А. Зайцева
(слева), подаренный рабочими
авиазавода при получении звания
Героя Советского Союза

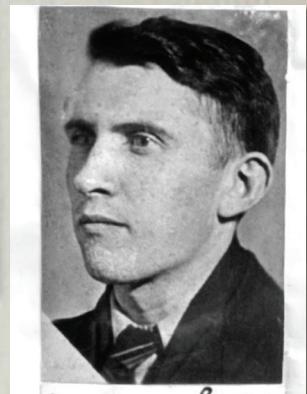
Е.Ф. Савинова.
ОТК ГЭС-1

А.М. Козлова,
конструктор. ГЭС-1

В.В. Трушкин. ГЭС-1

А.М. Кузнецов. ГЭС-1

Г.Н. Жидов

Мария Георгиевна, Володя и Иван Кириллович Гришины.
Сталиногорск. 1941 г.

Плацдарм, который мы заняли на другом берегу (кукурузное поле), был не более 1,5–2 километров в глубину.

Казалось, что вот-вот немец сбросит нас в Днепр, мы буквально ползали, а не ходили, потому что огонь, пулеметный и минометный, был настолько плотен, что невозможно было поднять головы.

Дня через два-три к нам было переправлено значительное количество танков и артиллерии, и наши войска пошли в наступление. Рано утром нашей батарее была дана команда открыть огонь по заранее подготовленным целям, на каждую пушку по 100 снарядов. В это утро на значительном участке по фронту разгорелось ожесточенное танковое сражение. Фашисты не ожидали такого мощного наступления, во многих блиндажах и траншеях фрицы не успели проснуться, и мы сделали им утренний подъем. Наступление было успешным, мы продвинулись вперед на 45 километров.

А.П. Насонов. Энергосбыт

Помните, у Александра Твардовского в поэме «Василий Теркин» есть глава о переправе – «Переправа-переправа, берег левый – берег правый»?

Вот, что у меня запечатлелось в памяти в том далеком 1943 году.

Поздней осенью наш стрелковый 883-й полк с боями вышел к Днепру. С июля полк прошел, освобождая от немецких захватчиков города Новгород-Северский, Шостку, Севск, Щорс, и после долгих месяцев боев, в которых противник ожесточенно боролся за каждый населенный пункт, мы вышли южнее города Гомеля в Белоруссии, у города Лоева, на берег Днепра.

Я тогда воевал в должности командира пулеметной роты, которая поддерживала в наступлении наш 883-й полк. За эти месяцы наступления наши части понесли потери. И такую преграду, как широкая днепровская вода, где противник на противоположном берегу сумел укрепиться еще до того, как мы вышли к восточному берегу, мы не могли форсировать, как, например, реку Сож, которую мы форсировали сходу, как говорится, на плечах врага.

Вы знаете, что все реки на западе имеют свой рельеф, то есть восточный берег, который немцы оставили, – это ровная песчаная площадь глубиной два-три километра, а западный берег с узкой полоской песчаного пляжа возвышается на десять метров над Днепром, и немцами отлично просматривался берег, с которого мы должны были их атаковать. И вот, в лесочках перед берегом, где скапливались наши ударные силы, пополнявшиеся взамен выбывших из строя новыми бойцами, наш полк накапливал силы и подручные средства для переправы. Все видели сегодняшние средства переправы – это понтонные мосты, по которым могут идти даже танки, это авто и танки-амфибии, которые переплывают любые водные преграды. Но тогда у нас были только лодки, которые из соседних сел нам отдавали жители Белоруссии, и обычные плоты, которые мы сами сколачивали.

Подготовку к форсированию мы вели только по ночам, а днем отрабатывали приемы ведения боя за переправу. Эта подготовка заняла три ночи. Этими же ночами каждый боец вырыл для себя на берегу, возле реки, щель от прицельного огня противника. (Помните, что с того берега, высокого, наш берег – как на ладошке.)

И еще на всю жизнь в памяти – это приезд в наш полк перед наступлением ансамбля, который исполнил новую тогда песню «О Днепре». И вот, перед рассветом четвертой ночи полк занял свои исходные позиции, то есть каждый боец и командир уместился в свой окопчик. С первыми проблемами утренней зари раздался грохот нашей артиллерии, которая начала «обрабатывать» передний край того, высокого, берега. В ответ немцы начали вести артиллерийский огонь по нашей пехоте. Эта перестрелка продолжалась более двух часов. Потом наша артиллерия перенесла огонь в глубину противника, подавляя огонь их артиллерии, и в это время появились наши самолеты-бомбардировщики. Это и послужило сигналом к тому, чтобы наши бойцы покинули свои временные окопчики. Вот снова напомню слова из поэмы «Переправа-переправа». Прочитайте эту главу – я так не могу изложить, но было почти так, как это написал Твардовский. Кто из нас сумел и остался в живых, добрались до того берега, закрепились на узкой полосе, окопались и стали отбивать атаки фашистов. Часа три мы отбивали атаку за атакой, оставалось мало патронов, и в это время новая волна наступающих немцев появилась с верхнего берега, мы были сброшены обратно в днепровскую воду. Как вдруг из-за наших спин мы услышали звуки приближающихся самолетов – это наши грозные штурмовики Ил-2 шли нам на помощь. Фашисты уже были знакомы с нашими «катюшами», но эти «катюши» – реактивные снаряды, установленные на штурмовиках, – были для немцев настоящей «черной смертью».

Насколько мы были воодушевлены появлением наших самолетов, настолько фашисты были напуганы ими! Повернув в обратную сторону, под громкие «Ура!» наших бойцов мы взобрались на верхний берег Днепра и еще километра три гнали немцев. Вот так проявилась взаимная выручка разных родов войск. В тот же вечер мы заняли населенный пункт в четырех-пяти километрах от берега, где в ночном бою я вышел из строя, был ранен и не мог продвигаться со своим полком дальше на запад. А через Днепр, уже освобожденный, я был переправлен сначала в полевой госпиталь, а потом на излечение в глубокий тыл.

Освобождение

К началу 1944 г. германская армия имела в своем составе 314 дивизий и 17 бригад. На советско-германском фронте находилось 198 дивизий и 6 бригад, а также 38 дивизий и 18 бригад ее союзников. В действующей армии насчитывалось около 6,7 млн человек, из них на советско-германском фронте – около 5 млн человек. Противник имел около 54,6 тыс. орудий и минометов, 5,4 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 3 тыс. самолетов. Но в целом общая военно-политическая и стратегическая обстановка в сравнении с первыми годами войны изменилась в пользу СССР и его вооруженных сил. В 1942–1944 гг. было построено в восточных районах свыше 2,2 тыс. крупных промышленных предприятий и восстановлено в освобожденных районах – свыше 6 тыс. Оборонная промышленность в 1944 г. ежемесячно производила танков и самолетов в пять раз больше, чем в 1941 г., достигнув максимального уровня за время войны. К началу 1944 г. в действующей армии СССР было свыше 6,3 млн человек, свыше 83,6 тыс. орудий и минометов, около 5,3 тыс. танков и САУ, 10,2 тыс. боевых самолетов. Однако, подавляющего превосходства над германскими войсками в силах и средствах (за исключением артиллерии и авиации) у Красной армии еще не было.

После разгрома фашистов на Днепре Красная армия начала бои за освобождение Правобережной Украины и части Молдавии. В ходе Корсунь-Шевченковской операции в феврале–марте 1944 г. враг был разбит в районе Житомира и Бердичева и потерял десять дивизий. В марте–мае освобождены от захватчиков Черноморское побережье, Крым, города Николаев, Одесса, Севастополь.

В июне–августе 1944 г. в ходе Белорусской операции (кодовое название «Багратион») была разгромлена группа армий «Центр» и освобождена Белоруссия.

Успешные наступательные действия Красной армии подтолкнули союзников открыть второй фронт в Европе – 6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились на севере Франции, в Нормандии. К началу июня 1944 г. на советско-германском фронте действовало 239 дивизий противника, в том числе 181 германская. Во Франции, Бельгии и Нидерландах оставалось 58 германских дивизий.

В результате Львовско-Сандомирской операции (июль–август 1944 г.) освобождены Львов, Западная Украина. В ходе Ясско-Кишиневской операции (20–29 августа 1944 г.) полностью освобождены территории Молдавии и восточная часть Румынии. 14 сентября 1944 г. началась наступательная операция в Прибалтике. Сперва бои шли в Эстонии и Латвии. С 5 октября 1-й Прибалтийский фронт проводил Мемельскую операцию на территории нынешней Литвы с целью отсечения войск немецкой группы армий «Север» от Восточной Пруссии.

В 1944 г. советские вооруженные силы разгромили основные группировки противника. Только за лето и осень гитлеровцы потеряли 1,6 млн человек. Германия лишилась почти всех европейских союзников, фронт приблизился к ее границам. Советские войска вступили на территорию Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии и, наконец, в октябре 1944 г. – Германии.

В совместных действиях с народно-освободительной армией Югославии Красная армия помогла освободить в октябре 1944 г. Белград. В октябре 1944 г. – феврале 1945 г. проводилась Будапештская операция.

В январе – первой половине апреля 1945 г. в результате стратегического наступления Красной армии на всем советско-германском фронте были разгромлены главные группировки германских войск, освобождены почти вся Польша, значительная часть территории Чехословакии, Венгрии, восточная часть Австрии.

В январе–апреле 1945 г. советские войска, проведя Восточно-Прусскую операцию, вступили в Кёнигсберг, а затем взяли Гданьск.

После Висло-Одерской операции в январе–феврале 1945 г. с 16 апреля проходила заключительная Берлинская операция. Битва началась с ожесточенных боев у Зееловских высот. 25 апреля 1945 г. произошла историческая встреча советских войск с американскими и английскими войсками на р. Эльбе, в районе Торгау.

Бои в Берлине носили исключительно ожесточенный и упорный характер. 30 апреля Знамя Победы было водружено над Рейхстагом. 2 мая берлинский гарнизон сдался.

8 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте представители немецкого командования подписали акт о безоговорочной капитуляции. 9–11 мая советские войска завершили войну, разгромив группировку немецко-фашистских войск в Праге.

*Никогда я не забуду,
сколько буду на войне,
взбудораженную Буду,
потонувшую в огне.*

*И обломки переправы,
и февральский ледоход,
и Дуная берег правый,
развороченный, как дзот.*

*И багровое на сером –
пламя в дымных этажах.
И того, кто самым первым
был в немецких блиндажах.*

Семен Гудзенко

Ясская операция

Н.П. Малахов. МКС

Примерно в августе 1944 года наша дивизия, в том числе и мы, были направлены на подготовку прорыва на Ясско-Кишеневском направлении. После сильной артподготовки, сделав прорыв, совместно со 2-м мехкорпусом, которому мы были приданы, завершили окружение.

В течение суток пришлось сдерживать атаки немцев и румын, которые старались выйти из окружения. С взводом разведки, будучи радиистом, находился в первых рядах обороняющихся, обеспечивая радиосвязь батарей и КП дивизий.

Вечером был отозван на позиции дивизиона. Ночью немцы прорвались. Последняя команда, которую я принял от командира разведки – «Капитан убит – батарея отбой» – позволила нам организовать оборону и отбиваться от прорвавшихся немцев. В этом бою мы многих не досчитались. Взвод разведки во главе с командиром батареи был исколот штыками, так как не отступили, а до последнего защищали позиции. Многие погибли и на батареях. Мне повезло. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу».

Бои в Прибалтике

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Мы прошли 120 километров и взяли ночью в 5 часов утра город Тукумс. В городе спали еще все. Как услышали немцы, они жили по квартирам, кто в кальсонах, кто в чем – и ходу. Там был спиртзавод. Ну, а наши чего – спирт! И началась ликвидация бидонов этих, молоко – к черту, если оно там было. Заполнили всю посуду, запасную воду в канистрах – все выливалось, всюду – спирт. Но высшее командование велело – сжечь. И все, все сожгли. И вот отсюда проехали еще километров 60, и одну машину отправили, чтобы наполнить бутылки морской водой. Мол, немцы полностью отрезаны, разрезаны, съездили туда, заполнили фляжки или бутылки, я уж не помню, две или три, привезли, все это пошло туда, наверх, показать – мы дошли до моря! Подождали там трое суток, или двое, чтобы подошла пехотная дивизия. Она подошла, а мы уехали уже в другое место, все передали. Но немцы как раз захотели ликвидировать это рассечение и танками расколошмятили эту дивизию, у них даже несколько пушек было всего-навсего. Зачем так спешить, вот черт его знает? Ведь абсолютно бесполезные потери. Абсолютно. Это командование же. Обидно.

А.И. Котов. Шатурская ГРЭС

В Латвии было форсирование реки Айвиексте, совсем небольшой речонки, которая так много отняла жизней советских бойцов, когда мы преодолевали сильно укрепленные позиции немецких войск! Во время боя буквально кипела вода в речке от разрывов снарядов. Задача стояла – во что бы то ни стало форсировать эту речушку и закрепиться на противоположном берегу. Первые поплыли и были расстреляны неприятелем в воде. Они допустили ошибку, выполняя эту операцию открыто, без маскировки. Мы поплыли вторыми, учитывая необходимость маскировки, и, как только переплыли речку, закрепились и забаррикадировались на противоположном берегу. Начали давать фрицам ураганный огонь. И тем самым обеспечили своей части более безопасное форсирование реки.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

В армии я попал в учебный бронеполк, где броневички были маленькие такие, американские. Этот бы броневичок на бахчу – в них хорошо арбузы воровать. В форме гроба был сделан, дверка открывалась – удобно бы было арбузы закидывать. И бердянка сторожа роли не играет.

После этого я попал в Литву, в Паневежис. Нас довезли, а там – своим ходом 150 километров. Это 44-й год. Начало июня. Приехали туда, нас распределили, 30 машин было, по разным бригадам. И, что характерно, мы стояли около Орши трое суток, пленные немцы железную дорогу восстанавливали после бомбейки. И вот, старички, которые с нами были, мы, молодежь, а половина из госпиталей были, уже обстрелянные солдаты, говорили: у кого деньги есть? Ну, у солдат, там, семь рублей было. Короче, предупредили, если вы пойдете на рыночек местный, покупайте сначала яйца, и чтоб была у вас крахмальная нитка. Помните, прежде чем купить что-то твердое,

типа хлеба, над хлебом разбейте яйцо, белок свернулся – убивайте сразу. Если покупаете жидкое что-то – водку, самогон – крахмальную нитку белую опустите, если почернеет, убивайте на месте. Это солдатская химия, лаборатория. А травили местные.

Был очень печальный случай, правда, за дело. Переехали с места на место, это в танковом полку, 64-м, было. Экипаж танка пошел на мызину ближайшую, небольшой домик был деревянный, молока попить. Там сказали, что на одного только, а в следующем больше коров, а эти, видно, бедноватые были. Командир машины остался, а остальные пошли туда, а здесь были мужчина молодой, пожилой и женщина с ребенком, лет пяти, может, меньше. Возвращаются обратно, спрашивают: Где лейтенант? Он ушел! Они сразу в полк. Спрашивают: Приходил? Нет! Собирают ребят. Окружили дом, стали обыскивать, а он, синий, в подполе. Молодого парня не было, успел смыться. Доложили полковнику, Белоусов фамилия его. Он говорит: Как? Моего офицера?! Механик – заводи! И на танке механик прямо в угол этого дома. На нем развернулся, и все в порядке: они так с нами, ну, и мы так с ними. Хотя офицеры нам говорили, что: это наши люди, вы с ними аккуратнее. Это литовцы. Это самая что ни на есть правда воинская.

Взятие Кёнигсберга

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

22 апреля 1945 года в Восточной Пруссии был захвачен склад с немецкими реактивными минами – плохой копией наших мин. Их дальность была всего 2,5 километра. Поэтому огневая позиция должна была располагаться вблизи своего переднего края. Так было и у начала узенькой косы, вдававшейся к морю, возле города Пиллау (сейчас – Балтийск). Имея полное превосходство в силах, забыв осторожность, начальство разрешило установку мин на рамы производить на глазах противника. Командир батареи Вагин, очень опытный и осторожный, сославшись на плохое самочувствие, поручил производить залп мне – своему помощнику.

После установки мин он уехал вместе с личным составом батареи. Мы, как всегда, вырыли на фланге батареи, метрах в двадцати от крайней рамы, укрытие в форме буквы «Г». На этот раз очень глубокое – рукой до верха не достанешь. Приближалось начало артподготовки. Поступила команда: «Ввернуть взрыватели!» Выполнили. Через некоторое время – вторая команда: «Сорвать колпачки!» Далее нужна немедленная команда: «Залп!», иначе любое попадание чего-нибудь во взрыватель вызовет взрыв страшной силы – ведь на рамах более десяти тонн мин! Прошло уже 15 минут, а команды нет. Видимо, «кто-то где-то что-то» не успел. А немцы ведут непрерывный артиллерийский огонь по нашей огневой позиции. И взрыв раздался. Ударной волной электриков-сержантов сильно контузило. Мы с офицером-электриком Прохоренко остались невредимы, так как находились в отсеке укрытия, расположенным перпендикулярно фронту ударной волны. Наша батарея, оставшись без материальной части, больше залпов не давала. Так для меня закончилась война.

И.Т. Михалин. Коломенские электросети

В Восточной Пруссии на подступах к городу Гутштадту меня назначили связным командира стрелковой роты. Это было самым ярким эпизодом в моей фронтовой жизни. В любую минуту, ночью и днем, в любую погоду и только устно передавались приказы командира роты непосредственно на огневую позицию командирам взводов. Все время, особенно днем, приходилось бегать под прицельным огнем врага, под пулями и минометным обстрелом. И вот, наконец, мы на подступах к Кёнигсбергу. Это был чудовищно бетонированный и железобетонированный город: каждый дом, каждый подвал и сарай глядел своими амбразурами из бетона и железа. Здесь завязались ожесточенные бои. Мы совсем не спали. Очень было радостно на душе за нашу артиллерию, за наши чудесные «катюши». Она действительно была богом войны. Стоял такой гул от нашей артиллерии, что приходилось кричать друг другу, чтобы слышать. Но мне не пришлось войти в Кёнигсберг: когда возвращался в блиндаж после выполнения приказа, был тяжело ранен осколком мины.

Освобождение Венгрии

А.М. Соколов. Теплосеть

В боях за Секешфехервар наш полк принимал непосредственное участие, город был взят, и советские войска в течение трех недель его обороняли. Получив подкрепление, противник перешел в контрнаступление и захватил Секешфехервар, в результате чего мы вынуждены были отойти к Дунаю.

В это время к нам на помощь подошли танковые части, которые, переправившись по парому через Дунай, с ходу вступили в бой с тяжелыми танками противника и их уничтожили.

После окончания танкового сражения я направился на поле произошедшего боя и до сих пор не могу забыть увиденное. Наш танк Т-34 таранил тяжелый танк противника, видимо, на большой скорости, и от сильного удара вздыбился на его крышу, так и остался там как памятник самопожертвования и героизма советских танкистов.

БЕРЛИН

В первые майские дни 1945 года, я, подполковник К.М. Симонов, бродил по Берлину, удивленный лицом врага при ближайшем рассмотрении. Мне, как и всем остальным в военные годы, «третий рейх» казался кроваво-зловещим, ненавистным, но могучим, со сложной идеологией и насквозь зараженным ею народом. Но в поверженном «логове врага» я наблюдал мишурность, дешевую обывательскую декоративность символов и лозунгов. И немцев, которые далеко не все находились под гипнозом национал-социализма.

В имперской канцелярии я обнаружил рисунки Гитлера, посвященные подписанию акта капитуляции Франции в 1940 году в Комьене, в железнодорожном вагоне, и огромное количество орденов, которых хватило бы на три войны. Орденами были плотно усыпаны полы в нескольких комнатах... От всего этого оставалось ощущение какой-то душиной нереальности и бессмыслицности жертв народов ради всего этого...

И еще не оставляла мысль, что главное дело всей нашей жизни уже позади и, как бы ни сложились в дальнейшем наши судьбы, ничего более важного и значительного, чем штурм Берлина, мы уже не совершим.

Константин Симонов

Н.С. Сафонов. Северные электросети

В первых числах мая 1945 года была прорвана немецкая оборона в направлении Берлина. Большая группировка немецких войск осталась в тылу наступающих советских войск. В это время наша батарея продвигалась к Берлину с приказом не принимать и не навязывать бой противнику. Я был в это время командиром орудия – 120-мм пушки-гаубицы. Но в районе Хальт нам неожиданно преградила путь немецкая группировка. Несмотря на приказ и явно неравные силы (у нас было четыре орудия и всего 45 человек), нам пришлось вступить в бой. Во время боя мы старались не дать фашистам возможности догадаться о нашей малочисленности. Бой длился несколько часов и был выигран благодаря отваге и смелости наших солдат. В плен сдались 1500 немцев, для конвоя которых мы смогли выделить лишь десять человек.

Чем ближе к Берлину, тем ожесточеннее был враг, хотя и понимал, что война шла к концу. На другой день пришлось вести бой с власовской армией. Бой был жестокий, обреченным на верную смерть власовцам терять было нечего. Сражение длилось шесть часов в страшном перенапряжении человеческих сил, бойцы заряжали орудия и стреляли без отдыха, сняв с себя верхнее обмундирование. Был кромешный ад. Но бойцы выдержали и этот бой, ведь за их плечами были политые кровью дороги, города и села России, на них с надеждой смотрели народы Европы. В этом бою наши войска разгромили власовскую армию, в плен было взято 4500 солдат и офицеров.

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

1–2 мая были солнечные дни. До этого вели бои в районе Зоологического сада. Кругом раненые звери валяются, медведи ходят. Наверху в небе – не поймешь. И английские, и наши, и немецкие самолеты. Один рев был. Мы так стояли, Г-образный дом, танк подали и стояли на тротуаре. Тут солдаты спят, саперы, устали все, подложили автомат, все хрюпят. Немец открыл беглый огонь, и спящих погибло полно.

Мы остановились у трех крепостей, они сообщались через подземный ход. Двери железобетонные, метровые, не открывали. По танку поставили у каждой, велели ждать. В одной был госпиталь генеральский, во второй – управление связи Берлина, в третьей – продовольственный склад. Двери они открыли 7 мая. Все в белых халатах с белым флагом. Нас предупредили: никого не трогать, никакого мародерства. Мы прошли, врачи показывали госпиталь, генерал один застрелился, другие лежали.

И.В. Тихомиров

В сумерках подъезжаем к восточной окраине Берлина. Он, как и нынешняя Москва, был окружен кольцевой автомагистралью. Явственно слышен гул артиллерийской канонады. Наши где-то уже у центра. Активно действует наша авиация, появляются и одиночные немецкие самолеты. Мы тихонько, с потушеными фарами, пересекаем кольцевую автостраду, уже совсем в темноте въезжаем в какую-то улицу и останавливаемся у подъезда каменного дома с часовым в каске и с автоматом. Шофер что-то ему объясняет и ведет меня внутрь дома. Распахиваются двери в одну из ярко освещенных комнат. От неожиданности я даже прищурил глаза после полной темноты.

Освоившись, вижу много праздничных П-образно поставленных столов и сидящих за ними офицеров бригады. В центре сидят командир бригады генерал-майор Михаил Фадеевич Иоффе, его заместитель полковник Виктор Кондратьевич Харченко и какой-то не совсем знакомый мне генерал-полковник. Это был начальник инженерных войск 1-го Белорусского фронта Алексей Иванович Прошляков. Меня усадили рядом с ними и тепло поприветствовали. Оказывается, встречали Первомай 1945 года. Так, как говорится, попал прямо с корабля на бал!

1 мая бои в Берлине еще продолжались. Капитуляция произошла только к концу 2 мая. Здесь я вскоре встретился с Дмитрием Семеновичем Кривозубом, который работал в комиссии по вывозу немецкого электрооборудования в Советский Союз. К этому вскоре была подключена и бригада. Мне предложили принять участие в этой работе, так как я прилично знал немецкий язык. Так я задержался в Берлине почти на месяц.

Живя в штабе бригады в Вейсензее, я встретил там окончание войны. 8 мая вечером во всем Берлине поднялась стрельба из всех видов оружия. Сначала мы подумали, что немцы предприняли контратаку с запада, но потом поняли, что это своеобразный салют по случаю окончания войны, и сами включились в эту стрельбу в воздух. Трудно передать словами радость, которую все мы испытывали в этот момент. Не было, пожалуй, ни одной семьи, которая в той или иной мере не пострадала в этой длительной и жестокой войне.

В комиссии по вывозу электрооборудования мне предложили обследовать заводы Сименса, которые располагались на северо-западной окраине Берлина в Сименштадте. Этот район Берлина по Ялтинскому соглашению отходил не то к Англии, не то к Соединенным Штатам Америки, и надо было спешить с вывозом оборудования. Обследовали склады готовой продукции, отобрали много электродвигателей, обнаружили бункеры с ценнейшими электроизмерительными приборами, в которых так нуждался наш институт. Нужно было демонтировать некоторые станки. Для этого привлекли самих немцев, рабочих завода, за продовольственные пайки.

Заводы Сименса имели на этой же территории первоклассные конструкторские бюро и лаборатории. Кое-что мы взяли и отсюда. Когда ходил по этим бюро и лабораториям, бросились в глаза следы той паники, которую пережили служащие 21 апреля, когда на северной окраине Берлина появились танки генерал-полковника Богданова 2-го Белорусского фронта. Все было брошено, не убрано, как обычно, — чертежные принадлежности, пишущие машинки со вставленными листами текста, слесарный инструмент и т. д. Заводы Сименса почти не были разрушены, а вот центр Берлина представлял собой груды развалин, по улицам едва было можно проехать.

В поисках измерительной аппаратуры полазил я по руинам Берлинской высшей технической школы. Здесь меня чуть не подстрелили из-за угла. Дело было вечером в сумерках, раздался выстрел в отдалении из винтовки, пуля угодила недалеко от меня в кирпичную стенку, обдав кирпичной пылью и крошками. Стрелявшего мы не обнаружили, это случилось уже после капитуляции Берлинского гарнизона.

Видел бесконечные колонны сдавшихся немцев на окружной дороге, под охраной наших бойцов. Вообще же в Берлине было спокойно, нередко наблюдал длинные очереди берлинцев у наших походных кухонь — отходчивый наш народ, к детям особенно. Усатый повар щедро разливает суп в бидончики, кружки и другую посуду тщедушных мальчишек и девчонок.

Ю.Ф. Горбунов. ТЭЦ-21

Наш 355-й истребительный авиационный полк заслужил ордена Кутузова и Александра Невского. Когда кончилась война, наш командир, полковник А.У. Еремин, организовал на 7–8 машинах экскурсии: в город Бунцлау, где скончался Михаил Илларионович Кутузов, и в Берлин. Город был разрушен авиацией союзных войск — одни столбы от зданий остались. Мы ходили по три-четыре человека, с трудом вышли к зданию Рейхстага. Видели Знамя Победы. Осмотрели Бранденбургские ворота и статую с тремя конями.

Когда спускались от Рейхстага, оставили на нем надпись известковыми камнями: «Берлин—Рейхстаг, июль м-ц 1945 г.» И подписались. На память.

Во́йна с Япо́ние́й

Окончание военных действий в Европе не означало завершения Второй мировой войны. В соответствии с принципиальной договоренностью в Ялте (февраль 1945 г.) лидеров трех стран антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании, советское правительство 8 августа 1945 г. объявило войну Японии. Советские войска развернули наступательные действия на фронте протяженностью свыше 5 тыс. км. Географические и климатические условия, в которых проходили боевые действия, были исключительно сложными. Наступающим советским войскам пришлось преодолеть хребты Большого и Малого Хингана и Восточно-Маньчжурских гор, глубокие и бурные реки, безводные пустыни, труднопроходимые леса.

В ходе упорных боев за 23 дня советские войска разгромили японскую армию и освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, южную часть острова Сахалин и Курильские острова. Было убито 80 тыс. солдат и офицеров противника, пленено – 640 тыс., захвачено большое количество оружия и боевой техники. Потери Советского Союза составили 12 031 человек убитыми.

США, сбросив 6 и 9 августа атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, положили начало новой ядерной эры.

Под ударами вооруженных сил СССР и его союзников по войне (США, Англии, Китая) 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала.

8 сентября 1945 г. в Харбине состоялся парад советских войск в честь победы над империалистической Японией. Командовал парадом генерал-лейтенант К.П. Казаков, принимал парад начальник Харбинского гарнизона – генерал-полковник А.П. Белобородов.

*Под ливнем, мокрые по плечи,
Лежали мы на берегу,
Готовые к смертельной сече
Все счеты предъявить врагу.*

*Редела мгла. Уже светало,
Туман дымился над водой,
И ждали воины сигнала,
Чтоб пересечь Амур седой.*

*И вдруг над степью, над тайгою,
Где войску не было числа,
Волшебной сказочной дугой,
Играя, радуга взошла.*

*Переливаясь на просторе,
Она спустилась с высоты:
Одним концом на берег моря,
Другим – в Хинганские хребты.*

*Мы радуг видели немало,
Но там, промокши до костей,
Все: от бойца до генерала,
Как дети радовались ей.*

*Завороженный автоматчик
Толкнул товарища рукой:
- Иль разыгралась, к ведру значит,
- К победе, брат, - сказал другой.*

*К победе! И поднялись люди
С земли, что укрывала нас.
И залп нацеленных орудий
Простор Маньчжурии потряс.*

*И окрыленная пехота
Рывком Амур пересекла,
На правый берег, как в ворота,
Под ясной радугой вошла.*

*Смела, как горная лавина,
Японской армии заслон,
И шла до самого Харбина
Под шелест ветра и знамен.*

Сергей Феоктистов

А.И. Душаков. ЦЭС

В конце 1942 года пришла повестка и мне. Служить попал на Дальний Восток. Страшнее всего было находиться на посту часового. Слишком часто японцы «снимали» наших ребят. Два часа в карауле превращались в пытку. Прислушивались к каждому шороху, к каждому звуку. Легче стало, когда нас обеспечили служебными собаками. Мне досталась замечательная овчарка Берта. Год мы прослужили с ней... Когда пришла пора прощаться, Берта, будто чувствуя предстоящую разлуку, запрыгивала лапами на грудь и жалобно скулила.

Н.В. Устинов. ТЭЦ-11

Миновав Москву, оставив позади Урал, наш эшелон двинулся в глубь Сибири. За Байкалом нас остановили. В район боевых действий прибыло столько войск, что мы просто оказались лишними. С неделю жили в эшелонах, затем тронулись в обратный путь. Месяц-полтора пребывали в военных лагерях под Свердловском. В землянках. Здесь нас и демобилизовали.

В.А. Галахов. Скопинские электросети

Я воевал против японских империалистов в Маньчжурии стрелком-автоматчиком в составе 12-й стрелковой дивизии 214-го полка 2-й Краснознаменной армии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск рязанец М.Ф. Терехин. Направление нашей части было Лунчжань, Бейань и Минтуй.

Трудно вспоминать страшный период столкновений с японцами. Они сопротивлялись ожесточенно. Мы с трудом преодолевали их трехэтажные доты, в которых японские солдаты жили с семьями. Они имели такое мощное вооружение, что могли уничтожить любой транспорт. Против нас воевали и японскиесмертники. Это были страшные люди, стреляли без промаха. Догоняешь такого, у него патроны кончились, остался только тесак. Но он не сдается... Распарывает себе живот, принимая почетную, как у них принято, смерть. Самое главное было, если заметил такого смертника на животе, не трогать. Раз видим – лежит на животе, перевернули, а у него там граната...

Был я и свидетелем того, как по противнику работали наши «катюши». Словами не описать! Страшный рев, вой, огонь полыхает... Выжигает все вокруг.

Японцы капитулировали, когда наша дивизия находилась километрах в 60–70 от Харбина.

В.М. Лысенко. ТЭЦ-11

Окончание войны я застала в Чехословакии под городом Брно. Только обустроились в лесу в землянках, как прозвучал приказ: «По машинам!»

До Москвы добирались поездом, я дежурила в штабном вагоне возле радиостанции. Когда поехали по окружной железной дороге, я увидела родную ТЭЦ-11, забыла обо всем, схватила командира полка, тряслу его за плечи, сама плачу: «Отпустите!»

Он понял меня, успокаивает: «Отъедем подальше, я тебя отпущу». Но поезд прошел без остановок около пяти тысяч километров, и только тогда я узнала, что мы едем на войну с Японией. Пока ехали на машинах от Читы до Монголии, война там закончилась...

Демобилизовали меня 25 октября 1945 года, домой добралась 1 декабря. Съездила на Украину и уже в 1946 году пришла на ТЭЦ-11. В котельном цеху мест не было, и я пошла работать в электроцех.

Воинские профессии

Пехота

*Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.*

Михаил Кульчицкий

В.Н. Дмитриев. Восточные электрические сети

Долгие годы прошли с того тревожного 1941 года. Мы, тогдашние семнадцатилетние мальчишки-ополченцы Фрунзенского района Москвы, теперь уже стали отцами и дедами. Многое стерлось в памяти, но у каждого человека какое-то, особенно памятное, событие остается на всю жизнь. Таким событием стал для нас июль 1941 года, когда мы, откликнувшись на призыв Родины, вступили в народное ополчение прямо из стен Московского энергетического техникума. Воинская дисциплина, присяга, получение боевого оружия и, наконец, звание – боец дивизионной роты конной разведки 5-й Фрунзенской дивизии народного ополчения, позднее ставшей 113-й стрелковой дивизией под командованием генерал-майора Преснякова.

2 октября 1941 года после мощной многочасовой артподготовки немецкие войска, прорвав нашу оборону на реке Десне, ринулись в наступление на Москву. Дивизия, приняв тяжелые оборонительные бои, неся большие потери в живой силе и технике, сдерживала натиск врага. Но скоро начался отвод войск в организованном порядке. Так продолжалось несколько дней. Мы, разведчики, под командованием командира роты, капитана Дудкина, вели непрерывное наблюдение за силами противника, направлением его ударов, разведывали наиболее надежные пути отхода.

Последний бой дивизия вела в районе станции Чепиляевка (Чипляево), находясь уже в полном окружении. Руководил боем сам генерал Пресняков. Стоя на опушке молодого березняка, он отдавал распоряжения. Нужно было видеть мужественное лицо этого, уже немолодого, человека, чтобы понять меру всей ответственности, которая лежала на нем.

Поначалу ход боя складывался удачно: наши части потеснили гитлеровцев, наметился путь к прорыву. Но немцы перегруппировались, усилили огонь, и наша пехота стала отходить. Генерал был тяжело ранен,⁹ и последний его приказ прозвучал уже для нас: «Дудкин, вывезти знамя дивизии. Во что бы то ни стало». Знамя было уже сложено в полевую сумку командира роты. Группа из оставшихся 17 всадников под сильнейшим перекрестным пулеметным огнем пересекла широкое поле и углубилась в лес. К счастью, только одна лошадь была ранена, да и то легко. Впереди был командир, опытный кадровый кавалерист, и мы верили в него и в успех дела.

Потянулись дни поиска выхода. Днем в лесу, ночью переход к своим. Таяли запасы сухарей. Нечем было кормить лошадей, помогали местные жители. Помнится, остановились на опушке леса, и женщины, дети, старики принесли нам свежий хлеб, топленое молоко, масло, вареное мясо. Трогательной была эта встреча, будто о ней писал К. Симонов: «Покуда идите, мы вас подождем»... Были и другие встречи, менее приятные. Однажды старик-проводник, то ли по ошибке, то ли по злому умыслу, чуть было не завел нас в село, сплошь забитое немцами.

На последней ночной стоянке командир роты, старшина, писарь и оружейник долго совещались, и утром командир объявил: «Дальше группой двигаться опасно. Спешивайтесь. Разбивайтесь по два-три человека и выбирайтесь к своим любыми путями и способами».

На этом наше участие в спасении знамени закончилось¹⁰. По-разному сложились судьбы бойцов, выходивших из окружения. Большой части нашей группы удалось выйти из окружения, правда, в разное время. И мы стали свидетелями Великой Победы советского народа.

Один из 17 всадников.

С.М. Сыров. Западные электросети

Грохот неимоверный... Прямо на глазах людей разрывало в клочья. Хоть и молодой был, но страха не было, не помню чувство страха.

⁹ Генерал-майор И.А. Пресняков 16 октября 1941 г. попал в плен. 5 января 1943 г. расстрелян в тюрьме в Нюрнберге.

¹⁰ «Шел 1941 год, москвичи-ополченцы попали в окружение, с боями выходили из него. Офицеру Петру Алексеевичу Дудкину было доверено спасти знамя дивизии народного ополчения Фрунзенского района столицы. Добравшись до деревни Олены Горы Юхновского района Калужской области, он встретил партизан. Отсюда Дудкин вместе с Евдокией Михайловной Смирновой, колхозником Андреем Петровичем Евграфовым стал пробиваться через линию фронта к своим. Евдокия Михайловна обмотала алое полотнище вокруг тела. Все сели на сани, груженные для отвода глаз нехитрым скарбом, и темной ночью отправились в дорогу. Переехали скованную льдом Угру. Все шло удачно. Но вот сани остановил вражеский патруль... Перерыли пожитки, начали обыскивать людей... Дудкин не выдержал: выхватил пистолет и в упор застрелил фашиста. Второй патрульный, отскочив в сторону, направил дуло автомата на патриотов. Тут не растерялась Евдокия Михайловна. Изловчившись, она пригнула автомат немца к земле. На помощь ей тотчас бросились Дудкин и Евграфов... Красное знамя было спасено». (Как спасли знамя / Н. Тимошенков, рабочий, г. Кондрово, Калужская область // Правда. 08.03.1978).

Под Одессой, я тогда уже был назначен командиром взвода, отдаю команду К бою! и в эту же секунду прозвучал выстрел противника, и пуля попала мне в грудь. Прошла навылет. Кто-то из солдат подполз и говорит: «Лежи, командир, ты ранен, мы сами!» Потом был госпиталь три месяца, и снова фронт, и снова передовая. Больше пули на войне меня не настигли. При форсировании Днепра противник активно атаковал нас, многие мои товарищи полегли в лоне реки. Меня не задело.

В.В. Сафонов. ЦЭС

Меня призвали в августе 1942 года и сразу же для учебы направили в Московское пулеметное училище. Только в 1943 году, по его окончании, я попал на фронт, в белорусский город Мозырь. Войну прошел в составе 915-го полка 60-й армии 1-го Украинского фронта. Будучи лейтенантом, возглавлял взвод станковых пулеметов. Хорошо помню одно из сражений под Львовом. Вижу, в овраге прячется безоружный немец, подхожу к нему, приказываю выйти, а потом показываю фотографию Сталина, которая хранилась у меня в кармане гимнастерки, и спрашиваю: «Знаешь, кто это?» А тот узнал и спрашивает в ответ: «В Сибирь?», и сам же отвечает: «О, капут!» и плачет. Сообразительный немец оказался.

Н.А. Фатьянов. ТЭЦ-17

Вступил в командование пулеметным взводом, на вооружении которого были станковые пулеметы «максим». Однажды взводу поставили задачу: форсировать реку. Сколотили плотики и под покровом ночи стали переправляться. Уже в воде помкомвзвода заявляет, что не умеет плавать... Я отдал ему плотик, бросился в полном обмундирования в воду и поплыл к берегу...

Взвод закрепился на крохотном пятаке земли в восьмидесяти метрах от переднего края немцев. Подняться невозможно: снайперы «снимают» сразу... Только в ночное время доставлялись пища и боеприпасы. Были дни, когда во взводе не оставалось и патрона. Держались на этом пятаке месяц. В октябре перешли в наступление, и в одном из боев осколком меня ранило в правую лопатку. Снова медсанбат... Позже выяснилось, что один осколочек остался в теле на всю жизнь...

После двухлетнего лечения вернулся в свою 8-ю армию. И снова бои... С середины января 1944 года начались сражения за снятие блокады Ленинграда, а в начале февраля войска армии вышли к реке Луге. В этих боях получил увесистый осколок от мины в тазобедренный сустав. Перевязали его и отправили в полевой госпиталь.

В госпитале врачи боролись долго. В организме почти не осталось собственной крови. Влили много донорской: есть несколько «кубиков» даже одной ленинградской балерины.

Две сложнейшие операции, в гипсе от груди до пальцев ног лежал четыре месяца. Рана заживала, и нога оживлялась, а это надежда... Веселее стало на душе. В один из дней в палату вошла женщина-главврач со стаканом, наполненным прозрачной жидкостью, и приветливо, торжественно обратилась к раненым:

– Кто тут гвардии лейтенант? Получай свою награду, герой!

В стакане с водкой лежал орден Красной Звезды. А я духа этой водки не переносил. Но пришлось, под общие одобряющие возгласы раненых...

А.И. Савостянов

Начальник участка подстанций 35 кВ
П.П. Дмитриев. ПС «Новая Тула». 1941 г.

П.С. Зайцев

А.Г. Комиссаров (слева)

Л.Ф. Михалевский

И.А. Рябов

Электромонтер И.В Сорокин.
ПС 178. 1941 г.

Г.П. Аксенова,
конструктор.
ГЭС-1

П.Ф. Бойко. Тулэнерго

Мы приближались к берегу реки Курка (приток Кубани). Немцы заняли ранее подготовленный рубеж на левом берегу в дотах. Артиллерийская подготовка не смогла подавить огневые точки в дотах. Командир взвода отдает приказ командиру отделения и двум бойцам (в том числе и мне): уничтожить огневую точку к 6.00. Время взрыва будет сигналом для атаки батальона. Мы распределились: командир отделения и я пошли с левой стороны дота, а второй красноармеец – с правой. Место перед немецкой обороной ровное, изрытое воронками, с остатками прошлогоднего бурьяна и травы. Мы скрыто, осторожно, бесшумно и медленно, в промежутках, когда не было ракет, к исходу 6 часов достигли рубежа атаки (20 метров от дота). По заранее установленному сигналу (поднята рука с гранатой) мы бросились к доту: я забросил, одну за другой, две ручные гранаты в амбразуру, а командир – одну противотанковую у входной двери и ручную в дверь. Подоспел и третий участник атаки – он тоже забросил свой смертоносный груз во входную дверь.

По взрыву гранат наш батальон пошел в атаку по всему фронту. Немцы начали беспорядочную стрельбу. Через некоторое время наши бойцы уже были немцев в их траншеях. Немногим оккупантам удалось перебраться на правый берег (ширина реки до 80 метров).

За эту операцию я был награжден медалью «За отвагу».

В.Ф. Каликов. ТЭЦ-12

Немцы, разбитые под Орлом и Белгородом, начали отход к Днепру. Через несколько дней после посещения высокого начальства и мы получили приказ тронуться с Кореневских позиций и начать преследовать отходящего противника. Немцы оставляли сильные арьергардные отряды для прикрытия отхода главных сил. Мы много раз сталкивались с такими отрядами. Сбить их с занимаемых позиций было не так-то просто.

Несколько дней мы шли походными колоннами, не встречая сопротивления. Немцы драпали так быстро, что догонять их не удавалось, хотя мы делали 30–40-километровые переходы за день. Наконец мы их нагнали. Впереди была деревня Терны, где засели немцы. Узкая тропа, протоптанная по дну глубокого оврага, привела нас к этой деревне. У крайних домов на ровном месте собралось много войск. Люди уселись и стали обедать. Вдруг над нами появился немецкий разведывательный самолет, который солдаты называли «рамой». Описывая винтообразные витки, он постепенно снижался, выисматривая все, что происходило на крохотной площадке. Он не стрелял и не бомбил. По-видимому, у него не было боеприпасов. Наглец летал так низко, что мы различали черты лица пилота. Кто-то из наших хлопцев не выдержал и выстрелил из винтовки. И совершенно стихийно, без команды, вдруг началась такая пальба по самолету, словно первый выстрел был общим сигналом. Били из всех видов оружия, какие имелись у солдат. Я давал длинные очереди из автомата, когда фашист пролетал близко. А он кружился как ни в чем не бывало, броня защищала его надежно. Затем он набрал высоту и улетел. Кто-то крикнул: «Теперь ждите, скоро будут бомбардировщики!» Все поняли смысл этих слов и бросились в овраг. По той же тропе мы километра на два отошли от деревни. Наступила ночь. Выставив часовых, расположились на отдых. Усталость взяла свое, я задремал. В полночь прозвучала команда «Подъем!» Все вскочили. Нам разъяснили боевую задачу – выбить немцев из деревни. Через некоторое время мы уже были на той площадке,

откуда ушли вечером. Ночь была темная. Только небо озарялось заревом пожаров. Перешли через маленькую речку, преодолели крутой подъем и подошли к окраине деревни. Перед нами открылась потрясающая картина. Деревня представляла собой сплошное море огня. Крайние дома были целы и невредимы, а дальше бушевало пламя. Обе стороны главной улицы, от конца до конца, были охвачены огнем. Горели дома, сараи, конюшни, амбары. Горели изгороди и сады. Горело все, что было способно гореть. Местные жители рассказали, что незадолго до нашего появления по деревне ходили, поджигая дома, немецкие солдаты с горящими факелами. Улица, по которой мы вошли в деревню, была ярко освещена пламенем горящих домов. Немцы, засевшие в деревянных и каменных домах по ту сторону небольшой речки, открыли бешеную стрельбу из пулеметов и автоматов. Стреляли из окон и дверей, с чердаков и из подвалов. У нас появились убитые и раненые. Мы быстро заняли оборону в садах и огородах между горящими постройками. Перед рассветом, когда пожары потухли, мы осторожно спустились к реке (в 30–40 шагах от реки заняли оборону). Каждый вырыл себе стрелковую ячейку полного профиля, чтобы можно было стрелять стоя, укрывшись от огня противника. Речка, разделявшая деревню пополам, стала нейтральной полосой.

Каменные и деревянные постройки, подвалы, дворы, сады немцы заранее приспособили к длительной обороне, и, естественно, они были в несравненно более выгодных условиях, чем мы. Два дня стояло относительное затишье. Обе стороны улучшили свои позиции и готовились к рывку. На третий день, во второй половине дня, воины соседней с нами пятой роты вышли из окопов и бросились в атаку. Однако на их пути была серьезная преграда: река с крутыми обрывистыми берегами. До нее они дошли беспрепятственно, противник молчал. Но когда стали подниматься на противоположный берег и выходить на прибрежную улицу, разом заговорили десятки автоматов и пулеметы. Атакующие попали под шквальный огонь. Нам, воинам первой роты, было приказано огнем стрелкового оружия поддерживать наступление пятой роты и патронов не жалеть. Мы били по окнам и чердакам домов, откуда враг вел непрерывный огонь по атакующим. Пятая рота несколько раз бросалась в атаку, но каждый раз с большими потерями отходила назад. После ряда неудачных попыток форсировать реку наше командование пустило в ход артиллерию и минометы. На занятые немцами дома обрушились мины и снаряды. В воздух летели обломки строений, рушились дома, хороня под развалинами вражеских солдат. С вершины ближайшего холма открыли огонь пушки и минометы противника. Они били по позициям наших артиллеристов и по нашим окопам. Огненный вихрь завертелся над нами. Снаряды и мины рвались так часто, что не было заметно пауз между отдельными разрывами. Сплошным потоком летели пули и осколки. Высунуть голову для стрельбы стало невозможно. Непрерывный гул стоял в ушах. Сверху падали камни и комья земли, поднятые разрывами снарядов и мин. Этот жуткий концерт длился более часа. Потом он стал ослабевать и, наконец, прекратился совсем. Уцелевшие немцы покинули деревню. Мы вышли из окопов и через чудом сохранившийся крохотный мост устремились на противоположный берег. Тут наше внимание привлекло жуткое зрелище. В русле реки, в 20 шагах от моста, лежали трупы наших погибших солдат. Их было около десяти. Одни целиком, другие наполовину в воде, они лежали в тех позах, в которых их настигла смерть. Рядом была тропа, протоптанная деревенскими жителями для спуска к воде. Картина гибели наших товарищей выглядела примерно

так: в поисках подходящего места для подъема на обрывистый берег люди по руслу реки подходили к мосту и, заметив тропу, пытались подняться по ней. Тут они и попадали под огонь вражеского пулемета. Сраженные свинцовыми струями люди падали в реку. Долго не могли определить, откуда бьет пулемет. В конце концов, его местонахождение было обнаружено. Он стрелял из амбразуры, пробитой у самой земли в каменном фундаменте ближайшего сарая. В разгар боя нашим ребятам удалось прорваться к нему и ворваться внутрь. Они обнаружили там двух власовцев, ведших огонь из пулемета. Один из них в короткой схватке был убит, а другого взяли в плен. После окончания боя пленника вывели на улицу. Его долго били. Он падал. Пинками его заставляли подняться, и град ударов опять валил его с ног. Опять поднимали и продолжали бить. Потом в кювете большака его расстреляли. Трудно поверить, что русские могли стрелять в русских, но это был факт. Трупы у моста – работа этих предателей...

Итак, село Терны было очищено от врага. Сейчас Терны – это поселок городского типа Недригайловского района Сумской области Украины.

Б.С. Новизенцев. Тулэнерго

В январе 1944 года наш батальон был послан на выполнение задания по прорыву немецкой обороны. В ночь, без подготовки, мы неожиданно прорвали оборону и вышли в тыл противника. В течение нескольких дней немцы не могли нас нашупать, и мы захватили два населенных пункта и разгромили крупный штаб. Но немцы хватились и окружили нас.

Нас атаковали авиация и пехота. В течение двух дней мы отбили пять атак, но немцы успеха не имели. За эти бои из 450 осталось только 75 человек, но мы не отступили до прихода помощи. За эту операцию всем были вручены награды, прямо в окопах. Я в это время был в штабе батальона и ничего не получил, тогда было не до этого.

Артиллеристы, минометчики

*Начался март, пурга и вьюга
Темнят все реже ясный день,
Все ярче светит солнце с юга,
И резче от предметов тень.*

*Снег с каждым днем быстрее тает,
Все затопить водой грозясь,
Солдатам грязь с сапог счищает,
Шестиэтажно матерясь.*

*Солдату март – предвестник горя,
Дороги взбухнут, грязь кругом,
Болото превратится в море,
Все вязнет в ней, все тонет в нем.*

*А вот в Москве – другое дело,
Крича все ночи напролет,
Коты по крышам ходят смело,
Вещая всем, что март идет.*

*Блестят полоски рельс трамвая
В неверном свете фонарей,
Чем дальше ты, Москва родная,
Тем мне становишься милей.*

Анатолий Степанов

А.Д. Степанов. Центральная лаборатория и экспериментальные мастерские (ЦЛЭМ)

В 1940 году я пошел в армию. Меня направили на Дальний Восток. Год я проучился в Электромеханической флотской школе. После окончания нас распределяли, но людей было слишком много, и поэтому некоторым не присвоили звания, в том числе и мне. В начале войны я приблизительно в течение года служил на военно-морской базе, на подлодке. Позже по приказу Ставки Главнокомандующего были сформированы гвардейские минометные бригады. Меня перевели в одну из них. Мы работали со стационарными минометами, выглядят они вроде кроватки, которая ставится на землю под углом 45 градусов. На нее укладывалось восемь ящиков с минами, крепились гнетом, проводилась проводка от подрывной части к заряду, неподалеку мы выкапывали землянку и прятались там при взрыве. Нас работало двое человек. Я был электриком. Второй был помощником. Команду нам отдавали по телефону. Опасность была в том, что при пуске двух снарядов одновременно установка опрокидывалась, приходилось бежать к ней и поднимать. У нас были очень плохие поджигатели, поэтому я, с двумя концами проводов от мины, бежал к установке, прикладывал их к несущему снаряду и мчался обратно в землянку.

Однажды меня вызвали в штаб. Я служил в районе Ельни. Штаб находился ближе к линии фронта. Капитан попросил починить пишущую машинку. В электромеханической школе меня обучили работать с телетайпом. Эти знания и сыграли решающую роль, меня было решено оставить в штабе. Из обслуживающих штаб людей нас было четыре человека. Я был и художником, и писарем, и электриком. Так до конца войны и оставался на службе в штабе.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

КВУ-8. Это сокращенное название моей должности: командир взвода управления 8-й батареи. Им я стал в период формирования 261-го артиллерийского полка 197-й стрелковой дивизии. Взвод состоял из разведчиков и связистов. Разведчики с наблюдательного пункта (НП) командира батареи вели визуальную разведку целей. Связисты обеспечивали связь НП с огневыми позициями и со мной. Я находился на переднем крае, как правило, с командиром стрелковой роты. Из состава взвода со мной находились обычно два связиста. Остальных я не видел неделями и месяцами. Моя боевая задача – пристрелять свой передний край, то есть положить снаряд метрах в 200–300 впереди себя, чтобы при необходимости создать перед наступающим противником заградительный огонь. А также вести огонь батареи по целям, которые я вижу на переднем крае. Подготовка данных для стрельбы с закрытых огневых позиций и корректировка требуют хорошего знания математики вообще и тригонометрии в частности. Артстрелковой подготовке обучали в артиллерийских училищах.

Артиллерийским офицером, способным выполнить боевую задачу, я стал только после третьего боя. В первом бою, прокладывая кабель от огневой позиции (ОП) к НП, я попросту заблудился в лесу. Размотали весь кабель, а до наблюдательного пункта не дошли. Батарея стрелять не могла. Во втором бою с колокольни увидел немецкую батарею, ведущую огонь. Готовя данные для стрельбы, я от волнения допустил ошибку в расчетах и не увидел разрывов пристрелочных снарядов, поэтому стрельбу прекратил. Батарея противника подавлена не была. Наконец, в третьем бою все сложилось хорошо. Предстояла трудная стрельба. Моя батарея находилась не за моей спиной, а как-то сбоку. Данные подготовил точно, и наши снаряды выбили немцев из траншеи. Пехотная рота захватила траншую почти без потерь. Пехотинцы дали мне «в награду» трофейную специальную упаковку белого хлеба, выпеченного еще в 1939 году. Так пришли уверенность и спокойствие в бою, ошибок в дальнейшем я не допускал.

Сразу же после первых боев я свое офицерское обмундирование сложил в вещевой мешок и отдал на ОП, переоделся в солдатское. Зимой не брезговал телогрейкой и ватными брюками, снятыми с убитого (в нашем полку офицерам подобное обмундирование не выдавали). Этим обезопасил себя от первой пули немецкого снайпера.

Всем известные «катюши» – это реактивные минометы М-13 и М-8, смонтированные на шасси автомобилей. Наши минометы на фронте называли «андрюши». Стрельба велась из ящиков, укрепленных на сборных металлических рамках.

Сама мина М-31 имела калибр 300 мм, весила порядка 100 килограммов, и дальность стрельбы – 4,5 километра. Угол возвышения, определявший дальность стрельбы, устанавливался заранее по уровню наклона рамы. На заряженной раме угол изменять было нельзя. На каждую раму крепилось восемь ящиков с минами. В батарее – 12 рам. Батарейный залп весил порядка 10 тонн. Применялись эти минометы массированно, при прорыве сильно укрепленных позиций противника. Наша бригада вместе с двумя другими входила в состав 7-й дивизии М-31. В каждой бригаде было четыре дивизиона, а в дивизионе – три батареи. Осенью 1944 года вместо рам первые дивизионы бригад получили самоходные установки на шасси автомобилей «студебеккер». Боевая работа на батарее была следующей. На

огневой позиции, находящейся, как правило, в 1,5–2 километрах от своего переднего края, в линию расставлялись рамы, и на них закреплялись ящики с минами. Работа была физически трудной, обычно мину с ящиком устанавливали 3–4 человека.

Дозалповая подготовка проводилась скрытно, для наших установок М-31 – в основном в ночное время. Продолжительность залпа батареи реактивных установок исчислялась секундами, и залп проводился ограниченным кругом лиц: командиром батареи, командирами установок и шоферами на М-8 и М-13, двумя офицерами и двумя сержантами-электриками на М-31.

Они собирали электрическую схему и выводили ее в укрытие на фланги батареи метрах в 20–25. Схема подсоединялась к подрывной машинке. По команде по телефону ввинчивались взрыватели, а непосредственно перед залпом, также по команде, с них срывались предохранительные колпачки. После залпа огневые позиции немедленно покидались (весь личный состав уезжал в тыл на несколько километров).

В войну фото-кино-корреспонденты очень любили снимать залпы реактивных минометов. Залп реактивных минометов – зрелище весьма эффектное, но находиться вблизи залпа попросту страшно, и обычно снимают издали. Уже на территории Восточной Пруссии решили заснять залп и нашей батареи. Вероятно, опытом подобной съемки с оператором никто не поделился. Когда начался залп, он мгновенно упал от страха на землю. Съемка не удалась.

М.А. Трухачева. Северные электросети

Одним из самых жутких воспоминаний о войне осталась первая встреча с нашими «катюшами». Их производство и применение в бою было засекречено. И вот однажды – это было под Сталинградом – нам был дан приказ отступить, и в тылу у нас оказалась какая-то странная, непонятная техника, скрытая чехлами. Обстановка была напряженной, немцы рвались во что бы то ни стало овладеть Сталинградом, и когда буквально за спиной у нас раздался грохот, подобный каким-то взрывам или страшному землетрясению, а над нашими головами полетели вдруг сотни каких-то горящих ракет, нам, девчонкам, показалось, что пришел конец света. Зато каким победным финалом завершилась та операция, где впервые были задействованы наши «катюши»! Когда нам на конец раскрыли секреты этой странной, непонятной техники, когда мы узнали о результатах того боя и о том, какой ужас овладел врагом, – мы тут же забыли свои собственные страхи, а сердца наши наполнились гордостью за свою страну, за тех людей, которые в столь трудной фронтовой обстановке сумели создать такое мощное оружие!

А.И. Котов. Шатурская ГРЭС

В конце 1942 года под Старой Руссой я как связист и трое разведчиков с командиром дивизиона старшим лейтенантом Рабковым были на командном пункте на переднем крае наших позиций.

И вот, рано утром, чуть забрезжила заря, часовой подал тревогу, и первое, что мы увидели, – немцы шли в атаку, но так тихо и скрытно, к тому же и утренний туман их прикрывал. Нас же всего маленькая частица, а они совсем рядом.

Наш комбат быстро заметил опасность и умело организовал оборону, дав команду расстреливать наступавших немцев в упор и забрасывать их гранатами. Фрицы попятались назад

и залегли, ведя с нами перестрелку. Патроны и гранаты подходили к концу, тогда комбат дал сигнал вызова огня своей батареи прямо на себя. И тогда, сразу после первого залпа, боевой пыл у фрицев притих, после второго залпа у них уже более некому было наступать на наши позиции. Тогда все участники этой маленькой операции были награждены, а я был отмечен медалью «За отвагу».

В.С. Тихонов. Щёкинская ГРЭС

В Шатурский энергетический техникум я поступил в 1939 году, а 1 августа 1942-го получил диплом за № 34. Срок обучения сократили на один год в связи с начавшейся войной. Ежедневно шли занятия по 4–5 часов... После получения диплома получил направление на Сталиногорскую ГРЭС. Но пришли в военкомат, и военком сказал: «Ребята, надо повоевать». Это было 12 августа 1942 года, а 22 августа меня призвали и отправили в Горьковскую область в п. Ташино в 15-й учебный мотоциклетный полк, где я был до марта. С марта по май был в городе Лакинске Владимирской области, где шло формирование мотобатальона. На фронте – с мая 1943 по октябрь 1945 года.

Боевое крещение получил на Курско-Орловской дуге на окраине города Ливны, где попали под бомбовый удар немцев. Нам было тогда по 19 лет, совсем молодые, необстрелянные. Многие, конечно, погибли; остальные залегли в лесу, меня назначили командиром отделения, в моем распоряжении был расчет из двух человек. Сколько времени прошло, не помню, когда по дороге едет машина. Я вышел на дорогу, в машине – майор, я доложил обстановку. Это был гвардии майор Гринберг, который с гордостью сказал: «Я не майор, а гвардии майор». Я спросил: «Что нам делать?» Он ответил: «Следуйте за мной». Так я оказался в городе Фатеже под Курском в 323-м гвардейском Краснознаменном Сарненском полку орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого. Был мотоциclistом-связным, возил офицера связи старшего лейтенанта Николая Садченко. Приблизительно через полгода вызвал меня Гринберг и спросил: «Какое у вас образование?» Устроил экзамен по тригонометрии, я успешно справился с этим, и судьба моя была решена, я оказался в топографическом взводе. Меня назначили старшим топовычислителем по определению огневых позиций для реактивных установок «катюша». Много раз немцы нас засекали, приходилось лавировать, чтобы уйти от огня и не дать обнаружить своего местонахождения. После нескольких выстрелов «катюшу» снимали и отправляли в тыл. Так немцам и не удалось засечь огневую позицию «катюш». С этим взводом прошел Белоруссию, Украину, вступили в Польшу, а затем вышли на территорию Германии. Помню случай, когда были на территории Западной Украины, приходилось переходить вброд через реку Горень. И шли не с пустыми руками, со снарядами весом 38 килограммов (снаряд вместе с ракетной частью).

На подступах к Германии подошли к городу Торгау, где должна была состояться встреча американцев с нашими войсками. Американцы с противоположного берега обстреляли наши войска, поэтому пришлось сделать один залп в их сторону. Это было поздно вечером. А утром американцы вывесили на своей стороне транспарант: «Добро пожаловать, Иван!»

Затем из Торгау перебросили в Чехословакию, где принимал участие в освобождении города Праги. Здесь и закончился мой боевой путь.

15 октября 1945 года меня демобилизовали.

С.Г. Сухотин. Опытный завод средств автоматизации и приборов (ОЗАП)

5 февраля 1943 года меня с 3-го курса, последнего (тогда было трехлетнее ускоренное обучение), призвали в армию. Мне было 17 лет и 6 месяцев. Направлен я был в Телавское военно-пехотное училище, которое, после эвакуации из Грузии, находилось в городе Скопине Рязанской области.

Курсантом в училище я был с февраля по июль 1943 года. В конце июля все курсанты рядовыми были направлены на фронт. Наша команда, порядка 700 человек, в первых числах августа прибыла на Брянский фронт в 129-ю стрелковую дивизию, где мы были распределены по полкам. Я был зачислен в 457-й стрелковый полк в качестве пулеметчика. Но вскоре был переведен в 664-й артполк рядовым во взвод управления 3-го дивизиона. Выполнял обязанности связиста, разведчика-наблюдателя на наблюдательном пункте дивизиона, часового, топографа.

Что значит – взвод управления дивизионом? Все просто: находишься все время в авангарде, в зоне оружейного, пулеметного, минометного, артиллерийского огня. Я много раз попадал под сильные обстрелы. Помню, один раз в Польше физически ощущалось тепло от снарядов, которые взрывались рядом. А вообще, когда круглые сутки находишься в зоне боевых действий, в движении по передовой, уже настолько привыкаешь, что не обращаешь внимания на свист пуль, разрывы снарядов.

5 августа 1943 года наша дивизия освободила город Орел, и ей было присвоено звание Орловской. В этот день в небе над Москвой впервые прогремел салют. Поэтому нашу дивизию иногда называют дивизией «первого салюта».

Помню наступление на Белоруссию, город Бобруйск, где была окружена немецкая группировка. Там было очень опасно, мы столкнулись с врагом практически лицом к лицу – кто быстрее нажмет курок, тот и оставался в живых. И это не преувеличение – как-то шли с лейтенантом, он успел выстрелить в фашиста, спас меня.

16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Наша часть понесла большие потери, поэтому наступала на Берлин южнее. Мы прошли с боями Потсдам и, в конечном итоге, вышли на город Бург, где и закончила свой военный поход наша дивизия.

А числа 9 или 12 мая я сильно заболел, и меня без сознания куда-то увезли. Где, когда, что со мной происходило, я даже не знаю, но я оказался в Бранденбурге. Очнулся в июне. Как за мной ухаживали, кто меня кормил – ничего не помню.

Мне пришлось заново учиться ходить. В начале сентября 1945 года в составе эшелона из Берлина вернулся в Москву.

Зенитчики, противовоздушная оборона

А.Н. Городенцев. Энергосбыт

На второй день войны – 23 июня 1941 года – по предписанию в воинском билете я явился рано утром в воинскую часть, располагавшуюся в то время в районе Царицына под Москвой. К вечеру того же дня подразделение, в которое я был зачислен, срочно направили в Москву для занятия огневых позиций по обороне Московского Кремля и других учреждений и предприятий этого района.

Воинская часть, в которую я был призван, – зенитный полк. Нам надлежало охранять небо над Кремлем и охранять первую электростанцию, что на Раушской набережной, дом 8.

На крыше этого здания и была размещена наша зенитная батарея. На этой позиции батарея стояла до ноября 1941 года, после чего батарею рассредоточили: две пушки установили на Болотной площади рядом с Домом правительства и две пушки – за Китайской стеной, где теперь гостиница «Россия».

А.И. Хрипунова. Каширская ГРЭС

В конце февраля 42-го мне пришла повестка: «Явиться в Егорьевский военкомат 9 марта с вещами». Так я попала в пулеметный взвод 340-го артиллерийско-зенитного полка, который вначале базировался в Подольске, потом в Ступино, а затем полк перебросили на охрану Каширской электростанции. Хотя фронт был уже далеко, но налеты вражеская авиация нет-нет да совершала, особенно вочные часы. Через Каширу немецкие «мессершмитты» летели на Ярославль и Горький. К тому времени я хорошо разбиралась в самолетах, по гулу моторов легко узнавала марку, определяла, загружен ли тот бомбами или нет. И вот, в один из таких налетов немецкой авиации, державшей курс на Москву, командир полка решил меня проэкзаменовать. На его вопросы: «Какой самолет?», «Куда курс держит?», «Какова высота полета?» и другие – я ответила без запинки, четко и правильно. За такое познание и ответственное несение службы мне было присвоено воинское звание ефрейтор и вручен знак «Отличник противовоздушной обороны».

Н.М. Кочкин. Шатурские электросети

В сентябре 1941 года были в Москве: охраняли воздушное пространство над столицей. Расположились в здании Исторического музея и на Раушской набережной: именно там стояли наши зенитные орудия.

А 28 декабря нам объявили приказ – направиться в Шатуру для защиты от вражеской авиации Шатурской ГРЭС имени В.И. Ленина. Так война связала мою дальнейшую жизнь и судьбу с этим городом. Несмотря на суровую зиму, 140 километров прошли довольно быстро: путь наш лежал через Егорьевск, Кривандино и далее на Шатуру. Новый год встречали уже на боевых точках. Зенитные батальоны стояли в Митино, Новосидорихе, на Седьмом поселке, в Пожинской, в Большом Гридине. И охранял Шатуру батальон до апреля 1945 года, пока не поступил приказ следовать

на восток в связи с объявлением войны с Японией. А Шатуру немец пытался бомбить всего четыре раза. Три бомбардировщика были сбиты, а четвертый заставили сесть под Орехово-Зуевым наши истребители. Так что Шатурская ГРЭС всю войну бесперебойно снабжала столицу электроэнергией. Перед отправкой директор электростанции Михаил Иванович Наумов вручил батальону Памятное Знамя в знак благодарности за охрану государственного объекта.

Е.И. Лобанова. ТЭЦ-11

В апреле 1942 года нас, 15 девушек с ТЭЦ-11, по комсомольской путевке призывали в ряды Красной армии и на второй же день отправили на защиту Родины. Часть из нас попала в 193-й зенитно-артиллерийский полк, оборонявший столицу нашей Родины Москву. Нам, девушкам, нелегко было быть солдатами. Но ни одна не «хныкала». Все мы стремились как можно лучше изучить строевую подготовку, винтовку, научиться быстро одеваться и приводить себя в боевую готовность по тревоге. После карантина нас распределили по батареям. Мне довелось служить и воевать в составе 16-й батареи, где я приняла воинскую присягу.

И так, до самого конца войны, мы стояли на 16-й батарее на станции Немчиновке. У нас пушки были 76-мм, снаряд – 16 килограммов, но на орудиях были ребята. Девушки заменили прибористов, связистов, разведчиков и дальномерщиков. А ребят направили на фронт¹¹.

На батарее нас еще несколько дней знакомили с зенитными орудиями и прибором, который назывался ПУАЗО – прибор управления артиллерийским зенитным огнем. Трудно было в первое время, когда над нашими головами пролетали фашистские стервятники и неистово били зенитки всех батарей полка. Но девушки, несмотря на трудности, не прятались в укрытие, а выполняли свои действия слаженно и четко. Сколько было радости, когда фашистский самолет, пробирающийся к Москве, был сбит огнем батареи!

За 38 сбитых самолетов прямой наводкой и за отражение массовых налетов заградительным огнем нашему полку было присвоено звание 72-го гвардейского полка, а затем присвоено звание 1-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии, а наш 4-й дивизион стал 242-м гвардейским полком. Помню торжественный строй, когда командир дивизии гвардии полковник Кикнадзе у нас на батарее вручал гвардейское знамя командиру 242-го гвардейского полка гвардии капитану Фридланду.

И я горжусь тем, что и моя служба в артиллерию помогла громить врага и защищать нашу столицу.

¹¹ 25 марта 1942 г. принято постановление ГКО СССР «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». Согласно постановлению, признавалось необходимым «заменить в войсках ПВО территории страны 100 000 красноармейцев женщинами для замещения должностей: телефонистов, радиостолов, прибористов зенитной артиллерии, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и постов службы ВНОС, некоторых номеров прожекторных станций, зенитных пулеметов и аэрорадаров заграждения, а также разных специалистов подразделений обслуживания». 13 апреля 1942 г. было принято постановление ГКО, согласно которому 30 000 мужчин красноармейцев замещались женщинами по следующим должностям: «бодистов, эстистов, морзистов, телефонистов, радиостолов, телеграфных техников, телефонно-телефонных мастеров, радиомастеров, кинорадиомехаников, работников полевой почты и экспедиторов, чертежников, делопроизводителей, писарей, санитаров, санитарных инструкторов, фельдшеров, административно-хозяйственный состав и разных специалистов подразделений обслуживания».

А.Я. Торгашов. Октябрьские электросети

Я проходил службу в запасном зенитно-артиллерийском полку в Сталинграде.

Каждый день проходили занятия по боевой подготовке, а в воскресенье после обеда мы, тогда еще совсем молодые ребята, ходили на окраину Сталинграда, где базировались зенитно-артиллерийские батареи, которые обслуживали девушки – они жили при батареях в землянках. Землянки были оборудованы койками, сбитыми из досок, аккуратно, по-военному, заправленными простынями, столом, накрытым простынью, на котором в гильзе от снаряда стояли полевые цветы. В окнах в виде амбразур висели занавески, расшитые девчтами. Шутили, балагурили, слушали музыку, иногда танцевали, но каждый такой вечер для нас заканчивался ровно в 19.00 приходом командира батареи.

«Ребята, прошу покинуть территорию батареи, девушкам надо соблюдать распорядок дня», – объявлял командир.

Нам уходить, конечно, не хотелось, мы возмущались, но командир был непреклонен.

«Никаких просьб! Вы здесь натворите делов, что девчат придется отправлять по домам рожать, а меня отправят в штрафной батальон».

В дальнейшем данные зенитные батареи успешно защищали Сталинград от немецкой авиации и танковых атак. Многие из тех ребят и девчат полегли в землю.

… В дни отдыха от боевых действий штаб бригады размещался в укрытой местности. А наш зенитно-пулеметный взвод в составе трех пулеметов, размещенных вокруг штаба, имел с ним проводную телефонную связь. Немецкие самолеты летали над нами, но нам давали команду стрелять только при нападении немцев на штаб. Надо сказать, что в составе бригады по штату был зенитно-артиллерийский дивизион – это три батареи из двенадцати 37-мм автоматических зенитных пушек, но дело в том, что тягачи к пушкам были, личный состав был, а самих пушек не было, было только три наших пулемета, предназначавшихся для защиты батареи от штурмовой авиации немцев, поэтому наша бригада несла большие потери от авиации противника как на марше, так и при боевых действиях.

В.М. Белова. Подольские электросети

12 апреля 1942 года мы прибыли в часть. Это район Немчиновки под Москвой. Там стоял артиллерийский полк – пять батарей. Основной задачей было обеспечение работоспособности прибора управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО). Боевой расчет составлял около 10 человек. ПУАЗО управлял огнем артиллерии, определял высоту, скорость вражеских самолетов. Практически все мужчины ушли на фронт, их заменили женщины.

Безусловно, на фронте было тяжелее и во много раз опаснее, но и нам довелось пережить многое. Жили в землянках, дежурили посменно на телефоне, на улице. То, что есть и наша доля участия в сражениях Великой Отечественной войны, мы понимали, когда до нас доходила информация, что наша 1-я гвардейская зенитно-артиллерийская дивизия сбивала самолеты.

Н.А. Лескин. Каширская ГРЭС

В конце 44-го меня призвали на военную службу. Попал в зенитно-артиллерийский полк, где пришлось осваивать профессию прибориста. Две недели подготовки в Ногинске, и – на фронт.

Наш дивизион базировался на берегу Волги, жили мы в землянках, рядом с которыми стояли 85-мм зенитные орудия на четырех больших колесах. Для меня, тогдашнего пацана, они казались громадинами. Да оно так и было в реальности. Вес одной такой зенитной установки достигал четырех тонн, сдвигали ее с места несколько человек. Нелегкими были и снаряды для нее. Ящик с четырьмя снарядами весил 84 килограмма. А сколько их надо было разгрузить, перетаскать к орудиям! Вдвоем брались за ящик – руки отрывались, на спину клали – ноги подкашивались. Какая сила была у еще не окрепших пацанов! Но виду, что нам тяжело, не показывали, таскали наравне со всеми. На войне все равны.

Вскоре меня поставили на управление зенитно-артиллерийским огнем, то есть по прибору наводить цель. Одним словом, я готовил орудие для точного выстрела. Когда цель была найдена, я кричал как можно громче: «Есть!» И через несколько секунд раздавались оглушительные орудийные залпы. Снаряды летели в сторону врага.

М.А. Трухачева. Северные электросети

После прохождения медицинской комиссии в ноябре 1943 года я была направлена в 583-й зенитно-артиллерийский полк, который базировался на станции Панфилово Стalingрадской области. Командиром нашей батареи был назначен лейтенант Сучков Александр Митрофанович. После прохождения карантина и обучения наш полк был направлен в Белгородскую область. И вот, мы на оборонительных позициях на узловой станции Валуйки. Как яростно хотели овладеть этим пунктом фашисты, чтобы беспрепятственно поставлять по железной дороге все необходимое для нескольких направлений фронта: тут и Кавказское, и Волжское, да и Московское.

За сутки зенитное отделение из десяти девчонок и двух парней-наводчиков «окопалось» на окраине поселка. Вырыли землянку – метров десять в длину и метра два с половиной в ширину; закрепили стены бревнами и досками; сделали накат, накрыли защитной сеткой, установили станки для своих ПУАЗО. Ребята из технического полка тем временем подвели все необходимые коммуникации, отделили плащ-палатками место для отдыха – для девушек отдельно, для ребят отдельно – и тут же сигнал тревоги!

Так началась моя служба в рядах Красной армии. Начинала службу в воинском звании рядовой, работала прибористом зенитного отделения на ПУАЗО-2 – это приборы управления артиллерийско-зенитным огнем.

До сих пор помню, как я злилась, когда у меня за спиной останавливался командир отделения, молодой лейтенант. Стоит и словно молитву читает: «Девочки, мы должны работать с предельной точностью, от нас зависит результат боя!» Думала, что контролирует, не доверяет, а мне ведь, как почти всем девчонкам нашего зенитного отделения, хотелось самой стать ракетой: взлететь – и поразить вражеский самолет, своими руками разорвать его на куски!

Как вспомню, какого напряжения всех сил требовала та сосредоточенность, с которой каждая из нас вела маленькую стрелочку по медленно вертящемуся цилиндру ПУАЗО, по одной тонюсенькой линии (из десятка плывущих по прибору нитей!) – даже сейчас мурашки по спине. Молили: только бы не дрогнула рука, только бы не сошла с курса маленькая стрелка! Ведь тогда – промах! Снаряд, сделанный далеко в тылу женскими или детскими руками, уйдет впустую! И радовались,

когда слышали: «Отлично сегодня стреляли, девчонки! Сбили столько-то самолетов!» Бывали дни, когда практически не было передышек между налетами вражеской авиации. Особенно зверствовали фашистские летчики во время наших солдатских обедов. Знали, гады, наш распорядок. Полевая кухня находилась примерно в полукилометре от нашей землянки. Только дежурные повара наполняли наши котелки и отправляются в обратную дорогу, как появляются на горизонте «юнкерсы». Не раз все наше отделение вообще оставалось без обеда: ведь дежурные сами старались спрятаться, а котелки вспыхах бросали кое-как и где-нибудь, ну, потом пообыкли и стали аккуратно пристраивать котелки, а потом сами прятаться, чтобы переждать вражеский налет. Нас, девчонок, в случае неудач с обедом выручал шоколад, который нам выдавали вместо сигарет как некурящим, а курящим выдавали порцию табака, они крутили «коzy ножки». Не раз мы делились своими запасами шоколада с парнями, хорошо понимая, как плохо на фронте быть без обеда.

В 1945 году, после окончания войны, к нам в родительский дом в Тамбовской области, куда я вернулась после войны, приехал тот самый молодой лейтенант, который во время боя стоял за моей спиной и на которого я злилась за это. Фамилия этого молодого лейтенанта была Трухачев Сергей Васильевич. Узнала я и истинную причину его стояния за моей спиной – это он защищал меня на случай, если бомба упадет или осколки будут лететь: «Я рассчитал, – объяснял он мне потом, – что если такое случится, то мы друг друга спасем». Появился он нежданно-негаданно и сразу, с порога, заявил: «Я к тебе, Мария, приехал. Стань моей женой!»

Вот так мы и поженились, вот так я стала Трухачевой, и прожили мы с ним душа в душу 56 лет до самой его кончины. У нас четверо детей, три девочки и мальчик.

Саперы, минеры

И.И. Поляков. Северные электросети

Вечером старшина роты сказал, что завтра к 8.00 мне нужно явиться к командиру полка. Утром я уже был на месте. Командир полка рассказал мне о цели и ответственности предстоящего задания и выдал карты минирования нашего участка фронта. Весь участок делился на 14 подучастков. Теперь я был в непосредственном подчинении командира полка и отвечал перед ним за выполнение дневных работ. Выдавать карты минирования мог только с его разрешения определенному кругу лиц: начальнику штаба, двум командирам рот и одному командиру взвода. Только эти люди могли знать о проходах в минных полях. Работы по минированию должны были быть выполнены двумя нашими ротами и взводом стрелкового полка за две недели, так как было предположение, что немцы через месяц займут Калугу. Но они пришли в Калугу раньше. Мы даже не успели закончить минирование 14-го участка. На ночь там остались наши ребята из роты вместе с командиром роты, ездовые и санинструктор, всего 29 человек. Они оказались в кольце у немцев. Командир роты был ранен в горло. Командир полка поручил мне добраться до них и забрать карту минирования 14-го участка. Немцы вокруг успели поставить уже семь дозорных вышек. В 5 часов

вечера я по-пластунски пополз по полевой дорожке, которая шла мимо кювета с водой. Прополз я один километр, как вдруг увидел немецких мотоциклистов, ехавших со стороны Калуги. Я нырнул в кювет с водой. Они постояли минут пять, посмотрели вокруг и уехали. Я вылез, прополз еще примерно километр, и снова немцы – целый взвод вышел со стороны Калуги. Я – опять в кювет. Немцы прошли мимо. Они догадывались, что за кюветом минное поле. Через три часа я нашел своих. Все 29 человек были живы. Командир роты увидел меня, обнял и показал на карман, где была карта минного поля. Я взял карту, было уже 12 часов ночи. Что делать дальше? По той дорожке, что я прополз, 29 человек пройти не смогут. Я приказал ездовым запрячь лошадь, мы уложили в повозку командира роты и через овраги отправили их туда, где еще были наши части. А сам опять по-пластунски по старой дорожке приполз в 4 часа утра в свою часть и сразу пошел докладывать командиру полка, который не спал, ждал моего возвращения. Я вернулся ему карту минирования 14-го участка и доложил, что все 29 человек из окружения выведены. Командир полка приказал мне расстегнуть шинель, я расстегнул, а колени у меня голые и посинели от ледяной воды. Он тут же приказал старшине сменить мне обмундирование. Потом вызвал начальника штаба и приказал написать наградной лист на меня за спасение 29 человек личного состава роты. На другой день в ночь при налете немецких бомбардировщиков была разбита землянка, где размещался штаб полка. Начальник штаба и командир полка были ранены и отправлены в госпиталь. Так пропала моя первая награда. В конце ноября 1941 года наша часть отошла на новые позиции под Серпухов Московской области, где занимались ремонтом мостов и строительством дзотов. Запомнился январь 1942 года с его морозами до 45 градусов и жаркими боями под Москвой.

В.И. Ромадин. ТЭЦ-9

Прорвав оборону под Сталинградом, наша дивизия успешно продвигалась на запад, мы с ходу взяли районный центр Суровикино. Но дальнейшее продвижение приостановилось, так как Суровикино находилось в котловане и его окружали высоты, которые занимали немцы.

Командир дивизии Данилов приказал нашему батальону занять оборону. Под прикрытием техники мы пошли на сближение с немцем и буквально в 100–200 метрах начали приспосабливать местность. Ввиду того, что мы располагали тремя повозками противотанковых мин, мы их быстро расставили в шахматном порядке, сзади нас поддерживал артдивизион с 75-мм пушками. И вот так в течение пяти бесконных дней и ночей мы удерживали свои позиции, на наших минах подорвались два немецких танка, а артиллеристы отбивали атаки заградительным огнем.

Бои были очень тяжелыми, много мы потеряли наших хороших ребят. После этого за выдержку, стойкость и самоотверженность наша 119-я стрелковая дивизия была переименована в 54-ю гвардейскую дивизию, а наш 124-й саперный батальон – в 60-й гвардейский батальон, и вся часть награждена медалями «За оборону Сталинграда».

Г.С. Левитский. ТЭЦ-17

Близ станции Касторной пробыли до конца июля, получили пополнение и двинулись к Курской дуге, где попали на Белгородское направление. Стояла жаркая сухая погода. В походе все страдали жаждой. В колодцах воды не хватало, пили воду с песком и илом через носовой платок. Немецкие

стервятники бомбили дороги днем и ночью. Особенно свирепствовали его «рамы» да «горбыли», которые сыпали на дороги «мелочь», от которой очень тugo приходилось нашим лошадям и личному составу – вообще живой силе. Бои шли жестокие. Немец рвался в наступление, готовил возмездие за свои неудачи под Сталинградом и Воронежем. Так мы вступили в состав 2-го Украинского фронта, это было 23 сентября 1943 года. Жертв на полях боев было очень много. Погода стояла жаркая, поэтому по дороге идти было очень скверно, несло разложением трупов. Сильные бои шли у Белгорода. Здесь преимущественно дрались танки и авиация. Нашего напора немец не выдержал, сдал Белгород, и мы пошли на Харьковское направление. Я тогда был сапером-подрывником, опыт у меня – маленький, и мне приходилось очень тugo. Но я был любознательный, быстро все схватывал и сейчас же применял на деле. Увидев это, наш командир взвода, лейтенант Малышев, назначил меня старшим группы в три человека и направил во взвод трофейщиков – обеспечивать их по минно-подрывной работе. Так мы вчетвером прибыли на станцию Долбино подрывать разбитые и горелые танки на металлом.

Ф.А. Краснопёров. ТЭЦ-9

В составе 4-й Коммунистической дивизии участвовал в форсировании Днепра, в освобождении Киева, в окружении немцев в Корсунь-Шевченковском котле, в освобождении Украины. В одном из населенных пунктов пришлось нам минировать шоссе. По данным разведки, немцы готовились тут к контрнаступлению, дивизия встала в обороне, но атака немцев не состоялась. А наши части подготовились к наступлению. Земля подмерзла. Бездорожье кончилось. Нам было приказано разминировать шоссе. Легко сказать – разминировать. Мины вмерзли в землю, местность пропстреливалась противником. Чуть стемнело, начал я лежа выкапывать финкой взрыватели мин. Деревянные ящики мин с толом решено было оставить в земле, а взрыватели обязательно вытащить из мин. Достаточно было одного неосторожного движения финкой, и от сапера ничего бы не осталось. Сколько часов я вытаскивал эти 15 взрывателей, я уже не помню, но задание выполнил! Шоссе разминировал!

М.И. Комаров. Северные электросети

Так дошел я до Минска. Здесь пришлось менять специальность. Поручили строить мосты через Неман. Сроки короткие – трое суток. Заготовляли лес, сплавляя его по реке, ставили 12-метровые сваи. Вместе со мной с самого начала воевал наш калининградец Николай Степанович Лебедев. Он командовал батальоном. Как сейчас встает в памяти картина его гибели. Рвались снаряды. Когда бой окончился, многих не досчитались. Николай Степанович лежал навзничь. Осколок фашистской бомбы попал в самое сердце. Похоронили мы его в братской могиле на берегу реки.

Сколько лет прошло, а горечь этой утраты не забылась. Недавно я написал в Гродно, поинтересовался, не забыта ли эта могила. Мне ответили, что стоит на том месте хороший памятник, к нему часто приходят дети, кладут живые цветы.

Мне повезло. Дошел я до Берлина и даже расписался на стене Рейхстага. Не было счастливей для нас дня, чем День Победы.

Б.А. Рунов. 5-й район ВВС

Направлен был в действующую 4-ю танковую армию 1-го Украинского фронта, в 3-ю инженерную бригаду. Назначен командиром саперного взвода.

Бригада обеспечивала продвижение 4-й танковой армии на запад. Наступать приходилось по заминированным дорогам. Серьезной преградой служили реки, а в Польше и Германии их много. Работы саперам хватало. Прошли с танковой армией большой путь, а вернее, ее сопровождали, так как без нас она не преодолела бы водные преграды, заминированные дороги. Путь проходил по Польше, Германии, участвовали в боях при взятии Берлина и освобождении Праги. Строили мосты через реки Одер, Нейсе, Бобер, Шпрее, Эльбу. Реки широкие, полноводные, и форсировали некоторые из них накануне или во время паводка весной 1945 года.

Темпы наступления 4-й танковой армии были столь высоки, что строить мост приходилось быстро и с нуля. И часто за одну ночь. А грузоподъемность моста была 60 тонн.

Саперы одновременно вели инженерную разведку подходов к реке. Все делали скрытно: изменили глубину водной преграды, определяли скорость течения и другие показатели реки, чтобы не ошибиться, все учесть при строительстве моста. Для сокращения времени стройматериалы заготавливали заранее и затем готовые прогоны доставляли к берегу.

Противник яростно оборонялся, делал все, чтоб не допустить или сорвать строительство мостов для наших войск. Налеты вражеской авиации, артиллерийский и минометный огонь не останавливали саперов. Шли на хитрость: начав строительство моста в одном месте, делали что-то похожее – устраивали ложную переправу в другом. Использовали различные средства маскировки: ночь, туман, дымовые завесы. Командиры ценили каждого бойца, шли на все, чтоб избежать людских потерь.

В инженерной бригаде оказался мой земляк – Юрий Дорофеев. Мы учились с ним в одной школе, поступили и окончили одно военно-инженерное училище в Большеве. Вначале наши фронтовые дороги разошлись, а когда я после госпиталя прибыл в 3-ю инженерную бригаду, здесь оказался и лейтенант Дорофеев. Мы стали командовать взводами в одной роте, и между нами возникло негласное соревнование: чей взвод быстрей выполнит задание...

Глядя на командиров, подружились и солдаты взводов. Саперы выручали друг друга, приходили на помощь – все делали во имя успеха своей танковой армии, которую нужно было как можно быстрей пропустить вперед, обеспечить переправу танков.

Саперной роте и моему взводу порой приходилось с риском для жизни отстаивать построенный нами же мост. Так было при форсировании реки Нейсе весной 1945 года, накануне паводка. Саперы соорудили мост быстро и без больших потерь. Длина моста – до 100 метров, грузоподъемность – 60 тонн. Построили мост надежно, а для гарантии, чтобы механики-водители первых танков не сомневались в прочности моста, саперы сами вставали под него.

Первый танк прошел, за ним второй, третий, техника двигалась, и в это время пришла беда... но не от противника. Начался ледоход! Вражеские снаряды разбили лед, и он тронулся, течение понесло льдины на сваи моста. Ударяя по сваям, ледяные глыбы стали раскачивать мост. Закачались и идущие по нему танки. Началось нагромождение льдин и перед мостом, так как они не все

проходили в пролеты. Никаких отбойных защитных устройств не было. Что делать? Ужас охватил нас, а переправа продолжалась полным ходом. Как спасти мост? Принимаем решение – «атаковать» льдины толовыми шашками! Саперы встали по брустверу моста. Режем бикфордовы шнуры длиной пять сантиметров, то есть на пять секунд горения шнуря до взрыва шашки. Меньшей длины – взорвется в руках, большей – подплывет на льдине и взорвется под мостом. Видя приближающуюся льдину, зажигаем шнур и бросаем шашку. Сами же прижимаемся к брустверу, чтобы взрывной волной не сбросило с моста или под танк.

Борьба со льдом была очень рискованной, но другого выхода не было. На нашем берегу не могли понять, что происходит. Многие думали, что немцы открыли по мосту прицельный артобстрел. Ведь наши взрывы были совсем близко у моста.

А мы продолжали защищать от льдин свой мост, как могли. Сейчас, конечно, трудно представить все происходившее тогда, но каждому из нас до смерти было отведено всего пять секунд. Одного бойца все же потеряли: он не заметил начала горения шнуря и погиб от взрыва. И все-таки, как только прошла основная техника, пришлось сдать мост весеннему паводку. Покинув мост и прекратив переправу, мы были свидетелями, как он крушился на наших глазах водной весенней стихией. Но мы свое дело сделали, обеспечив проход основной техники и войск на другой берег реки.

В конце апреля 1945 года я участвовал со своим саперным взводом в строительстве моста через Эльбу в районе немецкого города Торгау, где встретились с нами первые американцы. Радость встречи с союзниками вылилась в большой, незабываемый праздник.

Водители

В.В. Кукушкин. Ногинские электросети

Я водителем был, возил разведчиков, радиостов и связистов на грузовой машине. Попадали в переделки. Фронт есть фронт. Участвовал в форсировании реки Свири, южная Карелия, – это четвертый из так называемых ударов Сталина. Немец тогда еще сильный был. Это после Сталинградской битвы и Курской дуги, когда ему сломали хребет, он ослаб. Река Свири шириной 400 метров. Страшная мясорубка. Жертв много было. Вода кипела от разрывов снарядов. Пехота первая переправилась, на лодках. Потом танкисты, мы поехали – по переправе. А кругом снаряды рвутся, самолеты. А я на машине, и ребята у меня в кузове. Одолели. Дальше двигаться надо. Дороги никакой, все разбито, только трупы кругом – финны, немцы. Мы тогда сразу в первый день продвинулись на 50 километров. И так пошли дальше в наступление, а там болота, столько преград водных, тяжелые условия в Карелии – леса, болота, сопки гранитные, озера. Бездорожье. На войне дорог не было вообще.

... Людей, живых и раненых, снаряды и все, что необходимо на войне, возил на борту своего грузовика. В 44-м получили приказ – перейти границу Норвегии для освобождения страны, окку-

пированной в 1940 году немецкими захватчиками. Город за городом... Освобождены более 3 тысяч норвежцев, заточенных в старой штольне, два лагеря для военнопленных... Местные жители встречали нас, русских солдат, как освободителей. В Норвегии я и встретил Победу.

А.М. Соколов. Теплосеть

По окончании учебы в июне 1943 года нам выдали сухой паек: тушенку, брикеты пшена, сухари. Из Коломны мы прибыли на Курский вокзал Москвы, а затем по железной дороге доехали до Орджоникидзе. Здесь мы пересели на автомашины и по Военно-Грузинской дороге направились в Тбилиси, Армению и Азербайджан. Доехали до Джульфы, где находилась военная база. Майор Пеший и капитан Генералов проинструктировали прибывших о наших задачах. Мы получили иномарки, в которые были погружены военная техника и продовольствие. Весь военный груз мы должны были доставить в Батайск.

Я впервые сел за руль иномарки и в составе автоколонны отправился в обратный путь. В Азербайджане и Армении все было спокойно, и мы любовались красотой природы и, особенно, Севанским перевалом. В Грузии начальник колонны майор Пеший проинструктировал нас, чтобы при движении автомашин интервал между ними составлял не более 15–20 метров, и при каждой остановке необходимо подавать сигналы. При движении окна кабины должны быть закрыты и двери зафиксированы на замок, чтобы с подножки нельзя было их открыть. Это было вызвано тем обстоятельством, что следовавшая впереди нас автоколонна, где шоферами были девчата, подверглась нападению горцев, которые вскачивали на подножку и вырывали руль у водителя. Машина теряла управление и падала в ущелье, а горцы спрыгивали с подножки автомашины и убегали. В результате этих бандитских акций погибло 11 девчат.

Военно-Грузинская дорога являлась очень сложной для прохождения автотранспорта, и были случаи, когда автомашины не вписывались в поворот дороги, что приводило к трагическим последствиям. Так приходилось шоферам испытывать большие трудности на горных дорогах Кавказа.

Прибыв в Орджоникидзе, мы сутки отдыхали, приняли горячую пищу и помылись в бане. Затем последовали в Батайск, где сдали военный груз и направились в пригород Днепропетровска.

Танкисты

*Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне,
Когда в огне была броня
И я горел в огне.*

*Держись, сказала мне она,
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.*

*Держись, сказала, за меня.
И, люк откинув сам,
Я вырвался из тьмы огня –
И вновь приполз к друзьям.*

Сергей Орлов

Н.Н. Николаевский. ГРЭС-3

25 июня 1941 года за Псковом, у города Остров, наш полк получил первое боевое крещение в схватке встречного боя с танками противника. Я был водителем танка командира танкового батальона. Наш батальон должен был закрыть дорогу немецким танкам и обеспечить своевременный организованный отход окружаемых подразделений наших войск. И батальон лобовой атакой пошел на таран вражеских танков. Дорога была перекрыта завалом из танков с обеих сторон, задача задержать прорвавшегося противника была выполнена. Подобрав оставшихся в живых танкистов, батальон отошел к отступающим частям, прикрывая их отход.

А.И. Князев. ГРЭС-3

Быстро подружился со своим командиром танка, словно с детства росли вместе. Молодые и бесстрашные, попали на Стalingрадский фронт. Командир погиб в бою, когда фашисты, взятые нашими войсками в окружение, начали прорывать кольцо. Бой начался в четыре утра. Когда наши танки ворвались в немецкие порядки, мой танк уничтожил четыре немецкие пушки. Увидев, что преимущество не на их стороне, немцы стали сдаваться, но в плен мы не брали никого – уничтожали врагов на месте. В танк попал немецкий снаряд, машина загорелась, командира убили. Я остался без командира и без танка. На другой машине повоевал три дня, и снова танк подбили.

И снова меня отправили за новой машиной. Очень хотел получить Т-34, но все сложилось так, как никто и не ожидал, – я на время попал в разведку.

…Скучал все же по танку, по дружному экипажу. Но раз уж так сложилось, то надо служить дальше и бить врага. Война идет, и задача у всех одна – продолжать освобождать страну от немецких захватчиков. 8-й танковый корпус готовился к решающей Курской битве. Около деревни Прохоровки сосредотачивались огромные танковые силы. И тут с аппендицитом в госпиталь попадает один из водителей Т-34, а на его машину сажают меня. С одной стороны, сбылась мечта, а с другой – с окончания учебки я ни разу не управлял таким танком. Но командир успокоил: не переживай, освоишься. На привыкание было два дня, а потом – в бой. Немец ужеочно занял место под Прохоровкой и вел активное наступление. Звучит команда «Окопаться!» В танке оставался только командир и заряжающий. Машины зарыли в землю так, что остались одни пушки. Экипаж окопался рядом. Четыре дня танкисты отражали немецкие атаки. Не прошли ни «тигры», ни «фердинанды». Много друзей погибло в этом бою. Большой снаряд разорвал танк. Командир и башнер погибли.

За бой под Прохоровкой получил медаль «За отвагу». А затем приказом по корпусу меня снова перевели в разведроту, с которой дошел до Берлина.

Ф.Ф. Громадин. ЦЭС

Всю войну прошел в составе 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

В 1941 году мне только исполнилось 18 лет. Определили механиком в роту технической эвакуации. Бои были жестокими. Наша танковая армия несла огромные потери. Хорошо запомнилось сражение под Тулой зимой 1942 года, в ходе которого наша армия была разбита почти полностью. В то время мы втянулись в тяжелые оборонительные бои. На вооружении находились тяжелые танки «КВ». Мощные машины, но с низкой маневренностью и очень незначительной скоростью движения. В общем, мы оказались хорошими мишениями для немецкой артиллерии. Из этого боя вышло всего несколько уцелевших машин…

После Тульских событий нас практически сформировали заново. Дали и новую технику – знаменитые «тридцатьчетверки». Боевые вехи: Латвия, Литва, Польша. На слух – просто географические названия. Но за каждым из них – атаки, взрывы снарядов и пулеметные очереди, горящие машины, стоны раненых товарищей. В составе той же 3-й танковой армии, к этому времени ставшей гвардейской, принимал участие в битве за Берлин.

А.М. Плохин. Коломенские электросети

Участвовал в танковом сражении на шоссе под городами Борисовом и Оршой. Наш экипаж подбил один немецкий легкий танк. Но наша машина Т-26 также была сожжена, экипаж остался жив. При обороне Истры в составе пехотной части у стен Ново-Иерусалимского монастыря, за рекой, мною из автомата было уничтожено два мотоциклиста противника. При обороне железной дороги и шоссейной дороги Волоколамск – Москва у деревни была расположена артиллерийская батарея одной из наших частей. Весь обслуживающий персонал погиб, выведено из строя два орудия. Но одно орудие было годно. В это время из леса вышли немецкие легкие танки-разведчики и мото-

А.Н. Есаков среди курсантов ШМАС Балтийского флота

А.Н. Есаков

Н.Н. Трофимова

Ф.И. Шарков

А.В. Холин, начальник ПС 178.
Январь 1942 г.

Слева направо: Ф.Т. Демченков, Ф.К. Фак, И.С. Полбин,
А.Г. Хвастунов, А.Д. Барышев. 1942 г.

циклисты. Я и мои товарищи решили использовать одно оставшееся целое орудие против немцев. Мы подожгли одну танкетку и мотоцикл с экипажем. А после этого был налет самолета противника на наше орудие. Орудие было разбито, погибли трое моих товарищей.

В 1941 году, при выходе из окружения, на Соловьевской переправе, в составе восьми танков Т-26, нас обстреляли из орудий немцы. В этом бою наш экипаж подбил одно орудие и один легкий танк. Наша машина также была подбита, в ней погиб механик-водитель.

В 1942 году под Ржевом при наступлении наша рота подбила два немецких орудия и один танк. 15 августа 1942 года попал в плен после тяжелого ранения. Находясь в плену в Германии, был в лагерном подполье. Два раза совершал побег. В апреле 1945-го освобожден американскими войсками.

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

Войну прошел от Малоярославца до Берлина. Сначала я был на радиостанции на машине, на «студебеккере». Называется РАФ – радиостанция армейско-фронтовая, начальником радиостанции. Сняли. Говорят – на танк, некому воевать, на танке некому связь держать, а ты классный радист. Я ведь связь держал с батальонами, со штабом, когда нужно.

Как сел под Ржевом на «тридцатьчетверку», так и до самого Берлина в составе 45-й гвардейской танковой бригады. Радист-стрелок-пулеметчик. Механик и я рядом – с правой стороны. Остальные – в башне. Командир орудия, командир танка, командир башни – все трое.

В 42-м под Ржевом, минус 35 градусов, в ботиночках, в землянке, в танке сидеть тяжело, конечно. Стояли в обороне, наступление бесполезно. Враг укрепился в Малом и Большом Кропотово, Ковылино. В атаку пойдет батальон 600 человек, возвращаются человек 30–50. Убитых было сплошь¹².

А меня ни разу не ранило. Хотя за войну мы потеряли три танка. А подбили девять. Но были потери. Куда уж тут денешься, никуда не денешься. Много таких эпизодов. Форсировали Сан, река такая, Сан, на Украине. Речка – перепрыгнешь ее, но берега очень отвесные, а за этой рекой – крупный железнодорожный узел, и там, как нам сказали, 12 эшелонов стоят немецких, с танками, с артиллерией, с пехотой – надо взять. И вот, мы его брали, этот узел. И как раз там танк у нас сгорел и все... все – сгорели. Выскочили из танка, ну, они горят, вокруг танка побегали-побегали и упали.

А.П. Туз. ГРЭС-3

Под Сталинградом я впервые вступил в поединок с немецкими танками, бой был жестоким. Один снаряд грохнул о стальную плиту, второй – танк содрогнулся. Я откинулся на сиденье, в уши словно ваты кто-то навтыкал, в голове шум, звон, и, главное, что творится вокруг, никак не понять. Башнер то и дело гремит своей крышкой, в одном месте танк ушел в канаву, но я выбрался. К вечеру башнер и говорит: «Запомни друг, станцию Песочную...» – «А что?» – «А то, что у нас с тобой

¹² Тяжелые бои в конце ноября – начале декабря 1942 г. В этих боях 200-я танковая бригада понесла большие потери, был убит и командир бригады Герой Советского Союза подполковник В.П. Винокуров.

два немецких танка сожжено. Они вон там, позади, остались, горят...» Я так и не понял, когда он их успел подбить в этой кромешной суматохе, страшном грохоте и лязге.

А через несколько дней – снова бой, жестокий, огневой... Немецкий бронебойный снаряд угодил в бензобак, второй попал в борт. Вытащили меня из горящего танка, обожженного, с осколками в теле, а мои друзья по танку погибли. Отлежался я в госпитале, вылечился, встал на ноги – и опять в родной полк.

Дали мне танк, и, как сейчас помню, около совхоза «Поляна» начал я свой третий бой. У немцев было больше танков, но у нас стояла задача сковать немецкие танки, привлечь их на себя, и мы вступили в неравный бой. Сначала отразили несколько атак, а потом сами перешли в контратаку. Шел я на медленном ходу, башнег огонь вел, и вдруг меня куда-то бросило, ударило в лицо огнем, и когда я очнулся, в носу и горле едко щипал дым. Я стал вылезать, вверху лейтенант, тоже только что в себя пришел.

– Сели мы с тобой на мель...

– На минуту?

– Да, – отвечает, – надо танк спасать. Я выберусь на балки и сообщу нашим, а ты сиди, немцы опять могут полезть.

Сказал и ушел. Больше я его не видел. Время стало к вечеру приближаться, я сел к пушке, на всякий случай, и не напрасно. Неподалеку от меня стоял танк лейтенанта Минаева, и вот на нас полезло шесть немецких машин. Я использовал все боекладки, стрелял, как мог. Соседний танк тоже здорово отвечал. Немцы отошли. К вечеру подошел танк мне на помощь... Потом много раз приходилось мне участвовать в танковых боях. Всего же я двадцать шесть раз был в танковых атаках, четырьмя орденами награжден.

Бывало, что и на таран ходил, в дуэлях на близких дистанциях участвовал, был и под огнем немецких противотанковых пушек. Тяжелая, трудная профессия у танкиста, нервы нужно иметь стальные, выдержку натренированную, а иначе танк превратится в мишень, и его расстрелят любой артиллерист. Однажды на таран я шел, немец до последней секунды держался, а потом не выдержал, нервы у него, видать, жидкые оказались, повернулся, тут я его и смял. У меня самого в тот момент напряжение на пределе было, а я все же держался, зубами скрипел, в ручки впился – руки свело, а выдержал.

А с чем сравнить чувство, когда на пушку идешь, по тебе бьют, танк стонет, скрежещет, вздрогивает от ударов снарядов, а ты идешь, потому что, если сдадут нервы, повернешься – пропал. Подобьют, сожгут.

Много танкисту нужно выдержки, терпения. В походе под Сталинградом месяц не вылезал из танка, там и спал, там и кушал, дышал перегаром. Железные нервы, железная выдержка, железная стойкость – вот наша броня, и эта броня самая крепкая.

Бронепоезд-мечта

*В блокадных днях мы так и не узнали:
Меж юностью и детством где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали,
И только в сорок пятом – паспорта.*

Юрий Воронов

А.М. Акимов. Октябрьские электросети

Мы с пацанами постоянно крутились у бронепоезда, который вернулся к нам в Крюково после боев под Калининградом, мы старались хоть чем-то помочь военным. Наша мечта была попасть на такой бронепоезд и бомбить, бомбить фрицев, но нас постоянно прогоняли. Однажды перед отходом бронепоезда на фронт мне все-таки удалось пробраться на него, я спрятался и сидел тихо до тех пор, пока поезд не набрал скорость. Когда командир обнаружил меня, сказал: «Не возвращать же мальца в Крюково. Оставляем в экипаже, дальше видно будет». Переодели в форму, определили круг обязанностей, учили обращаться с оружием, выполнять работы по экипажу – от чистки картофеля на кухне до обязанностей помощника дежурного по боевому посту. Так я попал на фронт и, можно сказать, участвовал в боях, правда, пока нас не подбили и подошедший паровоз не отбуксировал нас снова на станцию Крюково. И снова я пошел в военкомат, и снова просился о зачислении в действующую армию.

Не знаю, что помогло, – то ли то, что мне было уже почти 17 лет, то ли то, что стало известно, что я побывал в боях в составе бойцов бронепоезда, но наконец-то, 8 февраля 1944 года, я был зачислен в 44-й отдельный дивизион бронепоезда Красной армии № 758 «Щорс».

На второй день отбытия наш бронепоезд был подвержен бомбардировке, к счастью, никто не пострадал, и мы благополучно доехали до места назначения, а место назначения у нас был Витебск, где мы базировались и куда возвращались после выполнения боевых операций.

22 июня 1944 года началось контрнаступление Витебского направления с участием бронепоездов и при артиллерийской поддержке 44-й дивизии, я к тому времени был наводчиком орудий.

После этого наступления я был награжден медалью «За боевые заслуги». От базы под Городком бронепоезд с боями медленно продвигался в направлении городов Литвы и Латвии. Мы, в составе действующей армии, освобождали Вильнюс, Шауляй, Елгаву. Но, так как мы для немецкой ави-

ации были легкой добычей, потому что не могли убежать ни влево, ни вправо, нас неоднократно подстреливали. Одна из бомб угодила между бронеплощадками, взрывной волной я был отброшен под откос железнодорожного пути, но, к счастью, отделался легкими ушибами. После освобождения Елгавы нас направили в город Кретинген, где немцы перешли в контрнаступление для воссоединения с окруженнной Курляндской группировкой. Бои были жестокими, неоднократно мы с немецкими танками вступали в перестрелку. Мы их называли «дуэлями». Нас изрядно потряпало, но и мы не оставались в долгу, считать подбитые танки не было времени. Затем следовали жестокие бои за освобождение Клайпеды, 29 января 1945 года штурмом наши войска ворвались в город. За освобождение города нашему бронепоезду было присвоено звание Клайпедский, а я за участие в штурме был награжден медалью «За отвагу». В обороне окруженнной Курляндской группировки стояли до 8 мая 1945 года, а в 2 часа ночи 9 мая нам объявили об окончании войны. 22 мая мы участвовали в параде Победы в Клайпеде.

В.Н. Яковлев. ТЭЦ-17

Бронепоезд, в команде которого я был заместителем командира, колесил по железным дорогам в районе Брянского фронта. Он появлялся в самые критические моменты. И поддерживал мощным огнем наших пехотинцев. Нередко оказывал существенное влияние на ход событий.

11 августа 1942 года. Получен приказ: выдвигнуться в район передовой южнее станции Долгоруково. Когда прибыли на место, неожиданно появилась группа «мессеров». Они делали один заход за другим. Не умолкая, били зенитки. Загорелся вражеский самолет. Но во время очередного захода «мессеров», бомба угодила прямо в паровоз. Раздался страшной силы взрыв. Убило командира, многие были ранены. Я получил ожог третьей степени и осколок в коленном суставе.

Санитарным поездом отправили в эвакуационный госпиталь № 1232, который находился в городе Рубцовске Алтайского края. В дороге меня принимали за глубокого старика. Осунувшееся, покерневшее лицо, струпья на теле.

Где-то только на второй неделе пути начал приходить в себя.

– Да он молодой, – всматриваясь в лицо, вдруг произнес сосед по купе.

Когда более или менее пришел в себя, подошла медсестра, спрашивает:

– Что приготовить? Заказывай, для «тяжелых» у нас все есть.

– Жареной картошки...

Более пяти месяцев пробыл в госпитале. 8 февраля 1943 года врачебная комиссия признала меня «ограниченно годным 2-й степени».

6 ноября 1947 года Президиум Верховного Совета СССР наградил за этот бой младшего лейтенанта В.Н. Яковleva медалью «За отвагу».

Радисты

В.М. Лысенко. ТЭЦ-11

Прошла через всю войну. Я солдат, рядовой, в 42-м году в армию пошла, сначала в пехоте была, после ранения уже попала в артиллерию. Здесь немного легче было, чем в пехоте. Передвигались на машинах, ну, и от передовой подальше, хотя и обстреливали, и бомбили, наверное, еще больше, чем в пехоте, но я находилась или в блиндаже, или в глубоком окопе.

Когда освобождали Киев, мы немножко левее были города. 2 ноября нашему отряду в 40 человек было дано задание переправиться на другой берег Днепра.

Мне пришлось идти в первой группе, там шли в основном разведчики и те, кто будет корректировать огонь. И я там как радист.

Никакой переправы, pontонов-мостов не было, мы на подручных средствах доплыли почти до берега, и наш плот развалился, потому что обстреливали очень сильно. И меня сбило. Я была в ватных брюках, телогрейке, шапка завязана у меня была, в полной боевой выкладке: с автоматом, и радиостанция за спиной висела. Оказалась в воде. Ребята меня вытащили, а лампы я вынула из радиостанции, чтобы их спасти, они у меня были спрятаны за пазухой. И когда я вышла, вылила воду из радиостанции, поставила лампы, моя радиостанция заговорила. И все, кто там был, на протяжении полукилометра, и летчики, и танкисты, и пехотинцы, приходили ко мне, чтобы связаться с тем берегом.

А время уже было осеннее, я даже немножко замерзала, на мне обмерзли мои ватные вещи. Это было примерно часа в четыре утра, и до следующего утра, пока подошли основные части, я все время была в этом мокром. И так я сутки работала беспрерывно, держала связь с другим берегом, где стояли наши пушки и основные части других подразделений пехоты, танков, потому что другой радиостанции и радиста не было. После того, как подошли наши основные части, пехота немножко продвинулась. А никакого нет ни ровика, ничего, мне там подкопали, на круче в Днепре, так я там и сидела со своей радиостанцией. И когда уже переоделась – сухое мне привезли с той стороны – на меня напали чирии. Я очень долго мучилась ими. Шинель трет, все это растирает, и я никак не могла от чириев освободиться. Меня вылечила гуцулка, в Карпатах такие есть, она по-русски совсем ничего не знала. А она меня вылечила. Напекла лук, приложила, что-то еще. И знаете, так сейчас все это странно слышать! Кровь мне влили от армянки, Кнара Акопова такая была, гуцулка меня от болезни спасла, венгерки мне очень много добра делали. А сейчас мы разъединились, и я очень этим недовольна, даже на Украину не съездишь...

В Будапеште наша колонна попала под снайперский обстрел. Рядом одного радиста убило, другого ранило, а у меня пуля только шапку пробила, и чуть кожу на голове содрало и обожгло. В санчасти пролежала три дня, отоспалась...

Никакого особого героизма на войне я не проявила, но как бы трудно и страшно не было на фронте, старалась выполнять свои обязанности добросовестно и точно. Особенно в артиллерию это важно. В дивизионе 12 пушек, у каждой свой позывной, и если я перепутаю «тополь» с «бере-

зой», или была команда «005», а я передала «05», то снаряд улетит в другое место, а то и по своим. За время войны меня наградили двумя медалями – «За боевые заслуги» и «За отвагу».

3.Ф. Хайлова. Мосэнергопроект

Попала в армию по призыву в 1943 году и была направлена вместе с другими девушками в 139-й отдельный полк связи, который поддерживал связь между всеми фронтами, хотя с подругой хотели быть летчицами, но не смогли поступить в училище.

Командир полка, товарищ Перепелицын, был строгим, но в душе добрым человеком, по-отечески заботился о своих подчиненных, ведь в полку были девочки 17–18 лет.

Служба была ответственная: была радистом и телефонистом, но всегда находилось место шуткам и смеху – ведь девчонки.

Как-то раз довелось услышать переговоры двух летчиков, у которых были позывные «кастрюля» и «сковородка». Они ругались и спорили во время воздушного боя, но вышли из боя целыми, несмотря на прозаические имена. Девочки переживали и болели за наших воинов, радовались нашим победам.

Были и тяжелые моменты, когда узнавали, что наши войска несут потери и терпят поражения.

А однажды стояла на часах у продовольственного склада, и кто-то с крыши сбросил на голову кирпич, который, по счастью, попал в ключицу, а не в голову. Кто-то хотел поживиться войсковым продовольствием, но я успела выстрелить в воздух и поднять тревогу.

Связисты, телеграфисты

3.И. Клиентова. ТЭЦ-17

Родилась я 1 февраля 1923 года. В возрасте 18 лет Струнинский городской военный комиссариат Владимирской области призвал меня на действительную службу.

И сразу же была направлена на обучение по специальности телеграфиста в 8-й отдельный полк связи, который во время Великой Отечественной войны базировался в городе Чебоксарах Чувашской области.

С 10 мая по 11 декабря 1942 года я обучалась там по специальности «телеграфист аппаратов П-100 (телеграфист-бодист)».

Учиться было очень трудно. От бодистов требовалась сноровка и скорость в работе – клавиш было только пять, но для печати нужно было использовать обе руки, два пальца на левой и три – на правой, их комбинации требовалось нажимать быстро и одновременно. Если ты задержишь один палец... Мы плакали, без слез не обходилось.

Инструкторы были строгие, гоняют целый день до изнеможения и приговаривают: «Давайте, девочки, на фронте легче будет!»

Кроме учебы – строевая. Ночью – «В ружье!» Надо за две минуты встать, одеться, винтовку взять и встать в строй. 12 часов ночи – и строевая.

После обучения 10 декабря 1942 года меня направили в действующую армию, в 5-й отдельный полк связи, где служила в звании младшего сержанта.

Аппарат Бодо был громоздким, но позволял оперативно передавать большие (по тем временам) массивы информации, что было крайне важно для управления войсками.

5-й полк связи в период Великой Отечественной войны входил в состав 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта.

Связь – самое ценное на фронте. Связисты на фронте были настолько ценные, что они даже спать ложились в разных, удаленных друг от друга, землянках – чтобы при артобстреле или бомбёжке не убило всех сразу, чтобы узлы связи штабов могли бесперебойно работать.

Н.К. Каланчев. Северные электрические сети

22 июля 1944 года наша дивизия вышла на советско-польскую границу, к Висле в районе Баранув, и с ходу форсировала реку.

При форсировании водной преграды, быстроходной Вислы, отличился взвод связи под командованием лейтенанта Архипова, в этом взводе был и я. Наша пехота стала переправляться на всех подручных средствах, которые имелись в это время. Мы тянули телефонную связь через реку. На самодельных плотах расположили средства связи и самодельными веслами гребли на западный берег реки.

Противник, чтобы не дать возможности быстрой переправы, вел ожесточенный огонь из пушек, пулеметов и с воздуха, который не прекращался ни на минуту. Столбы воды от взрывов взлетали со всех сторон. Один плот перевернулся. Несколько человек утонули в реке, часть выбралась из воды. Нашему отделению под командованием старшего сержанта Щелокова была поставлена задача тянуть кабельную линию с подвеской груза, чтобы кабель опустился на дно. Подплыли к берегу, но вблизи нашего плота разорвался снаряд: убило двух наших товарищней, тяжело ранило В. Карпухина, осколками снаряда задело меня и Веренейчука. Чтобы обеспечить нормальную связь, моим товарищам пришлось несколько раз переплыть Вислу. Связь работала бесперебойно. За это многие из нас были награждены правительственными наградами. Я получил вторую медаль «За отвагу».

Разведчики

А.Ф. Ломакин. Каширская ГРЭС

Зимой 1942 года наша часть держала оборону в лесах и болотах в районе Старой Руссы. Разведчики получили задание – взять «языка». Несколько дней и ночей провели мы на нейтральной зоне, но из-за завала из бревен и снега на переднем крае немецкой обороны выяснить ничего не удалось. По ночам изредка вспыхивали ракеты, а иногда слышалась стрельба из пулеметов. Через несколько дней шесть разведчиков вновь отправились в рейд. Шли, пригнувшись, потом ползли, прислу-

шиваясь и замирая при выстрелах, шорохах и при свете ракет. До завала оставалось совсем немногого, когда раздался выстрел из ракетницы, и ракета на парашюте повисла над нашими головами. Мы замерли, несколько минут полежали на снегу, затаив дыхание. «Вроде все тихо, не заметили нас», – с облегчением вздохнув, поползли дальше к завалу. Сделали пролом, пролезли через него и стали наблюдать. Преодолев ползком несколько метров, попали на дорожку, по которой ходил немецкий патруль. И совсем рядом заметили дымок, идущий из землянки. Осторожно подошли, спрятались и стали ждать. Послышались шаги, кто-то шел по дорожке. Это были дежурные. Немцы двинулись к завалу, выпустили в сторону передовой ракету и направились к землянке. И когда фашисты подошли почти вплотную, мы внезапно напали на них. Завязалась борьба. Против двух немцев трое разведчиков. Несколько минут, и враг был побежден – один немецкий солдат ранен, другой убит. Захватив с собой раненого «языка», мы вернулись в свою часть.

Весной 1944 года части Красной армии заняли рубеж на передовой в одном из районов Западной Украины. Разведчики, как обычно, стали готовиться к проведению ночного дозора. И, прежде чем подойти к переднему краю обороны, обследовали участок длиной чуть более 20 километров. Нейтральная зона занимала где-то метров 800 и проходила по болоту. В маскировочных халатах, вооруженные автоматами, финскими ножами и гранатами, семь разведчиков отправились в путь. Преодолев болото, поднявшись по склону, мы увидели дом и два сарая, от которых прорытый замаскированный ход вел к пулеметной точке и отдельным стрелковым ячейкам, соединенным траншеей. Мы разделились на две группы. Одни поползли к пулемету, другие – к сараю. И стали ждать. С рассветом у сарая показались 10–12 немцев, направлявшихся к пулеметной точке. Что делать? Одни разведчики напали на пулеметчика и находившихся с ним немецких солдат, другие скосили автоматной очередью бросившихся к ним на помощь. В этой короткой схватке, такой неожиданной для противника, мы взяли не простого «языка», а награжденного обер-ефрейтора, от которого были получены ценные сведения.

А.И. Князев. ГРЭС-3

Летом 1943 года я попал в отдельную разведывательную роту 58-й танковой бригады. Разведка – особые войска, где многое зависит от удачи, которая, как известно, дама переменчивая. Под Полтавой немцы заняли оборону, и командование корпуса дает задание – взять «языка». Пять групп отправились в разведку. Наша группа на немецкой линии фронта отследила землянку с офицерами и ночью выдвинулась на задание. Часового сняли ножом, а дальше произошло непредвиденное – один из офицеров, увидев разведчиков, начал стрелять. Его пришлось убить. Схватив другого офицера, вставили кляп в рот и, замотав в плащ-палатку, потащили пленного к своим. Лишь только группа отползла пятьдесят метров от немецкой обороны, как офицер начал кричать. Немцы открыли огонь, двоих разведчиков убили сразу. Чтобы заставить пленного замолчать, командир группы ударил его пистолетом по голове. Когда «языка» дотащили до расположения части, сказать он уже ничего не смог – умер от сильного удара.

Н.К. Каланчев. Северные электрические сети

В декабре 1942 года наша дивизия вела ожесточенные бои по захвату плацдарма на западном берегу реки Дон в районе с. Дерезовка с задачей прорвать сильно укрепленную оборону противника и развивать наступление на Кантемировку...

Командованием была поставлена задача по взятию «языка». Все попытки наших разведчиков не увенчались успехом. Было решено организовать разведку боем. Для укрепления разведчикам была передана рота автоматчиков и группа связистов из девяти человек, в которую входил и я. Группой командовал командир взвода лейтенант Чикирев Сергей Петрович. Мы должны были держать телефонную связь с командным пунктом и группой захвата «языка». Под покровом ночи (а ночью бушевала снежная пурга) прошли передовую линию обороны. Ориентировались мы по вспышкам ракет, которые пускали немцы из своих окопов. В голове шли разведчики, за разведкой тянули телефонную связь связисты, а нас прикрывала рота автоматчиков.

Фашисты, видимо, надеялись, что в такую ненастную ночь мы не начнем боевых действий, и оставили в траншеях только дежурных часовых, которые ракетами освещали и прочесывали огнем своих пулеметов передний край обороны. Наши разведчики подползли незаметно к немецким траншеям на расстояние нескольких метров. Когда взлетала следующая ракета, они дружно бросились в траншее гитлеровцев. Схватка была короткой. Двух немцев бесшумно сняли, третьего скрутили, завернули в плащ-палатку и потащили на свои позиции. В это время остальные, находившиеся в траншеях немцы, открыли по нашей группе огонь из минометов, пулеметов и других видов оружия.

Наша группа связистов попала под шквальный пулеметный огонь. Вдруг с флангов нас стали окружать немцы, но благодаря роте автоматчиков, которые прикрывали группу, их мужеству и героизму, нам удалось с боем выбраться из кольца и доставить «языка» командованию. В этом бою погиб наш командир С.П. Чикирев¹³. Я и еще двое моих товарищей получили ранения. За эту операцию я получил медаль «За отвагу».

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Те, кто сидел на «студебеккере», чувствовали себя королями дорог. Но главные-то были мы – разведчики. У нас особые военные задачи. И вот, едешь по узкой дороге, не разъедешься, там кюветы с обеих сторон, а впереди идет студор, «студебеккер». Гудим, гудим, гудим. Тут хоть что! Не дает обогнать. Но, в конце концов, наш подбирает где-то место и делает так: свои задние колеса ровняет с задними колесами студора. Зад у него, как на трамваях. Занос там метр, да? И тут такая штука получается. Задница довольно длинная. Маленький поворот вправо-влево. И тот летит через кювет. И это было законно. Дорогу не дает, поступает так – все. Машина летит к черту!

А.И. Хрипунова. Каширская ГРЭС

Пришлось на войне побывать и разведчицей. Первое мое задание заключалось в доставке пакета с секретными документами начальнику штаба, расположенного в Доме общественных организаций ГРЭС. А наш полк базировался в д. Сорокино. Идти надо было ночью. На дворе осень, дождь

¹³ Лейтенант С.П. Чикирев погиб 17 августа 1943 г.

льет как из ведра. Убрав пакет за пазуху, затянув гимнастерку ремнем, чтобы тот не намок и не выпал, отправилась в путь. Честно скажу, жутковато было. Ночь темная, кругом лес, раньше ведь город заканчивался Советским проспектом. Совсем немного оставалось до штаба, как почувствовала за собой шаги, оглянулась – двое мужчин шли за мной, я ускоряла шаг, они прибавляли темп. Кто они были, откуда взялись? Страх пронзил все мое тело. Припустила бежать во весь опор, только пятки сверкали! Вышедшим навстречу часовым сказала о своих преследователях, но те скрылись в лесу. Пакет доставила в целости и сохранности.

Потом неоднократно ходила и одна, и в составе группы в разведку, ведь диверсий в ту пору случалось немало. И каждый раз получала благодарность от командования.

А за то, первое, секретное задание, за проявленное мужество Ане Хрипуновой было присвоено очередное звание сержант.

Лётчики

*Вот уже который месяц
и уже который год
прилетает чёрный «мессер» –
спать спокойно не даёт.*

*Он в окно моё влетает,
он по комнате кружит,
он как старый шмель рыдает,
мухой пойманной жужжит...*

*Он пробоинами мечен,
он сгорает, подожжён,
но приходит новый вечер,
и опять кружится он.*

Булат Окуджава

Н.К. Романовский. Северные электросети

В 1940 году был призван в ряды Красной армии и направлен в авиационно-техническую школу в город Лебедин Сумской области. Закончить школу не удалось, все курсанты были направлены на фронт. Я как механик по обслуживанию самолетов попал в 123-й гвардейский полк бомбардировщиков, где командиром был В.И. Дымченко. Полк входил в состав 1-й Воздушной армии резерва Главного командования. Действия летчиков этого подразделения поддерживались вначале истребителями дивизии генерала Г.Н. Захарова, а затем полка «Нормандия – Неман». Французы

прибыли к нам в полк в конце марта 1943 года. Полк базировался в это время на аэродроме под Калугой. Эскадрилья «Нормандия» была сформирована по соглашению между Французским национальным комитетом, возглавляемым генералом де Голлем, и советским правительством. Она должна была представлять «Сражающуюся Францию» на советско-германском фронте. Наименование «Нормандия» эскадрилье было присвоено по желанию летного состава в честь французской провинции, которая больше всех пострадала от гитлеровского нашествия. Эскадрилья включала в основном летно-технический состав истребительной группы, базировавшейся на французской авиационной базе Раяк на Ближнем Востоке.

Французы пожелали летать на советских машинах, и им были предоставлены истребители Як-3, в то время не имеющие себе равных. За 1943 год эскадрилья выросла в полк, а затем за подвиги в боях над Восточной Пруссиею и при форсировании реки Неман получила наименование «Нормандия – Неман».

Радостным для «Нормандии» был день 25 апреля 1943 года – эскадрилья открыла боевой счет. Сопровождая группу бомбардировщиков Пе-2 в районе Рославля, французы завязали бой с «фокке-вульфами», и летчики Дюран и Прециози сбили по самолету. По просьбе летного состава «Нормандии» наше командование направило в эскадрилью советских авиамехаников, так как французские авиамеханики, среди которых много было уроженцев Африки, с трудом обслуживали незнакомую технику в суровых зимних условиях. Между нами, советскими авиамеханиками, и французскими летчиками очень быстро установились отношения полного взаимопонимания, доверия и трогательной дружбы. В те дни был хорошо известен трагический случай с французским летчиком де Сейном.

Во время выполнения задания самолеты, управляемые французскими летчиками, попали под массированный обстрел немецких зенитных орудий. Долетев до указанного аэродрома, летчики начали производить посадку. Вдруг внимание привлек один самолет, беспомощно круживший над аэродромом, была замечена белая полоса дыма вдоль самолета. Во время обстрела немецкими зенитками в самолете была повреждена бензосистема. Дежурный по аэродрому, французский летчик майор Дельфин, схватил микрофон и стал настойчиво повторять летчику на поврежденном самолете: «Де Сейн, прыгайте, де Сейн, прыгайте!» В этот момент к дежурному подбежал кто-то из французов и сообщил, что у де Сейна в хвостовом отсеке находится его русский механик, сержант Белозуб, без парашюта. Лицо Дельфина омрачилось, он понял, какая трагедия сейчас происходила в воздухе. «Жизнь де Сейна больше мне не принадлежит», – полуслепотом сказал он, отходя от микрофона, и продолжил: «Де Сейн может еще спастись, выпрыгнув с парашютом, но это будет означать верную гибель русского механика, значит, это решать должны русские». В это время с командного пункта прибегает один из советских офицеров, которого поставили уже в известность о происходящем в небе. Он быстро схватил микрофон и приказал де Сейну прыгать с парашютом. Но лейтенант де Сейн продолжал бороться за жизнь русского механика, сержанта Белозуба.

Он старался сделать все возможное и невозможное, чтобы посадить машину. Но это ему не удавалось. Самолет свечкой взмывает в небо, сваливается на крыло, переворачивается, пикирует, выравнивается и, переваливаясь с боку на бок, устремляется к посадочной полосе, но идет или поперек, или под углом, но только не по оси. Де Сейн не видит из-за дыма в кабине посадочную

полосу и хорошо понимает, что нормально ему не приземлиться. Он прибавляет газ, самолет Як встает на дыбы, задрав нос в небо. Нервы у всех были натянуты до предела. В последний раз де Сейн пытается посадить самолет вслепую, но машина, словно взбесившись, дает свечу, опрокидывается и ударяется оземь, мгновенно скрываясь в огромных языках пламени в нескольких сотнях метров от командного пункта. Безмолвные и бледные, мы наблюдали эту трагедию. Для нас подвиг де Сейна остался в памяти самым ярким и потрясающим событием того времени.

В приказе по дивизии и в статье, напечатанной во фронтовой газете, особо подчеркивалось величие подвига де Сейна, отказавшегося выпрыгнуть с парашютом только потому, что в самолете оставался преданный русский механик. Его подвиг приводился как самый убедительный пример боевого содружества полка «Нормандия» и советских военно-воздушных сил.

Воздушные бои были жестоки и кровопролитны. В июле 1943 года под Знаменской героически погиб майор Тюлян. При атаке на вражеский аэродром он направил свой подбитый самолет на машины противника. Подвиги французов переплетались с подвигами советских летчиков. В феврале 1944 года полку вручили орден Красного Знамени.

25 апреля 1945 наши летчики бомбили укрепленные позиции врага под Кёнигсбергом. В воздухе бомбардировщиков надежно поддерживали французские истребители.

В.И. Степичев. МКС

Мы же стрелки были, а стрелки очень часто погибали на штурмовике Ил-2. У нас он был весь деревянный, только кабина летчика была в броне-коробке, а так, остальное, – деревянное. В основном у Ил-2 все вооружение впереди. Пушка впереди, реактивный снаряд под крыльями и бомбы. Поэтому для того, чтобы ему атаковать, – нужен перед, а чтобы его сбить, нужно зайти в хвост. А тут я сижу, и мое дело как бы сохранить хвост. Или ты, или тебя. Так что вот, как говорится, вся наша жизнь.

Ю.И. Соколов. Каширская ГРЭС

Попал я в 1-ю авиационную эскадрилью. Отвечал за техническое содержание и чистоту боевых самолетов. После каждого полета вскрывались капоты, проверялись двигатели, трося поворотные, то есть шло полное техническое обслуживание. Были, конечно, отдельные случаи, бывало, вернется летчик из боя и скажет: «Ребята, посмотрите, что-то трещит в самолете, будто внутри него идет стрельба». При тщательном осмотре карбюратора выясняется, что подается неправильно горючее. Отремонтируешь – и вновь самолет к бою готов. Ведь эту железную птицу обслуживали не только мотористы, механики, но и целая бригада оружейников со специальным оборудованием.

М.С. Сутягина. Энергосбыт

В 1941 году была призвана на фронт. По распределению направили в авиацию специалистом по кислородному оборудованию – готовила кислородные маски для летчиков. Это в современной авиации таких специалистов немного, а тогда такой человек должен был присутствовать в каждом полку. Задачи по ремонту и диагностике лежали на наших плечах. А когда тебе всего 18, это ой, как не просто.

Воевала в составе авиационной бригады на 1-м Украинском фронте. С самого начала войны вместе со всей армией мы только и делали, что отступали. Не было хорошей инфраструктуры для ведения боевых действий, да и авиация на тот момент была не такая, какой стала в середине войны. Самолеты были старые, много было техники из гражданской авиации, в срочном порядке переделывавшейся под военные истребители.

Побывала на нескольких фронтах: Воронежском, Сталинградском, Степном, на 1-м Украинском и на ряде европейских фронтов. Так получилось потому, что BBC – самый мобильный вид войск. Сразу после выполнения боевых операций летчиков перебрасывали то в одном направлении, то в другом, а за ними на поездах или на машинах отправлялись механики.

Как-то вместе с отходившими частями нас перебазировали в город Изюм, примерно в 100 километрах от Харькова. Оттуда нас должны были отправить в Воронеж. На тот момент от Воронежа до фронта было еще достаточно далеко, все думали, что там мы и встретим врага, уже в качестве личного состава действующей армии. По пути нас обстреляла авиация противника. В итоге в город мы добрались кто как мог. Как только мы туда прибыли, фронт подошел к городу почти вплотную. Встал вопрос о нашей дальнейшей переброске еще глубже, в тыл. Так мы попали в Краснодарский край, в город Армавир. Оттуда нас и отправили работать в военную часть. По пути туда мы опять попали под обстрел вражеской авиации. Наш эшелон разбомбили, и до части мы с подругой шли пешком.

Легче стало после Сталинграда. Тогда мы поняли, что все небезнадежно. А уж когда мы гнали фашистов по Польше, Чехословакии и самой Германии, с техникой и едой не было перебоев – понятно было: тыл работает во всю мощь. Мы были в составе 110-й авиационной бригады. В самом конце войны, перед 9 мая, наших летчиков из Германии перебросили в Чехословакию, чтобы окончательно сломить сопротивление последних корпусов вермахта. Мы на машинах тоже поехали на восток, вслед за самолетами. Но тут из штаба поступило сообщение, что летчики с задачей справились и переброшены в Австрию. Там я и встретила победу.

Моряки

А.Г. Захаров. Каширская ГРЭС

После выписки из госпиталя в августе 1942 года я был направлен на Волжскую флотилию, которая участвовала в боях за Сталинград, где стояли насмерть за каждую пядь русской земли, проявляя мужество и стойкость, храбрость и отвагу, но врагу не покорились, не пали на колени. Задача у нас, моряков, была такая – с бронекатеров обстреливать противника, а под покровом ночи доставлять в город боеприпасы, перевозить раненых и брать на ремонт вышедшую из строя военную технику. По несколько суток моряки не спали, выполняя приказ командования «стоять до последнего, нет боеприпасов – идти на таран». Помню, на одном катере погиб весь экипаж, 24 человека, в живых остался один артиллерист. И вот он один вел бой с немцами, отбивая атаку

за атакой. К сожалению, не было возможности послать ему подкрепление, оно стало бы мишенью для врага, и мы ничего не смогли сделать. Лишь только злее стали.

И.П. Степин. ТЭЦ-17

В марте 1945 года моряками-балтийцами была осуществлена операция – высадка десанта с бронекатерами на косу Фриш-Нерунг.

Для фашистов эта операция была неожиданной. В предрассветной мгле бронекатера подошли к берегу так, что форштевень врезался в дно на глубину 1,8 метра, и только тогда фашисты заметили десант. Но было уже поздно. Бронекатера открыли огонь из 26 пушек и 26 пулеметов ДШК и быстро подавили все огневые точки в месте высадки десанта. Десант быстро пересек косу и с боеми стал передвигаться к форту Тилау, прикрывавшему Кёнигсберг. Немцы стали сдаваться, хотя отчаянно сопротивлялись. От батальона десантников осталось в живых 10–12 % личного состава вместе с ранеными. В этой операции взято в плен более 1500 фашистов и около 1000 было уничтожено.

За эту операцию я был награжден медалью Ушакова.

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

На протяжении войны мы вели активные действия по освобождению островов Финского, Выборгского, Рижского заливов, а также побережья Балтийского моря вплоть до Данцига, сопровождали десанты. Также ходили в длительные походы по обнаружению и уничтожению вражеских подводных лодок. Для этого на катере был акустик, который прослушивал на акустической аппаратуре шумы двигателей подводных лодок. Если таковые обнаруживались, то он докладывал командиру, который, в свою очередь, поднимал тревогу. Так, однажды, обнаружив подводную лодку противника, три катера нашего дивизиона построились в ряд и начали сбрасывать глубинные бомбы. Шумов стало не слышно, появились масляные пятна, мы подумали, что подбомбили ее, но ошиблись – лодке удалось уйти. Только на следующий день другому катеру удалось ее добить. Иногда для обнаружения и уничтожения вражеских подводных лодок мы использовали буксируемую на металлическом тросе мину. Для этого мы задавали ей определенную глубину (обычно 8–10 метров) и делали на большой скорости рейсы. Если бы лодка оказалась под нами, то она обязательно бы наткнулась на мину.

Один раз стояли в ночном дозоре в Выборгском проливе и вдруг видим – взрыв на месте, где должен стоять катер соседнего дивизиона. Немецкая подводная лодка торпедировала его, и, когда дым рассеялся, мы увидели только половину катера, а людей, имущество и доски – плавающими рядом в воде. Мы взяли этот катер на буксир и бросились спасать уцелевших моряков. Но, к сожалению, далеко не всех удалось спасти – они, державшиеся изо всех сил на воде, увидев подспевшую помочь, немного ослабили усилия, и некоторые тут же ушли под воду. Видеть это было очень горько.

... На базе в Кронштадте был свой клуб, и в перерывах между походами мы ходили в увольнение в кино, на танцы. На катере, когда было все спокойно, тоже отдыхали: пели песни под гитару, гармонику, у нас был даже патефон с пластинками.

Вообще, моряки – народ веселый.

На катере был определенный порядок. Каждое утро с восходом солнца поднимали, а при закате спускали флаг. Кроме этого, у каждого был свой определенный участок для уборки, на которую отводилось специальное время. На катере не было даже кока, поэтому готовили тоже сами. Было очень много рыбы – после бомбёжки мешками собирали камбалу, треску, салаку.

Войну закончил в Данциге со своим дивизионом морских охотников под командованием старшего лейтенанта Васильева. За всю войну на нашем катере никто сильно не пострадал.

*Ушел, «отдал концы» герой¹⁴
Скорбит Кронштадт,
И флаг приспущен даже...
Он был на лодке
Самый молодой,
Последний
Из членов экипажа.*

*Там, где на пирсе
Мертвенный покой,
Шестой отсек
Электрика дождался,
И вновь смыкается
Небесный строй –
Уже теперь
Весь экипаж собрался.*

*Петр Кузнецов,
капитан 2 ранга запаса*

А.Т. Астахов. Ногинские электросети

Родился в Тамбове, жил в Ногинске, в начале войны призвали, попал в Ленинград: шестимесячные курсы в Учебном отряде имени Кирова, после – С-13.

Однажды после одного из удачных походов членов нашего экипажа награждал в Смольном Жданов. Он провозгласил тост: «Я пью за вас, ребята, за то, чтобы вы разбили фашистов до конца. И тогда вас ожидает прекрасная жизнь!» Это было в 1942-м. К тому времени мы уже потопили три вражеских транспорта.

¹⁴ На смерть А.Т. Астахова. Октябрь 2013 г.

Почему лодка была такой успешной и непотопляемой? Все дело в командире – Александре Маринеско. Кроме того, что умница, душа-человек, он был прекрасным специалистом: знал на лодке каждый винтик, каждый клапан. Он и лодка были, что называется, одно целое. Надо сказать, что и экипаж был под стать командиру. Чего только акустик стоил! На подходе к Готланду, когда нас не встретили и мы попали в засаду, во тьме кромешной, в почти безоружном положении, вся надежда была на акустика. И командир отделения гидроакустиков, Иван Малафеевич Шнапцев, не подвел. Вот был слух у человека! Но мгновенные решения, конечно, принимал Маринеско. Когда нас торпедировали, он вовремя отработал, отвернул нос лодки. «Через секунды уже кормили бы рыб», – смеялся потом Александр Иванович.

Жили и служили как одна большая семья. Ребята были просто замечательные. Все. А как любил нас командир! В обиду кого-то дать – Боже упаси! Ни к кому по званию не обращался, только «Ваня», «Алексей». Все про него говорили: «Зол в атаке и ласков с экипажем». Стоим на базе и нужно кому-то на берег – отпускает под свою ответственность, на свой страх и риск. И никто и никогда не подводил. Ели из одного котла, ну, словом, семья. И не случайно, когда после того злосчастного случая в Турку нам сообщили, что командир в поход с нами не пойдет, экипаж зароптал. Между собой говорили: «Или Александр Иванович, или никто».

Когда топили «Густлова»¹⁵, я был в шестом отсеке, как электрик обеспечивал безопасность при погружении. По боевой тревоге действовал самостоятельно, а после погружения ждал команды. Когда был обнаружен близко большой двухвинтовой транспорт (мы не знали, какой), командир прошел по отсекам, каждого члена экипажа поставил в известность, заключил разъяснения неизменным: «Будем топить. Погибнем, значит, погибнем». Было ли страшно мне? Да нет. Многие из нас были внизу и не видели, что творится наверху. Шли, правда, на небольшой глубине – 30–40 метров, при подъеме и погружении лодка периодически ударялась о грунт. Ну, думали, как бы не развалилась…

¹⁵ «Вильгельм Густloff» – германский пассажирский 10-палубный круизный лайнер. С 1940 г. переоборудован в плавучую казарму. Использовался как учебное судно 2-й учебной дивизии подводного плавания военно-морского флота в порту Готенхафен (Гдыня). 30 января 1945 г. затонул у берегов Польши после торпедной атаки советской подводной лодки С-13 под командованием А.И. Маринеско. Гибель судна считается одной из крупнейших катастроф в морской истории. Точный состав и количество пассажиров на борту неизвестно. По официальным данным, погибло 5348 человек, по неофициальным – 9985.

Рассказы о войне

Уходили мальчики – на плечах шинели,
Уходили мальчики – храбро песни пели,
Отступали мальчики пыльными степями,
Умирали мальчики, где – не знали сами...

Попадали мальчики в страшные бараки,
Догоняли мальчиков лютые собаки.
Убивали мальчиков за побег на месте,
Не продали мальчики совести и чести...

Не хотели мальчики поддаваться страху,
Поднимались мальчики по свистку в атаку.
В черный дым сражений на броне покатой
Уезжали мальчики – стиснув автоматы.

Повидали мальчики – храбрые солдаты –
Волгу – в сорок первом,
Шпрее – в сорок пятом,
Показали мальчики за четыре года,
Кто такие мальчики нашего народа.

Игорь Карпов

Призыв

А.Я. Коновалов. Каширская ГРЭС

Мне было 17, когда началась война. В то время я уже трудился токарем на 150-м заводе, так тогда именовался Ступинский металлургический комбинат. При подходе немцев к Кашире осенью 1941 года завод эвакуировали в Куйбышев, поехал туда и я. По дороге у меня выкрадали документы. Куда дальше без них? Дали какую-то бумажку, удостоверяющую личность, и отправили обратно в Ступино.

Вернулся на завод, а работы нет, тогда пошел в военкомат, стал проситься на фронт. Но мне сказали, что рано еще воевать, вот исполнится 18, и пойдешь бить фашистов. А в это время враг наступал, бои шли на подступах к Москве. На пути немцев оказались некоторые подмосковные города. Вот туда, по предложению военкома, мы с ребятами отправились рыть противотанковые рвы.

В конце 1941 года призвали в армию, направили в Московское пулеметное училище. Через несколько месяцев всех курсантов училища перевели в Рязань, где и завершилась учеба. А потом фронт. Оказался в 238-й стрелковой дивизии, базировавшейся между Калининской и Смоленской областями. Там я прошел первое боевое крещение.

М.А. Трухачева. Северные электросети

Я дружила тогда с тремя девочками 1924 года рождения, то есть они были на два года старше меня, но мы вместе обивали порог райвоенкомата с просьбой о зачислении нас в действующую армию. И, когда им исполнилось 18 лет, их взяли, а меня оставили, сказали: «Года не вышли». Как мне было обидно! Но через какое-то время я снова стала атаковать военкомат, и тогда уставший от меня военком махнул рукой и дал направление в полк. Только после этого я сообщила маме, что иду на фронт.

А.Е. Щеглов. ТЭЦ-17

Отец ушел на фронт в 1941 году, когда мне было два года. Он был зачислен в кавалерию и один раз приехал на молодой лошади со сборного пункта домой и не прокатил меня. Я очень обиделся и побежал на речку по тропинке с игрушкой (травянной, типа патиссона, так как других игрушек у нас не было), упал и разбил ее. Сильно плакал. Когда провожали со всеми на фронт, я тоже сильно плакал, мне дали красное яблоко и сказали, что папа скоро вернется. Я его и до сих пор жду...

И.Я. Дорофеев. ГРЭС-3

Сидим мы в правлении колхоза с помощником счетовода. Вдруг – звонок из Павловского Посада с требованием прислать одного человека 1927 года рождения. Помощник счетовода и говорит: «Вон, Ваня Дорофеев». И тут же вечером мне прислали повестку. Их потом было несколько. А я что, пацан, мне все нипочем. И вот в один из дней возвращаюсь я домой, весь в пыли, голодный, усталый, а около дома народу-у-у! Думаю, что-то тут не то. Стоят два солдата с винтовками, тогда они мне показались здоровыми. Меня увидели и говорят: «Вот он, этот дезертир идет». Солдат на мать оружие наставил, она плачет. До чего больно и обидно это вспоминать. Мать их накормила и пообещала, что завтра мы прибудем в назначенное место. На следующий день мы с матерью пошли в город Павлово-Посад в истребительный батальон войск НКВД. Накинулся на меня комбат, отчитал. Потом выдали обмундирование, обмотки. Плечи гимнастерки были на локтях, сапоги 42-го размера на мой 37-й. Винтовку выдали совершенно новую – в смазке еще. Что с ней делать – не знаю. Спасибо, какой-то солдат постарше помог, научил.

Е.А. Евдокимов. Коломенские электросети

Отец ушел на фронт 23 июня 1941 года. Мы с ним накануне, в воскресенье, поехали на велосипеде на рынок в Малаховку. А там на станции народ стоит возле стендов. Тогда ведь не везде громкоговорители на столбах висели. Узнали из объявления, что началась война. Какой тут рынок! Развернулись и поехали домой.

У мамы была швейная машинка, она сшила отцу вещмешок, собрала продукты. Вечером ей принесли повестку, что на следующий день в шесть утра он должен быть в Раменском военкомате.

Н.К. Каланчев. Северные электрические сети

Когда 350-я стрелковая дивизия находилась в обороне в районе Ульяново, я добровольно вступил в феврале 1942 года в состав дивизии без направления военкомата, так как мне в то время было только 16 лет.

Несмотря на мои юношеские годы, после проверки органами контрразведки, как называли ее тогда – Смерш, я был зачислен в 286-ю отдельную роту связи. Проверить мою личность было легко, так как я родом из Ульяновского района, паспорта у меня не было и других документов тоже. Вот так я в далеком 42-м году был зачислен в дивизию и прошел с ней до конца войны.

Г.С. Левитский. ТЭЦ-17

Из военкомата меня вместе с другими призывниками отправили в путь на станцию Лаптево, которая находится на Курской железной дороге. Добирался каждый как мог. Мы с напарником все эти 30 километров шли пешком. Измучились очень сильно, а когда прибыли туда, то там погреться оказалось негде. Всю ночь продержали в коридоре райисполкома. В шесть утра сели на поезд и поехали в Тулу, где нас разбили на десятки, выделили каждой десятке старшего, снабдили продуктами и ночью 7 декабря 1942 года отправили в Москву. В Москве на Курском вокзале показали вечером кино, хорошо покормили в столовой, а утром погрузили на пассажирский поезд, следующий в Горький. Прибыли туда 9 декабря вечером. Сразу, прямо по волжскому льду, отправились на Моховые горы в лагерь. Там была снова врачебная комиссия и баня. Потом нас обмундировали. 15 декабря 1942 года мы приняли военную присягу, изучили винтовку, и вскоре нас снова повели в Горький в Красные казармы. Оттуда на другой день под музыку духового оркестра погрузили в теплушку и через Москву, Калинин, станцию Бологое и Осташково направили на фронт.

В.М. Лысенко. ТЭЦ-11

Однажды в июне 1942 года я отработала ночь на ТЭЦ и отпросилась домой. А на следующий день надо приходить в семь утра. Целый день стирала, убиралась. Легла спать поздно и утром проспала. Прибежала на работу уже в 9 часов. А по указу военного времени за опоздание больше, чем на 21 минуту, – военный суд. До работы меня начальник цеха не допустил и сказал, что отдаст под трибунал. А я полгода как в комсомол вступила, и такой позор!

Я, не заходя домой, кинулась в военкомат и написала заявление добровольцем на фронт. Меня в этот же день взяли в училище на радиста.

П.Т. Обыденный

Мы – это четверо детей и мама – ехали к деду Ивану Петровичу на каникулы. Отец наш, Трофим Иванович, оставался в Москве, он работал прорабом, а лето для стройки – горячая пора. И оказалось, что тогда, в самый последний мирный день, 21 июня 1941 года, мы на московском вокзале простились с отцом навсегда! Поэтому в памяти остались шумные проводы у нашего вагона, его шутки, наказы, наши обещания, смех, поцелуи.

Отец ушел рядовым в стрелковую дивизию народного ополчения. Я думаю, что военкомат не призывал его по причине серьезной травмы. Когда он был опалубщиком на бетонных работах, оборвался крюк подъемника и содрал ему всю кожу на спине. К слову сказать, он сам себя спас: стал выходить в садик и солнцу подставлять спину, так и вернул себя к жизни, когда врачи уже не надеялись. Он пропал без вести под Великими Луками, где, по выражению военных историков, был свой «малый Сталинград». Теперь мы знаем, что ополченцы были самой беззащитной частью нашей армии. После войны на вопросы об отце я отвечал: «Убит, не найден». Он успел прислать всего два письма. Третье было уже о нем самом...

Е.И. Лобанова. ТЭЦ-11

Мы просились, в военкомат ходили с подружкой моей, а нам сказали: девочки, подождите, мы вас позовем. Вот одно время я пришла на ТЭЦ в ночь на смену, а мне записка лежит: зайди в комитет комсомола. В армию пойдешь? Пойду. За один день мы медсанчасть прошли, и зарплату получили, и утром с вещами. И повезли нас на распределительный пункт, потом распределили в 4-й дивизион.

А.М. Соколов. Теплосеть

В апреле 1942 года меня вызвали в военкомат в город Рогачёв для призыва в армию. Но, в связи с тем, что я весил всего 39 килограммов, а рост был 148 сантиметров, медицинская комиссия отложила мой призыв до осени. В ноябре я вновь был призван и оказался годен для службы в армии.

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

В 17 лет я пошел учиться, мы вдвоем с одним парнем поступили в школу радиотов в Москве на улице 25 Октября, напротив ГУМа. Я хотел окончить школу радиотов и устроиться в воинскую часть. Меня брали, но надо знать хотя бы морзянку. Так мы кончили школу радиотов, и тут началась война. И мы пошли прямо с Красной площади, нас было 48 человек, две девчонки и 46 ребят. Это было 13 августа 1942 года, нам сказали: 16 августа с вещмешочками, и за вами приедет капитан-счастье. И вот он приехал из Малоярославца 16 числа. Посадил в вагоны, и мы помчались. С родителями даже не попрощался. А их здесь таскали, считали, что я дезертир. Я же не от военкомата ушел, а от Московского горкома ВЛКСМ. У меня и паспорт, все осталось. А военкомат все: нет-нет опять, где сын? Пока не прислал я оттуда справку – что с такого числа воюет, только прикатился.

М.М. Логоша. Каширские электросети

21 января 1943 года от немецко-фашистских захватчиков было освобождено мое родное село Волоконовка Курской области. А 20 апреля 1943 года молодых призывников построили на площади села. Мне было 16 лет. Неожиданно из-за туч показался немецкий самолет. Он несся так низко над землей, что мы увидели лицо летчика и его руку в черной перчатке. Зловещий враг улетел, а в душе навсегда остался образ захватчика и убийцы.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Отец в Мосэнерго работал, ему там сказали, это был уже июль месяц, идти в ополчение. А он пенсне носил, и черные очки у него были еще, не стекла черные, а оправа черная, у него 7 или 8 минус был. Он пришел, сказал, что меня в ополчение берут, ему был 41 год, и мать собрала ему все, и он ушел. Потом через день приходит и говорит: надо матрас, у нас матрасов там нету, спать не на чем, мы на полу спали. На Красногвардейской собирали их, там где-то, забрал матрас, ушел, и последний раз он был 17 июля, приходил, я не помню зачем, и больше его уже мы не видели. Получили одно письмо только, когда где-то на сборном пункте он был, и все, как в воду канул.

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

Родился я в простой семье, до десятого класса учился в школе № 2 имени Короленко в Ногинске. О войне узнал на военных сборах ОСОАВИАХИМа в Вешняках Московской области во время соревнований. Как только услышали эту весть по радио, тут же всех распустили по домам. В десятом классе проучился только одну четверть. А 9 ноября, вернувшись из школы как обычно, пошел дрова колоть. И тут заходят три одноклассника и говорят:

- Пошли в военкомат проситься на фронт.
- Надо с родителями посоветоваться.
- Что советоваться? Ясно, что не отпустят.

Пошли в военкомат. Там нас тоже стали отговаривать: «Успеете, мол, еще навоеваться». Но мы решили твердо, что пойдем на фронт. С родителями простились дома; договорились, что дальше провожать пойдут девчонки из класса. Они доехали с нами до Фрязево – дальше не пускали. Так, с песней «Прости, прощай, Ногинск ты наш любимый», отправились из родного города на войну пять добровольцев. Пока ехали, с девчонками договорились, что все, кто останутся живы и здоровы, ровно через десять лет встретятся у школы.

Л.К. Шарыгина. ТЭЦ-11

В марте 1941 года я проходила на ТЭЦ-11 преддипломную практику. Нас, правда, отзвали до-срочно и направили учиться на сандружинниц. Где-то в мае уже сдавали экзамены... Я тогда жила с родителями на улице Карла Маркса, недалеко от Земляного Вала. Помню, в то же время, в апреле-мае, во дворе дома рыли траншеи-убежища... Дощатые деревянные сараячики снесли, а дрова перетащили в кирпичные укрытия. Отопление было дровяное... А 21 июля мне принесли повестку из военкомата. Не предупредив маму, как была, в желтой кофточке и легкой юбке, побежала. Да так и застряла до утра следующего дня... Девчят собрали много... в какой-то казарме. Все пережи-

А.С. Гатов (слева) и мастер А.П. Блюдин.
Отправка энергопоезда в Сталинград с ТЭЦ-12. 1943 г.

Б.И. Смирнов. 1943 г.

А.А. Поздняк

В.В. Сукачев

140 В.И. Одевалина

С.Н. Моргунов

Г.Н. Жидов

А.М. Вайнштейн

М.В. Смоленов

М.А. Нестерова

Летчики-орденоносцы 243-й ШАД 33-го гв. ШАП -
гв. мл. лейтенант Ю.Г. Девятков (справа) и Герой
Советского Союза гв. ст. сержант В.В. Васильчиков. 1943 г.

вала, как сообщить домой. Телефонов же не было. Помню, сидели за длинным столом. Дали нам по куску черного хлеба и стакану чая. Выдали противогазы. К ночи отпустили, наказав, чтобы утром явились опять. И тут тревога... Так всю ночь и просидела в подъезде какого-то дома. Была как раз первая бомбейка. 22-го являюсь снова. Спрашивают, какую, дескать, имею специальность. «Турбинист», – отвечаю. «О-о! – многозначительно повел головой тот, кто спрашивал. – Редкая и нужная специальность. Думали, говорит, отправить на фронт как сандружинницу. Обойдемся без тебя. Иди, работай».

А на Фрунзенской ТЭЦ тогда изготавливали противотанковые ежи. Их устанавливали на Поклонной горе, на спуске от Смоленской площади к Бородинскому мосту. Потом в опустевших цехах развернули ремонт военной техники, поступавшей с фронта. А мы с подругами возводили возле ежей укрытия из мешков с песком с амбразурами для орудий.

Г.С. Левитский. ТЭЦ-17

После работ на оборонительном рубеже под Серпуховом мы с приятелем решили поступать в Богословский техникум механизации.

В шесть утра двинулись в путь. Переплыли на рыбачьей лодке Оку и направились в Богословское. Техникум находился от Оки в 10 километрах. Но мы пришли туда очень рано, так что два часа пришлось нам ждать. Нас приняли сразу, без испытаний, так как мы уже окончили 8 классов средней школы. И потекла студенческая жизнь в трудное время восстановления всего уничтоженного немецкими варварами. Подсобное хозяйство техникума разграблено, поэтому с питанием было неважно, дров также не было, в аудиториях и общежитиях – холода. Но это не смущало русских людей, все продолжали учиться с большой энергией, воодушевляясь подвигами воинов Красной армии, которые уже начали перемалывать немецкие войска и гнать их все дальше и дальше на Запад.

Так прошло месяца три. Настал декабрь 1942 года. Стояли сильные морозы, а снег еще не выпал. Земля была как камень. Холод ужасный, так что на улицу и высываться страшно. Однажды 5 декабря, вечером, мы сидели в кабинете завуча с тремя студентами первого курса агрономии и выпускали стенную газету. Вдруг входит наш секретарь из конторы и мне вручает повестку, чтобы завтра явиться в военкомат со всеми вещами. Наутро я получил документы, рас прощался с преподавателями и студентами и отправился в военкомат, чтобы там влиться в ряды РККА и быстрее принести победу над врагом. Так и закончилась моя студенческая жизнь.

Учеба

А.М. Соколов. Теплосеть

Вместе с группой призывников я прибыл в 30-й запасной полк, где прошел курс молодого бойца и принял присягу. В начале 1943 года в полк прибывали офицеры из действующей армии и набирали пополнения в свои части. Но группа примерно в 100 человек оказалась невостребованной. В этом отряде «гвардейцев» находился и я. Весной командование полка направило нас в Бронницы, где дислоцировался учебный батальон по подготовке шоферов для армии. Здесь мы прошли курс обучения и получили водительские права. После этого нас направили на железнодорожную станцию Павелецкая-Товарная для получения ЗИС-5. Но при знакомстве с автомашинами оказалось, что вместо аккумуляторов были магнето. Из 100 человек только четыре могли завести ЗИС-5. В связи с этим нашу группу направили в Коломну для получения иномарок: «виллис», «дodge-3/4», «форд-6», «шевроле», «студебеккер», «интер». В учебном батальоне познавали шоферскую специальность и девчата, которые по своим физическим данным превосходили нас, и в связи с этим иногда по-дружески подшучивали над нами.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

В условиях уральской зимы пролетело несколько месяцев. Наступил апрель. Уже состоялся частично выпуск в других дивизионах. И тут у меня случилась неприятность. После очередного патрулирования я, не почистив винтовку, поставил ее в пирамиду и лег спать на третьем этаже нар. А тут проверка дежурного офицера. Справедливое наказание: пять суток гауптвахты. В это время поступает приказ о выпуске всей батареи артиллерийской инструментальной разведки (АИР) из училища, конечно, без всяких экзаменов. В зависимости от успехов в учебе присваивали звания лейтенант или младший лейтенант. Но некоторым присвоили всего лишь звание сержант. В их числе был и я. Но это уже слишком. Ладно, что дисциплина «хромала», но учился я хорошо. Иду с жалобой к командиру дивизиона майору Золотареву и спрашиваю: «За что?» Следует короткий ответ: «В назидание другим». Несмотря на явно несправедливый финиш, я всегда вспоминал командиров, преподавателей и однокашников с благодарностью. За восемь с половиной месяцев учебного времени из мальчишки сделали офицера, способного выполнить боевую задачу в трудных условиях войны.

Б.А. Рунов. 5-й район ВВС

В 1943 году я был призван в армию и направлен в военно-инженерное училище, расположенное в Большеве Московской области. Жизнь в училище была тяжелой. Особенно не хватало питания. Молодые восемнадцатилетние ребята вынуждены были делить хлеб за столом так, чтобы было справедливо всем. Один отворачивался, а другой, показывая кусок хлеба, просил назвать, кому он достанется. Радостью был наряд на кухню. Но после этого наряда у многих болели животы, расстраивались желудки. Мать приезжала навещать меня, привозила хлеба и картошки. Я с жаждой поедал принесенную ею пищу.

Жизнь в училище научила многому, а главное, усвоил заповедь: сапер ошибается в жизни только раз. Не однажды потом в боевых условиях попадал в тяжелые переплеты, когда жизнь висела на ниточке, и только благодаря тщательной проверке удавалось оставаться живым. Особенно было рискованно разминирование немецких мин с хитрыми взрывателями.

В конце войны мы широко использовали против немцев их же мины, атаковали немецкие танки и бронетранспортеры их же фаустпатронами.

ДОРОГА НА ФРОНТ

А.И. Князев. ГРЭС-3

Отправили нас в Сормово, это километров пять от Горького. Разместили в школе. Офицеры жили отдельно, а в один из дней нас собирали вместе и представили друг другу. Поскольку танк достался легкий, то и в команде нас было двое. Я – механик-водитель – и командир, который был старше меня всего на два года. Троє суток нам дали на обкатку и пристрелку танка и сразу отправили на фронт.

Начало января 1943-го. Танки загрузили в эшелон. Последней остановкой перед фронтом стала узловая станция Орехово-Зуево. Пять дней эшелон стоял в 14 километрах от моего родного дома, пока командование решало, на какое направление отправить свежие силы. Набравшись смелости, я подошел к командиру: «Разрешите мне домой отлучиться, я тут рядом живу – два часа ходу, маму повидать, сестренок». Командир попался человечный и отпустил на побывку до вечера. Несколько часов перед отправлением на передовую я пробыл с мамой и сестренками и к десяти вечера вернулся в расположение эшелона. Я уезжал туда, где убивают, и никто не знал, увижу ли я еще когда-нибудь своих родных и близких.

Ю.И. Соколов. Каширская ГРЭС

В летние месяцы работал на колхозных полях, помогал сельчанам в прополке, уборке урожая и изучал боевое искусство в военном лагере, откуда ушел на фронт в сентябре 1943 года. Было мне тогда 17 лет.

Вызвали меня в новосибирский военкомат, прошел медосмотр, после которого услышал поразившие меня слова: «Пойдешь служить в авиацию». «Какой из меня авиатор, во мне рост метр сорок и вес бараний», – говорю им.

На деле оказалось совсем по-другому, направили в школу мотористов. Четыре месяца я изучал узлы и детали самолета, а потом – на фронт, в действующий 31-й гвардейский истребительный авиационный полк. По дороге на войну проезжал мимо родной Каширы, путь лежал на юг, в город Сталин (так в те годы назывался Донецк).

Каширу проезжали ночью, вышел в тамбур, поглядел на мелькавшие за окном огоньки, и сердце сжалось: «Вернусь ли вновь сюда? Пройду ли по родным улочкам, встречусь ли с друзьями?»

Один вопрос сменял другой, перед глазами пролетело все мое детство – жизнь в деревне Горки, школьные годы, до войны я окончил семь классов. От нахлынувших воспоминаний ох, как тоскливо стало на душе.

Л.И. Немцова. Ногинские электросети

Однажды, переезжая к новому месту дислокации, я вместе с остальными пассажирами собирались перекусить. Только достали нехитрую провизию, как началась бомбейка. Люди вмиг разбежались кто куда. А я от неожиданности и испуга начала собирать со стола еду, припрятав ее под полку. Только потом выскочила.

Наш вагон уцелел. Когда оставшиеся в живых вернулись, есть, конечно же, было нечего. Стресс потихоньку прошел, и тут я вспомнила о своем тайнике. В тот день я была героиней дня.

В.Ф. Маркин. Северные электросети

Я был мобилизован в первый день войны. Собрали нас в школе № 1 города Пушкино Московской области. Команда № 11, в которой я состоял, направлялась в Новгород. Доехали мы до станции Луга, пробыли там трое суток. Так как Новгороду грозила оккупация, нас отправили в Ленинград. Как потом выяснилось, в Ленинград мы попали одними из последних. Враг перерезал Октябрьскую железную дорогу. Город подвергался сильной бомбейке и обстрелам. В предместье Ленинграда, Кавголово, мы влились в зенитный артиллерийский полк, где нам выдали обмундирование и оружие. Меня назначили заместителем командира взвода. День и ночь защищали мы «колыбель революции» от фашистской авиации. Было сбито много самолетов врага.

И.И. Поляков. Северные электросети

14 июля 1941 года я был мобилизован военкоматом города Торжка Калининской области и с группой таких же, как я, солдат был направлен на военную подготовку под Кострому. После обучения саперному, минерному и минометному делу нас в том же составе отправили на Западный фронт под Калугу. Шел сентябрь 1941 года. Немцы наступали. Во время пути эшелону приходилось часто останавливаться из-за налетов немецкой авиации, все вагоны были повреждены или прострелены пулями. На станции Калуга нас опять встретили восемь немецких самолетов. По команде все повыскакивали из вагонов и попрятались в ближайшем кустарнике. Немцы сделали несколько заходов и улетели. На этот раз обошлось без жертв, только по обе стороны эшелона дымились огромные воронки. Нас построили и повели на место подготовки новых позиций. Шел снег. Две ночи пришлось провести в снегу. На третий день пришли в совхоз, где уже никого не было, все эвакуировались. Мы заняли под жилье бывшие коровники, натаскали туда для тепла сена. Четыре дня занимались рытьем противотанковых рвов. Затем, по приказу, две роты нашего батальона были приданы прибывшему на наши позиции 1072-му стрелковому полку.

Г.С. Левитский. ТЭЦ-17

Пройдя около 200 километров пешком от Осташкова до деревни Первомайское, мы с непривычки заметно устали. В походе спали прямо на снегу, лишь постелешь еловую хвою на снег –

так и спиши. Когда проснешься, то ноги еле разгибаешь – они делаются как деревянные, и тогда командир подает команду: «Бегом по дороге марш!» Пробежишь так километра полтора, сразу согреешься и продолжаешь путь. Когда пришли в Первомайское на пересыльный пункт, нас поселили в землянках – примерно человек сто в каждой. Мне досталось место на верхних нарах. Постелить было нечего. Спали прямо на голых досках. Сначала было страшно неудобно, потом привыкли и спали, жесткости не замечая. Так прошло два дня. На третий день меня поставили в наряд. Мы караулили село, находившееся за деревней метрах в двухстах. Тогда я еще караульной службы не знал, на посту зарылся в сено и проспал всю смену. Когда пришел разводящий, то он меня, конечно, не похвалил, но все же не пожаловался, а лишь убедил сам, что так делать нельзя и данный факт является преступлением перед родиной. Я ходил целых два дня какой-то растерянный и думал: как же я сделал такую оплошность? Дал себе слово больше не повторять. На третий день меня вызвали в штаб с вещами, где вручили продовольственный аттестат и командировочное предписание в 17-й отдельный армейский инженерный батальон, который на моей командировке был для меня написан очень загадочно – «17 ОАИБ». Я заинтересовался: куда же меня отправляют? Кто говорил – авиационная бригада, кто по-другому. Так и не смог догадаться, пока не попал в этот самый загадочный 17 ОАИБ.

Пришел на место к обеду. Около лагеря меня встретил командир, у которого я спросил, здесь ли находится 17 ОАИБ и куда мне надо идти. Командир этот оказался помощником командира батальона по технической части, и звание у него было капитан. Капитан Лобач меня направил в штаб. Когда я зашел туда, он доложил. Все очень удивились моему росту и вообще детскому телосложению, стали задавать вопросы: «Сколько тебе лет, сынок? Из какой области будешь? Сколько классов закончил?» Самый вредный для меня был вопрос: «Почему же ты такой маленький?» Это меня очень рассердило, и я чуть не заплакал от горя. Но удержался, так как хотел показать себя мужественным, взрослым парнем. После этого «нападения» меня направили во взвод управления отдыхать.

2 апреля 1943 года погрузились и двинулись в Москву, где получили направление в Степной фронт и прибыли на станцию Касторная, где расквартировались в д. Успенка-Андреевка. Это было 17 апреля 1943 года.

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

Из Москвы нас отправили в Загорск на сборный пункт. Там рассортировали по родам войск. Меня направили в Ленинград в Краснознаменный Балтийский флот. Было это в ноябре 1943 года. Ехали в северную столицу в обход – блокада не была еще полностью снята. По дороге в районе Вологды попали под бомбежку, но сильно не пострадали. В Ленинграде пробыли три дня. Город оставил угнетающее впечатление: народу не видно, транспорт не ходит, провода оборваны, на улицах таблички: «Эта сторона улицы наиболее опасна», без конца – обстрел. Уезжали в Кронштадт на барже ночью; опять попали под артиллерийский обстрел, но все обошлось благополучно.

В Кронштадте нас отправили в военно-морскую школу.

Отучился я там по специальности рулевого-сигнальщика четыре месяца, и ввиду того, что закончил ее на все пятерки, мне предоставили выбор – на каких кораблях хочу служить. Я выбрал

наиболее действенные в то время катера – морские охотники. Направили меня в истребительный отряд второго дивизиона катеров – морских охотников. На одном из катеров незадолго до этого убило рулевого-сигнальщика, и на его место поставили меня. С тех пор началась фронтовая жизнь.

Первый бой

*Когда на смерть идут – поюм,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.*

Семен Гудзенко

А.Я. Торгашов. Октябрьские электросети

Весной 1942 года поступил приказ о формировании 20-й мотострелковой бригады. Пехотные батальоны получили английские машины «додж», а артиллерийские дивизионы – американские машины «студебеккер». Замполит дивизиона объявил, что бригада направляется своим ходом на Юго-Западный фронт, где наши войска ведут успешные бои с немцами. Прибыли в Старый Оскол. Не помню, какие чувства я испытывал, когда перед обедом к нам подходит сержант и просит разрешения пообедать с нашей кухни. Мы, конечно, к нему с вопросами: «Как идут бои с немцами?» Он отвечает: «Какие бои, полк разбит, пробираемся к своим. Кто как может». После таких слов у меня пропал аппетит.

К вечеру на западной стороне реки Оскол, на расстоянии около двух километров от нас, заметили движущиеся повозки немцев. Разведка сообщила, что это тыловые части немцев, в то время как основные их войска обходят город справа. Мы из крупнокалиберных пулеметов обстреляли повозки, и буквально через 20–30 минут из-за складок местности начался обстрел территории расположения нашей бригады сначала из минометов, а затем нас пробомбили две эскадрильи немецких самолетов. Появились убитые и раненые.

К вечеру все стихло, я прилег у машины, а самого бьет нервная дрожь от пережитых событий. Со временем на обстрелы и бомбежки я стал реагировать намного спокойней, знаешь, что перед тобой противник и тебе его надо уничтожить, но тогда… это был мой первый бой, и я, конечно, был напуган. Не успел уснуть, как поступила команда: «По машинам!» Бригада направилась на восток. Через 10–15 километров проезжали мимо расположенных по фронту окопов с нашими войсковыми частями. Так закончился мой первый день пребывания на фронте.

Ф.И. Евстигнеев. Коломенские электросети

На второй день после объявления войны я отправился на фронт вместе со своей машиной, на которой я работал в хозяйстве. Назначение у нас было в город Каунас. Но мы не доехали, нас разгрузили в Вязьме, где сформировалась автомобильная часть при штабе фронта. Сразу первая команда была – погрузить бочки с горючим и обслуживать танковую часть, державшую оборону в районе Смоленска. На обратном пути наша армия попала в окружение под городом Ярцево. Пути все были отрезаны, и только частичная возможность была переправиться через Днепр, где наводился резиновый надувной мост. Мост этот под сильным минометным огнем и бомбёжкой авиации часто разрушался. Мне посчастливилось перебраться на другой берег Днепра, выйти из окружения и вывезти около 50 человек раненых. Их я доставил в госпиталь в районе Вязьмы. Часть раненых по пути пришлось похоронить, потому что дорогой моя машина попадала под налет вражеской авиации, и больные получали еще ранения. Некоторые выжить не смогли. Остальные вместе со мной на полуразбитой машине добрались до госпиталя.

К.С. Ефременков. ТЭЦ-11

Началась война, подняли меня, прислали повестку, я повестку в карман – и в военкомат, в августе 41-го года. Приехал в военкомат, там открыли калиточку, запустили и говорят – сидите и ждите. Я сижу, вот, выходят: ну, шагом марш. И нас строем – на вокзал Киевский. И, значит, поехали. Приехали. Маскировка, светомаскировка, ходить по улице нельзя в деревне. Часть расположена неизвестно где, я ее не вижу. Нас десять человек, мы, как приехали, в огороде легли. Лежим,ходим за продуктами на кухню, обеды. И потом, вдруг, сразу: «Отправка!» На фронт. А как же? Мы-то не одеты, не одеты лежим. Дали указание какому-то командиру – одеть нас. Одели. А винтовки? Я – вояка, еду на фронт без винтовки. Двигаемся-двигаемся, направление Сумская область, Харьков, прошли километра два от деревни, там немец десант высадил, встретил наши головные части и обстрелял их. Мы идем, а к нам уже обратно раненые шли. Тут команда: «Принять боевой порядок!» Врассыпную с дороги. А мы без винтовок! Патроны несли в ящиках, а у кого оружия нет – в тыл. Обратно в деревню. И мы пошли обратно. Кошмар! Это мое первое боевое крещение. Кверху ногами пошло! Но закончил войну в Германии.

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

Почти сразу по прибытии в дивизион случился мой первый бой. Были мы вечером в Кронштадте на базе, смотрели фильм. Тут входит дежурный и объявляет боевую тревогу 2-му дивизиону морских охотников. Все сразу побежали на катер. Так как на борту должны быть два рулевых сигнальщика, то один из них находится у штурвала, а другой – у 45-мм пушки, заряжающим. В этот раз я должен был быть у пушки. Вышли из базы, прошли минут 30–40, видим: на горизонте вспышки. Это наши корабли освобождают дорогу на Выборг от мин, на них налетели «фокке-вульфы»: летают кругами, бросают бомбы. Но ни одной бомбы в тральщик не попало. Увидев подмогу в виде нашего дивизиона, самолеты испугались: покидали все свои запасы в воду и улетели. На обратном пути я был у штурвала. Начался первый в моей жизни штурм, где-то балла в четыре, четыре с половиной.

Командир предлагал мне замену, но я отказался: дескать, перетерплю. И выдержал, а после стало проще – привык, и более сильные шторма выдерживал. После боя с удивлением обнаружил, что кожа на ладонях полопалась.

Страх

*Я столько раз видела рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Было страшно, когда идет орудийный или минометный обстрел, и не знаешь, куда деться. Ну, вот, в броневичок залезешь и вроде ничего – нормально. А если так, то ложишься и ждешь. Мимо – или куда… Был такой момент, как раз в окружении, когда на дороге разрезали нас, я еще на машине был, разведать дорогу надо было, что там. Когда резали, танки стреляли, и наши машины разбитые были, в том числе и санитарные машины. И вот, послали туда, значит, старшина вместо моего командира, он тоже был, а старшина, какой-то там при штабе, что ли, был, я его не знал, сел сверху на броневичок и говорит: давай вот по этой дороге. И мы поехали, повернули за угол, а это лесная дорога с кюветами, метров 300, наверное, проехали, снова небольшой поворот, и видно дальше разбитые машины, и кто-то там ковыряется. Старшина сразу говорит: давай разворачивайся, поехали. Я думаю: подъехать ближе и посмотреть. И вдруг слышу звук какой-то, и перед глазами что-то красное пролетело. А потом дошло: может, болванкой стреляли или еще чем-нибудь. Но почему красное? От выстрела-то она красная не будет. Это снесло впереди машину. Он, видимо, перепугался и пистолетом мне в кабину и говорит: давай разворачивайся быстрее. Но я почему-то спокойный был, потому что я не понимал ничего еще. Вот такой вариант был.

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

Было страшно всем. Не успели доехать до Малоярославца, а нас уже бомбило. Некоторые «мама» кричали. А чего удивительного – 17 лет, пацаны. Хотя возраст был разный: мне – 17, а Фролову – 53 года, в одной землянке. Держались за счет уверенности в победе. Были комиссары, политруки – настраивали.

Ранения

А.Я. Коновалов. Каширская ГРЭС

Наши разведчики возвращались из рейда и попали в поле зрения фрицев. Те открыли огонь. Поступил приказ: «Пулеметы к бою, нанести ответный удар!» Я как командир пулеметного расчета встал за пулемет. Бой длился недолго, разведчики вернулись на базу целыми и невредимыми. А я получил первое ранение. Правда, незначительное, не опасное для жизни. Осколок от разорвавшейся мины попал в пальцы руки. Разбиты фаланги, кровотечение, но поле боя я не покинул. Бились до победного. О том бое сегодня напоминают искривленные пальцы на правой руке.

Второе ранение могло стоить мне жизни. Это было в городе Караби Брянской области 15 августа 1943 года. Более двух суток длился бой. Много тогда наших солдат полегло. Не миновала вражеская пуля и меня. Командуя пулеметным расчетом, вставал чуть ли не в полный рост, чтобы наводить цель на противника. И в один из таких моментов немецкая пуля попала в меня.

Резкая боль пронзила все тело. На брюках медленно расползались кровавые пятна. Самостоятельно передвигаться не мог. Ребята перенесли меня в близлежащий лесочек, сами вернулись за пулемет. Пролежал я там всю ночь, только утром, когда на поле боя наступила кратковременная передышка, перенесли меня в сарай, чуть позже – в полевой госпиталь, затем – на лечение в Ярославль. Перенес не одну операцию, врачи не верили в мое выздоровление. Но я выжил, хотя пришлось восстанавливаться почти целый год, «кочевать» из госпиталя в госпиталь. Последним моим «пристанищем» был госпиталь в Иркутской области. Вот оттуда и попал я в артиллерийскую часть Забайкальского военного округа.

В.Ф. Маркин. Северные электросети

Нас, зенитчиков, послали на прорыв блокады в район Невской Дубровки. Сотни мелких и крупных переправ строили мы под огнем врага для форсирования реки Невы. Тут же вступали в бой с многочисленными силами противника. Большини были потери товарищей по оружию. В одном из жестоких сражений меня тяжело ранило: осколочное ранение поясничной области с проникновением в брюшную полость и с повреждением позвоночника. Это было 23 ноября 1941 года. После каждого боя командиры посыпали всех оставшихся в живых выносить с поля боя убитых и раненых товарищей. Меня подобрал в бессознательном состоянии мой друг и земляк Михаил Воскресенский. Вместе с товарищами доставил он меня в медсанбат. Очнулся я на операционном столе, когда отдирали примерзшие к ногам портянки и сапоги. Помню, чуть слышно прошептал: «Доктор, спаси, дома ждут жена и дочка». И еще помню вкус железа в горле от осколков, засевших в животе. Шесть часов продолжалась операция. Солдатское спасибо хирургу Васильеву – спас! Один маленький осколок напоминает о себе по сей день. С 15 декабря 1941 года находился в эвакогоспитале № 81 города Ленинграда. Своими глазами видел, как истощенные ленинградцы гибли от голода прямо на ходу. После того, как фашисты разбомбили продовольственные склады, хлеба не стало совсем. Сухарные крошки делили ложками в котелки. Деликатесом считался суп из

перловой крупы. Командование фронта старалось эвакуировать раненых, больных, наиболее истощенное гражданское население. 30 марта 1942 года госпиталь был эвакуирован через Ладожское озеро по Дороге жизни в глубокий тыл – город Глазов, через Вологду и Череповец.

В.Г. Лапаев. Энергосбыт

16 октября 1941 года, когда мне не было еще 18 лет, я ушел в армию. До места назначения, города Канаш, мы шли пешком. Во время движения на нашу колонну несколько раз налетали немецкие самолеты на бреющем полете. В январе 1942 года я принял первое боевое крещение под Волоколамском, участвовал в штурме станции Шуховская. В конце января меня ранило, и я был отправлен в тыл, в госпиталь города Орска бывшей Оренбургской области. После госпиталя меня направили в связь. Учился этому ремеслу в Москве. По окончании учебы я был послан на Курскую дугу (район Обоянь – Белгород). Пришлось готовить связь для совещания командующих. Дальше – Белая Церковь под Киевом, 1-й Украинский фронт, Тернополь, Львов. На Сандомирском плацдарме во время боя я налетел на мину. Из-за раздробленности кистей в медсанбате была произведена ампутация обеих рук. В это время я был без памяти, но когда очнулся и увидел, что нет рук, то со мной стало плохо. Жить мне не хотелось. Это было во Львове.

Позже Львова – Полтава, Харьков, где начал учиться писать. Сразу не получалось, но прошло время, и писать научился, даже сочинял стихи. Первое время кормили, как маленькое дитя, позже стал есть сам, ложку совал под бинт. Из Харькова по ходатайству матери был отправлен в госпиталь № 3431 города Москвы (улица Радио), где мне сделали операцию левой культи – руку Крученберга.

Ю.С. Байков. Можайские электросети

На Комсомольской площади состоялся митинг, посвященный освобождению Можайска. Дивизия Виктора Ивановича Полосухина освободила город от немецких захватчиков. Помню, на митинге выступал командующий фронтом генерал-лейтенант Леонид Говоров. Приблизительно до марта 1942 года ни о какой школе, уроках речи не было. Восьмилетка, Дом пионеров, школа № 1 были отданы под госпитали. Сначала немецкие, а после освобождения – наши. В марте стали ходить по домам, составлять списки учеников. Учились на квартире у учительницы. Я попал в класс на Каракозова, у нашей учительницы было 12–14 учеников, приблизительно одного возраста. А в соседней квартире располагались наши бойцы. Конечно, они старались не шуметь, когда у нас шли уроки. Писать было не на чем, были лишь какие-то газеты под рукой, вот они и заменили нам тетрадки, и одна чернильница на всех. С учебниками тоже было не все так просто. Один учебник давался на трех-четырех ребят. Поздно вечером учебник попадал тебе в руки, нужно было материал изучить, а рано утром за ним прибегал уже другой ученик, а ты шел добывать себе учебник по другому предмету. За два года мы сменили четыре квартиры, где проходило обучение. В школе № 1 размещался госпиталь. В свободное от уроков время мы с классом ходили к нашим раненым солдатам. Ставили концерты. Я всегда с выражением читал стихи. Сначала смущались, а потом смущение прошло. Помимо этого, в госпитале от имени бойцов писали военные письма – треугольники.

Тяжелораненые с трудом могли говорить, но старались сформулировать самую важную мысль – я жив! Сил им хватало озвучить адрес и лишь короткое послание родным. Онемевшими от холода руками, в потемках, мы тоже могли писать лишь короткие тексты. Но мы очень старались. В 1945 году нам отдали школу, в которой был госпиталь, и мы своими силами восстановили ее к учебному году. И я пошел в 5-й класс.

В.М. Лысенко. ТЭЦ-11

Ранило меня за Ростовом. Немцы бежали почти без боя. Я отдежурила, шла отдыхать. Шальной снаряд зацепился за дерево, разорвался, один осколок попал мне в ногу. Я даже поначалу и боли особой не почувствовала. Меня долго везли на машине в госпиталь, потом на поезде в Краснодар. По дороге рана сильно кровоточила, санитары подбинтовывали ее, старались потуже перевязать. Когда привезли, бинты разрезали – нога опухла, синяя, рана грязная, и тряпки какие-то торчат. Врач, видимо, очень уставший был, сказал: «Ногу резать». Но с ним студенты ходили, и один из них попросил: «Можно я ее попробую полечить».

Через два дня тот же врач на обходе подошел ко мне, студент ему что-то сказал, а тот его по плечу похлопал. Вот так ногу мне и спасли. После госпиталя через два месяца я попала в артиллерийский полк радиострелков.

В.Ф. Каликов. ТЭЦ-12

Поздно вечером 11 сентября после утомительного многокилометрового перехода мы остановились в 2–3 километрах от Дубовязовки и заняли оборону вдоль длинной неглубокой лощины. Вдали чернел лес, до которого было не более километра. Нас предупредили, что лес – в руках немцев, и завтра утром нам предстоит атаковать и выбивать их оттуда. Приказали усилить бдительность и как можно глубже зарываться в землю, так как возможность того, что немцы сами могут атаковать нас в ночное время, не исключалась. Закипела работа. Земля была сухая, твердая, каменистая и с трудом поддавалась ударам маленькой саперной лопатки. Соседи закончили работу и легли спать, а я еще продолжал трудиться. Около полуночи справился с работой и я. Стрелковая ячейка полного профиля и лежанка были готовы. Из вещевого мешка выкинул все лишнее. Оставил только вещи первой необходимости: котелок, ложку, кусок хлеба и полотенце. Лег спать. Какое-то тяжелое предчувствие терзало душу и не давало заснуть. Предстоящий бой не давал мне покоя. Он начнется уже через несколько часов, но чем закончится лично для меня, было загадкой. Какой-то внутренний голос подсказывал, что меня ожидает что-то страшное, неотвратимое. Я вспомнил отца, мать, сестру, жену, ребенка, которого еще не видел. Вспомнил погибших в этой войне братьев – Варфоломея и Гришу, всех родных и близких. Их образы вереницей прошли перед моими глазами. Суждено ли мне вернуться к ним? Смертельная усталость, наконец, одолела, с тяжелыми мыслями я уснул.

«Подымайся! Приготовиться к атаке!» Эти слова разбудили меня. Было уже светло. Прозвучала следующая команда: «Вперед!» И в полный рост развернутой цепью мы двинулись в сторону леса. Быстро проскочить ровную открытую местность, ворваться в лес и, навязав рукопашный бой противнику, выбить его из рощи – вот наша задача. Поначалу было тихо, лес молчал. Мы шли широкими шагами, держа оружие наготове. Так прошли некоторое расстояние. Засвистели пули

все чаще и чаще, враг начал обстрел наших рядов. Сперва хлопали отдельные выстрелы, потом затрещали автоматы и пулеметы. Лес буквально выплевывал потоки смерти. Идти в рост стало невозможно. Против града пуль, на ходу ведя огонь, стали передвигаться короткими перебежками. Бой закипел с полной силой. У нас появились убитые и раненые. На моих глазах погиб 20-летний Миша Карамышев, большой любитель лирических стихов Пушкина и Лермонтова. Огнем ручного пулемета он прикрывал наше продвижение. Фашистская пуля угодила ему прямо в лоб. Умер он в 3–4 шагах от меня, внезапно уронив голову и не успев сказать ни слова.

Враг пустил в ход весь свой механизм смерти. Вдоль опушки рощи непрерывно трещали автоматы и пулеметы. Мы наступали по открытому полю. Он видел каждого из нас в отдельности и вел прицельный огонь. Мы же его не видели и стреляли только на звуки его автоматов. Противник был в несравненно более выгодных условиях. Мы же несли большие потери. Вот погиб мой левый сосед, его сразила вражеская пуля во время перебежки. Не успели пройти и 20 шагов, как в момент очередного броска был убит и правый сосед. Невиданная плотность вражеского огня не давала нам подняться. Мы были прижаты к земле. Кто пытался подняться, тут же падал, сраженный перекрестным огнем множества автоматов. Местность ровная, открытая, и укрыться негде.

Говорят, что в бою страх исчезает. В этом, наверное, есть доля правды. В страшные минуты я перестал ощущать чувство страха, жизнь и смерть мне казались равнозначными. По-видимому, это следствие перенапряжения нервов. До леса оставалось совсем немного, но для последнего броска у нас уже не было людей, они полегли на подступах к роще.

Старшина Кулагин подозвал к себе одного бойца, фамилию которого не помню, и приказал: «Ползи назад, разыщи командира роты и доложи, что противник оказывает сильное огневое сопротивление. Скажи, что у нас большие потери, и продолжение атаки может привести к полному уничтожению роты. Спроси, что делать дальше, отходить или оставшимися людьми закрепиться на достигнутом рубеже. Сделай все это и немедленно возвращайся назад. Я буду здесь».

Получив приказ, боец пополз. Но мы ждали его напрасно, он не возвращался. Старшина Кулагин послал к командиру роты второго бойца – Тимофеева. И он тоже не вернулся. Было ясно, что где-то в пути связные погибают.

Я лежал с Кулагиным рядом. Он глянул на меня, спросил: «Ты слышал приказ?» Я ответил: «Да, слышал». «Так вот, старший сержант Каликов, – продолжал Кулагин, – теперь иди ты. Да будь осторожен. Двое не вернулись, третий ты!» Я отдал ему свой автомат, взял винтовку и пополз. Я понимал, что иду на верную смерть. Как можно плотнее прижимаясь к земле, я полз в тыл. Пули роем летали над головой. Кругом гремел шум боя. Впереди показалась заросшая высокой травой еле заметная лощинка, пересекавшая под прямым углом направление моего движения. Чтобы ускорить выполнение приказа, я решил бегом преодолеть ее и, низко пригибаясь, побежал. Пересяк лощинку и в момент выхода из нее почувствовал сильный удар. Я инстинктивно упал. Кисть левой руки мгновенно обагрилась кровью и совершенно перестала мне подчиняться. Вся левая сторона одежды была изодрана в клочья и забрызгана кровью. Из раны тоже булькала кровь. Здоровой рукой достав из кармана индивидуальный пакет, я зубами перегрыз нитку и быстро забинтовал рану. Были перебиты крупные кровеносные сосуды, и остановить кровь было невозможно. Она сочилась через многослойную марлевую повязку.

«Каликов, ты жив?!» – послышался голос командира взвода. Наверное, он увидел, как я упал, и хотел узнать, что со мной. Я крикнул в ответ: «Жив! Ранен в руку!» Через несколько минут Кулагин уже был рядом. Рискуя собственной жизнью, приполз, чтобы мне помочь. Он наложил на мою рану дополнительную повязку. Откуда-то спереди доносился стон раненного человека. Мы поползли туда и вскоре наткнулись на тяжело раненого Тимофеева, того самого, которого Кулагин послал к командиру роты с докладом. У него был открытый перелом правого плеча, струей текла кровь, белели обломки костей. При малейшем движении он вскрикивал от страшной боли. Кулагин, ножом удалив часть одежды, забинтовал рану Тимофеева, я помогал ему одной рукой. Попрощавшись с ними, я пополз дальше. Теперь я искал какое-нибудь укрытие, чтобы пролежать там до ночи. А сейчас о выходе из зоны обстрела нечего было и думать. Кругом шла стрельба, сливавшаяся временами в непрерывную трескотню. Вражеская артиллерия и минометы били откуда-то из-за леса. Я все дальше и дальше уходил от рощи, лавируя между разрывами снарядов и мин.

Спасаясь от пуль и осколков и стараясь как можно плотнее прижиматься к земле, я исцарапал все лицо. Заметив ползущего человека, немцы несколько раз обстреляли меня. Пули сыпались градом, поднимая крохотные фонтанчики пыли у самого носа. Но на этот раз костлявые пальцы смерти судорожно разжались, и я остался жив. Приказ был выполнен. Впереди показался человек. Это был санинструктор роты, Сильтантьев, который спешил на поле боя оказать помощь раненым. Поравнявшись со мной, он спросил, не нужна ли мне помощь. Я отказался, хотя рука напоминала окровавленную колотушку и оставляла за собой бурый след. Я попросил его быстрее двигаться по моему следу и помочь Тимофееву выбраться из ада. Наконец я в укрытии! На мое счастье, нашлась глубокая канава с двусторонней насыпью. Она, как натянутая струна, уходила вдаль. Местные жители говорили, что в дореволюционное время она служила границей между помещичьими владениями. В канаве было много раненых. Среди них нашлось место и мне. Все обошлось, только в шинели обнаружилось несколько пулевых пробоин. В нескольких шагах от меня в канаве стояла 45-мм противотанковая пушка. Артиллеристы весь день хлопотали у своей «малютки», посыпая на голову врага снаряд за снарядом. Немцы тоже не оставались в долгу и до самого вечера держали канаву под минометным обстрелом. Однако за весь день не было ни одного случая прямого попадания. Все перелет да недолет, а осколки летели через нас. Наступила ночь. Настало время выхода из зоны обстрела. Раненые, способные ходить, пошли по канаве один за другим. Глубина ее постепенно росла, и мы оказались на дне глубокого оврага. Здесь, под защитой высоких обрывистых берегов, находился перевязочный пункт во главе с батальонным врачом. Врач оказывал помощь тем, кто в ней нуждался, а над головой свистели пули. Вскоре вереница раненых потянулась по проселочной дороге. Подводы везли тех, кто не мог самостоятельно двигаться. Мы прибыли в полковой медицинский пункт, в большое село Дубовязовка, где прошли всю процедуру обработки грязных, запыленных, засоренных ран. Врач показал мне место, где пуля залетела в тело, и место, где она вылетела. Затем через дивизионный медико-санитарный батальон № 146 нас отправили в разные госпитали. Меня – в госпиталь № 5920 в город Ишимбай Башкирской АССР.

А.М. Ковбаса. Рязанские электросети

3 августа 1943 года началось наше наступление. С боями прошли Тростенец, Лебедин, Ягодин и в районе города Переяслав-Хмельницкий 24 сентября 1943 года вышли к Днепру. На Днепре получил слепое осколочное ранение левого предплечья с переломом локтевой кости. В полевом госпитале услышал приговор медиков – ампутация. Я не согласился. Наложили гипсовую повязку, выписали проходные документы и отправили дальше, сказав на прощание: «У тебя, парень, кость загнивает».

Мне повезло в эвакогоспитале № 1782. Замечательный хирург Прасковья Ивановна Музыченко спасла мне руку. Рана заживала, и мне выдали 7 марта справку: годен к строевой службе. Однако перед отъездом из госпиталя случились осложнения на локтевой кости, и 8 марта Прасковья Ивановна делала мне операцию. Позже мне сделали еще три или четыре чистки кости и 18 июня 1944 года выписали из госпиталя с диагнозом: ограниченно годен 1-й степени.

Чтобы меня направили на фронт, я показал справку о годности к строевой службе от 7 марта 1944 года, и меня направили в стрелковый полк.

Под Шаулем вновь получил «слепое» осколочное ранение, на этот раз в правую ногу. Ранение было легкое, и вскоре я опять встал в строй. Принимал участие во взятии Данцига, Штеттина, форсировании Одера и закончил войну в Ростоке.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

В своей контузии виноват я сам. Нарушил железную заповедь войны: «Не высовывайся без нужды!» Случилось это 1 февраля в большой белорусской деревне Дуброва. Половина деревни была в наших руках, вторая, за ручьем, – немецкая. Батарея, кроме неприкосновенного запаса, снарядов не имела и была не у дел. Это бывало нередко, так как 120-мм снаряды были в дефиците, не в пример 76-мм. По этой причине я находился не в пехоте, а на НП командира батареи. НП – на чердаке избы. Там укреплена деревянная колода, в нее ввинчен штырь: на нем вращается стереотруба. Пол избы разобран, и в земле вырыт блиндаж. С чердака на печку – лесенка, с печки прыгаешь на землю.

В свое дежурство на НП я «засек» у немцев самоходное орудие «Артштурм»¹⁶. Оно стояло в аппарели (укрытие из земляного вала). Начальству об орудии было доложено. На следующее утро начался бой за вторую половину деревни. Утром я с солдатом – разведчиком Шлыковым из любопытства полез на чердак наблюдать за ходом боя.

У нашей избы разворачивались для атаки легкие танки. Из укрытия выскочил «Артштурм» и за считанные минуты поразил четыре танка. Около избы стали рваться снаряды. Мы со Шлыковым спрыгнули на печку. Шлыков успел соскочить на пол. Я же очнулся вне избы. Снаряд-болванка «Артштурма» пробил стену избы, развалил печь и с нею вместе выбросил меня в окно. В который раз мне повезло. Если бы снаряд был фугасный, меня бы убило обвалившимся потолком и стенами. На лице и руках – кровь, болит все тело. В шоковом состоянии меня отвели на огневые

¹⁶ StuG III или «Арт-Штурм» – немецкая самоходно-артиллерийская установка.

позиции. Помню лишь: кругом рвались снаряды и мины, приходилось падать на землю, а я всю дорогу повторял: «Нехай добьет!»

Через несколько дней стал понемногу отходить.

После войны эта «легкая контузия» досаждала мне больше последующего тяжелого ранения. Дикие боли в затылке, частичная потеря слуха...

8 февраля 1944 года. Еще не оправившись от контузии, рано утром пошел на передовую заменить Михеева. Дуброва уже полностью наша. Предстоял бой за деревню Притыка. Со мной два связиста, один, Глухов, из моего взвода, а другой – из взвода управления дивизиона. Я его хорошо знаю. Осенью, когда я вел пешую колонну дивизиона на фронт, после отдыха, этот солдат не желал выполнить мое приказание. Я вспыхнул, вытащил из кобуры «парабеллум» и ударил его рукояткой по голове. В ответ услышал: «Я это попомню, лейтенант...» Пришли на опушку леса, а там – скопление народа, все лежат в ровиках. Блиндаж, где находится командир батальона, всего один. Легли «валетом» с командиром роты в одном из ровиков. Над головой положили пару лесин, на них – полные катушки с кабелем. Рядом, в таком же ровике – Глухов. «Чужой» отправился исправлять перебитый кабель. Вдруг серия разрывов, огонь, крики. Что-то ударило в правое бедро, по телу разлилась теплота. Командира роты ранило в руку. Кричу: «Глухов, я ранен, перевяжи!» А в ответ пехотинцы: «Убит твой Глухов!» ... От смерти нас спасли катушки, весь кабель был перебит осколками. Вскоре вернулся «чужой». Сгоряча я еще мог как-то идти. Он проводил меня на НП батареи, там я и свалился. Подошел Михеев и сказал: «Счастливый ты, Гриша!» Навсегда запомнил его выражение лица и эти слова. Михеев погиб осенью 1944 года, на плацдарме, за Вислой.

А дальше обычна схема: медпункт полка – медсанбат дивизии – полевой армейский госпиталь – тыловой госпиталь.

Смешная история случилась в медсанбате. Меня несли на операционный стол. Навстречу – носилки с раненым без обеих, ампутированных, ног. Подумалось, а вдруг и меня так! Говорю женщине-хирургу, не зная истинного значения этого термина: «Вы мне тоже будете кесарево сечение делать?» Та «зашлась» от смеха. И в таком настроении, обрабатывая рану, перерезала какой-то крупный кровеносный сосуд. На земляные нары перенесли, я стал истекать кровью. Еле докричался, пока попал к хирургу вторично.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Один раз я был ранен в нос (переносицу), и осколок вышел, когда снимали повязку с глаза, он засел в кости чуть-чуть, а второй раз – в грудь. Пуля прошла в шве шинели, вышла через шею, она тонкая была, здесь ничего не задела. А я из-за пня выглядывал как раз, видел – только щепки полетели, как ударило в грудь, как будто палкой по воде бьешь, в разные стороны брызги летят, так и тут такое же впечатление. Это бой был, когда ранили, а мы поднимались в атаку, дошли до какого-то места, потому что немцы стреляли, дальше уже стали отходить, и вот в момент отхода как раз меня тяпнула.

Это считалось легкое ранение, так как через грудную мышцу прошло, сверху мышцы какие-то железы зажало, и долго, месяца два, болело и воспалялось.

А.Г. Шашкин. ТЭЦ-6

В 1941 году Химкинский райвоенкомат направил меня в 27-ю отдельную морскую бригаду.

Отсюда начался мой путь.

Мне и двум бойцам дали станковый пулемет. С первых же дней вступления в регулярные части Красной армии мы вели долгие и упорные бои в Калинине, Вышнем Волочке, Валдае и Старой Руссе. В бою за с. Рамошево нас осталось двое на пулеметный расчет. Мы не могли часто менять огневых позиций, этим воспользовался враг и засек нас.

Осколком мины я был тяжело ранен в грудь. Это было 22 марта 1942 года. Осколок прошел через верхушки легких навылет. Потеряв сознание, я остался лежать у старой ветхой деревенской бани. Очнувшись, я услышал немецкую речь и понял, что нахожусь один на территории, занятой врагом. Дождавшись темноты, истекая кровью, я пополз к своим в лес, который находился в 1,5 километрах от села. Так я полз до рассвета, временами наклоняясь к воронкам с водой, чтобы напиться. Утром я нашел свою часть. Здесь санинструктор оказал мне первую помощь. Товарищи накормили меня сухим пайком и дали отдохнуть. Вскоре ко мне подошел замполит, протянул мне кусок сала и два сухаря. Он сказал, что подвод и людей, которые могли бы сопровождать меня до санбата, нет. Пришлось собрать все последние силы и идти еще семь километров до санбата одному.

...Ночь. Врач приказал зажечь лампу и готовить стол для операции...

На следующий день нас отправили на машине к аэродрому. Самолеты доставили до железной дороги. Оттуда поездом – в Омский госпиталь.

... Прошло уже 30 лет с тех пор, и воспроизвести все точно в памяти невозможно, но и забыть это нельзя.

Смерть

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрышки.*

Александр Твардовский

М.А. Трухачева. Северные электросети

Никогда в жизни не забуду первую увиденную мною воочию смерть. Это было под Харьковом – одной девчонке из нашего отделения во время бомбёжки осколок снаряда попал прямо в живот. Ириной ее звали, а фамилию уже не помню. Спасти ее не удалось, и последний ее крик: «Я жить хочу!» – до сих пор звучит в моих ушах. Мороз по коже. Несмотря на то, что впоследствии мне не раз довелось встретиться со смертью, эта смерть запомнилась на всю жизнь.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

Стрелковая рота в обороне, в траншеях полного профиля. Командир роты – метрах в 300 сзади. Его землянка – под горочкой, в безопасном месте. С ним и я. Имею телефонную связь с командиром батареи. Все правильно, по уставу. Но я не вижу переднего края противника, не могу определить цели. Для этого мне нужно попасть в траншею, а поле до нее – ровное, как доска. Простреливается, как говорят, ружейно-пулеметным огнем. Иду туда ночью, предполагая вернуться под утро, в предутреннем тумане. Кроме меня, мой солдат по фамилии Лебедь и пехотинец-проводник. Все, что задумал – сделал. А тумана не было, сразу стало как-то светло. Что делать? Ждать ночи – права не имею: это значит оставить роту на весь день без артиллерийской защиты. Если немцы пойдут в атаку, а огня не будет – меня ждет трибунал и штрафной батальон. Решаем возвращаться бегом. Сразу же началась «охота» за нами. Чтобы сбить прицелы, мы с пехотинцем бежим, петляя как зайцы. Лебедь же бежал прямо и получил разрывную пулю в спину. Скончался в медсанбате...

До своего ранения, за шесть месяцев боев, из своего взвода в 13 человек я потерял 19 солдат, из них убитыми – шестерых. Но в смерти Лебедя вину себя: нужно было уходить из траншеи минут на 15–20 раньше.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Я был в разведроте, с броневичком, механизированная разведка по дорогам, мы корпусом входили в прорыв. 3-й Сталинградский гвардейский корпус с тремя механизированными бригадами – 7, 8, 9 и 64-м танковым полком.

Я помню, как мы драпали там же, под Жагарями. Немецкий танковый корпус подошел, у нас уже половина состава там была, потрепанные все были, весело было.

Мы перебазировались, и нас на лесной дороге немцы обрезали, затормозили, засада у них. Штаб был, разведрота, зенпулрота, две «катюши» еще с нами были, бензовоз. И трое суток, у них сил мало, и у нас сил мало, и гоняли с одной стороны поляны на другую. Командир роты вместе со штабом послал младшего лейтенанта, немцы как раз нажали с той стороны, и полковник сказал: разведайте в этот момент дорогу, может быть, они сняли. И вот он побежал, стояли углом. И он побежал по открытому месту, и вдруг, откуда ни возьмись, майор, начальник санслужбы, выхватил пистолет – стой, куда? Тот отмахнулся от него, и майор выстрелил почти в упор, попал в рот, у него фонтан крови. На выстрел обернулись все. Наш фельдшер сразу побежал к этому офицеру, а солдатня стояла тут. Такой Захаров был у нас, он говорит: «Братцы, за мной!» И человек 20 на этого офицера, тот видит, дело плохо, и к штабу, туда, где офицеры стояли старшие, в том числе особняк. Он туда, а солдаты за ним, и все офицеры, которые там были, в разные стороны полетели, и крик: «Братцы, бей!» Офицеры понять не могут, а ротный видит, что его люди, он в воздух выстрелил, поймал одного – чего? Тот говорит, что майор застрелил младшего, ротный спокойно пистолет в кобуру, ничего не говорит, а там молотьба идет. Кто прикладом, кто сапогом, кто чем. А эти учухали, что командир роты спокойно себя ведет, и стали приходить в себя, растиаскивать, орать. Захаров говорит: «Его убирайте из полка, из бригады, не уберете, все равно убьем». И правильно. Но остался он жив или нет, я сказать не могу. Но никого не тронули из разведчиков, даже особняки.

Майор решил, что немцы оттуда наступают, и, мол, паника, и он хотел остановить. А он еврей как раз был. И знал, что с ним будет, если чего. Что говорить, жизнь там – копейка.

В.Ф. Каликов. ТЭЦ-12

Один красноармеец выехал из Терны в поле за кормом для лошадей транспортной роты. Когда ехал по дороге в Екатериновку в поисках сена, его неожиданно обстреляли из автоматов. Убили лошадь. Сам ездовой по счастливой случайности не пострадал. Он весь день пролежал за трупом лошади, а ночью вернулся в роту. Разумеется, он доложил своему командиру, где и что с ним случилось...

Было ясно, что дорога, ведущая из Терны в Екатериновку, все еще находится в руках у противника и пространство между этими населенными пунктами нуждается в тщательной разведке. Надо полагать, что эти факты не были приняты во внимание, когда людей вывели на дорогу. Оплошность стоила немало крови. Только после этого командование решило разведать дорогу. Осуществить эту операцию было приказано нашему взводу, причем немедленно, не откладывая ни на минуту. Ясный солнечный день подходил к концу. До заката оставалось не более полутора-двух часов. Командир взвода, старшина Кулагин, и его помощник, старший сержант Олещук, повели нас по дороге на Екатериновку. Карты данного района не было, и шли буквально вслепую, ничего не

Н.Н. Трофимова (слева)

Ю.Л. Архипова

А.А. Епифаниев

В.М. Бирашевич

П.Г. Екимов в госпитале

Это фронт должен
быть здесь гордо и с
всю силу. Пусть бывают
небольшие неприятности,
но память военной жизни
гордее всего.

Фотографировано в день
моего рождения, 27.9.43г.
г. Москва. Для
Великой Отечественной
войны.

Задум...

Танкисты «Веселой землянки» 27-й гв. танковой бригады
у с. Вознесенское. Командир роты гв. ст. лейтенант Н.М. Канунников
(сидит первый справа), А.П. Туз (второй справа в верхнем ряду).
Курская дуга. Май 1943 г.

12 июля Н.М. Канунников сгорел в танке вместе с экипажем
у с. Ржавец,

Б.А. Рунов – курсант
Московского военно-
инженерного училища

Ф.Т. Демченков. Август 1943 г.

ведая о лежащей впереди местности. Риск был велик: в любую минуту могли напороться на врага. Мы знали, что немцы где-то здесь. Пройдя километра два, мы разделились на три группы: одно отделение под командованием сержанта Блинова свернуло влево, другое отделение старший сержант Олещук повел прямо по дороге, а мне было приказано со своим отделением двигаться по лощине, уходящей вправо под острым углом к дороге. Я повел своих ребят в указанном направлении, развернув их в редкую цепь. В лощине был кустарник, и за каждым кустом нас могла подстерегать смерть. Ведя по кустам непрерывный огонь из автоматов и винтовок, мы медленно продвигались по дну лощины. Вдруг где-то рядом в стороне послышались винтовочные выстрелы. Засвистели пули. Враг начал обстрел нашей группы. Мы резко изменили курс и, как было условлено, пошли на сближение с неприятелем. Для выполнения поставленной задачи нам было необходимо войти в соприкосновение с противником и завязать с ним бой. По мере нашего приближения интенсивность огня возрастала. Когда мы подошли на достаточно близкое расстояние, непрерывные свинцовые очереди прижали нас к земле. Теперь мы знали, где сидят фашисты. Впереди по обочине полевой дороги тянулась полоса густой высокой травы. Звуки выстрелов исходили из этой буйной растительности. Мы перебежками и ползком, на ходу ведя огонь, приблизились к этой полосе. Тут подоспело и отделение Олещука. На моих глазах во время перебежки тяжелое ранение получил Шилов, кисть его правой руки безжизненно болталась на обрывках кожи, и кровь струей хлестала из перебитой руки. Он удалился в тыл. Сквозь непрерывный гул стрельбы мой слух уловил стон раненого человека. Машинально повернув голову, я увидел лежащего в десяти шагах от меня Митрофанова. Он уже не двигался, и стон постепенно ослабевал. Я понял, что он смертельно ранен. Несколько раз пытался ползком приблизиться к нему, намереваясь хоть чем-нибудь помочь, но каждый раз плотный автоматный огонь преграждал мне путь. Рискуя собственной жизнью, я все же добрался до него, но он в помощи уже не нуждался. Фашистская разрывная пуля поразила его в живот. Вся его спина была залита кровью. Пуля при выходе из тела образовала зияющую дыру. Это был скромный отзывчивый парень родом из Калуги, мой самый близкий друг, несмотря на то, что ему было 45 лет, а мне – 25. Мы с ним более двух месяцев хлебали солдатский суп из одного котелка. И вот теперь его не стало. Прильнув губами к холодеющей руке, я на минуту дал волю слезам и беззвучно плакал, как сын над трупом родного отца. Но бой кипел по-прежнему. Глянув в последний раз на убитого друга, я отполз и присоединился к ведущим бой товарищам. Особенно активно вел себя автоматчик, хорошо замаскированный в зарослях высокой травы. Я стал наблюдать за его поведением, прицелился. Скрипя зубами, дал длинную очередь, рассеивая пули по всей длине куста. Вражеский автоматчик замолчал. Убил я его? Ранил? Или просто спугнул, и он переменил место? Не знаю, но оттуда больше не стреляли. Я осмелел и стал выпускать очередь за очередью на звуки немецких автоматов. Но тут фрицы засекли меня самого. Огненные стрелы ударили рядом со мной одновременно с разных направлений. Я прижался к земле, прикрыв голову диском автомата. К счастью, все обошлось благополучно, только левый рукав гимнастерки был пробит в двух местах. Тут я загорелся желанием посмотреть, где сидят немцы. Я пополз, держа автомат наготове и осторожно раздвигая сухие стебли. Но они оказались значительно ближе, чем я предполагал. Буквально в нескольких шагах впереди меня я услышал немецкую речь. Непонятные слова отчетливо доходили до моего слуха. Немцы были в окопах. Автоматом их не возьмешь,

а гранат, к сожалению, не было. Стارаясь не шуметь, я выбрался из этой ловушки. Глупое любопытство могло закончиться для меня трагически.

Солнце скрылось за горизонтом. На землю опустились вечерние сумерки. Стрельба прекратилась. Старшина Кулагин дал приказ отходить. Собрались в промоине у крутого берега глубокой балки. В начале боя нас было 26 человек, а теперь в строю осталось только 14. За полуторачасовой бой мы потеряли 12 человек убитыми и ранеными. Какие потери были у немцев, не знаю. Среди нас не было Блинова и его отделения. На вопрос «где Блинов?» старший сержант Олещук ответил, что отделение Блинова погибло. Он не успел развернуть своих подчиненных в цепь, шли колонной, гуськом. Хорошо замаскированный фашистский пулеметчик подпустил их на близкое расстояние и расстрелял в упор. Из восьми человек отделения чудом остался невредимым один Бейшев,шедший в колонне замыкающим.

Бессмысленная гибель наших товарищев произвела на нас гнетущее впечатление. На душе было тяжело...

Все оставшиеся в живых были отмечены правительственные наградами. Я получил медаль «За боевые заслуги».

А.Я. Торгашов. Октябрьские электросети

Взвод находился на исходной позиции. В кузове навалом лежали три зенитных пулемета, ящики с патронами, вещи взвода. Мы ждали распоряжения командования. Шофер нашей машины лежит лицом к земле и бьется в истерике, стонет. Мы к нему с утешением, а он говорит: «Все, конец нам!»

И тут приходит приказ перемещаться на огневой рубеж, в кабину вместе с шофером сел подполковник, замполит артдивизиона, а в кузов – весь состав взвода из 12 человек.

Отъехав несколько метров от места расположения, увидели, как в нашу сторону летит немецкий истребитель, бросает бомбы и стреляет из пулемета. Команда «Воздух!», мы все отбегаем подальше от машины, самолет удаляется, и мы едем дальше. Так повторялось несколько раз, в очередной раз подполковник дал команду «Продолжать движение!», а «мессершмитт» пикирует на машину и выпускает весь свой пулеметный запас. Помком взвода и подполковник, сидевший в кабине, ранены. После обстрела видим, что шофер, который днем былся в истерике, убит, убит также солдат Сошка, который обстрелов не боялся и никогда не прижался к земле, как делали все остальные.

В итоге были убиты два противоположных по поведению человека. Убитый Сошка был из донских казаков.

... Приходит приказ перемещаться в район боевых действий на запад. Пока мы собирали телефонную связь, штабные машины ушли без нас. Мы отправились позже вслед за ними – едем, навстречу нам едет открытая машина «виллис», в которой, видно, сидят два пассажира в плащ-накидках. По фуражкам и лампасам на брюках поняли, что генералы. Останавливают нас, один из генералов спрашивает: «Почему проезжаете мимо убитых солдат, лежащих на обочине дороги? Приказываю – похоронить!»

Этот упрек больше относился к штабным машинам, проехавшим ранее, а мы до этого места еще не доехали метров 30, но что делать, приказы генералов не обсуждаются, мы быстренько вырыли могилы буквально на 2–3 штыка, а на холмик положили солдатские каски. Рядом стояла сгоревшая машина. С земли было видно, что в кузове взорвался бак с бензином, мы заглянули в кузов и обнаружили там еще три сгоревших трупа, машина стояла в направлении от передовой, значит, она привозила боеприпасы или другое имущество, времени на похороны этих трех человек у нас не было, мы боялись потерять свою часть, да и вообще попасть к немцам. Мы уехали, а на следующий день эта местность была занята немцами. Было ясно, что эти солдаты будут считаться пропавшими без вести. В таком же положении могли оказаться и мы.

Вещие сны

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Когда началась война, мой двоюродный брат Георгий Копп¹⁷, служил в городе Стрый Львовской области. Затем вместе с армией попал в Одессу. Оттуда их перебросили в Севастополь. Он был самый последний, кто оттуда ушел, их было шесть человек, они знали, что во время тумана их будет ждать катер, кто последних снимает. Эти шесть человек добежали, а катера не видно, туман. Что делать? Сзади – немцы. Сдаваться? Хоть и лето было, но если катера нет –тонуть? Они наобум поплыли и выплыли как раз на этот катер, их подняли. Потом он был на Кавказе, где их формировали снова, и прошел весь путь в обратную сторону. Про Севастополь особенно не распространялся, такой молчаливый был. Кончил войну майором. А в этот момент, в 42-м году, звонит тетка моя, Копп, и говорит: «Нина (моей матери), я видела сон: как будто какой-то туман, идет Жорка, идет в туман, и куда-то исчезает. Что это может быть?» И она записала, в какую ночь это было.

И потом, когда после войны он первый раз приехал... Между прочим, очень интересно, когда приехал, уже майор, взрослый дядя, спросил у матери: «Мамк, а где моя Катька?» Это кукла, сде-

¹⁷ Его отец – Копп Георгий Федорович. Прусский подданный. С 1903 г. – инженер при установочном отделе, затем доверенный Московского отделения «Общества электрического освещения 1886 г.». В момент начала Первой мировой войны находился в отпуске за границей. 9 сентября 1914 г. уволен. После 1917 г. – помощник заведующего кабельно-трансформаторным отделом МОГЭС. С 16 марта 1928 г. – заведующий планово-финансовой частью Управления кабельными и воздушными сетями МОГЭС. Умер в 1938 г. Муж тетки Б.Е. Рубинского по матери.

ланная в 20-х годах из тряпья и разрисованная. Мать ее хранила. «Тут, – говорит, – вот твоя кукла!» Надо же, прошел войну и спросил про куклу.

Мамка вспомнила про сон в 42-м и ему рассказала. А он говорит: «Да, нас оставалось шесть человек, и мы там шли, вышли как раз к бухте и наобум поплыли, потому что мы не видели, где этот катер, нас вытащили». Тогда она достает записи и спрашивает: «Когда это было, какого числа?» И Жорка¹⁸ подтвердил: «Да, в это время, в тот же день».

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

Уже неделя, как я был контужен. Отлеживаюсь на огневой позиции. Меня сильно ударило о землю, и тело, особенно его правая сторона, сильно болит. Вечером 7 февраля звонит Бавыкин: «Командир дивизиона Полещуков просит тебя (не приказывает) заменить на передовой лейтенанта Михеева, командира взвода управления 7-й батареи. Он уже три дня без горячей пищи». Конечно, соглашаюсь. Я уже потихоньку отходил от последствий контузии. Идти поутру, лег спать рано. Снится странный сон, что мать ведет меня, опирающегося на палку, по ступенькам, на Площади трех вокзалов в Москве...

Я иду с палочкой. Михеева сменил, а через два часа был тяжело ранен в ногу.

Прошло полтора месяца. Я лежал в госпитале в городе Рассказово Тамбовской области. Понемногу поднимался с постели, но рана не заживала, так как осколки было вытащить невозможно. Приехала мать с разрешением долечиваться по месту жительства, то есть в Москве. Привезла меня. Поезд почему-то прибыл на Северный¹⁹ вокзал. И мы с ней сходили на мостовую к трамваю, по тем самым ступенькам, которые я видел во сне. Шел я с палочкой.

В московском госпитале, под рентгеновским аппаратом, только поступившим из Канады, мне удалили два осколка, которые остановились в бедренной кости. Дело быстро пошло на поправку. В июне я уже был на 3-м Белорусском фронте в 9-й гвардейской бригаде реактивных минометов М-31 в должности помощника командира батареи.

Фронтовые случаи

М.А. Трухачева. Северные электросети

Бывали на фронте и смешные, курьезные случаи, ведь за два года чего только не случалось! Война – войной, а жизнь ведь продолжалась. Помню и, наверное, все мои однополчане помнят парня с Украины, который везде, куда бы он ни заходил, начинал обращение с фразы: «Если меня

¹⁸ Г.Г. Копп остался в армии, стал полковником, начальником оперативного отдела Южного военного округа во Львове. Умер от инфаркта на улице, когда шел со своими внуками к машине в гараж.

¹⁹ Ярославский вокзал.

убыют, ребята, то вот этот платочек (и он доставал из какого-то потайного внутреннего кармашка гимнастерки маленький носовой платочек) передайте Галине по адресу: Полтавская область, Нехворощанский район, село Андреевка. От Гененко Василия Ивановича». До сих пор дословно помню это его обращение.

А.Я. Торгашов. Октябрьские электросети

Мне хорошо запомнился случай из боевых действий на Юго-Западном фронте в 1942 году.

Мы дислоцировались на передовую линию. Один из трех пулеметов к этому времени у нас был установлен и закреплен на треноге в кузове «студебеккера» в готовности для стрельбы. Параллельно нашему движению справа от нас, метрах в 500, двигалась колонна танков. Три истребителя «мессершмитт» бомбят и обстреливают танкистов, танкисты отстреливаются из пулеметов, мы едем спокойно, вдруг один из истребителей разворачивается в нашу сторону и пикирует на нашу машину. Я стреляю по «мессершмитту», он маневрирует, пули градом ложатся справа, слева и перед машиной, некоторые попадают в машину, у меня произошел перекос патрона, мы с заряжающим пытаемся устранить задержку, а истребитель разворачивается, набирает высоту и пикирует во второй раз. Раздается такой силы удар, что у меня потемнело в глазах, зазвенело в ушах, я не пойму, в чем дело. Оказалось, что при втором пикировании у летчика оставался только один патрон с бронебойной пулей. Пуля попала в казенную часть пулемета, сделала вмятину, рикошетом отлетела в сторону, не задев ни меня, ни заряжающего. Если бы пуля была разрывная или зажигательная, результат был бы плачевным.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

К вечеру поступило задание, пришел какой-то офицер, его прислали из штаба бригады, ротный дал ему машину с экипажем, и они поехали. Едут-едут, чего-то никого и ничего нету. Командир машины спрашивает у офицера: «Правильно едем или нет?» – «Вроде правильно». Потому что карта у этого офицера. Проехали 18 километров, смотрим – лошадь идет, а это уже к ночи ближе, повозка, сидит наш солдат русский. Машина остановилась, спрашивают его: «Ты чего тут делаешь?» Солдат: «Так мы в тылу у немцев, я вот ехал тоже, попал, значит, меня немцы остановили, забрали». Он связист был – они отобрали все катушки, все это самое. «А меня отпустили обратно. – Езжай, мол». Что делать? Тогда они развернулись, поехали обратно, проехали несколько километров, навстречу машина идет, ЗИС-5, – наша. Встретили, а дорога тоже довольно узкая, поравнялись уже, видят, в ЗИС-5 сидят два немца, видно, трофейная машина просто, и мы мимо на американском транспортере. Шуметь-то нельзя, если немцы хай поднимут или наши стрелять будут, там это, ну, чего делать? Спокойно разъехались и уехали, «языка» все равно не надо было брать.

Приехали когда в роту, командир машины ротному говорит: «Этого дурака, офицера, чтоб больше я не видел в роте!» А связист что? Его оставили, не подобрали. Он с лошадью так и поехал, лошадь-то тоже казенное имущество, не оставишь! А бронетранспортер был американский, открытый, там два пулемета стоят – крупнокалиберный и мелкокалиберный.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

Сентябрь 1943 года, последний рубеж перед Брянском. На одной стороне поляны в ровиках, лежа, – остатки стрелковой роты. После бесплодных атак в ней было человек 20, с двумя станковыми пулеметами. На противоположной стороне – позиции немцев. На нейтральной полосе раненые кричат и стонут, но подобрать их можно только ночью. Наша рота – крайняя на правом фланге дивизии, с соседями – разрыв на фланге на несколько километров. Слева от нас – другая рота батальона, до нее несколько сот метров. Нет ни «локтевой», ни огневой связи. С ротой нас трое, я – корректировщик и двое солдат связистов. Держим связь с командиром батареи. Через наше расположение уходят и возвращаются полковые разведчики. Конец дня, но еще светло. «Оттуда» ползет разведчик: «Вы что уши развесили, вас немцы окружают». Звоню немедленно командиру батареи и говорю: «Нас окружают. Как прекратится связь, огонь на меня!» Едва успел закончить, раздались крики немцев и автоматные очереди совсем рядом с нами. Пехота, успев снять с пулеметов затворы, по тропинке кинулась в тыл. Мы за ними. А через пару минут батарея открыла огонь, что нас и спасло. Отбежали метров на триста, там окопались. Мы с командиром роты в отчаянии – оставили рубеж без разрешения. Ему грозит трибунал, неприятности ожидают и меня. Но... обошлось! Начальство признало наши действия в той обстановке правомерными.

После брянских боев нашу дивизию отводили на отдых и доукомплектование в город Рославль Смоленской области. У нас на четыре гаубицы осталось два тягача – «студебеккера», другие два подорвались на противотанковых минах. Орудия тянули поочередно. В кабинах машин места мне нет, еду с солдатами в кузове второй машины, тяжело нагруженной ящиками со снарядами и батарейным имуществом. Привал. Остановка на обед. Двигаемся дальше. Я почему-то со второй машины пересел на первую. Проехали несколько сот метров – сзади нас раздается взрыв противотанковой мины под машиной, с которой я только что пересел. Сидевшие в кузове солдаты ранены и контужены. От более тяжелого исхода их спасла большая загрузка кузова.

Такая история бытовала в то время. Во взводе управления служил пожилой сержант. Лет ему было за сорок. Его сын и дочь тоже были на фронте. Однажды с солдатом, вдвоем, они тянули кабель. Видят – копают могилу. Спросили: кому? Ответили: погибшему разведчику... Когда возвращались, разведчик был уже похоронен. Как водится, табличка с именем, фамилией и годом рождения. Подошли посмотреть – все данные совпадают с данными сына сержанта. Могилу немедленно раскопали... Это был его сын...

П.М. Булыгин. Коломенские электросети

Прорыв Курской дуги – мое боевое крещение на фронте. Прорыв был удачным, хорошо помог утренний туман. Солдаты были в отличном боевом настроении. Освобожденные мирные жители встречали нас тем, что у них осталось – молоком, овощами. Помню, одна пожилая женщина привезла такую крупную тыкву, что до привала мы несли ее вдвоем.

В.М. Лысенко. ТЭЦ-11

В августе 1942 года я закончила училище радиистов и попала на Северо-Кавказский фронт в пехоту телефонистом. Наша часть располагалась под Моздоком примерно в 500–700 метрах от передовой. Телефонный провод мог оборваться в любую минуту. То бегом, то ползком по грязи, под обстрелом мы старались устраниТЬ обрыв как можно быстрее. А зима на Северном Кавказе – снег с дождем, и вся земля размешана тысячами людей и машин. Мы все, чтобы свою плащ-палатку сохранить сухой для отдыха, надевали немецкую плащ-палатку, и автомат у нас был немецкий, с винтовкой неудобно. И вот, перед рассветом иду я в таком виде искать повреждение. В левой руке провод, а правая на курке автомата. Голову поднимаю, а передо мной в двадцати шагах... немец. Ну все, тут кто быстрее на курок нажмет... Но вдруг кто-то из нас вскрикнул, и стало понятно, что все свои, русские. А то так бы и перестреляли друг друга.

А был еще такой случай. Уже весна пришла – тепло, хорошо, стреляют мало в обороне, но какой-то шальной снаряд порвал связь. Быстро нашла обрыв, уселась на пригорке, как вдруг что-то зашуршало. Я тут же упала. Догадалась, что это пуля. И точно, шапка моя в метрах в трех от меня дымится. Оказывается, я попала в зону обзора снайпера и в момент выстрела успела нагнуться. Долго еще лежала, чтоб подумал, что я убита...

Однажды наша часть под Туапсе попала в окружение. Кругом сопки, ни окопаться, ни костра разжечь. Так и кружили восемь дней без еды и питья под непрерывным дождем.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

16 человек, бронетранспортер, они рано утром уехали, немцы только отошли. Наши подъехали к дороге, где поворот надо было делать, уже бывшее место, где были немцы, свернули на эту дорогу, а как раз прошел такой маленький-маленький моросящий дождик. И на этой дороге – ни одного следа не было. Проехали они метров триста – завал: спилено дерево прямо на дорогу. Бронетранспортер свернул, тут росла картошка в поле, проехал, снова поднялся на дорогу и жеманул, что называется ... никого нету, дело надо быстро делать, и он на всю железку пер. И через полтора километра он взорвался на двух противотанковых минах, левое переднее колесо и правое заднее колесо. Машина пролетела еще метров 15 или 20, всех выкинуло из машины, люди попадали. Водителя прижало очень здорово на грудную клетку, он потом целый месяц отдыхивался, но к медикам не попал. И одному, сидящему с правой стороны, около колеса, заднего правого, он за броню держался, ему два или три сустава пальцев оторвало. Другой при падении вывихнул ногу. Остальные все целы. Вот такая вот вещь была.

С.А. Королев. Западные электросети

На войне, как и в мирное время, всегда ценятся честь, человеколюбие, самопожертвование и дисциплина. Среди солдат, которые находились в моем подчинении, были и бывшие заключенные. В 1943 году мы получили приказ отступать. Естественно, отступали в полной экипировке. В ходе отступления одно орудие у нас сломалось, и тянуть его дальше не представлялось возможным. Я дал приказ оставить его. Уже после нашего отступления люди из отдела Смерш устроили мне настоящий допрос, почему я принял такое решение. Мне был дан приказ забрать его обратно. Но как? Ведь ту территорию уже оккупировали

немцы. Я был в отчаянии. Помощь пришла неожиданно. Некоторые из моих солдат-заключенных предложили план. Я должен был им предоставить несколько дней для этой операции. Под свою ответственность я согласился и отпустил их в тыл к противнику. Ровно по истечении оговоренного срока это орудие было доставлено. Ради собственной безопасности я так и не решился узнать, как им это удалось сделать.

Л.В. Усанов. ТЭЦ-11

Памятный день был в Сталинграде. Вез боеприпасы – три машины, погрузили на пароход и поехали. И тут кричат: «Воздух!» Летят девять «юнкерсов». Куда деваться? Прыгать в воду? Гибель. И вот что сделал капитан. Тот пикирует, а капитан-умница, он взял, остановил пароход, и бомбы все упали рядом, но в пароход ни одна не попала. Гибель была верная. И вот ему надо было дать Героя Советского Союза – обязательно! Дали или нет – не знаю. Это сообразить надо такую вещь! А пароход битком был набит. Только мои три машины и боеприпасы...

Потом один раз атака была под Сталинградом, говорят, идут 10 танков, на меня шли четыре танка всего-навсего... Куда деваться? Побежали... Командир полка говорит: надо остановить, чтобы не убежали люди-то. И дает мне машину, и лейтенант такой, мальчишка. Но достойный парень, умный оказался... Ну, выехать надо и стрелять, по своим стрелять, как можно? Это жутко. Он говорит: мы сейчас сделаем. Он взял, зарядил трассирующую ленту, и вот так бегущих отсек, они бегут, но куда им деваться? И остановили! И ни одного не убили! Тоже парень молодец! Это не моя заслуга, это его, прямо молодец! Какая смекалка!

Женщины на фронте

*Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,*

*Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра —
Боль сразу стала, не такою:
Не так сильна, не так остра.*

*Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!...*

Иосиф Уткин

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Как-то мы переехали, разведрота переехала в другое место, бригада перемещалась, и мы. Это было ночью, утром встали, а рядом землянка, там печка уже горит, все это в конце ноября было, но снега еще не было. Оказывается, это саперы, саперная рота стояла какая-то, и мы рядом с ними, и санчасть тоже, и в ней женщины были, фельдшер и сестра, или врач и сестра, у них хорошая печка была, сделанная из бидона молочного, большие такие, топили они ее хорошо, у них там жарко было. А мы приехали, по-быстрому в лесу напилили деревьев, одни пилят, другие копают, дерн снимают, землянную печку делают. Земляная печка – это когда ломом пробивается дырка на какую-то там глубину, ну, поглубже, одним словом. Если знаем, что недолго стоять, то делается чтоб поспать только, при обстреле если, чтобы все-таки осколки мимо шли, значит, неглубокая. Неглубокую мы сделали, на шесть человек, а получилось так, что почему-то там углубили ее дальний конец, почему, не знаю, или там раньше было, кто-то копал, начинал копать. Дали ящик с патронами от ППШ, загнали и расположились там спать. А такой 25-го года рождения парень был, Валька, на С его фамилия, забыл, шебутной парень, глуповатый немного, хотел сделать себе мундштук из запала ручной гранаты. Уже взял ножовку, к огню подошел, положил, только намеревался, хорошо, ротный увидел, подошел, как ногой даст ему по рукам, у него все это вылетело. «Ты что? Хочешь дезертировать что ли? Ведь тебе ногу оторвет или пальцы потеряешь, ладонь потеряешь, самострел будет, что ты делаешь-то?» А они были красным лаком покрыты эти запалы-то, красивые такие на вид, то есть шикарный мундштук получился бы.

Валька как раз был часовой или патрульный, расхаживал по расположению просто. Тут немецкий самолет, итальянский, типа нашего кукурузника, летает, а у соседей из хорошей печки вот такой столб пламени! Он подошел к ним и говорит: «Вы потише, а то самолет летает!» А они бросали кассетные бомбы, из фанеры сделаны, с пропеллером, то есть с этими хвостами, бросят, она раскрывается во время полета и занимает довольно большую площадь. Самолет где-то бросил ее, слышно было, и тут прилетает. Они говорят ему: «Разведчик! А боишься!» Ну, Валька ничего не сказал, пошел к землянке своей, попросил одного: дай пачку патронов. «Зачем тебе? – Да у меня не хватает!» Раскубарили их, вот так горсть взял и в печку – раз! Там пошла стрельба, и они вылетели оттуда пробкой! Вот такие шутки бывают. Больше, пожалуй, женщин и не встречал на фронте, только когда ранен был – в санзоне.

А.Ф. Екатериничева. ТЭЦ-11

А в сентябре 42-го меня уже взяли в армию. Приехали за нами какие-то командиры, всех распределили, кто сколько закончил классов, отобрали и увезли нас прямо под Воронеж. Там бои шли, Воронеж сдавали из рук в руки, ну, меня враз – санитаркой, в техникум я тогда не поступила. Я в санитарках немного побыла, потом поваром взяли, на фронт. Да я и не умела еще ничего, но варить-то я умела, а там варить картошку – большой котел. Ой, как меня поставили там это варить! Надо было всех накормить. Ну, как выучилась и выучилась! И так до конца войны я была поваром.

М.А. Трухачева. Северные электросети

А как мы радовались передышкам между боями! Как точно изобразил Твардовский в своей поэме «Василий Тёркин», словно писал с натуры! У нас, например, был точно такой баянист, как у него в поэме: старенький баян его то выпирал мехами, словно «пузо», то этими же мехами чуть не выворачивал баянисту грудь и плечо. А как отбивали при этом наши парни разные ритмы и мелодии на подвешенных к деревьям и кустам отстрелянных зенитных гильзах! А с каким азартом танцевали мы! При этом очень строго – девчонки с девчонками (нас было гораздо больше в отделении), а парни с парнями. Ведь что ни говорят, что ни пишут о той войне, о слишком свободных для того времени отношениях между мужчинами и женщинами на фронте, но большинство из нас, девчонок, сумели сохранить и в тех условиях девичью честь и достоинство. Наверное, потому, что мысли наши были больше заняты тем, как лучше выполнить поставленную перед нами задачу, как помочь воинам-мужчинам приблизить миг Победы, защитить нашу Родину от фашистских захватчиков. А это значит защитить и своих родных.

Враг сдается

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Наши взяли трех пленных, был у нас в разведке такой Баев, высокий, с широкими плечами, на захвате только был. Пленных было – два латыша и один немец, 28-го года, совсем парень, пробыли они у нас трое суток, наверное. Потом у одной из стоянок, в лесу, утром немецкая разведка пошла. Хорошо, танки наши увидели или услышали и половину этой разведки ликвидировали. И снова, значит, нужно переезжать на новое место, куда пленных девать? Был еще такой Блинов, он откуда-то из Белоруссии, всю его семью, всю деревню сожгли, а он сам в партизанах был, и ему сказали вон этих расстрелять, и он отвел их в сторонку и тяпнул их всех. Жизнь – копейка.

Б.А. Рунов. 5-й район ВВС

Это произошло 1 мая. Саперы были в приподнятом настроении по случаю первомайского праздника и ожидания скорой Победы. Бои шли уже в Берлине. И тут мой взвод подняли по тревоге, придали два танка и бросили навстречу вырвавшимся из окружения фашистам. Оставил оба танка у крайних домов поселка, развернул взвод в цепь и повел навстречу немцам.

Выходя на опушку, я заметил, что с противоположной стороны на нас двигалась масса немцев, включая конницу. С оружием, во главе с офицерами, они выходили из леса, шли напролом. Я дал команду не стрелять и быстрее отходить к своим танкам. Так получилось, что сам я отходил последним, и конные немцы меня отрезали, я остался один среди немцев. А их, с подошедшими, оказалось очень много, несколько сот. Мои солдаты скрылись в лесу и перебежками отошли к танкам. До танков через лес и поле было более 300 метров, но их не было видно из-за деревьев.

Немцы окружили меня. Подошел офицер в чине майора, на ходу вытаскивает из кобуры пистолет. Я в это время вытащил чеку из гранаты. Я плохо, но знал немецкий язык и крикнул: «Берлин пал. Сдавайтесь! Я сохраню вам жизнь. Там мои танки. Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены...»

Немецкий офицер не стал стрелять, понимая, что я успею взорвать гранату, и тогда ему и многим солдатам будет конец. Так мы стоим друг против друга – он с пистолетом, а я с гранатой. И тут среди солдат раздались крики. Это моя свежая информация дошла до их сознания. Они не знали настоящей ситуации, им о ней не сообщали. Подошли еще два майора и стали переспрашивать, что я сказал.

Первый немец пытался убедить подошедших, что меня надо расстрелять. Но многие хотели жить и для этого сдаться мне в плен. Один из подошедших офицеров сказал: «Убери парабеллум, майор. Мы не хотим умирать. А ты, лейтенант, убери гранату...» Я тогда осмелел и велел им складывать оружие и садиться. Многие стали садиться, но с оружием.

А далее получилось так, что часть немцев – около сотни – пошли вперед, к выходу в поле, на мои танки. Я знал, что стоит им только выйти из леса, как танки откроют огонь. Меня они наверняка не оставят живым. Поэтому принимаю решение – остановить их. Догнал я их уже на выходе из леса. И в этот момент наши танки открыли огонь. Недалеко разорвался снаряд, а я бросился в кювет и по нему быстро пополз к своим.

Когда до наших танков оставалось немногим больше сотни метров, я вытащил платок и стал им махать, чтобы в меня не стреляли. Меня заметили, и, собрав все силы, я бросился вперед. Радость встречи трудно описать. Мои солдаты уже и не думали, что я останусь живым. Вскочив на танк, мы двинулись туда, где была основная масса немцев. Немцы, а их было около 700, сдались. А те, кто не захотел сдаваться, нашли себе смерть на опушке леса.

За успешную операцию и взятие в плен большой группы немцев, которые выходили к штабу 4-й танковой армии, мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда мне было неполных двадцать лет...

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Сначала японских военнопленных не было. Они появились потом, году в 47-м. Они делали водопровод, по-моему, и канализацию. И сначала взбунтовались, потому что им солдатскую норму нашу давали. «Хлеба не надо, вместо хлеба рис!» Им варили рис все время, а хлеб куда? Ну, солдат съест. Интересно, траншея, конвой, у него винтовка на коленках, сидит где-нибудь, а там распоряжается унтер японский. Труба, скажем, они как муравьи обхватывают эту трубу, тот по-японски командует, и, если кто-то чего-то не то делает, унтер как матюгом пустит по-русски! Самое первое, чему они обучались. Когда их отправляли, очень многие, которые загнаны были на пароход, спрыгивали с парохода в воду, хотели остаться – уж, не знаю почему. Или понравилось им тут. Природа понравилась. Кто знает...

быт

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Когда я попал на фронт, вернее в мехкорпус, нас сразу начали кормить. Двое тащат буханки хлеба. Как дрова, все равно. Ну, по котелкам, моментально все съели, а те спрашивают: «Еще надо? – Хе-хе!» Значит, еще половину. Что было? Лапша с американской тушенкой. Это вкуснейшая вещь. А тут мы, голодные. Тем более, что, когда ехали, норма питания была разбита на черт знает сколько частей. Третья норма – это более-менее. Ну, все же горячее и тому подобное. Поездная норма – когда едешь на ней, может быть, за полмесяца не умрешь, а чуть-чуть побольше – ноги протянешь. В расчете на то, что где-то солдат чего-то сопрет.

А перед этим были гороховецкие лагеря, и мы там пилили сосны двуручной пилой. Пилили с керосином, сосна ведь смолянистая. В щель заливаешь, тогда только протаскивает, стволы-то вот такие здоровые, пила ходит, наверное, на 15–20 сантиметров всего-навсего, у кумеля, а вершина уже легче. Ну, это же физическая работа, здоровая, а тут – голодуха.

Но за всю фронтовую жизнь мы только один раз сидели голодные. И то просто машина ротная отстала. А так, все время хорошо кормили. Правда, на фронте я с сентября 1944-го. Но приятель мой, Бледных, работал в теплослужбе, так они восемь суток голодными сидели в окружении. Ничего не было.

А вот с водой были проблемы. Умываться где? На фронте-то… Воды кругом нету. Кухня только с водой, но она варит. Зимой – снегом. А после войны ты крепкий, там ось 46 килограммов от вагонетки, одной рукой вот так запросто мотал, выходишь – снежком прортерся, умылся, все нормально, но вода только для кухни. Это обтирание холодной водой осталось на всю жизнь.

Были бани – такие своеобразные. Ставилась бочка, одно дно вышибалось, но бочка не с ободьями, а штампованные, у нее ребра штампованные. Туда клали деревяшки, ну, или ветки, ставили на костер, наливали ведро воды, и три комплекта одежды, шинель, шапка, одним словом, все. Ты сидишь в землянке, голый, чьей-то шинелью закрылся, пока это все там проварится. Ну, делать нечего, все там, следующий готовится. И устраивали «соревнования»! Хорошо, трое считают, снимают с себя, давят… 154 штуки в одной рубашке! Вшей, конечно, не кузнецов. Палатка, также бочка стоит. Быстро это все. Раз-два и готово.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

Не помню, чтобы я сильно голодал во время боевых действий, честно говоря, не до еды было. Иногда на «передок» с огневой позиции приносили что-то теплое в термосах, но нередко нас, управленцев, кормила пехота. Хлеб или сухари могли быть всегда при себе. Настоящий голод в течение нескольких дней, я испытал в конце 1943 года, когда вел пешком колонну дивизиона.

Это были управленцы из двух батарей и дивизиона. Расчеты орудий были на «студебеккерах» и «доджах-3/4», которые тащили орудия. Штабные тоже пешком не шли. Незадолго до этого перехода наш артполк отдыхал три недели в тылу, так вместо хлеба давали сухари. Но в этот «пеший поход» выдали вместо сухарей – муку! Ночевали в деревнях, и хозяйки пекли лепешки. На огородах оставались овощи, их собирали и ели. В реактивной артиллерии питание было нормальное, из полевых кухонь.

В Пруссии бродило много бесхозного скота. Полевые кухни были завалены мясом и птицей. Помню, как в кotle нашей батарейной кухни варился бульон из 15 куриц (на 40 человек личного состава). Начальство среагировало быстро. Подразделения лишились централизованного снабжения, и войска перевели на «подножный корм». Когда «местные» возможности иссякли, мы снова хлебали щи из щавеля и крапивы.

А.И. Дергачев. Коломенские электросети

Боевые ордена получал на передовой. Пришел в землянку, согнувшись, полковник из штаба, вручил орден и ушел. Вот и вся церемония. Награды не обмывал: спирт давали какой-то невкусный, мне он не нравился.

О войне

*Сколько в мире холмов!
Как надгробные надписи скучны.
Это скорбные вехи
Пути моего поколенья.
Я иду между ними.
До крови закущены губы.
Я на миг
У могилы твоей
Становлюсь на колени.
И теряю тебя.
Бесполезны слова утешенья.
Что мне делать с печалью!
Мое поколенье на марше.
Но годам не подвластен
Железный закон притяженья
К неостывшей земле,
Где зарыты ровесники наши.*

Юрий Левитанский

Б.В. Филиппов. ЦЭС

Призвали служить в 1941 году. Всю войну прошел в звании рядового минометного дивизиона, и только перед демобилизацией командование присвоило очередное воинское звание – младший сержант. Под моей ответственностью было обеспечение связью дивизиона знаменитых «катюш». Война – это страшно, холодно, голодно, слякоть, сырость. Убиваешь сам, убивают рядом товарищей. К этому никак не привыкнешь. На сердце такие рубцы.

Г.С. Каплан. Управление Мосэнерго

Те, кто воевал на «передке», завидовали тыловикам черной завистью. Но не тому, что так называемые «тыловые крысы» были в большей безопасности, а тому, что те лучше одеты и обуты, как правило, сыты и имеют крышу над головой: крепкий блиндаж или палатку. Да еще на передовой постоянно нас мучили вши. Но долго отсиживаться в тылу молодым и здоровым не позволяли. Их меняли люди пожилые или ограниченно годные после ранений. Для примера – во взводе разведки штабной батареи при управлении 27-й армии почти все бойцы были в два раза старше меня. Во взводе управления гаубичной батареи в стрелковой дивизии я помню лишь одного радиста в возрасте за 30 лет.

Конечно, было много приспособленцев, устроившихся на «теплые места» в штабах и тылах, но так было и будет всегда во всех войнах и во всех армиях.

Первыми погибают искренние патриоты и идеалисты, а «накипь» частенько выживает, кантуясь по тылам. Все зависит от совести каждого конкретного человека.

Когда я прибыл после госпиталя служить в дивизию реактивных минометов, командир дивизии К.Д. Карсанов предложил служить у него адъютантом. Я отказался, я хотел убивать врагов своей Родины. Многие удивлялись моему решению и прямо меня спрашивали: «Ты, что, жить не хочешь?»... Я сознательно сделал свой выбор и о нем не жалел.

В.И. Степичев. МКС

Ничего хорошего в войне не было. Просто мы были молодые и особенно не переживали...

Почему вообще война начинается? От жадности. Есть люди, которым все мало. Им все надо где-то нахватать поболее. Вот от жадности и воюют.

А.А. Орлюков. Коломенские электросети

Самым запоминающимся стал прорыв блокады Ленинграда и разгром немцев под Ленинградом. О яркости боевых эпизодов говорить не приходится – на войне как на войне. Всегда опасно, всегда страшно, и, самое главное, каждый хотел как можно быстрее разгромить врага, остаться живым и не стать инвалидом: без рук, без ног или слепым... Война – дело тяжелое, и пусть никогда ее не будет.

Т.В. Волкова. ТЭЦ-11

Была интендантская служба, склад, бомбежка, обстрелы – это уже в первую очередь, бомбило всех, много погибло – и девушек, которые вместе со мной работали. Моментов было очень много, и, конечно, хороших моментов не было.

Л.Н. Мишин. Ногинские электросети

Смерть с войной вошла практически в каждую семью, и моя не стала исключением. Сестра в 1941 году добровольно ушла на фронт, дошла до Берлина, домой вернулась инвалидом и через год умерла от туберкулеза. Дядя был врачом, под Ленинградом вместе с моим двоюродным братом попал под обстрел – оба погибли. Тетя во время войны умерла в Ногинске, не выдержав очень тяжелой жизни.

Война прошла, но оставила после себя очень много разрухи. В октябре 1945 года я ехал из Калининграда в Таллин. По дороге проезжал через Лежаву, Ведав, Ригу. В столице Латвии я увидел зрелище, которое до конца жизни не смогу забыть, – казнь семи немецких генералов, командующих прибалтийской группировкой. Привезли их каждого на отдельной машине, подвели к виселице. И на все это смотрела огромная толпа народа.

Но с окончанием войны моя служба не окончилась. Я отслужил еще пять лет и окончил ее в звании старшины первой статьи, а домой в первый раз после ухода на фронт попал только в 1946 году на Новый год, когда мне дали десятидневный отпуск.

Г.Ф. Лаврентьев. Подольские электросети

В один из дней командование штаба, узнав, что лейтенант Лаврентьев родом из Ржева, предложило скорректировать огонь артиллерии по железнодорожному узлу «Ржев 1», где находились немцы.

«Что видим, лейтенант?» – спросили у смотрящего в перископ-дальномер лейтенанта.

«Эшелон военной техники и … свой дом… Когда уходил в 41-м из квартиры, окно занавешивал, а сейчас все открыто. Значит, живут там, гады…»

После артобстрела нашей артиллерии не стало ни железнодорожного узла, ни эшелона с техникой, ни родного дома…

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

Пели «Вставай, страна огромная» и «Синий платочек». Русланова приезжала, Шульженко, когда стояли на формировании, другой раз на бортовой машине. Бойцы и плакали, и плясали.

Воевать с Курской дуги было хорошо и легко. Гнали мы его до Берлина. Население нас хорошо встречало, а вот в России иногда от деревень одни трубы оставались, как в Белоруссии, и никого нет.

Фронт за линией фронта

17 июля 1941 г. на основании распоряжения Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» было создано Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий, которое подчинило себе две административные единицы: Рейхскомиссариат Остланд с центром в Риге и Рейхскомиссариат Украина с центром в Ровно. Позднее предполагалось создать Рейхскомиссариат Московия, который должен был включить в себя центральную и северную части европейской России, и Рейхскомиссариат Кавказ со столицей в Тбилиси. В дальнейшем Крым, южная часть Украины, Поволжье, Прибалтика и Бакинский регион должны были войти в состав германского рейха. Славянское население после полного захвата европейской части России либо подвергалось уничтожению, либо вытеснялось за Урал.

Оккупированные территории СССР в первую очередь должны были служить сырьевой и продовольственной базой Германии, а население – дешевой рабочей силой. Поэтому Гитлер по возможности требовал сохранить здесь сельское хозяйство и промышленность, которые представляли большой интерес для германской военной экономики.

Власть в населенных пунктах на оккупированной территории находилась у военных комендатур. В помощь комендатурам в городах создавались управы во главе с бургомистрами. В сельской местности во главе управления были поставлены старосты. Квартирмейстерская служба немецких войск требовала от глав управления селами и городами стабильных поставок провизии, которая собиралась фронтовыми частями обеспечения. Снабжения населения продовольствием со стороны оккупационных властей не было, особенно в трудных условиях оказались жители городов.

Во время оккупации немцы вели строгий учет жителей и не разрешали им покидать места проживания (осенью 1941 г. была начата перепись населения в Смоленской, Калининской, Тульской и Московской областях; для переезда в другой населенный пункт требовался пропуск). Передвижение и даже появление на улицах было разрешено в селах с 6.00 до 17.00, в городах – с 8.00 до 16.00. На оккупированных территориях

повсеместно были установлены штрафы, телесные наказания, натуральные и денежные налоги. Население не имело никакой защиты, под немецкие репрессии мог попасть каждый – любой несогласный мог быть убит. Оккупанты убивали прежде всего психически больных, военнопленных, евреев, цыган, старииков и инвалидов. На оккупированной территории СССР было создано свыше 1000 гетто и мест принудительного содержания евреев. Крупнейшим было львовское гетто. На начало 1942 г. в нем содержалось около 100 тыс. евреев.

Всего в оккупации за время войны находилось 84 млн 852 тыс. советских граждан, что составляло 44,5 % от всей численности СССР (190 млн 678 тыс.). На оккупированной территории оказалось более 30 млн украинцев, более 20 млн русских, примерно 8 млн белорусов, до двух миллионов евреев.

Часть наиболее трудоспособного населения подверглась насильственному переселению в Германию и отправке на принудительные работы (общее количество угнанных – 5 млн 269 тыс. 513 человек).

Некоторые города и области СССР в буквальном смысле обезлюдили после немецкой оккупации. В Сталинграде к моменту изгнания врага осталось всего 12,2 %, а в Воронеже – 19,8 % от предвоенной численности населения, в большинстве своем – нетрудоспособная его часть.

По самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся под оккупацией советских граждан не дожил до Победы.

Оккупированная советская территория не превратилась для германской армии в спокойный тыл. Сразу после начала войны стали образовываться партизанские отряды, а в городах – подпольные организации. В их формировании большую роль сыграли советские военнослужащие, попавшие в окружение, но избежавшие плена.

Деятельность штабов партизанского движения и патриотический подъем, вызванный разгромом немцев под Москвой, оказали большое влияние на рост сопротивления в тылу врага и эффективность партизанских действий. С мая 1942 г. начался рост численности партизанских отрядов и групп. Если в мае 1942 г. в тылу врага действовало 500 партизанских отрядов, включавших в себя 72 тыс. человек, то к середине ноября 1942 г. насчитывалось уже 1770 отрядов, в которых сражались 125 тыс. партизан, а к началу 1944 г. – 250 тыс. человек. Численность партизан особенно быстро стала расти в 1944 г., когда шла борьба за полное освобождение страны от захватчиков. Всего за годы войны в тылу противника действовало свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых насчитывался 1 млн человек. Партизаны разрушали коммуникации, устраивали диверсии, наносили удары по тыловым частям противника, обеспечивали советское командование ценными разведывательными сведениями.

ПАРТИЗАНЫ, БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В ТЫЛУ ВРАГА

М.Д. Виноградов. Рязаньэнерго

1941 год мне запомнился больше всего. Начало войны. Она застала меня в селе Малое Тесное Ельниковского района Смоленской области. Было мне 11 лет. Проводили отца на фронт. Уходя, отец пообещал: «Не плачь, Миша, я поймаю Гитлера и тебе в мешке привезу».

С его уходом я остался за мужчину в доме, взяв на свои плечи заботу о матери и младшей сестре. В тогдашнем 41-м я не знал, что вижу отца в последний раз: дважды раненый, он по сей день числится в списках пропавших без вести.

Первое время приходилось помогать в колхозе: сеять, пахать, продолжая дело отца. Однако вскоре жители села были вынуждены отменить уборочную кампанию, уничтожить посевы, отогнать весь скот, чтобы ничего не досталось врагу, подступающему к Малому Тесному.

В это же время находившиеся в окружении советские солдаты организовались в партизанские отряды. Бойцы размещались в лесах, собирали оставшуюся технику, артиллерию, боеприпасы и вели локальные бои в тылу противника. На оккупированной территории был организован партизанский край, в который также входило село Малое Тесное. Селяне обеспечивали партизан и кавалеристов продуктами питания, зерном для лошадей. Я помогал матери выполнять установленные нормативы: необходимо было сдавать определенное количество масла, молока, мяса и яиц.

Мы с односельчанами собирали остатки мороженой картошки, съедобные травы. В один из таких дней я проснулся и с ужасом заметил, что у меня зашатались все зубы. Нехватка витаминов из-за недоедания давала о себе знать. Местный знахарь посоветовал пить настойку из крушины и ей же регулярно полоскать рот. Народное средство вскоре излечило недуг.

В 42-м жить постепенно становилось легче. Была налажена связь с Большой землей, расчищена площадка для аэродрома, постепенно восстанавливалось хозяйство. Мы с мамой держали корову, сено для которой собирали в лесу и по кустарникам. На самодельной тележке я отвозил его к дому. На приусадебных участках начали сеять пшеницу и овес, сажали картошку понемногу. Из овса варили кисель, а с помощью маленькой мельницы, которую я сделал своими руками, можно было получать муку.

Территорию села Малое Тесное Красная армия освободила в августе 1943 года. Во время боя я и еще несколько десятков односельчан спасались в блиндаже. Иногда мы, мальчишки, выглядывали из укрытия и из любопытства наблюдали за ходом артиллерийского обстрела. В один из таких моментов на моих глазах снаряд в щепки разнес родной дом.

Н.И. Кряжков. Сталиногорская ГРЭС

Летом 41-го партийные комитеты, органы разведки повсеместно (а значит, и в Туле) создавали истребительные батальоны. Лучших из рабочих и инженеров наши энергетики откомандировали в партизанские формирования. В их числе совсем не случайно оказался я, юный,

но активный молодой электрик, способный, по легенде разведки, «работать под вчерашнего заключенного».

Подготовка к возможному вторжению врага в Стalinогорск началась еще в июле 1941-го. Горком ВКП(б) и органы НКВД создавали партизанские отряды и истребительные батальоны. Многие сталиногорцы были отправлены в Тулу для подготовки к диверсионной работе в тылу гитлеровцев. Среди них был и я, энергетик ГРЭС, действовавший в отряде под фамилией Жукова, якобы обиженного советской властью. К мирному труду довелось вернуться не всем участникам сопротивления. А бойцы самого известного в крае коммунистического батальона сталиногорцев почти полностью погибли в боях под Смоленском.

Известный отдел НКВД изготовил несколько десятков «липовых» документов для агентуры подполья. С 8 сентября 1941 года (согласно данным временного паспорта) некто Жуков освобождался из тюрьмы после отсидки за корыстное преступление. Для удобства, чтобы не путаться, разведка оставила мне, агенту Кряжкову, привычные имя и отчество: Николай Иванович.

Немецкий патруль таким документом верил, но все данные проверялись по другим каналам. Наша разведка и эти действия предусматривала: тылы прикрывала другими «липами».

Легенда заучивалась параллельно с занятиями. В Туле сталиногорцев готовили к диверсионной работе весьма основательно. Военные профессионалы уже тогда понимали, что фашистское нашествие не пройдет задуманным захватчиками галопом – застрянет враг.

Вот так и случилось, что по осени того же года в бараке шахтерского поселка у деревни Ольховец оказался я среди «настоящего тюремного отребья» как разбитной расхититель колхозного имущества, бывший зек с фамилией Жуков.

На счету диверсионных групп было немало дел, способствовавших приближению Великой Победы. Всеми средствами досаждали фашистам неуловимые «пятерки» партизан-разведчиков. То вдруг без следа исчезнет немецкий дозор, то поезд на перегоне неожиданно сойдет с рельсов, то по причине нарушения связи офицеры не смогут поднять по тревоге свое подразделение. А то у фрицев «ни с того ни с сего» случалось расстройство желудка, одновременно у всех.

Помню, как однажды выводили наших окруженцев, бойцов 50-й гвардейской армии. На 20 человек нашли одежонку, в которую обрядили солдат, а их военное обмундирование спрятали в сугробах. Много лет спустя совет ветеранов 50-й гвардейской отметил всю партизансскую «пятерку» специальными памятными знаками прославленной армии, освобождавшей столицу и Подмосковье.

Впрочем, «косить» под уголовника мне пришлось недолго. Волею руководства партийного подполья с группой других земляков был откомандирован на Стalinогорскую станцию, где военные уже готовились к защите ГРЭС или ее выведению из строя в случае перевеса вражеских сил.

Печально, но произошло худшее. Был разрушительный взрыв. Военные организованно отступили. А за подпольщиками-партизанами началась охота. Успех в этой слежке-погоне был переменным. Потому что немало самих фрицев-охотников полегло в веневских, богоодицких лесах, в степях и подлесках Епифани. Был случай, когда в Донском двух руководителей парти-

занских «пятерок» немцы схватили на конспиративных квартирах. Парни погибли от автоматных очередей, но своих товарищей не выдали.

Зверства, грабежи, насилия в Стalinогорске еще продолжались, когда партизанская разведка с севера, из Подмосковья, принесла добрую весть: «сматывают удочки» вражины, хорошо им наподдавали на подступах к столице. Было это в начале декабря. А десятого числа – где прямиком, где в обход Стalinогорска – уже драпали фашисты туда, откуда приходили. Диверсионные группы нашего сопротивления так сработали, что даже на марше отступления гитлеровские солдаты то и дело подрывались на минах, на мостах и в лесных чащах взлетала на воздух их техника. Для того и уходили наши земляки в подполье, чтобы остаться хозяевами на своей земле, не дать врагу вольготной жизни.

В.М. Зимаков. Северные электросети

Шла осень 1941 года. 233-й стрелковый полк, в составе которого была наша часть, вел оборонительные беспрерывные бои под Воронежем. В это время был получен приказ от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина о создании в полку добровольного истребительного отряда, задачей которого было бы уничтожать немцев на временно оккупированной территории. В октябре 1941 года такой отряд из ста добровольцев – коммунистов и комсомольцев – был сформирован. Я как комсомолец был одним из первых добровольцев. В ноябре отряд прошел подготовку к рейдам в тылу врага. Вскоре было получено задание – уничтожить карательный отряд СС «Викинг 333», отличавшийся особенной жестокостью по отношению к мирному населению.

23 декабря 1941 года в районе города Шибекино отряд перешел линию фронта и углубился в тыл врага для выполнения задания. По данным разведки, отряд немцев двигался к селу Приютовка Курской области. Нам предстояло скрытно пройти 20 километров по тылам врага и ночью подойти к селу. Каждый понимал, что это трудно, но все знали, что задание должно быть выполнено.

Немцы прибыли в село в середине дня: пили, гуляли, веселились, а к вечеру всех жителей села согнали на окраины, а центр заняли сами. Так поступали они всюду, где боялись партизан.

Ночью мы скрытно подошли к селу и выслали разведку. Были бесшумно сняты два поста часовых, и отряд свободно вошел в село. Разделились по 3–4 человека на каждый дом, где спали немцы. В 2 часа ночи в небо взлетела белая ракета – сигнал к началу операции. В окна домов полетели гранаты, завязался бой. Оставшиеся в живых немцы оказывали сопротивление, стремясь выпрыгнуть из окон или дверей, повсюду их настигала автоматная очередь. Вскоре бой затих, были проверены все дома, захвачены трофеи, наши потери были незначительны. Взвилась в небо красная ракета – сигнал отхода отряда на исходные позиции. Наш отход прикрывала дальнобойная артиллерия.

В ходе этой операции был полностью уничтожен карательный отряд в количестве 250 человек. За эту операцию командование фронтом объявило всем участникам операции благодарность. Наш истребительный отряд действовал в тылу врага до февраля 1942 года, после чего был отправлен в составе 227-го стрелкового полка в Астрахань для отдыха и пополнения.

Отправка энергопоезда в Сталинград с ТЭЦ-12. 1943 г.

Г.С. Каплан. 1944 г.

Е.И. Лобанова

З.Ф. Хайлова

Д.И. Алешонков (верхний ряд, первый справа). 1944 г.

А.С. Карташова (третий ряд, третья слева)
в ремесленном училище

Командир эскадрильи Ф.Т. Демченков
(второй справа) после возвращения
в полк из-за линии фронта

Б.Д. Крестов, начальник
смены котельного цеха
ТЭЦ-11. 1944 г.

И.Я. Дорофеев. 1944 г.

185

П.Т. Обыденный

О начале войны мы узнали на привокзальной площади Брянска, когда наш поезд сделал остановку. Мы – это четверо детей и мама – ехали к деду Ивану Петровичу на каникулы.

... 22 июня на брянском вокзале мама сразу кинулась в кассу за обратными билетами, но ей сказали: «Москва закрыта, поезжайте, куда ехали». И наша мама, Евдокия Калиновна, решила добираться под Курск в деревню Ярославку к папиным родителям. Больше все равно ехать от войны было некуда. ... Кто мог знать тогда, что мы окажемся в оккупации и чудом выживем на месте исторических боев на Курской дуге...

В памяти осталась такая картинка по дороге к деду. Какой-то мальчишка боролся с гусем, ростом с него самого. Гусак шипел и размахивал большущими крыльями, а мальчишка кричал ему: «Фашист ты, фашист!»

Дед наш, Иван Петрович, плотник был первоклассный, и сыны у него тоже рукастые были, потому и дом-пятистенку хороший поставили. Дед побывал в немецком плену в Первую мировую, немногословный и грамотный, он имел большой авторитет на селе. Помню, у деда совет собрался, и было принято решение: коровье стадо угонять на восток. А коней мало было, их раздали по большим семьям. Нам досталась маленькая гнедая лошадь по кличке Кукла. Дед поручил эту лошадь мне. Я ее поил, кормил, мы с ней пахали и сеяли в первую весну. Любил я ее, и она меня тоже, слушалась всегда!

Еще до прихода немцев через деревню небольшими группами прошли наши солдаты на восток. Мы их кормили и с собой давали. А потом появились немцы. Это была наша первая оккупация. Расположились они в соседней Хомутовке, в большом селе. А к нам приезжали с подводами, шли по домам, выгребали все, требовали «хлеб для Германии». Забирали мелкую скотину, гоняли стали кур, гусей. Мы, ребятишки, быстро сообразили, что лучше посвистеть, как надо, – мы мастера в этом деле – и птица вся разбежится.

Надо сказать, ни одного обоза с нашим продовольствием не ушло в Германию. Партизаны отбивали и загоняли к себе в лес. Иногда дед меня снаряжал связным, иногда кто-то другой из детей сообщал про обозы. От партизан я тоже приносил всякие новости и очень гордился тем, что я связной, что служу Отечеству.

К тому времени в партизанах уже были двое сыновей деда, мои дяди...

Партизаны приходили в село ночью, в основном за картошкой. А немцы – только днем. Помню, как полицаи пронюхали, что у нас есть пасека, пришли, застрелили нашу собаку, разбили и перевернули ульи, а рамки с сотами унесли. Когда сосед пристыдил – «что ж у детей последнее забираете», – его застрелили, чтобы не перечил.

Помню, в соседнем Глухове был концлагерь для военнопленных, и наши женщины ходили туда искать родственников. Немцы отпускали, чтобы было кому на них работать. Кое-кто даже нашел своих родных. Но в основном женщины спасали совсем незнакомых, и те работали при домашнем хозяйстве, а потом уходили в партизаны. Тот сосед, которого убили на пасеке, был из этих военнопленных.

К.П. Хатунцева. Коломенские электросети

Вместе со своими подругами я доставляла оружие партизанам (в районе города Конаково Тверской области). Под прикрытием ночи наши «кукурузники» сбрасывали тяжелые ящики в условленных местах, а девчонки их переправляли партизанам. Немецкий самолет-разведчик выследил отчаянных и смелых партизанских помощниц, и вскоре для устрашения были разбросаны листовки с угрозами смертной казни в первую очередь после взятия города. Но девушки не убоялись, а продолжали помогать партизанам. Когда линия фронта стала быстро приближаться к городу, оставшееся население все силы направило на рытье окопов. Видя такую картину, немцы вновь забросали город листовками с четверостишьями следующего содержания: «Девочки-крестьяночки, не ройте ваши ямочки. Приедут наши таночки, зароют ваши ямочки». Но и это не помогло. Строительство укреплений продолжалось.

В город прибывало большое количество беженцев. Были среди них и дети, родители которых погибли или были казнены. С началом активных боевых действий увеличилось число раненых. Дом родителей был небольшим, но мама принимала всех, кого могла. Пол в избе был устлан соломой, служившей общим спальным местом. В доме лечился после тяжелого ранения офицер, жили беженцы. Помимо всего, мама заставляла своих шестерых детей ходить по домам, где жили старики, и мыть их зольным щелоком, чтобы не появились вши. Раненого офицера (его звали Александр Иванович, родом из Нижнего Новгорода) отпаивали отваром из малиновых веточек. Когда в город приехал полевой госпиталь и врачи стали забирать больных на лечение, его с трудом удалось уговорить уехать. Со слезами на глазах он покидал радушный дом.

Едой были лепешки из мороженой картошки с лебедой. Но в то время и мороженую картошку достать было непросто. Дети быстро сообразили: искали сожженные или разоренные немцами жилища и копали рядом с печной трубой: там обычно устраивался погреб для хранения овощей. Часто ребятам везло, и под слоем земли они находили заветный «урожай».

В.Г. Волостнов. Теплосеть

Плен начался с лагеря военнопленных в Крыму, расположенного в селе Багрово под Джанкоем. Две попытки побега были пресечены травлей собаками и возвращением в карцер. В июне 1943-го военнопленных погрузили в вагоны и вывезли в Польшу в лагерь, организованный под городом Бяла-Подляска. Из этого лагеря двоим удалось бежать в августе 43-го. Добыв оружие, я вступил в польский партизанский отряд Армии Крайовой.

В отряде были и другие бойцы, бежавшие из плена. Группа советских бойцов в польском отряде выполняла роль заградотрядов. С появлением в этом районе в феврале 1944 года советских партизанских отрядов перешел в отряд имени Железняка (МГБ УССР). В этом отряде был назначен командиром взвода тяжелого вооружения, состоявшего из минометов и противотанковых ружей. Пригодился опыт ведения огня из минометов на ходу, полученный в Севастополе. Этот опыт оказался очень ценным в условиях партизанской войны, а также пригодился в дальнейшем и в Словакии.

В Польше советским партизанам приходилось вдвойне трудно, потому что часто случалось предательство местного населения. Однажды разведчики решили переночевать в деревне.

Хозяева сказали, что фашисты далеко, и пустили в дом. А позже сами привели немцев. Я неудачно выпрыгнул из дома и был схвачен. Фашисты привязали меня к столбу, притащили охапку сена и подожгли. Спасли меня подоспевшие разведчики, приведя подмогу. До конца жизни на теле оставались следы веревки, которой был прикручен к столбу.

Словакия – моя вторая родина. Она вошла в сердце вместе с любовью к ее народу. 29 августа 1944 года началось Словацкое национальное восстание. Руководители восстания согласовывали планы восстания с советским командованием, попросили помочь у СССР. Решено было ее оказать, и первые советские десанты были переброшены через фронт на словацкую землю в июле 1944 года. Но в середине октября враг резко усилил наступательные действия на всех направлениях. Немцы приближались к штабу восстания в Банска-Бистрице. Становилось ясно, что повстанцам нужно отойти в горы, чтобы продолжить сопротивление, используя горный рельеф. На помощь восставшим (по их просьбе) советское командование решило направить в Словакию опытных бойцов.

Отряд «Зарубежный» формировался на территории Польши как раз из таких партизан. Отряд показал себя с лучшей стороны в стычках с дивизией СС «Эдельвейс», специально обученной для борьбы с партизанами в горах. В составе этого отряда был и я – начальник штаба. 16 октября самолет с членами отряда «Зарубежный» приземлился на аэродром «Три Дуба» близ Банска-Бистрицы. Как только сошли на землю, попали в объятья своих словацких друзей. В первые дни, когда формировался отряд, мы стояли в городе Стары Горы, где были окружены заботой и вниманием со стороны всего населения. Словаки оказывали помощь в организации и снаряжении отряда. Население поддерживало партизан во все дни на пути к победе. Поэтому так много словацких поселков и деревушек было сожжено фашистами дотла. Расстреливая жителей, немцы не щадили и детей.

В декабре 1944 года фашисты в районе, где располагался отряд «Зарубежный», предприняли карательную экспедицию против партизан, в которой участвовали дивизия СС «Эдельвейс» и власовцы. Ночью через горы они прорвались на базу отряда. Тройка партизан (Агладзе, Бондарь и я) прикрывали отход партизан в горы. Уходили в горы малыми группами в разных направлениях. Уставшая и голодная тройка прикрытия вышла к деревне Клак. Немцы шли по пятам, но священник принял партизан и спрятал в подвале костела, тем самым сохранив им жизнь. [...] Священник Клухо до самой своей смерти не разрешал при ремонте костела заделывать следы от немецких пуль.

[...] Известие о Победе застало нас в Банска-Бистрице. Сюда стекались все партизанские группы. Праздновали конец войны.

В оккупации

С.Г. Маликов. Алексинская ТЭЦ

В год оккупации родного села Бунырево Алексинского района учился в школе. На моих глазах происходили страшные картины грабежей – оккупанты отнимали у крестьян детскую одежду, обувь, даже елочные игрушки – приближалось Рождество, немцы посыпали награбленное домой, в Германию. У моей семьи немцы отобрали последних кур, зарезали корову.

А.М. Акимов. Октябрьские электросети

В конце июля проводили на фронт отца, и остались мы втроем – мама, я и сестра. Учиться мне больше не пришлось, так как приближался фронт. Уже в августе я, вместо мамы, ходил на лесоповал по расчистке аэродрома в деревне Савелки (Зеленоград). В начале ноября начались бомбёжки поселка Крюково, одна из бомб попала в наш дом, где в тот момент проживали две семьи. По чистой случайности бомба, пройдя насеквоздь крышу и пол, не разорвалась, и эти две семьи общей численностью десять человек остались в живых. Мы перебрались в бомбоубежище, а бомба эта под домом пролежала 25 лет.

По приближении фронта мы с гурьбой мальчишек смотрели на отход наших войск. В один из таких дней нас, четырех мальчишек, военный капитан заставил таскать бревна для заграждения улиц, но после неоднократных обстрелов немцами наших укрепительных сооружений капитан приказал нам покинуть укрепления и бежать в бомбоубежище. В бомбоубежище мы просидели семь дней до освобождения поселка Крюково. Как мы узнали потом, наш поселок Крюково несколько раз переходил из рук в руки то к немцам, то к нашим, особенно ожесточенные бои были в районе завода ЖБИ и за дом, расположенный по улице, которая сейчас называется улица 1 Мая. Он несколько раз переходил из рук в руки, были выбиты все окна, двери, крыша дома была снесена, но дом сопротивлялся. Казалось, в нем сосредоточились все армии нашей страны, а в нем была и отчаянно сопротивлялась всего лишь горсточка бойцов Панфиловской дивизии, которая стояла насмерть. И только немцы поднимались в атаку, как из, казалось бы, разбитого до основания дома поднимались незримые силы и вновь отбивали дом. И так продолжалось семь дней. В результате ожесточенных боев Панфиловской дивизии поселок Крюково был освобожден, и начались восстановительные работы.

М.С. Михайлова. ТЭЦ-11

В 1939 году я поступила учиться в сельскохозяйственный техникум в городе Старице Калининской области. Успела проучиться два года, и началась война. Область была оккупирована немцами, учебу пришлось бросить и идти работать счетоводом в колхоз. Мы находились в оккупации два с половиной месяца. Полицаи с немецкими переводчиками постоянно приходили в дом, производили обыски, грозились повесить всю семью. У них была информация, что мой старший брат работал в Ленинграде на военном заводе, но на самом деле брат уже долгое

время находился в плену. Когда в июне 1942 года область освободили, был издан приказ: больших детей вывезти в Москву на работу, а маленьких, среди которых были мои младшие брат с сестрой, – в Пермскую область.

Нас собирали на сборный пункт на станции Высокое. До Москвы добирались в вагонах, в которых перевозят скот. В столицу прибыли через трое суток, голодные и худые.

Н.П. Лапшинова. МКС

Война застала нас в Смоленской области, куда меня отвез отец погостить на лето к бабушке с дедушкой. Мне надо было набраться сил перед тем, как идти в школу, в первый класс. «На следующий год поедешь в пионерский лагерь», – сказал отец. Этим планам было не суждено сбыться, в начале июля вместе с бабушкой, дедом и родной тетей мы попали в зону оккупации. В 1942 году нас посадили в эшелон, который должен был следовать в Германию. Помешала бомбежка. Неподалеку от уничтоженных железнодорожных путей людей высадили и приказали строить временный лагерь. Было это на территории Белоруссии. Спали под навесом на соломе, которая быстро превратилась в труху и нещадно впивалась в кожу. Теплых вещей не было, осенними ночами лагерные поселенцы дрожали от холода, голода и сырости. Выжить помогла поддержка родных. Они говорили: «Жить надо! Нам обязательно помогут, мы победим! Только держись!»

На зиму узников распределили по домам. Выдавали нас для работы в деревне, по квитанции. Мы попали к хозяйке, у которой были и куры, и корова, но нас она не кормила. Позволяла два раза в неделю на час-два выходить со двора, чтобы просить пропитание.

После освобождения Белоруссии советскими войсками вместе с родными пешком отправились в Смоленск. Там дали телеграмму родителям о том, что живы.

Возвращение домой, в Москву, было счастливым – семья снова собралась вместе! Однако ужасы лагерной жизни оказались на здоровье – я заболела брюшным тифом и еле выжила. А в середине декабря 1943 года впервые села за школьную парту.

Е.С. Платонова. Энергосбыт

В деревне остались практически одни женщины и дети. Нам приходилось работать по 24 часа в сутки. Лишь изредка удавалось улучить полчаса на сон. Работали до изнеможения. Делали все: обрабатывали поле, возделывали, сажали, собирали урожай, жали рожь и свозили споны в ригу, сушили, затем веяли зерно и молотили. И так день и ночь, без остановки.

Чтобы отделить суррогат от хорошего продукта, засыпали зерно в веялку, которую нужно было крутить вручную. Я была очень маленького роста и не дотягивалась до ручки. Приходилось подставлять ящик. А чтобы поднять мешок зерна на мельницу, приходилось работать коллективно. Мешки были тяжелые. И вот мы таскали по одному мешку, 4–5 худеньких девчонок. За день так натаскаешься, что ни рук, ни ног не чувствуешь. Поспиши сидя 30–40 минут. И снова таскаешь.

В 1942 году в деревню пришли немцы. Мы вроде как уже и привыкли к новому укладу жизни. Продолжали работать в колхозе и следить за собственным хозяйством. Но в один день,

вырывая сорняки на грядках, услышали в небе гул. Подняли головы. Самолет. Отец сказал: «Немецкий». Мне стало страшно. Помню, как все съежилось внутри от холода. Недалеко от нашей деревни, в селе Гремячево, стояли зенитки. И тут начался артобстрел. Но самолет сбить не удалось.

Через пару дней на пороге дома появились немецкие солдаты с командиром. Однажды к нам зашел высокий мужчина в немецкой форме с несколькими солдатами. Светловолосый и светлоглазый. Он очень хорошо говорил по-русски, без акцента. А еще, помню, у него была трость, которой он указывал на нужные ему вещи. Он обратился к отцу с просьбой дать ему лошадей. Отец сказал, что лошадей у нас нет. Но я знала, что лошади есть, просто отец их спрятал. Как оказалось, немецкий командир тоже об этом знал. Кто-то донес на отца, лошадей забрали. Отец сильно горевал. Особенно по своему любимцу – вороному жеребцу по кличке Жемчуг. Проходя мимо отца, скакун остановился, упал на одно колено и опустил голову. Конь как будто попрощался с ним. Глаза отца в этот момент заслезились. Немецкие солдаты забрали здоровых лошадей, оставив своих раненых, и ушли.

Через некоторое время отец ушел на фронт. Больше я его не видела.

Вскоре немецкие солдаты снова пришли требовать продукты. В этот раз им нужно было собрать по одной курице с каждого дома. А у нас курей уже почти не осталось. Была одна, еле живая, на чердаке. Мать сказала мне отнести ее. Взяла я эту курицу и пошла в соседний дом. Захожу, а там стоит немец, в руках у него мешок, и все подходят и аккуратно опускают туда своих куриц. Так мне обидно стало, я подошла к нему и со всей злости кинула птицу в мешок. От неожиданности курицы в мешке всполошились, и несколько из них вылетело из мешка. А следом за ними кубарем и я вылетела из дома, получив удар сапогом в спину.

Несмотря на то, что вражеские солдаты отбирали еду, в то же время немецкий командир проявлял учтивость к местному населению и не позволял устраивать бесчинства и разбой. Он всегда просил дать то-то и то-то и, если его солдаты пытались взять в руки винтовку и направить на кого-то, указывал тростью опустить оружие. Как-то вечером постучали. Мать, открыв дверь, увидела на пороге мальчугана лет 11–12, грязного и оборванного. «Матушка, – сказал мальчик, – я три дня не ел. Дай покушать». У самих еды-то не было. Ели пустую похлебку. Бывало, мать нальет в миску суп, даст кусок хлеба. Вот все по очереди «ныряем» в тарелку. Хлебушком снизу придерживаем ложку, пока несем ложку ко рту, чтобы ни одной капли не проронить. А после сидишь и собираешь пальцем хлебные крошки со стола. Пустила мать мальчишку в дом. Посадила его в дальнюю комнату. А место там было такое, что сидящий там всегда видел, кто заходит в дверь, а вот входящему он был незаметен. И тут происходит такая ситуация. Заходит снова немецкий командир с солдатами. Мальчуган, как его увидел, выбрался из комнаты через окно. Когда они ушли, вернулся. И сказал, что был уже дважды в плена у этого командира, и дважды он его отпускал. А в последний раз был предупрежден, что, если он попадется в третий раз, будет застрелен. Спустя годы мы с матерью, родными и знакомыми часто обсуждали этот момент. Многие выдвигали версию, что этот немецкий командир на самом деле был русский разведчик. Конечно, это только догадки. Может, это просто был хороший человек, который не хотел войны, но волею судьбы попал на нее.

Т.Ф. Крючкова. Высоковольтные кабельные сети

Родилась я в Воронежской области. Возле хутора Прияр (Приярского), где жила наша семья, проходила железная дорога на Сталинград. В июле 1942-го, когда мне было 10 лет, Прияр заняли гитлеровские войска, и полгода жители деревни ютились в землянках. Очень страдали из-за нехватки воды. Хорошо помню танки, которые проходили по шоссе через Прияр к Дону. В январе 1943 года захватчиков из Прияра выгнали, но бои шли недалеко. Когда немцы уходили, они потравили все колодцы, все забрали, скотину увеличили. Еды не было, воды не хватало. У меня умерли родители, и я осталась одна. Захватчики часто бомбили железную дорогу. Однажды разбомбили эшелон с ранеными бойцами, и жители деревни помогали эвакуировать их из вагонов, собирали, где могли, бинты, продукты...

Тогда работали все, не считаясь с возрастом: расчищали снег на железной дороге, рыли окопы в деревне. А как же иначе? Мужчины все были на фронте. У меня на войну ушли пять братьев и дядя, и ни один из них не вернулся.

Ю.С. Байков. Можайские электросети

Родился я в Можайске 11 марта 1932 года. Город по тем временам был небольшой, не более 10 тысяч жителей. Отец работал заведующим в сапожной мастерской, любил играть в шахматы, мать вела хозяйство и быт семьи. Жили мы на улице Пролетарской, дом 3/15 (сегодня – улица Красных Партизан). Дом тогда считался одним из самых больших в городе, в нем было 26 квартир (три флигеля, где ранее располагался институт благородных девиц). Едва семья Байковых отпраздновала новоселье, переехав в две комнаты, началась война.

Мой учебный год в третьем классе осенью 1941 года был отложен на неопределенное время. 18 октября в город зашли немцы, Можайск был оккупирован. Кто не стал покидать город – в их числе моя мама, я и мой маленький брат – при захвате города ушли прятаться в подвалы. Вдруг открывается дверь подвала, подземное помещение заливается светом, в подвал прыгнули три немца, наставили автоматы. А в кого стрелять? Тут лишь одни женщины и дети с округи. Осмотрелись. Сказав слова «*gut, gut*», они ушли. Но последующие три дня мы продолжали хорониться в подвалах. Позже детское любопытство взяло верх, и мы вышли на улицу. Мы пришли к дому, а там кругом немцы. Все три флигеля нашего дома заняла жандармерия. Для всех жителей нашего большого дома из тех, кто остался, определили полуподпольное помещение. Продукты, вещи – это все осталось в наших комнатах, иногда мама ходила просить взять вещи, чтобы было, во что одеться, ведь наступали холода. Вся центральная площадь, рынок, центральные улицы превратились в огромную стоянку немецкой техники. Огромное количество машин, мотоциклов, танков, бронетранспортеров именно отсюда направляли по всей линии фронта. Помимо этого, вражеская авиация в небе постоянно нагнетала большой страх на мирное население Можайска. Перед началом наступления немцев родители в нашем сарае вырыли яму, положили туда металлическую емкость и спрятали в ней самое необходимое. Но когда пришли немцы, все перегородки в сарае сломали, там поставили тяжеловозных битюгов, и, конечно, ничего достать из сохраненного мы уже не смогли. От Можайска немцы продвинулись лишь до Тучково, дальше на Москву наши войска их не пустили.

Вот так началась 90-дневная оккупация Можайска. Что особенно ярко вспоминается? Сколько через город шло советских пленных! По рассказам: начало колонны, предположим, – Можайск, а Руза – конец колонны военнопленных, по 3–4 человека в ряду. Гнали их к Минскому шоссе. Голодные, оборванные… Жизнь в оккупации – конечно, страшно, опасно, но привыкаешь. Помню, вышел я в сад, а там немец чинит мотоцикл, ну, я посмотрел и дальше по своим делам пошел. Через два дня открывается дверь, тот немец с переводчиком ворвался к нам. У самого наготове пистолет. Увидел меня, узнал и спрашивает через переводчика: «Чей?» Мама ответила: «Он мой сын». В ответ прозвучало: «Ваш сын украл у немецкого офицера запчасти от мотоцикла». Ту фразу и тот голос до сих пор слышу отчетливо. Мама сразу бросилась в рев. Я возразил: «Зачем они мне? Я видел, как он сам их везде развешивал». Попросили показать место, где я это видел. Иду, они сзади. Подхожу к кустам, глазами ищу, где я видел эти детали. Показываю: «Вон висит, может, это ищете?» В ответ услышал: «Gut, gut», и в тот же момент мне прилетел удар тяжелого немецкого сапога. Много случаев было еще, наверное, они породили в нас бесстрашие. Ночь на 20-е января. Мы сидели в своем полуподвальном помещении, холодно очень. И ходили, и спали всегда одетые и обутые. Топить печки было нельзя, потому что по дыму артиллерия могла начать бомбить с воздуха. Приблизительно в час ночи раздался оглушительный взрыв. В нашем полуподвальном помещении на окнах были толстые решетки. От взрыва в решетках застряли камни. Отступая, немцы взорвали храм, где в подвале находились беженцы из Тучково и Дорохово, а в самом здании были тяжелораненые немцы.

А.Е. Щеглов. ТЭЦ-17

В 1943 году мне было четыре года, мы были тогда в Курской области, помню наступление немецких танков. Мама нас посадила в погреб посреди огорода, так как наш дом был деревянный и покрытый соломой, поэтому вся наша семья – бабушка, мать, старшая сестра и младший брат – прятались и жили в этом погребе до освобождения деревни от немцев. Жить было тяжело – холодно и голодно.

Н.И. Лыкова. Западные электросети

Мы жили в бараке в лесу возле деревни Плесенское Наро-Фоминского района. Мама … была трактористкой, а отец … жил в Калужской области и был бригадиром тракторной бригады. Радио у нас в бараке не было, и о начале войны узнали от председателя. Не знаю, насколько это известие изменило жизнь сельчан. Работали в деревне всегда много, а призыв в армию считали своим долгом. А война развивалась стремительно, и вот уже деревня оказалась занятой фашистами.

По воспоминаниям родственников знаю, что в деревне были и свои герои, и те, кто сотрудничал с новой властью: выдавал «партийных». Таких потом после войны судили. Но, наконец, наступил перелом в войне, и немцев погнали от Москвы. В один из дней фашисты выгнали всех жителей из домов и колонной погнали в направлении отступления. Мирные жители, видимо, были нужны для прикрытия от орудий нашей армии, ведь не будут же советские солдаты стрелять по колонне с гражданскими. Мне на тот момент было всего пять месяцев.

Зима, холод неимоверный, мороз за тридцать, пурга. А нас гонят и не дают остановиться для отдыха. Ночью встали в одной деревне (названия не помню). Я всю дорогу, запеленутая, лежала на маленьких саночках, которые мама успела взять из дома. Я так закоченела, что даже не плакала от голода. Нам разрешили войти в одну избу. Женщина, которая в ней жила, увидев на санках кулек, запорошенный снегом, спросила, что это. Мама ответила, что ребенок, но он, наверное, уже умер. Женщина меня распеленала, а я, на удивление, жива, но очень холодная. Тогда она, чтобы отогреть, запихнула меня к себе под рубаху на голое тело. Так я выжила в тот страшный день. А рано утром нас погнали дальше.

Остановились уже в городе Боровске в каком-то монастыре. Разместили людей в наспех сколоченных сараях. Холодно, голод. Умерших сбрасывали к реке. Когда разрешали набрать воды, приходилось растаскивать трупы. Но я опять выжила назло войне. Мама была красивая, поэтому все время в лагере мазала лицо грязью и притворялась «дурочкой», чтобы фашисты не обращали на нее внимания. А многих девушек и женщин солдаты насиловали. Здесь, в лагере в монастыре, мы дождались освобождения Красной армией в январе 1942 года. А потом долго возвращались домой.

Годы войны и послевоенные годы очень тяжелые, трудные. Всегда хотелось есть. Ели даже «тошинотики» – лепешки из мороженой картошки, которую находили на полях. Но я не помню, чтобы люди унывали. Во всем старались найти хоть капельку счастья. А главное счастье – что выжили, что кончилась война, что стали возвращаться мужчины.

У меня война забрала отца и деда. Отец погиб на переправе, когда эвакуировали сельхозтехнику, чтобы не досталась врагу. А дед погиб в боях под Москвой.

С.М. Казакова. Можайские электросети

Немцы пришли в Можайск в середине октября 1941 года. Мне едва исполнилось 13 лет. По комплекции я была маленькая и на свои годы не выглядела, оно и к лучшему: оккупанты на детей почти не обращали внимания.

Незадолго до этого к нам приехала тетя из деревни Коровино, что под Можайском, и сказала, что наши военные говорят о скором наступлении фашистов на город, поэтому нам надо уезжать. Мама, недолго думая, собрала что-то из вещей, заперла дом и на военной машине уехала со мной и сестрой к тете. Но только так вышло, что бои начались как раз со стороны Борисово (рядом с деревней, куда мы прибыли). Было страшно. Взрослые спрятали нас, детей, за печкой. Стрельба была вокруг. Утром советские войска отступили, и в деревню пришли немцы, эсэсовцы. Пробыли они несколько дней и двинулись дальше.

Казалось, страшное позади и можно вздохнуть спокойно. Но тишина была временной. На смену эсэсовцам пришли какие-то непонятные немецкие отряды. Их поведение мало говорило о том, что это военные, больше напоминало бандитов. Налетали, хватали все, что приглянется, и дальше уезжали. Мама переживала за нас с сестрой. Поэтому рано утром с другими можайцами мы решили пешком вернуться домой, в город.

Когда пришли домой, а жили мы на самой центральной улице Можайска – Московской, дом 40, оказалось, что нашу трехкомнатную квартиру уже заняли немцы-офицеры, которые были

заняты работой в госпитале, организованном в здании нашей школы. Они нас в квартиру пустили, не обижали и даже иногда подкармливали. Наши вещи не были тронуты. Даже, чтобы не испачкать мамину скатерть, они предусмотрительно убрали ее в шкаф. Жизнь в оккупированном городе вносит свои правила. Конечно, нам, будучи детьми, хотелось играть, гулять на улице, но мама нас не часто отпускала. В страхе и постоянном напряжении мы жили несколько месяцев.

Так продолжалось до января 1942 года. 19 января морозным утром к нам в квартиру прибежала соседка. Сообщила, что возле дома ходят какие-то люди и что-то говорят по-русски. Мама не побоялась и вышла их встретить. Оказалось, что это были несколько наших разведчиков, одетых в белые маскировочные костюмы. Чтобы быть незамеченными, они добирались на лыжах. Они о чем-то недолго поговорили со взрослыми и после выдвинулись через наш огород на какое-то задание. Помню, что мы с сестрой тут же словно прилипли к окну. Прошло какое-то время, и мы увидели их движущимися обратно. Мысленно пересчитали. Их было то же количество. Обрадовались, ведь это значило, что никто из них не пострадал.

Уже утром началось наступление наших войск. Взрывы и стрельбу мы переждали, лежа на полу в квартире. Когда стихло, вышли на улицу. Увидели брошенную военную технику и тех наших солдат в белых маскахахатах. Они сообщили, что немцы отступают, но где-то засели немецкие стрелки, ведущие прицельный огонь. Потом был мощный взрыв, взрывной волной в доме выбило даже рамы. Как оказалось, отступая, немцы взорвали Троицкую церковь. Точно так же пострадала и Вознесенская церковь. 20 января 1942 года Можайск был освобожден.

После освобождения города надо было налаживать быт. С осени 42-го возобновилась учеба в школе. После уроков бежали ухаживать за больными ранеными советскими солдатами. Бывший немецкий госпиталь теперь стал местом для лечения наших солдат. В школе на уроках труда, помню, мы шили кисеты для махорки, которые отправлялись на фронт. Шить получалось у меня хорошо, моя мама работала швеей. Иногда я дома помогала ей делать заказы. Вместе кроили белье для наших солдат. Росла я вполне творческим ребенком, играла на балалайке, освоила гитару. Даже выступала перед ранеными в госпитале. В сезон, не покладая рук, дети и подростки вместе со взрослыми работали в колхозе.

П.Т. Обыденный

В 1943-м, под Новый год, к нам подошла линия фронта и даже продвинулась на запад, за нашу деревню, на несколько километров. Мы пережили это в укрытиях, сами для себя их копали. Но через две-три недели, не удержав обороны, наши войска отступили обратно. И тут часть деревни, те, кто был связан с партизанами, поднялась и ушла с нашими отступающими войсками. Дед боялся за нас и решил, что мама с детьми тоже должна уйти, иначе расстреляют. Мы взяли нашу кормилицу, корову Зорьку, и лошадь, а дед остался с больной женой. Отправились мы в соседнюю деревню Мельницу, где наши войска задержались. Я ехал верхом, а мама шла рядом с Зорькой, которая тащила повозку с ребятишками. И тут началась бомбейка. Я видел, как мама свалила Зорьку, и они легли рядом. А моя Кукла испугалась и понеслась, меня не слушая совершенно! Остановилась она, когда мы въехали в какой-то лесок. Ночь мы с Куклой

переждали. А под утро наткнулись на наши посты. Мне сказали: «Слезай парень, нам лошадь нужна». Я стал их умолять взять и меня, что буду за лошадью ухаживать и во всем помогать. Мне сказали: «Ты мал еще, нельзя, добирайся к своим как-нибудь сам». Потом я увидел, зачем им нужна была моя Кукла – для похоронной команды. Ох, и тяжело мне было от этой потери! Но война есть война!

Помню, отошел я километра три – и опять налет. Причем прямо на тот лесок, где мы с Куклой были, они пиктировали, а я сидел под кустом и мечтал о винтовке, из которой бы стрелял, стрелял...

С неделю я бродил от деревни к деревне, все искал своих. Меня подкармливали, говорили, куда надо идти. По дороге ко мне пристал еще один потерявшаяся мальчишка, помладше меня. Помню, его звали Костя. Но потом я пошел опять один, потому что он заболел и слег в одной деревне. Весна была, распутица и разлив рек. А обуты мы были, все равно, что разуты! Мне повезло больше – я скоро нашел своих...

И вот, помню, как нам, беженцам, указали, где можно пасти корову. Сказали, чтобы вот здесь и больше нигде. Когда на поляне вся трава была съедена, я стал уговаривать Зорьку перейти на полынь, которую она, конечно, есть не хотела. Я умолял ее: «Смотри, Зоренька, какая свежая трава, а то, что горькая, тебе не вредно». Я ее так просил, что она начала есть полынь! Домашнее животное все понимает! Молоко стало горьковатым, сестренки меня поругивали, но пили. Зато, когда шли через деревню разные болезни, вплоть до тифа, в нашей семье никто не заболел...

Примерно через восемь месяцев мы вернулись домой. Шли за нашими наступавшими войсками, что называется, след в след, чтобы не подорваться. Наша Ярославка была в северной части Курской дуги, а какие бои там шли – общеизвестно. Во время нашего наступления дом деда сгорел. Но деда с бабкой в нем не было, наш хороший дом заняли немцы, стариков выгнали, а на огороде построили бункер в три наката. Первую зиму после освобождения мы жили в этом бункере. А весной начали заново строиться, и бревна от бункера нам очень пригодились. Дед руководил и сам строил. Мы с мамой, как могли, помогали. Из сыновей остался с нами только Григорий. А все партизаны влились в действующую армию, и Иван тоже ушел воевать...

Помню, как мы с мальчишками бегали по полям сражений и окопам, чувствовали себя победителями и немецких трупов потом не боялись. Многие из них были полузыпаны, особенно по краям воронок. В блиндаже я нашел полевую сумку с патронами и блокнотами, на которых потом в школе писал. Нашел ракетницу и сделал красные чернила. Нам было не на чем писать и нечего.

Один раз нашел скатку – немецкую шинель такого же тощего, как я, фрица и ходил в ней зимой в сельскую школу, и в Москву в ней приехал. Мы же за годы войны выросли, а у нас ни одежды, ни обуви. Нашел однажды ботинки немецкие на толстой подошве, только они не выдержали нашего чернозема, черной жирной грязи. Когда завяз в них и потом выдернул ногу, то остался без подошвы. Пришлось мне перейти, как и всем, на самодельные лапти, мы их тогда обшивали резиной от брошенных колес. В общем, все, что находили на полях сражений, старались для дела применить. К радости деда я прикатил четыре хороших колеса от танкетки на шарикоподшипниках. Сделал дед телегу, и мы стали запрягать нашу Зорьку, чтобы дровишек привезти или сена.

... Во время наших обходов по полям боев были жертвы, подрывались мальчишки. И моя беда пришла, только позже. Петька Сечкин, мой дружок, был старше меня на год, его позвали в специальный отряд, а меня нет. Я этого не мог пережить, хотелось быть максимально полезным! ОСОАВИАХИМ прислал из города Рыльска двух минеров, которым было поручено набрать мальчишек 1928 года рождения, обучить и приступить к разминированию. Я долго их уговаривал, но бесполезно. И все равно я ходил с Петькой на инструктаж, а поскольку я был рослый и в итоге подготовленный, они сдались. И вот подсохли поля, крестьяне ждут, им сеять пора, и фронт уже далеко. Мы вышли на работу. Сначала только смотрели, как разминируют, и таскали, складируя, уже бесполезное железо. Немцы, конечно, аккуратные вояки, раскладывали мины по системе. Но, видимо, когда пахнет жареным, допускали и ошибки. И вот такая «ошибка» подкараулила нас с Петькой. На том самом месте, которое мы уже прошли, вдруг рвануло под ногами у моего товарища. Он сразу погиб, а у меня разворочена нога, обожжено лицо и 18 осколков. Скорее всего, это была противотанковая мина, потому что противопехотная, как правило, отрывает ногу или ступню. Помню это странное ощущение, будто вижу себя откуда-то сверху – кучка грязного окровавленного тряпья лежит. Я знаю, что это я и есть! И – пронизывающая мысль, что вот я умер, но ведь ничего еще не сделал! И – туман! Без сознания был долго, а когда очнулся, врачи маму вызвали и сказали – ногу надо ампутировать. Мама пришла в палату подготовить меня. А я ей сказал: «У тебя на руках трое детей, отца нашего нет, и еще сын калека, ногу отнимут полностью так, что протеза носить не смогу, а жизни на костылях не хочу, пусть будет, как будет». Мама заплакала и ушла. Вынесли меня из палаты в подсобку как безнадежного. В Рыльской больнице всего одна палата была, человек на 20. Опять несколько дней без сознания. Очнулся от сильнейшего зуда в ноге. Стал звать сестру. Она пришла, вскрыла бинты, и оказалось, что нога под ними была покрыта сплошным слоем из личинок мух, уже больших. Вот они-то всю мою гангрену и съели! А под личинками оказалась блестящая кожа. После этого врачи мне нашли пол-литра крови и сказали: «Знаешь, кровь не совсем твоя, резус не тот, но другой нет». Я сказал – согласен. Влили мне ее, и двое суток меня трясло, как в лихорадке. А после этого стал поправляться. Помню, врач ушипнул меня возле попы – «о, кожа уже отстает», – а сам смеется, довольный. Это значит, я уже не скелет, если кожа отстает. Мама добыла бутылку меда с маслом, по тем временам счастье немыслимое и дорогое! И я помню, что, как младенец, жадно к ней присасывался, потом долго вытряхивал ее...

Когда мы с мамой вернулись в Москву, я снова лежал в больнице. Мне подлечили колено, хотя оно не может сгибаться все равно, и удалили часть осколков. Но другая часть – в руке и ногах – осталась на горькую память о войне, ношу до сих пор с 14 лет...

И.Т. Саморукова. Мосэнергопроект

События Великой Отечественной я помню фрагментами, так как к началу войны мне было всего пять лет. Я помню приезд к дедушке с бабушкой – Ивану Петровичу и Ефимии Федоровне в Ярославку в июне 1941 года.

Нас угостили очень вкусными блинами с медом и толчеными зернами конопли. Наша армия отступала – днем фашисты (мадьяры), а ночью партизаны. Фашисты забирали продовольствие: крупный скот (коровы, телята, овцы) и даже кур и зерно.

В тот день мы с бабушкой сидели у окна, разговаривали. Вдруг видим – идут фашисты. Бабушка быстро взяла ключи от амбара с зерном (напротив нашего дома через дорогу), попросила меня не выходить. Я сижу у окна и вижу – огромный фашист заходит в наш дом. Я очень испугалась, быстро в другую комнату и – под кровать. Я прижалась к стене и вижу только пол. Он обошел комнату, посмотрел иконы и фотографии на стенах и ушел. Я до сих пор с дрожью вспоминаю эту сцену.

Чтобы не увели корову, мама с младшими детьми уходила в овраг за деревню, а к ночи возвращалась. Потом фашисты пришли и остались. Наша армия отступала. Лиза была заранее отправлена в Рыльск на учебу. Петр ехал на лошадке. В осеннюю слякоть мы шли в общем потоке беженцев. Было холодно. Корова размахивала рогами и не подпускала нас к маме. Детям было трудно, и мы часто кричали: «Мама, есть хотим! Мама, я галоши потерял!»

Добрались до ближайшего селения. Местная власть (спасибо им огромное!) распределяла беженцев по домам, помогала с продуктами. У нас было некоторое преимущество – корова Зорька и молоко, которым мы с удовольствием делились.

Шли дальше. Начались болезни – простуда, тиф. В одной из деревень набилось очень много народа, можно было только стоять.

Хозяйка посмотрела на двух детей и сказала маме, что только на печке есть место, но там лежит больной человек, возможно, тиф. Мама была глубоко верующим человеком. Помолившись, она согласилась положить меня на печку. В деревне было много больных, в том числе тифозных. Их размещали в школах на полу, на пол стелили солому. Там лежала и наша родственница. Мама ежедневно ходила туда, ухаживала, поила, кормила, переодевала больных. Потом забирала белье, полоскала в речке, сушила. Она ухаживала за тифозными, но сама не заболела.

В дом, где мы жили и я спала на печке, зашел врач. Увидел меня, померил температуру – высокая, и сказал, что ребенка надо переместить в школу. Мама уговорила его: она очень маленькая, это простуда, в школе на соломенном полу она не выживет. Врач задумался, подумал и разрешил оставить. Откуда простуда? Днем мы с братом и дети села бегали к речке по мокрой траве. Часто над селами пролетали фашистские самолеты и сбрасывали листовки. Нам было интересно, и мы по мокрой холодной траве собирали их.

Шли дальше.

На Западе небо было красно-оранжевым, особенно в сумерки и ночью. Это фашисты жгли деревни и селения. Вернулись мы в Ярославку через восемь месяцев весной 1943 года. Половина домов, в том числе и дом дедушки, были сожжены. Зерна не было, поля не засеяны. Копали огород с надеждой найти мороженую картошку. Зеленела лебеда. Мама готовила из нее еду, добавляя горсть муки. Эти лепешки были зелеными и напоминали коровяк, но мы были голодными... Когда подбросли рожь и пшеница, мама натирала зерна – это была добавка в лепешки.

Плен, концлагеря

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Отец²⁰ появился после войны. Он попал в связь, связистом был, но никаких катушек с проводом, ничего этого не было, винтовка была одна на пять человек и все, командование – командиром части был директор какого-то завода. Под Ельню когда попали они, немцы как со всех сторон дунут по ним – шум, гам и тому подобное. И вся эта безоружная штука.... Согнали их и погнали, попал он в Шауляй, там лагерь был, а от Шауляя – по разным лагерям. Когда собирали их всех, видимо, для постройки лагерей, опрашивали, какие специальности. И вот до него дошло, он говорит: я инженер-электрик. Иди в эту сторону. И он до каких-то пор был так, туда ездил, работал. И потом в 45-м году, зимой, у него туберкулез образовался, а немцы всех туберкулезных в печку, что называется, и его отправили в печку куда-то в Германию, он там был, и там как раз наши его освободили. С ним был еще в плену Фролов из Мосэнерго. Тот пропал совсем.

Фактически отцу повезло. Он работал, их называли приурками, ну, это вполне естественно. Вот поэтому он остался.

Отец рассказывал, в 45-м году, когда их освободили, картофельное поле было, на этом картофельном поле они нашли мерзлую прошлогоднюю картошку и захотели начистить. А потом кто-то вспомнил, что там, где брали ведро, в подполе-то, не были. Пошли и там нашли картошку. Целое ведро взяли, очистили, сварили и сразу съели. Четыре человека. Снова пошли, снова набрали ведро, снова начистили и снова съели. О последствиях он мне ничего не сказал, но самое главное – они не умерли. Вот в таком они были состоянии.

Пошли дальше вчетвером, и повстречался им какой-то старшина, видит, что они в форме узников, говорит: «Чего, это самое? Идите, одевайтесь. – А мы, это самое... Может быть, тут... – Идите, пойдемте!» В дом завел, открыл, а там – все: выбирай, чего хочешь! И вот отец привез домой драповое пальто. Такое солидное – ОOOО! И чашечка сохранилась, японская чашечка, блюдце он разбил, в вещмешке таскал. А чашечка осталась.

А потом, как освободили его, всех узников колоннами – и в наши лагеря. И он попал, целый год там пробыл, его проверяли. И пришел он через год, в 46-м году, осенью. И мать потом рассказывала: пришел отекший весь, брюхо, налитое, как водой, все равно. Я получаю письмо от родителей. У меня духовое ружье было пневматическое, спрашивают: можно продать или нет? Я говорю: да ради Бога, продавайте все, его же лечить надо, откармливать его надо,

²⁰ Рубинский Евгений Александрович (1900–1972). Учился в гимназии. В 1918 г. поступил в Петроградский электротехнический институт, окончил 3 курса. Работал в МОГЭС с 1924 г. Мастер монтажников при электрификации Мытищинского района, инженер-инспектор фабрично-заводской инспекции Энергосбыта Мосэнерго. Призван 17 июля 1941 г. в народное ополчение. Попал в плен под Ельней. Освобожден в мае 1945 г. Демобилизован в 1947 г. Вернулся на работу в Энергосбыт. В 1960 г. вышел на пенсию.

карточки – особенно не накормишь. А когда я вернулся из армии в 50-м году, он уже выглядел нормально, туберкулез как-то у него пропал, или, может быть, не было, потому что немцы там делали, чего они там нашли? Он курил еще, ну, вполне естественно от курева еще могло быть. Им же не выдавали сигареты, курили черте чё.

Целый год его таскали еще. В НКВД в последний раз, когда его допрашивали, ему сказали, чтобы никому ничего не рассказывал. А он пошел снова в Энергосбыт, там В.Н. Буденный, директор, он сразу к нему, рассказал всю историю, тот вызвал начальника кадров, и его оформили. И с тех пор он там работал.

П.С. Володин. ТЭЦ-12

Участвовал в боях на Западном фронте в составе 16-й армии. В октябре 1942 года переведен на Юго-Западный фронт в 6-ю армию, 106-ю отдельную стрелковую курсантскую бригаду. 2 марта 1943 года наша армия в Харьковской области попала в окружение. Наша бригада действовала в районе Беловодск, Старобельск, Изюм, Сахновщина. Находясь в окружении в ходе тяжелых боев, я болел ревматизмом ног и ходить не мог, и медицинской помощи мне было не оказано, так нас от дивизиона осталось пять человек. Я решил скрываться от немцев у местных крестьян до тех пор, пока выздоровею, а потом пробраться из окружения к своим. Этого добиться мне не удалось. В состоянии болезни в д. Хворощанке Сахновщанского района Харьковской области был задержан украинской полицией, передан немцам и посажен в тюрьму в городе Сахновщине, потом передали в лагерь военнопленных в городе Лозовая. Из Лозовой переслали в лагерь в Кривой Рог. Откуда 24 ноября 1943 года мною был организован побег в количестве четырех человек. Этот побег был неудачный, в районе Кривого Рога, с. Терноватка, нас снова задержала украинская полиция. И передали обратно в лагерь военнопленных в Кривой Рог. В 1944 году меня вместе с ранеными и больными пленными в качестве санитара отправили в Польшу в Холм в лагерь военнопленных. Там я пробыл 10–15 дней. Потом нас целым эшелоном отправили в Австрию в Центральный лагерь 17а. В этом лагере я пробыл один месяц на карантине. В марте меня отправили в штрафной лагерь Парндорф под Веной на строительство аэродрома. 1 июня 1944 года перевели работать в Вену на расчистку разбомбленной фабрики лакокрасок. Там я проработал полтора месяца и за дебош и драку с инженерами фабрики был отправлен обратно в лагерь 17а. Из лагеря 17а направлен работать в сельхозэкономику, где работал до 1 апреля 1945 года. С 1 апреля до 4 мая 1945 года находился на этапе до освобождения нашими войсками.

А.И. Горельцев. ТЭЦ-12

Я учился в 163-й неполной средней школе Киева. В 1941 году, до начала войны, 18 июня, я поехал в с. Понизовье Спас-Деменского района Смоленской области, чтобы провести каникулы у матери. Здесь нас застала война, а затем и оккупация. Во время оккупации я был подвергнут аресту немецкими оккупационными властями по делу убийства немецкого ставленника – бургомистра Туруева, продавшегося немцам. Вместе со мной были арестованы: моя сестра Анна, зять Халилов Георгий Федорович, брат зятя Юрий и сестра зятя Марченко Мария. Из всех арестованных в жи-

вых остался один я. Сестра и зять были расстреляны, а брат зятя и его сестра угнаны в концлагеря, и судьба их неизвестна. После освобождения я переехал в Москву к отцу и поступил в 28-е ремесленное училище энергетиков (Большая Ордынка, дом 29), которое окончил в 1945 году.

О.М. Степанова. Восточные электросети

Псковская область в начале войны оказалась в оккупации. Но и в это время в деревнях люди сохраняли православные традиции. В 1943 году на Пасху в семье Степановых (родители, четыре дочери, бабушка) за праздничным столом собирались родственники и гости. Но нашлись среди односельчан доброхоты, сообщившие «куда надо», что под видом трапезы партизаны проводят неформальную встречу. Приговор был безжалостен: деревню сожгли дотла, жителей отправили в концлагерь Майданек в Люблине. Так пятилетняя Оля Степанова вмиг лишилась детства. Первым погиб отец, получивший от полицейского смертельный удар по голове. Следом умерли бабушка и две мои сестры. Из еды был только хлеб. Мы, малолетние дети, лежа на нарах, медленно, губами, ели его, растягивая удовольствие. Но и этому лагерному «счастью» скоро пришел конец. 14 марта 1944 года взрослых, в том числе маму, тоже Ольгу, и старшую дочь Фаину, перевезли в концлагерь Равенсбрюк. Союзники захватили его 2 апреля 1945 года, переправив заключенных в лагерь Флоссенбюрг, откуда они вскоре вернулись на родину.

Судьба маленькой Оли, оставшейся в Майданеке, для матери была неизвестна: детям лагерных номеров не присваивали, личных дел не заводили. То ли готовили для медицинских или военных экспериментов, то ли для других целей, чтобы эти маленькие люди были вычеркнуты из истории.

Счастливый день освобождения наступил в конце 1944 года, когда советские войска вели наступление на территории Польши. Мы сидели за столом, вероятно, был обед. Вдруг слышим множество мужских голосов. Громко открывается дверь, и солдаты, к нашему изумлению, начинают переворачивать столы вместе с едой. Один из них берет меня на руки и дает кусок мягкого, вкусно пахнущего русского хлеба. Это было счастье! Позже причина странного поведения военных выяснилась: узнав о приближении советских войск, командование детских концлагерей отдавало приказ накормить детей пищей, содержащей смертельную дозу быстroredействующих ядов. И тогда солдаты-освободители, врываясь в лагерь, находили там трупы.

Детей Майданека не успели отравить. Измощденных, больных и голодных, их отправили в детские дома. Я находилась полтора года в киевском детском доме, пока мама меня не разыскала. Сначала от мамы пришло письмо. С ним я не только повсюду ходила, но и спала. На замечание воспитательницы, что я хожу с «грязной бумажкой», возмущенно и гордо отвечала: «Это не бумажка, это письмо от мамы!» И вот однажды стукнула входная дверь. Она всегда громко стучала, когда входили с улицы. Но в этот раз я точно знала – это мама. Объяснить это я не могу. Но тогда, еще не видя ее, я громко крикнула: «Мама приехала!» Да, это была она. Закутанная в клетчатый платок, заплаканная, но такая любимая и долгожданная! Ее приезд означал конец мытарств, слез, детского горя.

Я до сих пор помню слова мамы: «Победа – это вторая Пасха. Благодаря победе мы воскресли из небытия для новой жизни».

А.М. Акимов, (нижний ряд, второй справа)

А.И. Копин

В.П. Лебедев

Д.А. Зайцев (нижний ряд, первый слева)
в кругу фронтовых друзей

Награждение личного состава МПВО правительственные наградами.
Среди награжденных – М.Я. Уфаев и М.Ф. Костин. Кремль. 1944 г.

В.М. Лысенко

Е.И. Набатчиков

В.П. Родин (справа). Кинотеатр
в г. Кранце (Восточная Пруссия).
Февраль 1945 г.

Н.Д. Макаров. Дирекция ВВС Мосэнерго

С 13 марта по 15 октября 1943 года я находился в 807-м стрелковом полку в местечке Даниловка Черниговской области в числе стрелковых дивизий 8-й, 148-й, и третью не помню. Мы были окружены, а затем взяты в плен, после чего были направлены в город Мозель, затем в Рурские лагеря, а потом в Мосбург. На работу нас не посыпали в течение двух месяцев, а потом была сформирована команда в количестве 100 человек, и нас отправили на уборку аэродрома, расположенного в четырех километрах от Мюнхена.

6 мая 1944 года я и двое товарищей – Кузьмин Иван Михайлович из Володарского района и Иваненко Николай Алексеевич, старший лейтенант авиации дальнего действия – бежали из лагеря к советским войскам. 13 мая были задержаны полицией в Лямзгуте и отправлены в тюрьму, где находились до 19 июня.

19 июня 1944 года я и Кузьмин были отправлены в смертельный лагерь в город Люксембург, а Иваненко от нас в тюрьме находился отдельно, что с ним в дальнейшем было, я не знаю. В Люксембурге в смертельном лагере мы находились около четырех месяцев, а затем нас в команде 800 человек направили для работы на фабрику в Мюльзен, где вырабатывались самолетные крылья. Я работал в качестве чернорабочего около двух месяцев.

В феврале 1945 года в связи с приближением американских частей нас стали эвакуировать для жестокой расправы. После трехнедельного пребывания в дороге на наших глазах уничтожалось большое количество пленных. А отправили на расправу к эсэсовцам, находившимся в районе Будеёвицы (Чехословакия).

Первый этап, в котором я находился, был остановлен мирным чешским населением, вооруженным вилами, ломами и кирками. Они обезоружили сопровождавшую нас охрану и освободили нас из нагло закрытых вагонов. Это было 8 мая.

10 мая 1945 года вошли русские войска, и после этого я был направлен в 235-й стрелковый полк, а затем в Одесский пересыльный пункт, откуда 25 сентября демобилизован.

Л.В. Журавлева. Западные электросети

Жили мы с семьей на Херсонщине, отец был комбайнером, мать – колхозница. Детей в семье было шесть человек, на начало войны старшей сестре исполнилось 14 лет, мне – два года, а самой младшей – один год. В 1941 году отца, Василия Устиновича, забрали на фронт, а в октябре 1942 года из родного дома нас силой увезли в концлагерь в город Минден, Германия. Помню, как перед отправкой наша мать, Мария Терентьевна, под строгим взором полицая, пошла в наш палисадник, сняла с головы белый платок, разложила его на земле и руками насыпала в него землю. Стоявший рядом немецкий военный не смел ей помешать. Позже, уже в немецком лагере, те женщины, которые были с нами в бараке, часто просили у мамы этой земельки, чтобы положить на раны, больные места, или просто подержать в руках родную землю. И это прибавляло им силы и веры, что все мы вернемся на родину. В августе 1945 года, когда мы вернулись на родину, мама встала на колени у родного дома и высыпала маленькую горсточку оставшейся земли со словами: «Спасибо тебе, что спасла меня и моих детей на чужбине. Нет на свете ничего роднее, чем земля родины». Но это было потом, а до этого мы

проводили долгие три года в немецком лагере. Маму и детей старше 10 лет каждый день уводили на работы, а мы, малыши, под строгим присмотром немецких автоматчиков, оставались в бараке. На вопрос, что значит для меня слово «ДЕТСТВО», мне ответить нечего. От войны и лагеря у меня осталось одно ощущение: не помню, чтоб за все те три года светило солнце и стояли ясные дни. Все казалось серым. Или так было на самом деле? Потерянное детство. В нем не было даже места простейшим играм. Что тогда для нас была МЕЧТА? Вернуться домой, где бы нас встретил отец, но сбыться этому было не суждено. Он сгорел в подбитом танке 3 февраля 1945 года при освобождении Будапешта. А СЧАСТЬЕМ для нас был каждый прожитый день. Мы выжили благодаря нашей маме и ее самой надежной помощнице, нашей старшей сестричке Валечке.

Освободили нас американцы. Помню, что весь барак погнали пешком, как сказали – в баню. Над ней возвышалась высокая труба. Из нее валил дым. Нас выстроили в очередь, а с обеих сторон через 10–15 метров – немцы с автоматами и овчарками. Вдруг подъехал мотоциклист, сказал что-то одному из охранников, и через какое-то время все они пропали. Вдали показался танк. Он подъехал к нам, из него выскочил молодой парень, что-то крикнул на незнакомом языке. Кто-то из нас смог понять смысл: «ПОБЕДА, СВОБОДА!..»

А.А. Вайцен. Рязанские электросети

В феврале 41-го призвали в Красную армию. Служил на границе, в городе Раве-Русской. Играли в футбол за команду дивизии. В воскресенье, 22 июня, должен был быть очередной футбольный матч, но утром началась война. Я с командой был в городе, а остальная часть – в летних лагерях. Границу удержать не удалось, и мы оказались в тылу у немцев. Шли к линии фронта, но она уходила от нас быстрее. У станции Христиновка вступили в бой. Тогда меня ранили, и я первый раз попал в плен. Долго в плена не засиделся – сбежал. Встретил таких же, как и я, людей, которые хотели бороться. Нападали мы на полицейских, отнимали оружие. В декабре опять не повезло: полицаи выследили меня, повели на расстрел. На месте расстрела я вспомнил о своей стартовой скорости: бежал быстрее пули. Пуля меня не догнала. Но через месяц снова угодил в засаду. Оказался в Тернополе, в тюрьме. Решил и оттуда бежать, но как? Уголовников посыпали на работы. Я прикинулся вором-домушником, пригодился опыт работы в прокуратуре. Так я оказался на расчистке завалов. Оттуда до свободы было рукой подать. В 19 лет бегается легко. Сбежал и оттуда.

Во время одного из погромов в Ходорове убили мою сестру Риву и маму с отцом, братьев Самуила и Михаила тоже схватили. Это я узнал уже потом. Я же через три дня после побега из Тернопольской тюрьмы был опять схвачен во время облавы, уже немцами. Немцы быстро вычислили мое происхождение. Так я оказался в эшелоне смерти.

19 мая 1942 года... В этот день я попал в специальный концентрационный лагерь Собибор, созданный для «решения еврейского вопроса». В это время на территории Польши разворачивалась масштабная операция «Рейнхардт» – государственная программа Третьего рейха по истреблению евреев и цыган.

Лагерь смерти Собибор в одноименной польской деревне построили в марте 1942 года. Вместе с Белжецем и Треблинкой он был призван окончательно решить еврейский вопрос. С июля

42-го по октябрь 43-го здесь уничтожили 250 тысяч евреев. Ежедневно в лагерь смерти прибывал эшелон с заключенными. Прибывшие жили около двух часов. Но прежде, чем вести на смерть, их заставляли подписывать открытки для родственников. Мол, добрались хорошо, все нормально. Конвойер смерти организовали с немецкой практичностью. Из каждого эшелона отбирали тех, кто владел полезной профессией. Остальных раздевали, стригли наголо и вели в баню – помыться с дороги. Двери «бани» закрывались – и мощные танковые двигатели быстро наполняли помещение угарным газом. Когда все было кончено, сотрудник лагеря (заключенные называли его «банщиком») приводил в действие еще один практический механизм: полы раскрывались – и сотни трупов падали в подвал, откуда их на тележках вывозили такие же обреченные на смерть.

Там было три сектора: сектор прибытия, рабочий сектор и зона уничтожения. В лагере работали портные, сапожники, столяры. Я оказался двенадцатым, выжившим из всего эшелона. Назвался портным. Для немцев портные перешивали одежду людей, которые ушли на смерть. Меня поставили работать сортировщиком одежды. Перед смертью с людей снимали одежду, якобы для дезинфекции. После каждого эшелона оставались горы одежды, в том числе детской. Я до сих пор помню эти груды маленьких ботиночек.

Каждый час, каждую минуту узники концлагеря ждали смерти. В Собиборе могли убить даже за то, что не так повернулся, не так посмотрел, плохо спел немецкую песню... Братья – Самуил и Михаил – тоже оказались здесь. Михаила убили в лагере.

Мы понимали, что рано или поздно нас всех уничтожат. Тогда и возникла мысль о побеге. Но как бежать? Кругом эсэсовцы, вооруженные охранники, пулеметы на вышках, колючая проволока с электрическим током, минные поля вокруг лагеря. А из оружия – два топора. Но и лагерь – это смерть. Восстание хоть кому-то давало шанс на свободу и месть. Попытки побега нередко проваливались. Находились предатели, которые за пайку хлеба предавали. Была еще и коллективная ответственность: за побег одного расстреливали многих. И, чтобы спастись, одни выдавали других. Поэтому бежать надо было всем лагерем. Мы понимали: те, кто останется, будут уничтожены за убежавших. А кто начнет прорываться, будет расстреливаться с вышек, погибать на проволоке с током и минных полях.

2 сентября 1943 года в Собибор прибыл эшелон из Минска – 600 военнопленных из минского трудового лагеря доставили для уничтожения. Среди них был Александр Печерский – лейтенант Красной армии. Его немцы отобрали в рабочую команду. В рабочем секторе лагеря мы с ним и познакомились. Мы работали, а эшелоны продолжали приходить.

Подготовку к восстанию возглавил Александр Печерский. Не все были согласны на побег. Многие верующие евреи решили остаться, надеясь на милость Бога.

Три недели подпольная группа, в которую входил и я, разрабатывала план побега, согласно которому узники должны были ликвидировать эсэсовский персонал лагеря и охранников-украинцев, завладеть оружием, находившимся на складе, и вырваться на свободу. Договорились под предлогом примерки приглашать по одному в портняжную мастерскую эсэсовских офицеров и охранников. Заранее выточили ножи, припрятали топоры.

14 октября 1943 года было поднято лагерное восстание под руководством лейтенанта Александра Печерского.

Заключенные за час сначала перебили 12 человек из администрации лагеря, захватив принадлежавшее им оружие. Мастеровые, перешивавшие для эсэсовцев одежду и обувь, зная немецкую пунктуальность, пригласили их на примерку. Сначала в портняжную мастерскую явился начальник лагеря гауптштурмфюрер Иоганн Норманн. Во время примерки костюма получил удар топором по голове. Потом неудачно «примерили» сапоги – начальник охраны лагеря Иоахим Грейтшус и кожаное пальто – унтершарфюрер Йозеф Вольф. Оба были убиты. Такая же участь постигла большинство других эсэсовцев. Повезло лишь Карлу Френцелю. Он в названное время не пришел посмотреть на заказанный им шкаф. Теперь оставались пособники немцев – охранники. Они могли обнаружить трупы фашистов и поднять тревогу. Вошедший в сговор с восставшими капо Бжецкий в назначенное время свистком подал сигнал к построению. Заключенные вышли из бараков и построились. Печерский крикнул: «Товарищи! К воротам!» Люди ринулись на штурм ворот и оружейного склада. Но план удался лишь частично. Добраться до складов с оружием не удалось – и людская масса ринулась на колючую проволоку.

Я руководил группой, которая вступила в бой с охраной лагеря, чтобы безоружные люди в это время могли добежать до леса. У нас были свои снайперы, которые из захваченного оружия стреляли по вышкам. Телефонную связь и подачу тока на ограждения мы отключили заранее. Люди бросились разрывать колючую проволоку лопатами. Изможденные, но отчаянно жаждавшие свободы люди буквально сметали охранников со своего пути – у кого было оружие, стреляли, у кого не было, бросали в охранников камни, засыпали им глаза песком. Прорвались за ограждения. Тут надо было на мины кидать доски и камни, чтобы они разорвались. Но, убегая, этого уже никто не делал. Первые, кто бежал, подрывались на минах. Их смерть давала возможность выжить другим.

В результате с территории лагеря вырвалось около 340 заключенных. Многих поймали сразу (поляки выдавали полицаям беглецов). До конца войны дожили лишь 53 человека. Восстание это могло стать позором рейха. Администрация лагеря уничтожена, охрана разбита. Вырвавшиеся на свободу узники могли рассказать миру о произошедшем. По приказу Гиммлера Собибор сравняли с землей. Ничто никому не должно было напоминать об этой фабрике смерти. А территорию, где в муках погибли 250 тысяч человек, засадили капустой и картошкой.

Мой брат Самуил тоже смог вырваться из лагеря. Бежал он в другой группе, скрывался в польском лесу. Его обнаружили помогавшие немцам поляки и убили. Мне, Александру Печерскому и еще нескольким нашим удалось добраться до Буга. Молодой поляк проводил нас до реки, дал еды, подсказал, как найти партизан. Разные были поляки... Потом мы переплыли Буг и попали на территорию Белоруссии. Лагерь – это ад. Но я остался жив. Видимо, меня оберегал ангел. Переправились через Буг, встретились с партизанами. Сначала я воевал в партизанском отряде имени Фрунзе, затем в Красной армии, служил в полковой разведке, ходил в рейды. Долгожданный День Победы встретил в Германии.

В 1946 году мотострелковая дивизия, в которой я служил, стала 76-й десантной. Стал десантником, в должности старшины десантной роты прослужил сначала в Пскове, а потом в Рязани еще целых 20 лет – до 1966 года, совершил 998 прыжков с парашютом, стал мастером по парашютному спорту, играл в футбол.

Тыл

*И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмеились около Москвы.
Похоронки,
Раны,
Пепелища...
Память,
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.
Лишь любовь
Давала людям силы
Посреди ревущего огня.
Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.*

Юлия Друнина

Победа в Великой Отечественной войне была обеспечена достигнутым в 1943–1945 гг. военно-экономическим превосходством СССР над Германией и ее союзниками.

Перестройка экономики на военный лад происходила в сложнейших условиях поражений Красной армии и потери значительной части территории Советского Союза. Германской армии удалось оккупировать развитые в промышленном и сельскохозяйственном отношении районы страны. С первых дней войны были предприняты чрезвычайные меры по переводу советской экономики на военные рельсы.

Развернулась широкая работа по эвакуации промышленных предприятий и людских ресурсов в восточные районы страны. В 1941–1942 гг. было эвакуировано около 2000 предприятий и 11 млн человек. Вторая волна эвакуации проходила летом 1942 г., когда вновь развернулось наступление врага в южных районах страны. Между первым и вторым этапом эвакуации, то есть с декабря 1941 г. и до лета 1942 г., проводилась частичная реэвакуация. В Московскую, Тульскую и Калининскую области и другие центральные районы возвращались эшелоны с эвакуированными грузами и частью рабочих кадров.

На востоке страны была налажена работа по скорейшему вводу эвакуированных заводов. Начался массовый выпуск современных видов оружия. В 1942 г. объем валовой продукции промышленности превзошел уровень 1941 г. в 1,5 раза. К концу 1942 г. перестройка экономики на обслуживание нужд войны была завершена.

В 1941–1942 гг. немалую роль сыграла военно-экономическая помощь США, союзника СССР по антигитлеровской коалиции. Поставки по ленд-лизу боевой техники (по самолетам – около 12 %, по танкам и БТР – около 18 %), медикаментов и продовольствия составили в целом, по разным данным, от 4 до 10 % произведенной в нашей стране промышленной продукции и оказали определенную помощь советскому народу в наиболее трудный период войны. Поставки грузовых и легковых машин американского производства (около 427 тыс.) почти в 1,5 раза превысили собственное производство в СССР.

На втором этапе войны СССР достиг решающего превосходства над Германией в экономическом развитии, особенно в выпуске военной продукции. По сравнению с предшествующим периодом, объем промышленного производства возрос на 38 %. В отличие от предвоенных и первых военных лет, новые модели военной техники сразу шли в массовое производство.

Внимание! Воздушная тревога!

Местная противовоздушная оборона (МПВО) – общесоюзная военизированная организация, в задачи которой входили: защита населения и объектов экономики от нападения противника с воздуха; ликвидация последствий его ударов; создание нормальных условий для работы промышленных предприятий, электростанций, транспорта и др. МПВО была образована 4 октября 1932 г. как составная часть системы ПВО страны.

7 октября 1940 г. система МПВО была передана в ведение НКВД СССР. Накануне Великой Отечественной войны войска МПВО включали три инженерно-противохимических полка (в Москве, Ленинграде, Баку) и четыре инженерно-противохимических батальона. Нормам противохимической и противовоздушной обороны было обучено около 11 млн граждан, создано 25 тыс. различных формирований, подготовлены для убежищ две очереди Московского метрополитена.

5 июля 1941 г. Государственный комитет обороны принял Постановление № 26 «О реорганизации службы МПВО г. Москвы», согласно которому в Москве были созданы четыре полка местной противовоздушной обороны (МПВО), в том числе – 4-й аварийно-восстановительный полк, сформированный на базе Мосэнерго.

В состав 4-го полка Мосэнерго вошли: батальон высоковольтных сетей (расположенных в Москве), батальон кабельщиков, роты теплофикаторов и связистов. Численность полка составляла 1590 человек. Командовали полком управляющие Мосэнерго – И.М. Клочкин (1941–1943) и М.Я. Уфаев (1943–1945). Комиссаром полка был Ф.С. Савельев, заместителем командира полка по технической части – Д.Г. Чижов, начальником штаба полка – М.Ф. Костин.

При штабе полка был создан взвод инженерной разведки. В его состав вошли ведущие инженеры Мосэнерго. В задачу взвода входило определение степени повреждения энергооборудования при разрушениях промышленных предприятий, хозяйственных построек и жилых домов. В здании Мосэнерго на Раушской набережной в подвальном помещении был организован командный пункт. Перед полком была поставлена задача своевременного устранения всех повреждений энергосистемы Москвы.

Зачисленные в полк энергетики освобождались от призыва в действующую армию и были обязаны в течение рабочего дня работать на производстве, вечером проходить военизированные занятия по программе, утвержденной штабом МПВО г. Москвы. Ночью находились на казарменном положении, которое впоследствии было отменено. Часть бойцов и командиров дежурила на энергообъектах города, другая занималась ремонтом оборудования.

Командный состав и бойцы подразделений полка имели специальное удостоверение, дающее право беспрепятственного передвижения по территории города и допуска для производства аварийно-восстановительных работ. Весь личный состав полка в любой момент времени должен был быть готов выполнить задания по ликвидации последствий воздушных налетов на объекты энергетики.

Местная противовоздушная оборона [МПВО]

М.С. Абрамова. ТЭЦ-7

23 июня 1941 года на ТЭЦ-7 был митинг о военном положении и порядке работы. Сразу начали проводить мероприятия по маскировке ТЭЦ и ее объектов.

Была сформирована команда МПВО, в которую я входила. Все были распределены по постам МПВО, мой пост был на крыше, где были установлены противопожарные средства по тушению зажигательных бомб, телефонная связь. Задача дежурного постового была – держать связь во время ВТ (воздушной тревоги) с бомбоубежищем, сообщать директору ТЭЦ, товарищу Гурину Федору Васильевичу, и начальнику штаба, в каком направлении летят самолеты. А в ночное время еще и смотреть – в порядке ли маскировка на объектах ТЭЦ. Дежурство МПВО велось в свободное от основной работы время.

Вся команда МПВО находилась на казарменном положении. Так было до 22 июля 1941 года, когда началась штурмовая бомбардировка. День и ночь не прекращались налеты. Первый вражеский налет на Москву продолжался 5 ч 45 мин. Много было сброшено зажигательных бомб, которые вызывали пожары в Москве.

И.А. Фридкин. МКС

С самого начала Великой Отечественной войны на базе районов и цехов нашего предприятия был организован батальон, который входил в полк Мосэнерго и являлся подразделением местной противовоздушной обороны города Москвы. Полк возглавлял бывший тогда управляющий Мосэнерго – И.М. Клочкив. Командиром батальона был директор МКС Е.П. Титов. Комиссаром – парт-орг ЦК ВКП(б) А.А. Серов, позднее – начальник 9-го района МКС.

Батальон был переведен на казарменное положение. До начала налетов фашистской авиации на Москву батальон прошел обучение по ускоренной программе, научился пользоваться оружием, вплоть до ручного пулемета Дегтярёва.

Однако в основную задачу батальона МКС, как и полка МПВО, входило восстановление электроснабжения промышленности и городского хозяйства в случаях разрушения фашистской авиацией центров питания, распределительных трансформаторных подстанций, а также кабельных и воздушных сетей.

Для выполнения этих задач батальон МКС был подготовлен как нельзя лучше. Квалифицированный, преданный делу персонал районов, готовый выполнить любое задание, был оснащен необходимым оборудованием, материалами, а главное – готовыми проектными решениями конструкций временных подстанций и муфт.

Эти решения помогли восстановить в минимально короткий срок электроснабжение ряда объектов города, где во время войны были разрушены подстанции или линии (фабрика «Большевик» и другие).

Маскировка, защита объектов

Б.А. Вейгнер. ТЭЦ-9

22 июня 1941 года привычный порядок был нарушен. Пришла война.

Все изменилось. Предстояло работать в условиях военного времени. Перед нами встал вопрос маскировки электростанции. Освещенный корпус в ночное время представлял хорошую цель для авиации. Наличие труб выдавало здание электростанции. Все понимали, что маскировка объекта – сложное дело, но крайне необходимое. Персонал всех цехов горячо взялся за выполнение необычного задания. Окна Главного щита управления (ГЩУ), возле которых очень близко располагались панели релейной аппаратуры генераторов, трансформаторов, фидеров, были закрыты стальными щитами.

Щиты изготавливались из обрезков. Их сваривали и подгоняли по окнам. Щиты установили и над панелями. Таким образом, релейная аппаратура была защищена от осколков снарядов зенитной артиллерии и битого стекла. Одновременно был решен вопрос светомаскировки ГЩУ.

Светомаскировка помещений электрической станции была осуществлена зашивкой всех проемов тесом, горбылем. В некоторых опасных местах – стальными щитами. Щеточные аппараты генераторов и возбудителей были защищены стальными козырьками. Электроосвещение ограничили только предусмотренным ранее аварийно-маскировочным освещением.

Для изменения вида здания были срезаны дымовые трубы. Фасады разрисованы под жилые здания. Территория – под скверы и проезды. В ночное время при объявлении воздушной тревоги включали электрофильтры для уменьшения дымления. В таком измененном виде главного здания был произведен осмотр объекта с воздуха в ночное время. Результаты были удовлетворительны.

А.И. Копин. ГРЭС-3

Электростанция приравнивалась к военному объекту. Для безопасности все жители Электропередачи сохраняли секретность, соблюдали правила светомаскировки. Ни одна бомба не разорвалась на территории Электропередачи! Корпуса ГРЭС были раскрашены маскировочным рисунком. Все готовились к действиям во внештатных обстоятельствах. Из молодых рабочих для оперативной ликвидации возможной чрезвычайной ситуации создали бригады дежурных по ГРЭС. Дежурство под руководством мастеров длилось неделю, бойцы бригады в это время находились на казарменном положении: жили на территории станции около озера, в помещении лаборатории торфопредприятия, покидая ее для работы. Правда, ужинать и завтракать разрешалось дома.

П.Д. Игнатьев. Каширская ГРЭС

Коллективы производственных подразделений были переведены на режим работы в военных условиях. Первым делом была выполнена светомаскировка станции – оконные проемы покрыли черной краской, установили лампы с синими колбами и глубокими излучателями к ним, работники теплоизмерительной лаборатории поместили шкалу приборов светящимися в темноте красками. В таком затемнении энергетики трудились все четыре года войны. Светомаскировку соблюдали очень строго: заметив малейший проблеск света, принимали меры к его устраниению. С первых дней войны возводились защитные штабели из мешков с песком вдоль наружных стен цеховых зданий, ими же закладывали проемы первых этажей производственных помещений. После чего оконные проемы зданий центрального теплового щита котельной второй очереди, главного щита управления, частично машинного зала были заложены кирпичом. У тепловых электростанций, каковой является Каширская ГРЭС, мощное дымление. Встал вопрос о маскировке дыма. Тогда сотрудник Всесоюзного теплотехнического института П.И. Киселев предложил пропускать газы от золы через слой шлака. Котельщики смонтировали для проведения опыта небольшую установку, и пропущенные через нее, как через фильтр, газы действительно были более светлыми. Только вот такие установки были громоздкими, требовали больших площадей для размещения и много времени для сооружения. С приближением фронта к Кашире предложение Киселева было отклонено. И с целью снижения газового столба котельной первой очереди металлические дымовые трубы котлов № 13–16 несколько укоротили, кирпичную дымовую трубу котлов № 7–12 высотой 75 метров разобрали до 50.

В.А. Степанова. ТЭЦ-7

Перед войной часто проводились тренировки МПВО, проверялась работа в условиях войны, ввертывались синие лампочки для затемнения. Все это на практике в условиях войны оказалось чепухой. Так же, как и «художественная» маскировка объекта, которую провела специальная бригада художников. В первые дни войны на крыше котельного цеха был изображен цветник, золовлавляющие циклоны были покрыты металлической сеткой, на которой были нарисованы деревья – настоящая театральная декорация, которая была быстро смыта и засорена. Были срочно проведены светомаскирующие работы, позволяющие работать в цеху с минимально необходимым освещением рабочих мест и оборудования. Часть оконных проемов была заложена кирпичом, в первом этаже у мельниц смонтировали металлические ставни, двойные, с прокладкой кирпичом.

Авианалеты, бомбежки

М.А. Нестерова. МКС

В течение нескольких дней самолеты врага упорно стремились разбомбить нашу ГЭС-1. Я только успела спуститься с поста в бомбоубежище, когда раздался первый взрыв: бомба упала прямо на территорию станции. Спустя некоторое время начался второй налет. Всю ночь небо над городом было беспокойным: самолеты в лучах прожекторов, осветительные бомбы в воздухе, как фонари. И только под утро немного стихло. И вдруг над нашим домом послышался свист падающего снаряда. Думала, все, конец! Но от взрыва пострадало только здание: выбило двери, рамы.

Выбежала я из убежища, хотела сообщить в штаб обо всем, и страшно стало: многие дома на Овчинниковском переулке разрушены, кругом все горит. С того дня не могла я спокойно работать. Экстерном, без отрыва от производства, закончила курсы медсестер и отправилась в военкомат. Потребовала отправить меня прямо на передовую. И не смог меня отговорить военком. Меня отправили в 250-й зенитно-артиллерийский полк, защищавший небо Москвы в самые тяжелые дни сражений.

П.Д. Игнатьев. Каширская ГРЭС

В июле 1941 года начались систематические массированные налеты фашистской авиации на Москву. На подходе к столице самолеты появлялись почти в одно и то же время – в 9 часов вечера. Часть из них шла над Окой через Каширу. И каждый день в 9 часов вечера по указанию штаба МПВО Московской области раздавался станционный гудок – сигнал воздушной тревоги, по которому жители бежали в бомбоубежище, как по боевой тревоге в воинских частях, и находились там до 6 часов утра. С отбоем воздушной тревоги расходились по домам, а в 9 часов начинался рабочий день, длившийся до 6 часов вечера. Через три часа – снова воздушная тревога и бомбоубежище. Это сильно изматывало людей, и Каширский районный штаб МПВО подавал сигналы «воздушной тревоги» только в случае непосредственной угрозы району. Ближе к осени они участились. Именно в это время стали появляться одиночные фашистские самолеты. Они сбрасывали осветительные ракеты и зажигательные бомбы. К этому времени для защиты электростанции на подходе к ней были установлены зенитные орудия. Кстати, в радиусе 100 и более километров от Москвы была создана густая сеть зенитных установок. С крыши котельной второй очереди электростанции были хорошо видны цветные дорожки трассирующих пуль ведущих бой невидимых самолетов, сплошные стены пляшущих огненных стрел, яркие вспышки от взорвавшихся бомб. С каждым днем немецкие пилоты все увереннее вели себя в каширском небе, летали днем на малой высоте. Когда раздавались хлопки автоматических зенитных пушек, все знали, что в районе электростанции появился очередной немецкий стервятник. Если в летние месяцы по сигналу воздушной тревоги персонал ГРЭС снимали с ремонтных работ и направляли в укрытия, то в октябре–ноябре этот порядок почти забылся. Люди привыкли и уже не опасались, многие оставались на своих местах и продолжали работать.

В то же время за пределами электростанции от вражеских бомб гибли люди, получали ранения. Так, одна из упавших бомб, разорвавшаяся у открытой подстанции 110 кВ, убила проходивших по шоссе женщину и подростка. Взрывной волной были сбиты и открылись предохранительные клапаны парохладителей паропроводов, что привело к возникновению высокого, до боли в ушах, звука. В другой раз фашистский самолет, пролетев над ГРЭС днем, сбросил серию мелких бомб, которые упали во дворе котельной первой очереди. На этот раз обошлось без жертв. Такие налеты на Каширскую ГРЭС стали ежедневными, но, как правило, это были самолеты-одиночки, скорее всего, разведчики. Но как-то на подлете к электростанции в районе городского парка зенитчики сбили немецкий самолет, на борту которого находилась 500-килограммовая бомба. У летчика нашли карту, где Каширская ГРЭС была помечена крестом. Значит, не просто так летали немецкие стервятники над первенцем плана ГОЭЛРО, высматривали, как стереть «Каширку» с лица земли, оставив без тепла и света не только наш город, но и близлежащие регионы, в том числе осажденную врагом Тулу, которая выжила благодаря каширскому току.

Н.Д. Большаков. 1-й район ВВС

Пришел на работу в 1940 году. Направили на 6-ю подстанцию в ремонтную бригаду к мастеру Семену Ивановичу Комиссарову. Жил в бараке. На соседней койке спали втроем – муж, жена и ребенок. Год прошел – перевели в службу защиты.

С первого дня войны перешли на казарменное положение: размещались все на подстанции «Угреша», а на работу с утра разъезжались по своим бригадам. Кормили не очень хорошо, но и не совсем плохо. Первый месяц кое-что еще можно было купить в магазинах, только вскоре остались там одни баночки с крабами, затем и их не стало, выдали карточки.

В первую же бомбёжку на подстанцию в Кожухове упали две бомбы: одна на территории открытой части, другая у жилого дома. Больших повреждений не помню, а отключившихся абонентов мы быстро восстанавливали. Чаще падали зажигалки, но с ними было проще – засыпали песком, землей, до больших пожаров дело не доходило. Работала в то время на 6-й подстанции младшая дежурная Шура Мельгунова. Здесь же и жила на первом этаже только что отстроенного шестиэтажного дома. К бомбёжкам скоро привыкла. Бывало, что отключится от защиты то абонентский кабель, то линия – позвонят диспетчеру, доложат. Нет, страшно, конечно, когда тряхнет, – дребезжат стекла, панели. А бомбили часто не их, а расположенный рядом завод ЗИС, заводскую ТЭЦ. Придешь с дежурства домой – тоже покоя нет. Только разоспишься – стук в дверь: «Разреши положить вещички, у нас на верхнем этаже все ходуном ходит, да если и бомба ахнет, может, до тебя не достанет!» Всю комнату завалили своим барахлом эти верхние.

Несколько раз на крышу дома падали зажигалки. Расправлялись с ними быстро.

В.В. Семин. ГЭС-1

Фашистская авиация имела задание командования разбомбить и вывести из строя московские электростанции.

31 октября 1941 года примерно в 18 часов в Москве объявили воздушную тревогу. Через несколько минут после объявления воздушной тревоги послышались сильные взрывы. Одна из бомб

попала в кабельный туннель, повредила кабели генератора, работавшего на установку собственных нужд станции, и несколько сетевых кабелей. Вторая бомба попала в горловину демонтируемого конденсатора, на котором за несколько минут до этого работала бригада слесарей. От сотрясения отключился автомат гашения поля генератора № 29, который из-за этого потерял возбуждение и сбросил нагрузку. Действиями персонала режим работы генераторов был быстро восстановлен.

В своей сводке немецкое командование объявило, что «Первая Московская электростанция уничтожена». Помню, тогда выступал по радио писатель Алексей Толстой и эту ложь опроверг.

С.Г. Сухотин. ОЗАП

О начале войны я узнал из выступления В.М. Молотова по радио в 12 часов дня 22 июня 1941 года. Мне тогда было неполных 16 лет. 22 июля 1941 года, когда немцы начали налеты авиации на Москву, при домах были созданы отряды самообороны, в задачу которых, на первых порах, входило дежурство во время налетов немецкой авиации, обезвреживание зажигательных бомб, тушение начавшегося загорания, а также слежение за светомаскировкой домов. Тогда в каждом дворе стояли бочки с песком, водой, лежали клещи. Мы хватали зажигалки – и в песок. Был членом очень малочисленного отряда – три человека, так как в нашем доме²¹ в основном уже жили пожилые люди. Мужчины были призваны в армию, многие женщины работали на казарменном положении, часть с семьями эвакуировались, а другие при объявлении воздушной тревоги уходили с детьми в бомбоубежище (метро). Так что каждую ночь приходилось дежурить и частенько обезвреживать сброшенные немцами зажигательные бомбы, вплоть до 1 января 1942 года, когда налеты на Москву практически прекратились. Самое тяжелое время пришлось на октябрь 1941 года, когда тревоги объявлялись по 5–8 раз в сутки и немец подошел близко к Москве.

И.П. Агуреев. Каширская ГРЭС

Почти с первых дней войны на электростанцию совершались вражеские налеты. Протяжный вой немецких бомбардировщиков, пронзительный звук сигнала «воздушной тревоги» запомнились на всю жизнь. Услышав его, жители домов по Советскому проспекту спешили в бомбоубежище, расположеннное под магазином «Центральный». Немецкие самолеты низко летали над городом, но бомбы скидывали редко, вероятнее всего, цель у них была другая – разведать об электростанции как важном стратегическом объекте. Лишь дважды я был свидетелем взрыва вражеской бомбы около котельной первой очереди и рядом с насосной станцией турбинного цеха. К счастью, сильных разрушений не было.

В.Е. Казакова. Каширская ГРЭС

Закрою глаза и, будто наяву, вижу разбегающихся в разные стороны от магазина «Центральный» людей, разбитые и высыпавшиеся из оконных рам торгового здания стекла, слышу крики, женский плач и причитания. Это тогда, июльским днем 41-го года, на площади возле магазина разорвалась

²¹ Деревянный двухэтажный дом (26/20) в Коробейниковом переулке, недалеко от Крымского моста со стороны Остоженки.

немецкая авиабомба. Погибла пионервожатая школы, осколочные ранения получили несколько человек. А мне на спину упал обломок поврежденной стены магазина. Слава Богу, осталась жива. Позже, как услышим гул немецких «стервятников», так сразу бегом в бомбоубежище. Во время налетов немецких самолетов, а они так низко пролетали над деревней, что лицо пилота в кабине можно было разглядеть, хватали малышню и укрывались в погребах, вырытых недалеко от дома.

А.А. Сычков. ГЭС-1

В ночное время мы находились на крыше для тушения возможного пожара от зажигательных бомб. Первые дни немецкие самолеты не прорывались к Москве. Чтобы взрывной волной не сбросило с крыши, были натянуты канаты, за которые мы держались. Однажды, 3–4 июля, мы находились ночью в бомбоубежище на дежурстве и услышали стрельбу. А.П. Пятницкий всех нас вывел на улицу, и мы увидели над Москвой немецкие самолеты на большой высоте: они шли тройками и пикировали, но ничего не сбрасывали. Наши зенитные пушки, которые стояли на крышах Раушской подстанции и гостиницы, стреляли светящимися снарядами, но они не долетали до цели почти половину расстояния, после чего эти пушки заменили. Сняли с кораблей дальнобойные. Но такого массированного налета бомбардировщиков больше не было. Были одиночные прорывы самолетов, которые бомбили и ночью, и днем. Один немецкий истребитель в 9 часов утра сбросил бомбу на ГЭС-1 и попал в машинный цех, где в это время шел ремонт турбины № 25 марки Броун-Бовери. Крыша машинного зала была стеклянная, и бомбой она была вся разбита. Бомба попала в открытую часть турбины, ударила о бок нижней части, расколола ее и упала в конденсатор турбины, но не взорвалась. Тут же появились военные и всех нас попросили покинуть машинный зал. Сами вытащили бомбу и погрузили на грузовую машину, где был песок, чтобы бомба не тряслась при движении машины. Корпус турбины, нижнюю часть цилиндра укрепили и сварили, а корпус чугунный – это сделали мастера ремонтных мастерских Мосэнерго. Такого не было даже в мире, и турбину с небольшой задержкой пустили в эксплуатацию.

В октябре 41-го я видел, как одна бомба упала в Кремль и разрушила часть старинного здания. Бомбы попадали в Китай-город, в здание ЦК ВКП(б) на Старой площади и разрушили 10-этажное здание. Одна бомба попала в 47-е отделение милиции у Устьинского моста – здесь погибли люди.

В 1942 году летом немецкие самолеты систематически прицеливались к ГЭС-1. В ночное и вечернее время я видел, как много раз немецкие бомбардировщики сбрасывали ослепительную систему на парашюте над Москвой и вблизи ГЭС-1. Прожектора ловили самолет, и зенитки били по самолету. В дальнейшем противовоздушная оборона Москвы усилилась, появились новые истребители, и к Москве немцев не пропускали.

А.И. Копин. ГРЭС-3

В поселке размещались пятизарядные скорострельные зенитные батареи. Фашисты догадывались, что где-то в нашем районе работает полевая артиллерийская снарядная мастерская, есть и объект стратегического значения. Но найти не могли... И как-то, еще в 42-м, отстрелявшись, пролетая над рынком и отбомбившись на станции в Павловском Посаде, летчик увидел движущийся в сторону Электропередачи наш состав и пошел на сброс бомб. Вел паровоз машинист

Ешков. Увидев бомбардировщик, ударили по тормозам, состав резко остановился. Самолет проскочил состав и сбросил оставшиеся у него три бомбы впереди, да еще и сбоку, метрах в пятнадцати от железной дороги. Мы бегали смотреть на глубокие воронки от взрывов! Самолет улетел, а состав пришел в поселок в целости.

К.П. Клеменова. Шатурская ГРЭС

По мере продвижения немецких полчищ к Москве в городе стало чувствовать напряжение.

Начались проводиться учебные воздушные тревоги, делалась светомаскировка, были организованы дежурства по улицам и домам, в них принимали участие и старшеклассники.

Озера вокруг электростанции покрывались плотами. Здания электростанции были замаскированы. Немного позже электростанция была заминирована.

Помню, как, уходя на работу, мать с нами прощалась. В то время мать и отец работали на электростанции. В городе были развешаны объявления об эвакуации населения. Наша семья не эвакуировалась, так как было трудно подниматься с такими маленькими детьми. Нас было пять человек, я самая старшая, а младшей было всего два годика.

В случае сдачи города мы, старшие, думали уйти в партизаны.

Помнится, что бомбоубежищ почти не было. По сигналам воздушной тревоги мы уходили в лес. Фактически это был ближайший парк. Брали с собой заранее подготовленные узлы с вещами, у каждого из нас был свой узел.

Потом уже мы так привыкли к сигналам, что и не реагировали, просто не выходили из дома, пусть как будет, уставали таскаться с вещами. Долгое время спали в одежде, не раздеваясь.

... Запомнился налет немецкого самолета на Шатуру. Это было накануне октябрьских праздников 1941 года. Возле клуба имени Нариманова, с левой стороны, был сбор ополченцев, отправлявшихся на фронт, в числе которых был и мой отец – Земаков Павел Дмитриевич.

После отправки, на следующий день, на это место былиброшены бомбы немецким самолетом. Бомбы попали также в детский сад. Насколько помню, жертв не было, только несколько человек получили осколочные ранения.

В.А. Степанова. ТЭЦ-7

В первую бомбёжку Москвы (если не ошибаюсь, в ночь с 22 на 23 июля) я была ответственным дежурным станции. Штаб станции находился под первым транспортером на топливоподаче. Директор дал задание проверить поликлинику, расположенную перед проходной станции. На разведку пошел мой помощник, электромонтер товарищ Селиверстов. На дворе было светло как днем от пожара на территории Трехгорки. Там складывались бочки из-под краски, которые взрывались от сброшенных зажигалок и горели ярким пламенем. В поликлинике трое медработников сидели за баками и на предложение пойти в штаб станции отказались.

Дежурные аварийной бригады станции во время бомбёжек находились в «щелях», вырытых на территории станции. Они же гасили зажигалки, сбрасываемые немцами с самолетов. Недалеко от станции, на противоположном берегу Москвы-реки, находился пивоваренный завод, внушительное кирпичное строение с несколькими высокими кирпичными трубами. Немцы принимали его, очевидно, за стратег-

В.Ф. Кокорев

Н.А. Шевелев

Н.В. Харитонов с группой техсостава

Слева направо: А.А. Губанов, И.М. Холодов, В.П. Ухов, П.А. Гнидо,
А.Н. Маснев. 1944 г.

Н.П. Малахов

Л.И. Немцова

Е.И. Лобанова

Рисунок из фронтового альбома А.Д. Степанова

С.А. Кордатов

В.И. Фролов

В.Ф. Каликов

Н.С. Сафонов

А.Г. Никитин

гический объект и часто его бомбили. В первую бомбёжку взрывной волной выбросило в Москву-реку нашего вахтера охраны, который сумел преодолеть барьер и вернуться на территорию станции. Обес- силел и залег в траве. На станции прошел слух, что сброшен диверсант. Мы облизали все темные места станции в поисках диверсанта, пока не выяснили, что это был вахтер, потерявший сознание. Во время первых бомбёжек, по глупости и непониманию опасности, некоторые ИТР, в том числе и я, во главе с начальником химцеха А.Я. Даниловой, поднимались на водонапорную башню посмотреть на окрест- ности. Зрелище было впечатляющим. Эти похождения прекратились, когда лейтенант Красной армии объяснил нам опасность таких походов, а лейтенант этот на станции появился 16 октября 1941 года.

Во время бомбёжек станция работала нормально, выполняя графики нагрузок. Эксплуатацион- ный персонал спокойно стоял на своих рабочих местах, только мотористки с дымососной площа- дки спускались вниз. Запомнился разговор со старым кочегаром Шлейном: «Пусть бомбят, а мы работаем, ценим, что над головой есть крыша, попадут ли бомбы на нас, неизвестно, а вот на фронте – другое дело, там наши бойцы лицом к лицу боятся с врагом».

Б.А. Вейгнер. ТЭЦ-9

День 26 июля 1941 года был особо тяжел для Пролетарского района Москвы. Несколько бомб упало на его территории. Две бомбы упали на нашу ТЭЦ. Одна из них разорвалась вблизи механи- ческого завода и разрушила литейный цех. В тех мастерских работала ночная смена становчиков, изготавливала детали снарядов для «катюш». Из старых кадров не покинул рабочих мест никто. Несколько учеников попытались укрыться под станками, но, увидев хладнокровие «стариков», последовали их примеру. Так мужали люди, так работали для победы. В этот же день разорвалась вторая авиабомба на шлаковой свалке с южной стороны главного корпуса. Осколками бомбы была повреждена обшивка турбины № 3 и перила на отметке 9. В это время на вахте была комсомоль- ская молодежная бригада девушек. Никто не дрогнул и не покинул своего рабочего места.

Л.А. Виноградов. ТЭЦ-9

Наша станция трижды подвергалась бомбёжке, но они не принесли заметного ущерба элек- тростанции. На территорию упала одна бомба в район шлаковой свалки. Вторая – в район угольного склада, подняв в воздух тучи угольной пыли. Это было зафиксировано врагом как разрушение ТЭЦ-9. Третья бомба большой силы разорвалась на берегу Москвы-реки. От этого взрыва пострадал наш мех завод. Были выбиты стекла, разрушено помещение литейной. Вы- летели стекла и главного здания. В это время уже существовало казарменное положение для части рабочих и ИТР.

С объявлением воздушной тревоги дежурный отряд занимал посты наблюдения на крышах и территории. Дежурные были обучены приемам борьбы с термитными бомбами и приемам ту- шения пожаров.

Отдельные прорвавшиеся самолеты врага сбрасывали на парашютах осветительные ракеты, яркий свет которых освещал большую территорию города. После ракет сбрасывались зажигалки и фугасы. Вскоре наши зенитчики научились гасить эти фонари. В одну из таких ночей я был

свидетелем, как на картонажную фабрику, располагавшуюся на противоположном берегу Москвы-реки, были сброшены зажигательные бомбы. Фабрика имела деревянные сооружения и сразу же вспыхнула, озарив прилегающий район.

Враг применил тактику изматывания жителей Москвы. Действовали по расписанию: с 19.00 до 23.00 воздушная тревога. Отбой. С 1.00 до 4–5.00 тревога. Отбой. С 7.00 утра снова тревога. Так было до 22 августа 1941 года. Потеряв много самолетов и не достигнув своей цели уничтожить Москву с воздуха и деморализовать население, враг изменил тактику.

Теперь налеты совершались периодически. Так было до 30 марта 1942 года. После этого ни один стервятник не появлялся над столицей нашей Родины.

В.Ф. Иванов. ТЭЦ-11

Все работали, не считаясь со временем, проводили маскировку здания, закрывали окна. При бомбёжке машинисты оставались у турбин, прятались в специально поставленные будочки, а остальной персонал бежал в бомбоубежище. По очереди дежурили на крыше – сбрасывали зажигательные бомбы. Демонтировалась турбина № 4, которую отправили на Безымянскую ТЭЦ. По шоссе Энтузиастов шел основной поток людей и военной техники, и немцы все время бомбили шоссе. В промежутке между заводами «Серп и молот» и «Прожектор» было сброшено пять бомб, которые попали не на шоссе, а на железнодорожную станцию Сортировочную около моста и на круг конечных остановок трамваев № 12 и 50. От взрыва этих бомб пострадали близлежащие дома, и нашей группе пришлось аварийно заделывать окна, рамы. Было у меня и личное горе. Погиб под бомбёжкой мой родной брат.

Наши подразделения имели и специальное задание: подорвать оборудование электростанции, чтобы не досталось врагу. Также учили нас бросать под танки бутылки с горючей жидкостью.

З.Т. Яковлева. 4-й район ВВС

Так как всех парней забрали на фронт, группу из одних девушек, прежде чем допустить к дежурству, направили на обучение. Курсы электромонтеров находились в Москве на улице Осипенко, дом 13, путь на учебу проходил от станции метро «Охотный ряд» через Красную площадь. По ночам Москву бомбили, по утрам Красная площадь была изрыта страшными воронками, груды битого стекла лежали возле ГУМа. Но, когда учебная группа вечером после учебы возвращалась домой, все следы бомбёжки были убраны, а площадь восстановлена. Учеба продолжалась шесть месяцев.

После окончания курсов направили дежурить на подстанцию 35 кВ № 9 «Подлипки». Народу в Подлипках почти не было: все эвакуировались или ушли на фронт, а на саму подстанцию, находившуюся возле Ярославского шоссе, немцы бросали фугаски. Однажды взрывной волной выбило стекла, а меня отбросило от окна. И все же солдаты немецкой армии на подстанции так и не появились, в то время они вплотную подошли к городу Химки.

16-летней девушке дежурить было страшно: все время гул низко летящих самолетов, дирижабли, по крышам стучали осколки… Электрички не ходили (были демонтированы провода контактной сети), на работу из Щёлково до Подлипок приходилось ходить пешком. Везде стояли противотанковые заграждения и располагались элементы инженерных оборонительных сооружений.

В то время весь оперативный персонал подстанции состоял из двух человек – диспетчера (телефонистки) и младшего дежурного. На территории подстанции № 9 находилось и бомбоубежище, и, как потом выяснилось, на случай отхода наших войск подстанция была заминирована. Все промышленные предприятия работали в две-три смены, поэтому и от энергетиков требовалась строжайшая дисциплина, гарантирующая бесперебойное электроснабжение вверенных объектов. Так и жили в постоянном напряжении, страхе, неизвестности, в полупустом городе. Но экзамены сдавали по-прежнему, проходили проверки дежурных по несколько раз за ночь, проводили тренировки, вели жесткий контроль электрической энергии.

П.А. Умов. МКС

Был организован выезд семей работников МКС из Москвы. Уже в середине июля 1941 года наши семьи были собраны у Речного вокзала на Варшавском шоссе, были поданы баржи, и на них семьи были погружены.

Расставание было нерадостным. Увидимся ли? А если увидимся, то когда? В это время Москву уже бомбили, и опять опасение – не разбомбили бы баржу. Провожал вместе с начальником подрайона А.И. Коганом, который также отправил свою семью. Последующие дни показали, что страхи наши были напрасны. Баржи благополучно доехали до места эвакуации.

А уже через неделю, это было 22, 23 или 24 июля, но точно помню, что в ночь на воскресенье, произошло большое несчастье: в школу-казарму в Земском переулке попала бомба и разрушила здание школы. Я в эту ночь был дежурным по МКС и находился на улице Осипенко, в подвале, где размещался штаб нашего батальона. Постепенно, как выбирались из-под обломков оставшиеся в живых наши работники, их привозили на Осипенко, успокаивали и отпускали отдохнуть от пережитого. Всего тогда погибло работников МКС 13 или 14 человек²². Они были захоронены на кладбище в общей могиле. Все погибшие – опытные руководящие работники, начальники подрайонов, дежурные инженеры.

Если бы такой случай произошел не в ночь на воскресенье, когда часть персонала была отпущена по домам, а в будний день, наши потери были бы еще более значительными.

После этого случая размещение персонала района было рассредоточено: для каждого района было подобрано помещение на территории своего района, недалеко от станции метрополитена, и было дано указание: при сигнале «ВТ» («воздушная тревога») персоналу уходить в метро. Так, для размещения 4-й роты было предоставлено здание детского сада фабрики «Парижская коммуна» по 3-му Монетчиковскому переулку. Недалеко располагался наклонный ход в метро, где теперь станция «Павелецкая». И всю войну 4-я рота прожила в этом здании, а при «ВТ» скрывалась в метро.

Персонал района занимался в основном ремонтными работами, осмотром состояния оборудования. Так, вспоминаю, что от взрыва бомбы было разрушено ТП 862 по Большой Серпуховской улице, дом 13. Персонал района быстро, путем переключений по сети низкого напряжения, созданием временных схем, восстановил напряжение для оставшихся жилых домов. Так же было и при разрушении ТП 3392 по 1-му Павелецкому переулку.

²² Всего погибло 32 человека.

После окончания войны эти ТП были восстановлены.

Вспоминается случай повреждения одного из питающих кабелей с ПС № 6. Место повреждения было определено на путях Окружной железной дороги. При раскопке обнаруживаем, что кабель разорван, а второй конец отсутствует. Пришлось выполнять замер с другого конца, и в дальнейшем выяснилось, что в железнодорожный путь попала бомба, повредила пути и одновременно кабель МКС.

Железнодорожники быстро засыпали котлован от взрыва бомбы, восстановили путь и все заровняли. Для ремонта пришлось проложить вставок значительной длины.

И.А. Фридкин. МКС

После катастрофы, когда авиабомба попала в казарму, где размещался батальон, мы потеряли много наших товарищей. В результате этого батальон был рассредоточен. Роты были размещены в центре обслуживаемых ими территориальных районов Москвы рядом со станциями метрополитена.

Штаб батальона до этого размещался в подвале дома № 13 по улице Осипенко, где были сооружены дубль-пункт и телефонный коммутатор.

Массированные налеты немецкой авиации на Москву, как правило, кончались провалом – немецко-фашистская авиация теряла десятки самолетов. Однако отдельным самолетам удавалось прорваться в столицу и сбросить свой смертоносный груз куда попало. В этот период, несмотря на воздушную тревогу, падающие от зенитного огня нашей артиллерии осколки, можно было нередко встретить наших кабельщиков, на аварийных машинах мчащихся к месту происшествия для проведения необходимых переключений в сети, для восстановления временного электроснабжения, определения размера повреждений и проведения ремонтно-восстановительных работ.

О мобильности, организованности и изобретательности персонала МКС можно судить по следующим фактам:

На Раушской набережной небольшая авиабомба попала в пучок кабельных линий, питающих центр города. При этом были повреждены 16 фидерных кабельных линий, и центр практически остался без напряжения. К подаче напряжения приступили немедленно путем устройства переключений и разного рода перемычек от других оставшихся в работе линий. Все фидерные линии были отремонтированы, включены, и электроснабжение центра было восстановлено по нормальной схеме в тот же день. Взрывной волной была также при этом оборвана воздушная линия 110 кВ в месте пересечения Москвы-реки.

На шоссе Энтузиастов авиабомба попала в цистерну с бензином, стоящую под мостом. В результате взрыва был поврежден мост около ТЭЦ, а с ним и пучок действующих кабелей, питавших ряд ответственных заводов. Напряжение потребителям по этим кабелям было дано, несмотря на то, что фермы моста еще висели в воздухе, и даже проходить, не то, что работать на мосту, – было опасно.

В.А. Сатаров. ПКБ

Остро переживаем первые налеты фашистских самолетов на Москву. Москва затемнена, но по ночам зарево пожаров освещает районы, подвергшиеся бомбардировке. Они особенно хорошо были видны с крыши здания Мосэнерго, где мы дежурили по ночам.

Наша основная задача – ловить зажигательные бомбы и тушить пожары. С этим мы научились успешно справляться. Однако немцы начали сбрасывать зажигалки в сочетании с фугасными бомбами крупного калибра. В одно из дежурств нас сильно встряхнуло, когда такая «игрушка» попала в дом у Устьинского моста, где размещалось отделение милиции. Ночь была тяжелой, нас несколько раз подымали по боевой тревоге. После очередного отбоя на рассвете мы вышли на крышу здания. Гнетущая тишина, пахнет гарью, все Замоскворечье окутано дымом.

Часовой, охраняющий здание ГЭС-1, делится своими впечатлениями о проведенной ночи. Во время одного из налетов вражеской авиации у него осколком срезало штык с винтовки. После такой ночи работа не клеится, отчаянно хочется спать.

А.И. Душаков. ЦЭС

День начала войны – это день траура. Призвали на фронт отца и старшего брата. Я остался в Москве, в Кузьминках. Вместе с другими ребятами пришлось научиться тушить зажигательные бомбы. Мы ходили с ведерками песка. Бомбу нужно было успеть засыпать, пока она искрит.

Н.И. Нагина. 7-й район ВВС

У каждого из сотрудников предприятия было свое закрепленное место на территории на случай бомбёжки (по сигналам воздушной тревоги), чтобы успеть сбросить с крыш зажигательные бомбы. При первых сигналах тревоги все обязаны были быть на своих местах. Для прохода по территории города выдавался специальный пропуск.

Б.С. Алексеев. Мосэнергопроект

В июне 1941 года наша семья – мои родители, сестра матери, ее муж и их сын – жили на даче в п. Быково по Казанской железной дороге. Рядом – Быковский аэродром.

22 июня объявили о начале войны и обязали всех жителей строить бомбоубежища. Мой отец и дядя Костя построили землянку глубиной два метра и достаточного размера, чтобы все мы могли укрыться. Сверху землянку накрыли бревнами и засыпали землей, сделали ступеньки для спуска внутрь.

Через некоторое время немцы начали бомбить Быковский аэродром и местное население. Бомбы рассыпались на отдельные осколки, один из которых упал на наш участок. Мне было 4 года и 9 месяцев, и я выскоцил из бомбоубежища и схватил этот осколок, который был еще горячий и очень острый. Я ободрал и обжег ладонь. После этого, хотя дача была оплачена на сезон, мы уехали в Москву. В Москве какое-то время было тихо, но город готовился к последующим налетам. По улицам носили аэростаты заграждения. Во всех домах открывали чердаки и окна выхода на крыши домов. На чердаках устанавливали бочки с водой, рядом – железные клещи для захвата зажигательных бомб.

Мы жили в доме № 14, квартира 50 по Малому Лёвшинскому переулку. Отец работал главным конструктором и начальником технического отдела ВСХВ (Всесоюзной с/х выставки). За ним каждое утро приезжала «эмка» с водителем и везла его на работу. Однажды он взял меня с собой. ВСХВ готовят на случай бомбёжек и прихода фашистов: все ценное оборудование пакуют и увозят. В двух больших скульптурах Ленина и Сталина оборудуют посты НКВД.

Потом в Москве начинается ужас регулярных бомбёжек. Даются сигналы воздушной тревоги, после чего всех женщин, стариков и детей распределяют по городским бомбоубежищам. Нас прикрепили к бомбоубежищу в метро «Дворец Советов», куда мы бежали по Лёвшинскому переулку и улице Кропоткинской со спальными принадлежностями и вещами. И так почти каждый день.

И.А. Иванищев. ГЭС-2

С началом Великой Отечественной войны персонал электростанции перешел на казарменное положение. После основной работы мы дежурили в дружине ПВО. Когда объявлялась воздушная тревога, мы (свободные от основной вахты у оборудования) расходились на посты наблюдения.

Первой бомбардировке фашистскими самолетами Москва подверглась 22 июля 1941 года – через месяц после начала войны. Воздушная тревога была объявлена примерно в 22 ч 30 мин. В этот налет на территорию ГЭС-2 было сброшено несколько зажигательных бомб. Произошло загорание крыши между котельным и турбинным цехами.

У нас еще не было тогда опыта борьбы с зажигалками. Но персонал собственными силами ликвидировал загорание. На ликвидации того первого загорания отличилась молодая девушка Агния Воробьевна, теперь Агния Александровна Константинова.

В 20-х числах августа 1941 года после вечерней смены я дежурил на крыше котельной. В это время прорвался фашистский самолет и сделал над нашей электростанцией круг из дыма для наведения самолетов на цель. Через несколько минут второй самолет по этому кругубросил осветительные ракеты. Вслед за этим третий самолет начал сбрасывать фугасные бомбы. Бомбы попали в Обводный канал, в Малый Каменный и Большой Каменный мосты, около кинотеатра «Ударник», в строившийся Дворец Советов. Последняя бомба попала в склад с цементом бетонного завода на Кропоткинской набережной, подняла облако пыли, которое понесло в нашу сторону. Мы предположили, что это газы, и надели противогазы. В эту бомбёжку были повреждены Малый Каменный мост, оборваны трамвайные и троллейбусные контактные линии, у кинотеатра «Ударник» выбило все стекла.

Война ў Порога

Строительство укреплений под Москвой

А.А. Сычков. ГЭС-1

10–12 июля 1941 года по решению Кировского, позже Москворецкого, районного комитета комсомола от Москвы был собран отряд 40 человек, в том числе и я, и отправлен на строительство укреплений на Десне под Рославль. Ров противотанковый – семь метров глубина и семь метров ширина. Работали лопатами и ломами. Вначале продовольствие было, а потом еду добывали сами. Наш командир Игорь Балашов быстро договорился с местными: бычка и теленка за два дня съели. Спали в деревне на сене, мылись в Десне.

Однажды, в конце июля, мы шли на работу по местной дороге и услышали шум, приближающийся к нам. Через некоторое время мы увидели, что за нашим рвом на поле вырыты окопы, и в них находятся наши солдаты, минометы, пулеметы, а дот, который построил наш отряд, тоже занят красноармейцами. На следующий день на другой стороне Десны появились немцы на мотоциклах, они приехали очень смело, но из наших окопов по ним дали залп из минометов. Немцы быстро повернули и скрылись в лесу. Наш командир срочно отправил нас в Москву. Шли пешком до железнодорожной станции примерно 20 километров, где стоял товарный состав с паровозом, который довез нас до Москвы.

М.С. Абрамова. ТЭЦ-7

Я была послана бригадиром на сооружение оборонительных рубежей вокруг Москвы, где пробыла до 28 октября 1941 года. Копали противотанковые рвы в Серебряном Бору, жили в землянке. Фашисты, как мы их называли, не давали нам работать, на бреющем полете стреляли из пулеметов. Часто приходилось прекращать работу и бежать в укрытие – в землянку.

А.М. Соколов. Теплосеть

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Мне было 17 лет, и наше молодое поколение было настроено патриотично, считало, что мы дадим должный отпор агрессору и быстро его разобьем. Старшее поколение, знавшее больше, чем мы, обстановку в Европе, понимало, что война будет тяжелым испытанием для нашей страны.

Председатель колхоза И.Н. Мухин собрал 29 июня 1941 года в клубе молодежь и сообщил, что нашей стране предстоит тяжелая и длительная война с сильным и коварным врагом. Он призвал нас принять активное участие в строительстве оборонительных сооружений.

1 июля молодежь села Чернеева добровольно пешком отправилась в Рогачёв, куда стала прибывать также молодежь из других мест. По инициативе райвоенкомата в кинотеатре города состоялось общее собрание молодежи, на котором присутствовало примерно 100 человек. Выступивший секретарь райкома партии Канцерев подробно рассказал о положении в стране и на фронте. В конце своего выступления просил нас направиться на строительство противотанковых рвов, а перед этим вернуться домой и подготовиться к отправке, взять необходимые вещи и на два дня питание.

15 июля мы прибыли в Дмитров, а затем нас отправили на железнодорожную станцию Жуковку. Прибыв на место назначения, недалеко от реки мы разбили лагерь и жили в палатках. С раннего утра и до позднего вечера мы стали копать противотанковые рвы 4 метра шириной и 3,5 метра глубиной. Работа очень тяжелая. Но мы отдавали все силы, чтобы выполнить возложенные на нас задачи. В связи с тем, что вода, которую мы пили, была очень плохая, я сильно заболел, и врачи отправили меня домой. После выздоровления я вновь стал работать в колхозе.

ЭВАКЦИЯ МОСКВЫ В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА

И.М. Маркович. Управление Мосэнерго

Вечером 10 октября меня вызвал И.М. Клочкин. Когда я зашел в его кабинет, он сказал мне очень мрачно, но решительно: «О поручении, которое я тебе сейчас дам, никто, абсолютно никто, не должен знать. Нужно составить перечень оборудования всех электростанций вокруг Москвы и крупных подстанций, разделив его на три группы: одна немедленно демонтируется и вывозится на восток (наиболее ценная и удобная для демонтажа), вторая взрывается (ценное, но трудно демонтируемое оборудование), третья сохраняется на станциях и подстанциях».

«О каких станциях идет речь?» – спросил я. – «О всех, кроме, пожалуй, Шатуры».

В 11 часов вечера я принес ему списки.

А.А. Сычков. ГЭС-1

В октябре 1941 года немцы подошли к Москве. Нам дали расчет, деньги за два месяца вперед и 16 килограммов муки. Но я продолжал работать. На станции осталось очень мало людей. Руководство станции – директор Николай Павлович Удалов и все начальники цехов – оставались на месте. Жил я в общежитии: улица Осипенко, дом 31. Станцию готовились взорвать, если немцы войдут в Москву.

М.С. Абрамова. ТЭЦ-7

16 октября 1941 года произошла в Москве паника. Как раз я попала, в этот день шла за получкой на ТЭЦ. Конечно, отпросилась у высшего начальства, кто возглавлял строительство оборонительных рубежей. И видела, как бежали жители из Москвы. Трамваи были переполнены, а снаружи трамваев, за что только можно было уцепиться, висели как гроздья люди с рюкзаками на плечах. Я шла пешком до ТЭЦ. Когда пришла в проходную, где находился отдел кадров, мне сказали, что ТЭЦ-7 остановлена.

Персоналу ТЭЦ было выдано двухнедельное пособие и сказано: уходите, как хотите и куда хотите, по Ярославскому шоссе, кто как может!

Оставлен только из дежурного персонала был старший дежурный инженер И.А. Карамышев, который находился у поста рубильника на случай включения на взрыв, так как станция была заминирована.

В эти страшные дни многие, не только рядовые работники, но и ряд начальников, не выдержали и покинули рабочие места. Я, беспартийная, русская, стойко, не щадя жизни, работала на всех участках на специальных заданиях при налетах вражеской авиации.

В.А. Степанова. ТЭЦ-7

Запомнился день 16 октября 1941 года. Накануне поздно вечером на станцию пришла начальник химцеха Александра Яковлевна Данилова и разбудила меня. Я стала протестовать: «Тихо, что вы меня будите». Она с таинственным видом заверила, что в эту ночь нельзя спать (ее семья в эту ночь эвакуировалась с братом, работником Краснопресненского райкома партии). Но спать действительно не пришлось, по распоряжению диспетчера станция начала сбрасывать нагрузку. В работе осталось всего два котла, остальные были погашены.

Военные привезли на станцию тол и временно сложили его в Красном уголке, у двери которого был поставлен для охраны лейтенант, с которым мы потом подружились. Он проводил занятия: как применять тол и так далее. До этого на важных узлах оборудования, например, у котлов на головных паровых задвижках, была смонтирована проводка для расположения взрывчатки. В случае оккупации Москвы станционное оборудование должно было быть взорвано. На главном щите всегда горела лампочка, сигнализирующая об исправности этой схемы.

Утром мы стали срочно составлять списки персонала, который должен оставаться на станции до последнего момента.

Всем были выданы деньги, если правильно помню, месячная зарплата. В трудовой книжке было записано «16/X-1941 г. Уволен в связи с выездом в другую местность». Затем, 2 ноября, – «Записано неправильно» и печать.

Некоторые работники станции уехали на восток, у нас в цеху никто не уехал. Несколько дней в Москве было тихо, не бомбили, а затем все вошло в обычный режим.

Л.А. Виноградов. ТЭЦ-9

Критическое время для Москвы было с 16 по 18 октября 1941 года. В эти дни прекратило работу большинство предприятий и учреждений. Некоторые слабовольные люди покидали город.

ТЭЦ, хотя и работала, но была на грани останова. Первенец высокого давления готовили к взрыву. Работающим выдали выходное пособие по 900 рублей и предложили эвакуироваться из Москвы своими силами. Готовлюсь и я ехать в Башкирию к ранее эвакуированной семье. 18 октября был готов к походу. Несколько раз звонил на работу в надежде узнать что-либо новое. Было очень жалко покидать ТЭЦ, в которую вложено столько труда.

Неизмеримая радость охватила меня 17 октября, когда я услышал выступление первого секретаря МГК ВКП(б) товарища Щербакова, призвавшего граждан Москвы вернуться на свои производства.

Сразу же побежал на ТЭЦ-9. Встретил меня директор В.В. Поляков словами: «Где ты гуляешь? Нужно работать! Немедленно собирай людей». Надо отдать должное нашему персоналу. Все пришли и начали работать. Радостно было и то, что наша «девятка» все время работала. Ее не дали погасить. Она продолжила работать для фронта.

Г.А. Кидияров. Северные электросети

Вместе с оборудованием эвакуировалась и значительная часть персонала. Нам, оставшимся, были выданы зарплаты за три месяца вперед, необходимый запас продуктов и одежды. Нам сказали, как быть в случае оккупации Москвы. Мне, в частности, надлежало держаться инженера А.В. Никифорова, а у него были явки. Так, с собранными вещмешками наготове, мы работали, а ложась спать, не раздеваясь, клали их под голову, и так в течение всех критических дней.

Особенно тяжелое чувство, сохранившееся по сей день, мы испытали 16 октября. Часть населения Москвы, правда, небольшая, в том числе и у нас, бросая все на произвол судьбы, пыталась убежать из Москвы. Поднялась паника, а некоторые, пользуясь этим, не гнушались и тем, чтобы прихватить с собой ценности, им не принадлежащие. Надо сказать, к чести и органов, следивших за порядком, и самого населения, такие случаи решительно пресекались, и паника была быстро ликвидирована, но осталось горькое чувство обиды и досады, что среди нас в такое тяжелое время нашлись паникеры и мародеры, тем более, что среди них встречались и те, кто больше всех и громче всех говорил о патриотизме, о долге по защите Родины.

Г.И. Фомичев. ТЭЦ-11

Днем 14 или 15 октября меня вызвали в райком партии... Являюсь. Собрались руководители всех предприятий и учреждений, которые оставались еще в районе. Даётся команда: «Закрывайтесь, распускайте народ, пусть уходят, кто куда». Все разошлись, а я остался. Говорю секретарю: «Не могу я этого сделать, не могу остановить ТЭЦ». Напомнил о заводах «Компрессор», «Серп и молот». «Да-да», – схватился тот за голову. Даже руководители такого ранга – и те порастерялись...

В.К. Людина. ПКБ

Фронт приближался к Москве. В октябре 1941 года все сотрудники ПКБ были отпущены в бессрочный отпуск. Началась подготовка к эвакуации. Все архивные материалы ПКБ были погружены на баржу и отправлены по воде. В пути многие чертежи были сильно подмочены, часть из них погибла.

Многие инженеры получили направление в Новосибирск, в Запсибэнерго. Наш эшелон был в пути целый месяц. Особенно тяжело было материам с маленькими детьми. В Новосибирске мы работали на станциях и других энергетических объектах.

Однако через полгода, когда положение под Москвой улучшилось, ряд проектировщиков начал принимать меры к получению пропуска для возвращения в Москву.

А в Москве в октябре–ноябре 1941 года осталось только десять работников ПКБ, находившихся на казарменном положении и дежуривших в здании Мосэнерго во время налетов.

Большинство мужчин-проектировщиков ушло в народное ополчение. Почти никто из них не вернулся с войны.

Осажденная Тула

А.А. Крамаровский. 9-й район ВВС

С 12 октября 1941 года ПС 64 осталась единственным источником электроснабжения промышленности, быта городов и поселков Тульской области.

Фашистские войска ворвались в Тульскую область и приближались к промышленным центрам районов. Положение в Туле резко ухудшилось. В ночь под 17 октября привезли на ПС 64 взрывчатку – аммонал и гексоген. Заложили ящики гексогена под все трансформаторы групп, под щит управления (в котором продолжали дежурство по району и подстанции) и в здание трансформаторной башни аммонал (0,5 тонны) и гексогена 10 ящиков. Все точки взрыва были связаны между собой бикфордовыми шнурями с капсюлями и проложены по кабельным каналам от входа в РУ 30 кВ и выхода в РУ 110 кВ.

К трем часам ночи подстанция была полностью подготовлена к взрыву, который я должен был осуществить в случае вынужденного отступления из Тулы. После заложения бикфордовых шнуров (два конца в обе стороны точек взрыва) мне предстояло добежать до фабрики-кухни в п. Кирова, после окончания грохота взрыва вернуться к подстанции и, убедившись, что все уничтожено, направиться на ПС «Медвенка», где находились две автомашины, на которых нам предстояло добраться до Горького в распоряжение наркомата электростанций. Но, как выяснилось утром 17 октября, шоферы этих машин удрали – скрылись, дезертировали.

В восьмом часу утра (17/X) стал звонить на областные подстанции и электростанции Мосэнерго с целью проверки их положения в отношении близости к ним фронта.

И вот, в 8 ч 25 мин мне отвечает с Алексинской ТЭЦ незнакомый голос. Прошу передать трубку дежурному инженеру станции. А в ответ слышу: «Говорит Смирнов Булат – командир батальона. Никаких дежурных здесь нет, персонал оставил станцию, делайте, что хотите». Я тут же отключил МВ 110 кВ ЛЭП Тула – Алексин, а с дежурным диспетчером системы Мосэнерго в это время связи не было.

Положение продолжало ухудшаться, и поэтому руководство 9-го района ВВС Мосэнерго организовало эвакуацию некоторых работников района и их семей. В том числе были эвакуированы два дежурных по району и ПС 64 (из четырех работавших). 10 октября – Л.Н. Моисеева и 17 октября – Н.И. Цупрунов. 25 октября при воздушном налете от взрывов бомб были оборваны провода на линиях 35 кВ Тула – Щёкино – Косая Гора и при артиллерийском обстреле на территории ПС 64 были повреждены линии 35 кВ, отходящие на оружейный завод и ПС 65 «Кремлевскую», снабжавшую электроэнергией по 6 кВ весь город Тулу.

Немедленно были допущены бригады к ремонту линий 35 кВ на оружейный завод и ПС 65, несмотря на продолжавшуюся воздушную тревогу и артиллерийский обстрел. На линию 35 кВ в сторону Косой Горы также была направлена бригада для ремонта линии, а с подстанциями «Щёкино» (88-я) и «Огарёвка» (89-я) связи не было, и насколько близок к ним враг, было неизвестно.

27 октября был освобожден от дежурства и эвакуирован третий дежурный по Тульским электросетям и ПС 64 – В.А. Мисюкевич, и остался один дежурный по Тульским электросетям и подстанциям – Г.И. Кузнецов.

28 октября положение продолжало ухудшаться. Связи с подстанциями 35 кВ «Щёкино», «Огарёвка» и «Косая Гора» все еще не было. В этот день я получил винтовку и пистолет, и за мной было закреплено задание – взорвать ПС 64 в случае ухода наших войск из Тулы.

29 октября положение еще более ухудшилось. Тревожные слухи с южной стороны нашего района электросетей и города все больше нас волновали. Посылать людей в «Щёкино» было опасно, да и не на чем – машины были мобилизованы.

Положение стало критическим, и, чтобы легче, в меньшем количестве и быстрее можно было уходить из Тулы, руководство 9-го района ВВС Мосэнерго решило отправить на ПС «Медвенка», где стояли две автомашины, всех, кто непосредственно не нужен был для взрыва ПС 64. Отправили на «Медвенку» последнего дежурного по Тульским электросетям и ПС 64 – Г.И. Кузнецова. И с вечера (17 часов) 29 октября остался я один на ПС 64. Начальником, дежурным по Тульским электросетям и ПС 64. В 20 ч 30 мин, узнав от начальника Московугля (теперь Тулауголь) товарища Дудуева, что фашистские войска заняли Щёкино, я тут же отключил МВ линии 35 кВ Тула – Щёкино – Косая Гора. Как потом выяснилось, фашисты жестоко избили дежурного монтера И.В. Воронина, заподозрив его в сообщении в Тулу о занятии ими Щёкино.

К ночи 30 октября положение в Туле стало особенно тревожным. Фашистские танки (несколько) прорвались на южную окраину города – в район парка и Рогожинского поселка.

В 00 ч 40 мин 30 октября я получил команду от шефа НКВД товарища Бобыря – проверить готовность к взрыву ПС 64, убедиться в исправности проложенных бикфордовых шнурков и наличии сухих спичек. Взорвать подстанцию немедленно по получении специального пакета, который может быть доставлен через час или даже раньше, в зависимости от обстановки.

Поэтому я в 00 ч 45 мин 30 октября сообщил в Москву – по высокочастотной связи через Каширь – дежурному диспетчеру Мосэнерго товарищу Денисову: «Положение ухудшилось, переведите Тульский район электросетей на хвостовое питание. Возможно, через несколько минут или часов оставлю дежурство. Перед последней работой (взрывом подстанции) выключу линейные МВ 110 кВ, после чего сделаем последние операции и, убедившись в правильности их, уйдем».

А когда через несколько минут после разговора с диспетчером вновь услышал по телефону повторную команду товарища Бобыря – «все проверить и не отсырели ли спички», – у меня вдруг будто что-то оборвалось внутри. И даже сейчас, почти через 38 лет, вспоминая об этом, буквально мурashki озноба пробегают по спине. Но и после этой команды все же не верилось, что наступили последние минуты и придется уничтожить оборудование, которое так часто своими руками простирали, которое бережно обслуживалось не только персоналом ПС 64, но и многими работниками 9-го района BBC Мосэнерго.

В ежеминутных тревогах прошла эта жуткая ночь, но и день не принес успокоения.

К утру стало известно, что фашистские войска обходят Тулу и приближаются к Болоховке.

В 12 ч 36 мин (30/X) мне позвонил дежурный электромонтер Болоховской ПС (77-я) Ф.Н. Проничев и сообщил о прибытии шефов из НКВД на подстанцию – товарища Борзенко с пакетом, в связи с особо угрожаемым положением. Я немедленно отключил МВ линии 35 кВ Тула – Болоховка. Через 25 минут Болоховская ПС была взорвана, чтобы не досталась врагу. Дежурный монтер подстанции Ф.Н. Проничев примерно через три часа после взрыва дозвонился ко мне и, плача, просил сказать, куда ему деваться.

Я предложил ему идти в Сталиногорск на ПС № 107 BBC Мосэнерго, что он и выполнил, как потом стало известно.

В таком тревожном положении проходили часы и дни 30, 31 октября, 1 и 2 ноября моего одиночества на ПС 64. Почти каждый день во время артиллерийского обстрела или бомбёжек с самолетов бывали повреждены ЛЭП 110 и 35 кВ. К ликвидации повреждений на них приступали немедленно, но бывали задержки, вследствие невозможности проехать или пройти по простреливаемому или занятому врагом участку трассы ЛЭП.

Приближались праздничные дни 24-й годовщины Октября, а настроение у нас было очень подавленное. И вдруг утром 7 ноября я узнал от нашего шефа НКВД, что в Москве на Красной площади проходит парад воинских частей. Это была для нас потрясающая, но очень и очень радостная и приятная новость. Это нас очень ободрило. Я как-то ощущал себя почти в мирной обстановке в течение нескольких минут.

Эта весть нас как-то успокоила и внушила нам больше уверенности в наши силы. Мы рассудили так – раз в Москве на Красной площади парад войск, значит силы наши велики, и Тулу нам оставлять врагу не придется.

Если бы был прибор, измеряющий настроение человека, подобно регистрирующему вольтметру, записывающему на ленте напряжение на шинах электростанции или подстанции, то видно было бы, какой резкий толчок подъема настроения произошел у нас, оставленных в осажденной Туле для выполнения спецзадания, когда мы узнали о воинском параде в Москве. Если до этого меня не покидало затаенное чувство, что не придется взрывать подстанцию, что близок перелом

в войне, наступление на фашистов, то, узнав о параде в Москве, я окончательно уверовал в нашу победу и что из Тулы нам не придется уходить.

Но вторая половина дня 7 ноября была омрачена артиллерийским обстрелом, во время которого опять была повреждена в 16 ч линия Тула – Кашира, оборвался грозозащитный трос в пролете опор № 423–427. К 17 ч 30 мин линия была отремонтирована и включена в работу. Ежедневно отключались линии от повреждений осколками снарядов или бомб.

20 ноября автоматически отключилась линия 110 кВ Тула – ГРЭС-10 (Сталиногорск) из-за повреждения на участке трассы, занятой врагом, как сообщила бригада, вернувшаяся с линии, направленная на ремонт. После этого линию уже больше не пытались включать во время осады Тулы. 22 ноября отключили линию 110 кВ ПС 64 – Новотульский metallurgический завод (НТМЗ) – фашистские войска заняли п. Криволучье – территорию НТМЗ.

И с этого дня Тула осталась на питании по одной лишь линии Тула – Кашира.

Самое тяжкое для нас и всего города событие произошло 27 ноября в 12 ч 17 мин – прекратилась подача электроэнергии по линии Тула – Кашира. Линия оказалась поврежденной, а посланные в обход по линии электромонтеры вынуждены были вернуться, так как впереди на участке трассы линии оказались фашистские солдаты.

Впервые за все осадные дни города остались без электроэнергии заводы – оружейный, Патронный имени Кирова, водокачки и, главное, хлебозаводы – весь город и населенные пункты вблизи Тулы. Прекратилась выпечка хлеба, жители города потянулись с ведрами и бочками за водой к реке Упе.

Очевидно, в этот день было принято решение городского Комитета обороны, обязывающее дирекцию патронного завода восстановить турбину в 1000 кВт для обеспечения электроэнергией хотя бы хлебозаводов, водонасосных станций и телефонной станции. И лишь 30 ноября в 9 ч 20 мин мы получили напряжение с завода 176 до 15 ч 58 мин. Этим напряжением мы могли обеспечить очень ограниченно лишь часть потребителей, ибо слишком мала, недостаточна была мощность генератора завода – всего 1000 кВт, в то время как по линии Кашира – Тула с ПС 64 электроэнергией город и заводы Тулы снабжала трансформаторная группа в 30 000 кВа. И еще одно очень важное осложнение – подавать полученное с завода 176 напряжение абонентам пришлось по очень сложной схеме.

И о, радость! Напряжение 110 кВ по линии Кашира – Тула мы получили 30 ноября в 15 ч 52 мин, а уже в 16 ч 02 мин на ПС 65 подали напряжение по нормальной схеме, к 16 ч 15 мин все абоненты города, хлебозаводы, оборонные заводы, водонасосные станции и даже районы Тульской области Синетулица и Сухотино получили электроэнергию в неограниченном количестве. Город как бы вновь ожил. Появилась вода в домах, заработали хлебозаводы. Население и воинские части начали нормально получать хлеб. Оживилась работа в некоторых цехах оружейного, патронного и других заводов. В ночь под 30 ноября я получил сообщение от дежурного инженера Каширской электростанции о том, что наши войска оставляют позиции впереди электростанции и переходят за Оку. Каширская электростанция осталась беззащитной. Персонал собирается оставить станцию. То есть Тула может остаться через некоторое время без электроэнергии.

Я немедленно сообщил об этом в штаб обороны города и соединил по высокочастотной связи (осуществляемой по фазе «Ж» ЛЭП 110 кВ Тула – Кашира) с Москвой председателя обороны горо-

да – секретаря обкома партии В.Г. Жаворонкова. После этого я через каждые 15–20 минут звонил дежурному инженеру в Каширу и примерно через 2–2,5 часа узнал, что наши войска опять заняли прежние позиции впереди электростанции. На душе отлегло у каширцев и еще больше у нас. Следовательно, наш председатель городского штаба обороны Жаворонков договорился о защите Каширской электростанции, которая будет продолжать снабжать Тулу электроэнергией. 3 декабря в 8 ч 35 мин опять пропало напряжение на ПС 64. Повреждение оказалось на среднем проводе – фазе «З» линии Тула – Кашира. Ремонт линии невозможно было организовать, так как повреждения оказались на участке трассы, перехваченной фашистской частью.

Оказавшись в таком положении, попросил дежурного инженера Каширской электростанции подать по двум фазам «Ж» и «К» напряжение по линии Кашира – Тула. В 9 ч 00 мин приняли напряжение на ПС 64.

Глубокая интуитивная вера в душе в нашу мощь, в усиливающийся отпор врагу, помогли нам стойко держаться, не проявляя паники, нытья, или каких-либо других порочащих советского человека явлений. В коротких, сжатых записях воспоминаний не расскажешь обо всех волнующих, тягостных событиях 1941 года, но и то, что сказано, мне кажется, хоть немного, но передает тревоги и волнения работавших тогда товарищей и положение, в котором находилась Тула.

Каждый из нас в то грозное время на своем рабочем месте выстоял и выдержал экзамен на звание советского человека – патриота своей Родины.

А.А. Васильев. 9-й район ВВС

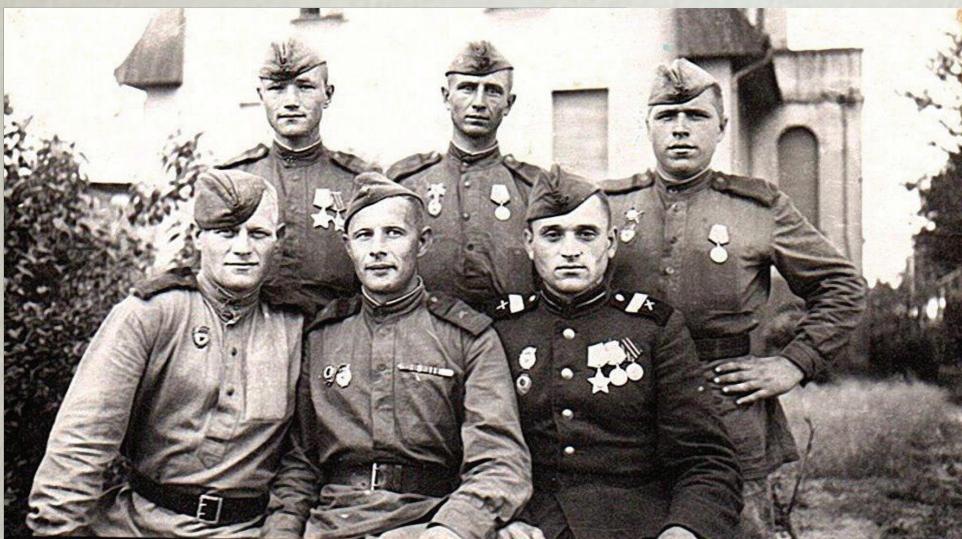
…Способствовали стабилизации настроения жителей и частей армии, защищавшей город, меры, принятые городским Комитетом обороны. В первых числах ноября 1941 года на главной улице города – улице Коммунаров (ныне улица Ленина) – по указанию Комитета открылись две или три парикмахерские. В них мастера, побрав сидевшего в кресле, с зажатым коленями автоматом, бойца, полчаса назад отпросившегося у командира и прибежавшего из окопов от Толстовской заставы, спрашивали: «Вас с одеколоном? Каким?» 6 ноября на Коммунарах открылся и работал всю осаду кинотеатр имени Бабякина. В нем ежедневно давалось два сеанса – днем. Посещали его оставшиеся жители Тулы и получившие кратковременное увольнение с фронта на отдых солдаты и офицеры Красной армии. После 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 10 или 11 ноября 1941 года, на улицах Коммунаров и Советской открылся ряд магазинов. Универмаг, галантерейный, культтоваров, посудный и даже детских игрушек (что рядом с кинотеатром «Форум»), торговавшие только днем и продававшие довольно большой ассортимент товаров. Автора этих строк, попавшего днем 16 или 17 ноября на улицу Коммунаров, поразила очередь жителей, вытянувшаяся вдоль стенки и скрывавшаяся за дверями магазина детских игрушек. Некоторые вновь подходившие к очереди с серьезным видом спрашивали: «По скольку игрушек дают?» Упала на середину улицы вражеская мина и ранила переходившего заржавевшие трамвайные рельсы (трамвай не ходил) человека. Сбежалось к нему несколько человек из стоявших в очереди и проходивших мимо, помочь пострадавшему и полюбопытствовать. Упала и взорвалась вторая, убила одного и ранила еще двух или трех человек, тогда остальные разбежались.

Н.С. Ремизов

Г.Г. Лабунец,

А.Я. Вилков (верхний ряд, первый слева)

240 Г.П. Сергеев

А.Д. Степанов. Алт-Тессин,
Германия. Май 1945 г.

Из фронтового альбома А.Д. Степанова. Апрель 1945 г.

А.А. Вайцен

В.С. Садкова

Б.С. Малютин

И.Г. Григорьев

Е.М. Бурдаков

А.Я. Вилков

Улицы города, в том числе и улица Коммунаров, перекопаны рвами, перегорожены надолбами и металлическими противотанковыми ежами с оставленными узкими проходами для пешеходов, закрываемыми на темное время суток. Все улицы города не только подвергаются артиллерийскому обстрелу, но достижимы даже для мин разных минометов врага. Свободное, без пропусков, передвижение по городу разрешалось только с 3 часов утра и до 17 вечера. Остальное время суток – только со специальными пропусками, выданными военным командованием. Все ИТР, часть квалифицированных рабочих и все автомашины Тульского района электросетей Мосэнерго получили такие пропуска. И вот, невзирая на ограничения для жителей, опасность хождения по городу, с 8 и до 17 часов улицы, в особенности центральные, были насыщены большим количеством пешеходов – жителей города, спешивших проведать знакомых и близких, шедших в кино или магазины, а также бойцами и офицерами армии, защищавшей город.

… У Тульского района Мосэнерго, кроме в/ч связи по проводам линии 110 кВ, была проводная связь с Каширой, идущая вдоль линии 110 кВ. Эта связь во время боев под Тулой также уцелела. От этой линии связи отпайками висели телефоны Медвенской, Синетулицкой, Сухотинской и Лаптевской подстанций 35 кВ, Крюковского и Астрецовского монтерских линейных пунктов Тульского района и дальние телефоны монтерских пунктов Подольского района Мосэнерго около Каширы. Вызов нужной подстанции или пункта осуществлялся разным числом звонков, как в густонаселенной коммунальной квартире. Так, в саму Тулу – один звонок, Медвенку – два звонка, Синетулицу – три, Сухотино – четыре, Крюково (монтерский пункт) – пять, Лаптево – шесть звонков и так далее. В эти напряженные дни, по вполне понятным причинам, при звонке на одну из подстанций поднимались телефонные трубки и слушались разговоры на многих точках. Оставшийся персонал Тульского района из этих «подслушанных» переговоров получал информацию о событиях в других точках около Тулы и в самом городе.

1 декабря 1941 года к вечеру позвонил Пономареву дежурный монтер Сухотинской подстанции Лебедев. Пономарев уехал в Комитет обороны города, поэтому ответил начальник линейного участка Долгов. Автор, находясь на линейном участке, «подслушивал» разговор по второй трубке. Лебедев сообщил Долгову, что через деревню Федяшево в полутора километрах южнее Сухотинской подстанции, с востока на станцию Ревякино прошли 12 больших танков и одна танкетка. Чьи они – наши или немецкие – Лебедев не мог рассмотреть.

Но потом в районе станции Ревякино (5 километров от Сухотина) поднялась сильная орудийная стрельба. Долгов предложил Лебедеву связаться с расположенным в лесу около Сухотина батальоном и просить послать разведку или, в крайнем случае, пойти в Крюково (2,5 километра) на разведку самому Лебедеву. Командир части пополнения не принял мер по сигналу Лебедева, разведку не послал и дорого заплатил за это, так как немцы, ранее разведав расположение батальона пополнения, ударили по нему танками, пехотой и разгромили его.

Долгов после разговора с Лебедевым немедленно позвонил на Крюковский монтерский пункт. Монтерский пункт в Крюково был размещен в центре села недалеко от сельского пруда. На пункте в это время работали монтеры, отец и сын Веденеевы. Отцу было 44 года, сын уже отслужил до войны в армии. На звонок Долгова ответил Веденеев-отец. На ряд вопросов Долгова – не видел ли Веденеев приближающихся к Крюкову немцев – получил чрезвычайно сбивчивые ответы. Наконец Долгов прямо

спросил: «Веденеев, есть у тебя немцы?» Веденеев ответил: «Да», потом с криком боли повторил: «Да нет, какие здесь немцы, нет никого». Этим Веденеев дал понять, что в Крюкове немцы. После отгона от Каширы немецкие части уже делали попытку замкнуть с севера кольцо вокруг Тулы, повернув частью войск на запад, на Лаптево. Это не удалось. Тогда немцы из Венева по шоссе на Тулу через Торхово двинулись на запад, захватили Синетулицу, Крюково и, наконец, станцию Ревякино с востока. Шоссе Тула – Серпухов уже было перерезано немцами с запада в районе Севрюково. Между теми и другими частями немецких войск, с севера от Тулы, осталось пространство 2,5 километра, без дорог, простреливаемое с обеих сторон даже огнем из винтовок.

Крюково было захвачено немецкими частями, а в доме монтерского пункта разместился штаб фашистской дивизии. Веденеев-отец вел разговор по телефону с Долговым в присутствии фашистского генерала и офицеров штаба, расположившегося в этой комнате монтерского пункта. Конечно, Веденеев-отец больше не звонил, так как немедленно был брошен фашистами в сарай. В этом сарае он встретился со своим сыном и с Лебедевым, пришедшим из Сухотина. Все трое уцелели, хотя и пробыли в сарае пять дней. Спасло их от расправы то, что они все были в штатском, у всех были удостоверения, что они монтеры Мосэнерго. Местные жители с. Крюкова подтвердили, что они давно тут живут и работают, и, главное, – быстрота бегства гитлеровцев от наших войск из Крюкова обратно, в сторону Венева.

На Лаптевской подстанции из двух монтеров старшим работал Лепин. Толковый монтер и находчивый человек. Он, конечно, «подслушивал» разговоры Долгова с Лебедевым и Веденеевым. Как только Долгов кончил говорить с Веденеевым, он не выдержал и ввязался в разговор: «А ведь в Крюкове, конечно, немцы есть». «Похоже на это», – ответил Долгов. В это время в разговор Долгова с Лебедевым ввязался третий голос с заметным акцентом: «Алло, Льепин, откуда вы говорите?» Лепин мгновенно нашелся и ответил: «Из Забалдуева». «А где это Забальдуево?» – переспросил голос. «На 50 километров южнее вас», – ответил Лепин. Хотя Лаптево, откуда говорил Лепин, было расположено всего на 12 километров севернее Крюкова. Как рассказал освобожденным после отгона немцев Веденеев-отец, немецкий офицер, владевший русским, ввязался в разговор Долгова с Лепиным, чтобы узнать, куда по этой связи еще можно звонить, так как Веденеевы сказали немцам, что по этому телефону они могут звонить только в Тулу и на Сухотинскую подстанцию. Можно еще привести много примеров и других фактов значения и услуг делу обороны Тулы, которые оказала диспетчерская оперативная электросвязь Мосэнерго.

А.В. Холин. 9-й район ВВС

В ноябре 41-го года велись работы по демонтажу оборудования подстанции и отправке его на восток страны.

Не считаясь со временем и опасностями, под свист летящих вражеских снарядов и мин, производились работы по демонтажу оборудования. Во многих местах была заложена взрывчатка, и это не особо тревожило персонал, он выполнял порученную работу, несмотря на большую опасность.

В помещении маслозавода работала группа по упаковке мелкого оборудования и приборов. Затем люди сделали перерыв для перекура и вышли из помещения. В это время около двери комнаты, где работал персонал, разорвалась вражеская мина. Побило стекла, сорвало дверь, взрывной

волной часть инструмента из помещения была выброшена наружу. А люди пришли, посмотрели, собрали инструмент и снова начали работать.

Работали монтеры и техники на открытой части 35 и 110 кВ. Со свистом пролетают через территорию вражеские снаряды и мины, а люди не прекращают работы. Вблизи распределительства разрывается снаряд. Взрывной волной техника Гончарука сбило с разъединителя 35 кВ, а осколок снаряда пробил консерватор трансформатора напряжения. Этот осколок случайно не попал в монтера Сорокина, который работал на трансформаторе. Только после этого люди ушли с открытых частей подстанции (никто не побежал, а все ушли). Но вот, прекратился свист снарядов, и люди спокойно снова принялись за работу по демонтажу оборудования.

Во время воздушных тревог, независимо от времени суток, персонал энергетиков обязан был являться на свои закрепленные объекты. Почти ежедневные воздушные налеты изматывали работающих, но каждый своевременно являлся на работу и выполнял полученное задание, как будто мирно спал всю ночь. Усилиями воли люди преодолевали крайнее переутомление.

В.И. Константинов. Тульские электросети

В 1941–42 годах приходилось в тяжелых условиях восстанавливать разбитые сети, а их было не так уж мало. Работы приходилось в основном производить вручную, из транспорта была одна лошадь. Материалов не хватало, можно привести хотя бы такой пример: не было бумажных роликов для монтажа муфт. Разделяли куски кабеля, снимали бумажную изоляцию, из которой делали ролики для изоляции жил кабеля. Не было припоя, приходилось также применять разные суррогаты.

Захват немцами Сталиногорска

*Гаснет электричество в окне,
Затихает музыка и пенье.
Вспоминает город в тишине
Дату своего освобожденья.*

*В наших отвоеванных домах
Матери благословляют снова
Снег и кровь на блещущих клинках
Всадников из корпуса Белова.*

*Я в стихе, как в сердце, берегу
Силуэты конников в снегу,
На морозном поле площадей
Легкие копыта лошадей,
На широких улицах больших
Речь освободителей твоих.*

*Девушки Сталиногорска в книжки
Вписывают ваши имена,
И влюбленно держатся мальчишки
За своих героев стремена.*

*Мчатся кони в солнечном просторе –
Конники проносят по фронтам
Смерть и горе гитлеровской своре,
Жизнь и славу нашим городам.*

Ярослав Смеляков

В.Г. Жаворонков, первый секретарь Тульского обкома ВКП(б), председатель городского Комитета обороны

Праздничные дни прошли без особых тревог. Гитлеровцы отказались от лобовых ударов по Туле. Наступило относительное затишье. Следовало ждать бурю. Так и случилось. После трехнедельных боев, не добившись успехов, противник с 18 ноября начал активное наступление на левом фланге 50-й армии по линии Болоховка – Дедилово – Узловая – Сталиногорск – Венев – Кашира и, хотя медленно, но продвигался вперед.

В ночь на 20 ноября 1941 года секретарь Сталиногорского горкома партии И.С. Голубенков и секретарь обкома партии по оборонной промышленности Б.М. Агафонов сообщили, что войска, обороняющие Сталиногорск, получили приказ командующего 50-й армией А.Н. Ермакова оставить город. Связисты помогли мне разыскать штаб армии. У телефона оказался начальник штаба Н.Е. Аргунов. Спрашивала его:

– Мне стало известно, что войскам приказано оставить Сталиногорск, правильно ли это?

– Да, такой приказ есть, ибо там сложилась тяжелая обстановка, – ответил Аргунов.

– Как это вы делаете?! – возмутился я. – Ведь обком партии – не посторонняя организация. Вы не сказали нам ни слова, даже в известность не поставили о своих намерениях. Это возмутительное поведение командования, иначе мы это расценить не можем. И это граничит с изменой или предательством!

– Вы очень резко, товарищ Жаворонков, характеризуете это дело.

– А как же, вы думаете, можно характеризовать ваше поведение об оставлении Сталиногорска нашими войсками? Вы хотите промышленный центр, который две пятилетки строила вся страна, без боя сдать врагу. Иной характеристики не ждите, ее не будет!

– Я буду докладывать командующему, как только он появится. Мы будем советоваться с ним. Я вам позвоню...

Часа через полтора-два он позвонил и сообщил, что командующий приказал об оставлении Сталиногорска отменил.

– Приказ отменил, а войска, наверное, уже на колесах, – заметил я. Так и случилось.

А ведь Сталиногорск было кому защищать...

21 ноября. Началось наступление на Сталиногорск с Маклецом. В 4 часа утра Иванов [командир 108-й танковой дивизии] дал приказ взорвать Маклец, и в 6–7 часов разделались с Маклецом. Этим же приказом было приказано взорвать сталиногорские предприятия.

Руководство – Агафонов, Голутвинов, Козлов, Михайлов – сопротивлялись. Иванов говорил, что нет войск и надо [Маклец] оставить. Из ПВО было всего четыре орудия.

Взорвали чисто. Отходил последним полк НКВД. Он же взорвал плотину. Сдали Сталиногорск без единого выстрела и ушли. Героизма было много для взрыва. Просили помочь, но нам не помогли.

Маклец частично защищали полк НКВД, полк ПВО, 16 танков. Наступало 20 танков противника и 1500 человек пехоты.

Помню, тогда же, перед сдачей врагу Сталиногорска, начальник Сталиногорской электростанции, член обкома партии Малютин позвонил:

– Подготовка к взрыву станции и котлов закончена. Заложили взрывчатки столько, что все разнесет в клочья.

Меня это покоробило.

– Харьков котлов не делает, Ленинград тоже не делает. Неужели вы думаете, что фашистская сволочь задержится здесь, под Москвой, надолго? … Мы их скоро погоним. Если взорвете котлы, то кто их восстановит. Вон, какие машины, каждый выше трехэтажного дома. Ты же их устанавливали… Убавьте заряды.

– Чекисты возражают.

– Скажите, что я разрешаю взорвать только колосники.

Через 14 дней немцев вышибли из Сталиногорска. Вскоре я приехал на станцию вместе с Малютиным.

– А котлы целые! – удивился мой спутник.

– Уцелели. Тебя послушались и поверили в нашу партийность, – шутя заметил я. – Теперь проси их снова служить Отечеству.

– Готов встать перед ними на колени, – согласился Малютин, глядя мне в лицо искрящимися глазами.

В.Т. Калита. Сталиногорская ГРЭС

Когда фронтовая обстановка в районе осложнилась, руководство станции поручило мне подготовку электрической схемы для взрыва остающегося оборудования. Проверили состояние полученных детонаторов и наметили для надежности в каждой из 18 точек подключить по два провода параллельно. 21 ноября был остановлен в резерв последний турбогенератор № 2. В 21 час 21 ноября был дан последний прощальный гудок для сбора и отправки на восток персонала. Мы с главным инженером И.К. Гришиным пошли по цехам станции подсоединять детонаторы к электрической схеме взрыва. Мы последними ушли с электростанции, замкнув проходную, и пошли к подстанции угольного склада, откуда по резервному кабелю нужно было дать ток для взрыва. В ночь на 22 ноября, когда во всем районе производились взрывы заводов и шахт, по распоряжению руководства был дан ток, и электростанция была взорвана.

В.И. Гришин

Морально тяжелая роль выпала отцу [И.К. Гришину] вскоре после начала войны. Он должен был собственными руками взорвать свое первое детище – Сталиногорскую ГРЭС, так как немцы подходили к городу. Ночью с крыши главного корпуса была видна алая полоса фронта. Отец всю жизнь вспоминал эти трагические дни. В один из них, может быть, в порыве сильных переживаний, к нему пришло твердое убеждение, что город вскоре будет вновь освобожден. Он бросился искать по телефону кого-нибудь из штаба обороны Москвы. Удалось выйти на почти последнего его представителя Алексея Николаевича Косыгина. Тот внимательно выслушал предложение не взрывать электростанцию, а только спустить значительное количество воды из водохранилища, чтобы не дать возможность вырабатывать электроэнергию в течение длительного времени. Затем подумал и приказал: «Сделайте так, чтобы камешки полетели. Надо взорвать». Команда была выполнена, когда немцы уже обстреливали напрямую автомашину, на которой находились отец с начальником электроцеха В.Т. Калитой и подрывник. Шофер, как убитый, упал на мешок с провизией, и им после выполнения тяжелой миссии пришлось отстреливаться и спасаться бегством. Интересно, что впоследствии водитель снова возил отца и признался, что не хотел уезжать от семьи.

Е. Комова

В ту пору я проживала на Механической улице. К моменту вторжения в город немецких оккупантов химкомбинат, ГРЭС, мясокомбинат, хлебокомбинат были взорваны. Это происходило буквально на наших глазах. Немецкие танки (целая колонна) появились у нас в 20-х числах ноября 1941 года. Был солнечный морозный день. Мы вышли из бараков посмотреть на немцев. Танки уверенно двигались по плотине от фенольного завода. На них, к нашему удивлению, сидели... красноармейцы, все они ежились от холода и, конечно, были голодными. Женщины, стоявшие вдоль дороги, стали передавать им хлеб и воду. Но немцы автоматами оттесняли народ от пленных. Неожиданно мужчина (фамилию его не помню), проживавший в нашем поселке, вышел с хлебом-солью встречать немцев и на ломаном немецком языке приветствовал их как освободителей. Никто из жителей к нему не присоединился. У всех у нас была печаль, слезы горечи за наших пленных солдат, за себя. Эта «встреча» длилась около часа. Потом фашисты поехали в центр – на улицу Советскую. Каждый понимал, что это начало оккупации, а какой она будет, не знал никто. Свой штаб захватчики разместили в гаражах ГРЭС. По городу чаще разъезжали на санях.

Первое время мы не бедствовали: до ухода наших получили продукты по карточкам, выручало и зерно с маклецкого элеватора. Вместе с мамой мы несколько раз ездили за ним еще до вторжения фашистов, а после бомбежек на саночках привозили уже горячее зерно. Каждый вез сколько мог. Немцы заставляли наших мужчин отделять горячее зерно от хорошего, которое забирали себе.

ЗАЩИТА КАШИРЫ

А.А. Васильев. 9-й район ВВС

26 ноября 1941 года перед вечером по высокочастотному каналу связи начальнику района Пономареву позвонил директор Каширской ГРЭС А.И. Тараканов и сообщил: «Фашистские танки ворвались на станцию Ожерелье (в трех километрах от ГРЭС), по распоряжению диспетчера Мосэнерго ГРЭС отключила все линии электропередачи 110 кВ на Москву. Весь персонал выведен на левый берег Оки (ГРЭС и Кашира – на правом, тульском берегу). Оставлен только минимум персонала. На двух котлах и одном турбогенераторе везем только Тулу. При ухудшении положения, после получения команды от штаба войск, защищающих Каширу, ГРЭС обесточит Тулу, персонал ГРЭС произведет последние спецмероприятия по выводу ГРЭС из строя и уйдет на левый берег Оки». На просьбу Пономарева не отключать Тулу и не осуществлять спецмероприятия Тараканов ответил: «Пока не получу приказа. По получении приказа командования буду обязан его выполнить». Пономарев немедленно уехал в клуб ТОЗ и Комитет обороны. После доклада Пономарева об этом разговоре с Таракановым председателю Комитета В.Г. Жаворонкову, последний по в/ч каналу связи Мосэнерго немедленно позвонил в Москву в Государственный комитет обороны. В Москве к телефону подошел член Государственного комитета А.И. Микоян. После доклада Жаворонкова Микоян спросил: «А у вас в Туле ничего нет для обеспечения энергоснабжения от местных источников?» Микоян, по-видимому, имел в виду электростанции оружейного и патронного заводов.

Быстрый опрос Жаворонковым Суходольского, начальника НКВД по Тульской области, находившегося здесь же, в штабе города, и его товарищем подтвердил, что на эти станции рассчитывать нельзя... Микоян сказал Жаворонкову: «Я тут посоветуюсь в Комитете обороны и позвоню вам через десять минут». Микоян позвонил в Тулу через восемь минут и сообщил Жаворонкову: «Посоветовались здесь в ГКО и приняли решение, чтобы помочь Туле. Войскам дан приказ занять новые рубежи обороны. Держитесь, товарищи туляки. Желаю вам успеха».

Жаворонков в этот вечер с просьбой о помощи Туле еще обращался к секретарю ЦК и МК ВКП(б) А.С. Щербакову.

Пономарев вернулся из штаба города в п. Кирова и сообщил нам об этом разговоре. А часа через три опять позвонил Тараканов и плачущим от радости голосом сказал Пономареву: «Костя (Пономарева звали Константин Семенович)! Что делается! По мостам через Оку (два железнодорожных моста в Кашире) с того берега пошли наши танки, а пехота их обгоняет».

В ночь на 27 ноября перешли 12 или 13 комплектов «катюш», начал переходить 1-й гвардейский конный корпус генерал-майора П.А. Белова. Эти силы нанесли первый удар по фашистам и отогнали их к деревне Пятница в 10 километрах от Каширы.

П.Д. Игнатьев. Каширская ГРЭС

С каждым днем положение района и электростанции становилось тревожным, создавалась реальная угроза появления немецкой армии. Сталиногорск был захвачен врагом, Сталиногорская ГРЭС взорвана, небольшую часть оборудования успели демонтировать. Немцы двигались к Кашире. У энергетиков, как и у всех горожан, на устах был один-единственный вопрос: «Что же будет с "Каширой", с нами?» Но люди не допускали даже в мыслях, что сдадутся врагу, прекратят борьбу. Говорили, поддерживая друг друга, что до Урала еще далеко, будем сражаться.

В двадцатых числах ноября фашистские самолеты бомбят железнодорожный мост через реку Оку. Зенитчики отстояли его, он остался целым и невредимым. Было странно, что в напряженные для Каширы дни фашистские самолеты даже не «навестили» электростанцию, вероятно, считая, что ее давно уже разбомбили – на карте сбитого немецкого летчика ГРЭС была отмечена крестом. А в это время на второй очереди был остановлен последний турбогенератор и погашен последний котел. Установилась необычная, а для энергетиков – и неприятная тишина. На электростанцию прибыла команда взрывников – заложили взрывчатку в барабаны погашенных котлов первой очереди, в машинных залах. Был произведен полный расчет с выплатой компенсации за неиспользованный отпуск со всем персоналом электростанции, выданы на руки паспорта и трудовые книжки. В Ожерелье и Павелец отправлены последний эшелон с оборудованием и группа эвакуирующихся семей работников ГРЭС. Директор А.И. Тараканов велел готовиться к возможному отходу (отступлению) с электростанции. Маршрут отхода намечался такой: на левый берег Оки, через деревню Кременье и далее через населенные пункты к городу Коломне. Другого способа и маршрута уже не оставалось – немцы двигались не только к Кашире, но и наперерез Павелецкой железной дороге.

24 ноября 1941 года немцы начали бомбить Каширу, город горел. На следующий день в семи километрах от города враг занял деревню Пятницу. К вечеру фашистские танки и автоматчики продвинулись еще ближе к Кашире, они были в деревне Зендиково. Там им путь преградили бойцы истребительного батальона и курсанты школы младших командиров. А уже под вечер 25 ноября каширяне увидели на левом берегу Оки передвижение конных воинских частей, шедших в направлении Каширы. Среди жителей быстро распространился слух, что на помошь им пришли кавалерийские части генерала Белова. 26 ноября продвижение немцев было остановлено, а еще через несколько дней беловцы перешли в наступление и погнали врага прочь. 4 декабря Каширский район был полностью очищен от немецких захватчиков. Враг бежал, оставляя технику и убитых солдат, легендарные «катюши» дружным залпом известили о победе.

Линия электропередачи Кашира – Тула

А.Д. Леваков. 9-й район ВВС

В начале ноября продолжается окружение Тулы. Перерезали шоссе и железную дорогу на Москву. Нарушилась связь с Москвой и Каширом, но пока хорошо работает в/ч канал по ЛЭП. По требованию штаба обороны Тулы этот канал передается в распоряжение штаба, это был единственный вид связи, который сохранился. Все линии Министерства связи были разрушены.

В штаб обороны был сделан прямой провод с поста, минуя коммутатор. В Кашире также был отключен коммутатор, и канал поставлен напрямую на московский пост. В Москве, также прямо с поста, был подан прямой провод в Ставку Верховного Командования. Для более четкой работы этого канала связи и исключения возможности подслушивания разговоров в Туле – Кашире и Москве на наших узлах связи находились офицеры войск связи.

Все шоссейные и железные дороги были перерезаны, осталось единственное шоссе на Венев, по которому велось сообщение Тулы с внешним миром, но вот и это шоссе перерезано. Завязались бои в районе Сине-Тулицы – Крюково, вблизи ЛЭП Тула – Кашира.

В районе боевых действий ЛЭП была повреждена, оборваны две фазы. Тула лишилась электроэнергии, но канал связи с Москвой продолжал работать. По случайному сохранившейся фазе через головы немецких войск велись разговоры наших штабов. Отсутствие электроэнергии выводило из строя и этот единственный канал связи, дело в том, что в/ч канал работал от аккумуляторной батареи с постоянным подзарядом от умформера, а без подзаряда емкости батареи могло хватить не более, чем на 3–4 часа.

Я предупредил офицера связи, что есть опасность нарушения работы канала связи. Он немедленно связался со штабом обороны города, оттуда последовал приказ «принять все меры, какие только можно, но этот канал связи должен работать хотя бы до утра, так как ведутся очень важные переговоры» (этот разговор произошел поздно вечером).

Тогда было принято решение срочно проложить кабель и питать в/ч установку от аккумуляторной батареи подстанции. В сплошной темноте эта работа была выполнена поздно ночью 27 ноября. Это обеспечило работу канала еще на сутки, что так необходимо для штаба обороны. Так трое суток работал канал.

На другой день офицер связи был отозван, к 30 ноября появились другие виды связи, немецкие войска были изгнаны, кольцо окружения Тулы начало разжиматься. Начался период восстановительных работ.

А.А. Васильев. 9-й район ВВС

... При приближении фронта к Туле связь Мосэнерго, в особенности с Москвой, безоговорочно предоставлялась военному командованию и городскому Комитету обороны. Особо важную роль в дни обороны играл высокочастотный канал через Каширу в Москву.

Проводная связь Министерства связи, путей сообщения и Мосэнерго, идущая в полосе отчуждения железной дороги Тула – Серпухов – Москва, была повреждена бомбардировщиками врага с воздуха еще в сентябре 1941 года. Конечно, бомбардировке подвергалась железная дорога, поезда на ней, но была выведена из строя и связь, идущая вдоль дороги.

Возвращаясь в мае 1942 года из Лаптево в Тулу, я считал из окна вагона на перегонах между станциями: Лаптево – Ревякино – Хомяково (20 километров) воронки от бомб в зоне линий связи и насчитал по одну сторону поезда более 200 больших и малых воронок.

27 ноября, во время боя против гитлеровцев у д. Пятницы, была повреждена линия 110 кВ Кашира – Тула.

Тула на три дня лишилась электроснабжения. В этом время развернулась в Туле работа по восстановлению турбогенератора на ЦЭС патронного завода, который былпущен и дал 30 ноября 1941 года через сеть Мосэнерго энергию Медвенской насосной, хлебозаводам и штабам. А через несколько часов по восстановившейся в/ч связи сообщили об окончании ремонта линии 110 кВ и подали напряжение от Каширской ГРЭС.

... С Москвой, кроме проводной связи Мосэнерго, идущей по столбам Министерства связи в полосе отчуждения железной дороги, имелась еще высокочастотная связь по желтой фазе линии 110 кВ Кашира – Тула. В Кашире для этого канала связи был устроен переприем на Москву, на коммутатор Мосэнерго. С начала войны на коммутаторе Мосэнерго был сделан постоянный вывод на коммутатор Государственного комитета обороны Союза ССР.

После начала боев и захвата немцами Алексина в середине октября 1941 года район продолжал располагать связью в том направлении с монтерским пунктом Белолипицы линии 110 кВ Тула – Алексин, расположенным на высоком берегу реки Оки в 5–6 километрах от Алексина. Находящиеся там монтеры-обходчики все время информировали район о событиях в Алексине.

О захвате Щёкино в районе узнали по своей связи от дежурного монтера Щёкинской подстанции 35 кВ Воронина. После этого звонка «Щёкино» и «Огарёвка» были немедленно отключены и о захвате Щёкино врагами поставлен в известность городской Комитет обороны.

При этих условиях высокочастотная связь, наложенная на желтую фазу линии 110 кВ Кашира – Тула, сыграла исключительную роль, обеспечивая Комитету обороны города и штабу 50-й армии генерала И.В. Болдина, защищавшей город, надежную связь с Государственным комитетом обороны ССР и командованием Западного фронта. Линия 110 кВ Кашира – Тула под городом Тулой проходит в 6–8 километрах от железной дороги, а за Лаптевым удалается от нее на расстояние от 12 до 25 километров. Поэтому линия и связь по ней не страдали при бомбардировках, которым фашисты подвергали железную дорогу Тула – Серпухов, на всем ее протяжении.

После восстановления 30 ноября 1941 года линии 110 кВ и в/ч связи по этой линии мы в Тульском районе знали из Москвы и Каширы, что немцев гонят и бьют. Поэтому, невзирая на остающуюся тяжесть положения в самой Туле, все работники в районе Мосэнерго были полны бодрости, уверенности в успехе наших войск и убежденности в скором снятии осады Тулы.

Ф.П. Антипов. 9-й район ВВС

Вскоре Сталиногорская линия была разбита. Попытка восстановить ее не увенчалась успехом. Территория, где проходила трасса линии, оказалась занятой гитлеровцами. У д. Ивровки электромонтеры-линейщики нарывались на немцев. И только чудом удалось уйти от огня.

Горстка линейщиков, занимавшихся в грозные дни 1941 года восстановлением и ремонтом линий, делала все возможное, чтобы не прекращалось снабжение города электроэнергией.

Аварии ликвидировали в самые кратчайшие сроки, как только позволяла обстановка, а чаще приходилось работать под проливным градом пуль и осколками снарядов. Канонада в эти дни не прекращалась.

В решающие дни боев, развернувшихся под Тулой, в конце ноября, линейщикам приходилось сутками вести борьбу за жизнь линий электропередачи. В это время единственной артерией жизни оставалась 110 кВ линия Кашира – Тула. За ней следили как за младенцем. Люди ни с чем не считались, лишь бы поступала в город электроэнергия.

И вдруг случилось непредвиденное. Обрыв одного провода в районе Каширы. Подача электроэнергии в Тулу прекратилась. Ликвидировать аварию не смогли. Территория оказалась оккупированной...

В половине декабря наступил переломный момент. Под мощным ударом наших войск фашистские орды спешно отходили на запад. Открывался фронт восстановительных работ для электромонтеров-линейщиков. Жаркими были трудовые дни. Предстояло восстановить до десятка разбитых линий электропередач.

...Работали сутками, забывая о сне и отдыхе. За полтора месяца было восстановлено угольное кольцо: Тула – Сталиногорск, Тула – Болоховка – Щёкино – Тула, Болоховка – Огарёвка, Огарёвка – Щёкино.

Большую трудность испытывали в материалах, особенно в транспорте. Было всего две лошади. На них подвозили лес, провод, инструмент и другие материалы. Лошади не выходили из упряжки.

Люди работали с энтузиазмом, с подъемом, не жалея ни сил, ни времени. Время было тяжелое. И все это люди вынесли на своих плечах.

Мосэнерго в годы войны

22 июня 1941 г. была объявлена всеобщая мобилизация. За первую неделю персонал Мосэнерго уменьшился почти вдвое. Сразу стала ощущаться катастрофическая нехватка кадров. На первых порах ситуацию спасала отмена выходных и отпусков, но кардинально компенсировать кадровый дефицит это не могло. На место ушедших на фронт мужчин приходили работать женщины, новички-ремесленники. Была создана система ускоренного обучения работе. На важнейших эксплуатационных участках вахтенный персонал был переведен на двухсменную работу (по 12 часов).

В первые дни войны главным направлением работы стала защита электростанций и подстанций от бомбардировок. Оборудование закрывается защитными кожухами, на крышах зданий (для дежурных противовоздушной обороны) и в цехах устанавливаются специальные металлические будки для защиты от осколков. Повсеместно вводится синее защитное освещение. Станции маскируются под жилые дома.

Всего за годы войны ВВС Германии произвели 141 налет на Москву. На энергетические предприятия Мосэнерго было сброшено около 100 фугасных и 1000 зажигательных бомб. В высоковольтных сетях за период с июля по декабрь 1941 г. было 336 повреждений.

К октябрю 1941 г. Московская энергосистема становится прифронтовой, электрические сети в районе Сталиногорска, Тулы и Каширы оказались полностью или частично в зоне оккупации. 8 октября ГКО принял решение, что при неблагоприятном развитии ситуации Москву придется оставить. В этот же день появляется распоряжение за подписью И.В. Сталина о необходимости составить списки предприятий, которые нужно заминировать и взорвать в случае, если в город войдут немецкие войска. В этот список были внесены все предприятия Мосэнерго. 15 октября принимается решение об эвакуации на восток большой части правительственные учреждений и предприятий столицы. На многих столичных и подмосковных электростанциях проводится демонтаж оборудования с последующей отправкой на Урал и в Сибирь. К декабрю 1941 г. было демонтировано и эвакуировано 54 % мощностей Мосэнерго: 46 паровых котлов, 18 турбогенераторов на суммарную мощность 726 МВт, 1728 км ЛЭП, 22 подстанции и 99 трансформаторов.

В пустующих помещениях стали возникать ремонтные мастерские, цеха по изготавлению и производству оружия и боеприпасов. Освободившиеся на электростанциях площади использовали для ремонта военной техники. В цехах Фрунзенской ТЭЦ был организован ремонт танков. В механических мастерских изготавливались детали для «катюш».

К ноябрю 1941 г. снова стала ощущаться потребность в электроэнергии, которая превысила возможности оставшегося в работе энергетического оборудования. Распределение энергомощностей по предприятиям Москвы было жестко лимитировано. Каждый киловатт распределялся по строжайшей разнарядке.

В это время складывается тяжелое положение и с топливом для электростанций. В основном энергосистема работала на донбасском угле, а в районе его добычи шли ожесточенные бои. Котлы московских электростанций спешно переводили на подмосковный уголь. Но многие шахты были разрушены и затоплены водой. Были также разрушены все подстанции, снабжающие угольный бассейн электроэнергией. Москву по-прежнему выручали торфяные электростанции – Шатурская ГРЭС, ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона, Орехово-Зуевская ТЭЦ, но их мощностей катастрофически не хватало.

В начале ноября 1941 г. Тула была почти полностью окружена немецкими войсками. Город обеспечивался электроэнергией по единственной ЛЭП-110 кВ, идущей от Каширской ГРЭС. Эта линия имела стратегическое значение: она не только снабжала город электроэнергией, по ней с помощью высокочастотной аппаратуры осуществлялась прямая телефонная связь городского комитета обороны и военного командования со Ставкой и штабом Западного фронта.

Каширская ГРЭС, наравне с другими энергетическими объектами, была включена в список электростанций, которые необходимо было заминировать и взорвать в случае, если немецкие войска попытаются ее захватить. Немцы заняли станцию Ожерелье, которая находилась в 6 километрах от ГРЭС. Но по личному распоряжению И.В. Сталина эвакуация персонала и взрыв электростанции были приостановлены. Подошедшие вскоре части кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова отбросили врага от осажденной электростанции.

Сразу после успешного контрнаступления советских войск под Москвой зимой 1941–1942 гг. московские энергетики приступили к восстановлению энергохозяйства. На электростанции стало возвращаться эвакуированное оборудование. В декабре 1941 г. в основном завершились восстановительные работы на Шатурской и Каширской электростанциях, которые к сентябрю 1942 г. вышли на довоенную мощность – 180 и 186 МВт. В декабре 1941 г. энергетики начали восстанавливать угольные шахты Подмосковного бассейна. Уже в январе 1942 г. составы с подмосковным углем по восстановленному железнодорожному пути пошли в Москву.

Заметным событием во время Великой Отечественной войны стала разработка инженерами Мосэнерго технологии по изготовлению энергопоездов. Оборудование устанавливалось на платформах в вагонах, а пар брали от паровоза. Такие поезда отправляли в районы, освобожденные от немецких войск, их мощности – она составляла от 500 до 1500 кВт – на первых порах было достаточно для обеспечения неотложных городских нужд. В 1943 г. по приказу Наркомата электростанций на Фрунзенской ТЭЦ, ТЭЦ-9 и ТЭЦ-11 были смонтированы семь передвижных электростанций, которые были направлены в Сталинград, на Украину и в Прибалтику.

К концу 1942 г. мощность электростанций Мосэнерго составила 84 % от довоенного уровня – 989 тыс. кВт. Одновременно рос спрос на электроэнергию – в город из эвакуации возвращались жители, выходили на довоенный уровень работы промышленные предприятия. Электроэнергия заводам и фабрикам подавалась за счет отключения бытовых потребителей. Для удовлетворения спроса за последние военные годы (1943–1945) на электростанциях Мосэнерго было введено в строй 236 тыс. кВт новых мощностей. К концу войны мощность электростанций системы Мосэнерго практически достигла довоенной и составила 1135 тыс. кВт. Сетевое хозяйство даже превзошло довоенный уровень и достигло 5217 км.

Демонтаж и эвакуация энергооборудования

Г.А. Кидяров. Северные электросети

Кроме обеспечения нормальной эксплуатации, на нас была возложена работа по демонтажу всего резервного оборудования, без которого можно было обеспечить электроснабжение потребителей, для отправки его на восток и создания там энергетической базы. Монтеры, техники и инженеры становились крановщиками, такелажниками, грузчиками, работали с перерывами только на еду и сон – время торопило. Вести с фронтов шли тревожные, мы понимали – на фронте не жалеют своей жизни, так уж нам-то жалеть свои силы ни к чему.

... Не исключалась возможность сдачи Москвы, принимались экстренные меры по демонтажу основного оборудования и отправке его на восток. Оставалось только самое необходимое для минимального обеспечения электроэнергией Москвы. Оставшееся оборудование в критический момент подлежало уничтожению. В частности, мы подготовили оборудование подстанций к взрыву.

Г.В. Морозов. 4-й район ВВС

В октябре 1941 года на подступах к Москве создалось угрожающее положение. Немцы находились в районе Хлебниково. Встал задача срочно демонтировать оборудование многих подстанций и ЛЭП, эвакуировать их на восток и в то же время обеспечивать бесперебойную работу оставшихся

промышленных предприятий. Каждому работнику было дано конкретное задание. Я занимался демонтажом всех кабелей ПС № 198. Демонтажом и упаковкой панелей релейной защиты занимался П.М. Юрханов, а демонтажом в/в оборудования – служба подстанций. Основной рабочей силой были солдаты. Работали все с полной отдачей сил, перерывы были только из-за налетов немецкой авиации. Оборудование ПС № 198 было демонтировано и отправлено в короткие сроки.

А.И. Мазин. ТЭЦ-17

Было принято решение о демонтаже оборудования и отправке его на восток страны. В этой тревожной обстановке внезапно (по крайней мере для меня) исчез мой непосредственный начальник – главный инженер строительства Алексинской ТЭЦ (от заказчика) Лубенец Иван Кузьмич, семья которого жила в Ростове.

Так же неожиданно для меня, без моего ведома и согласия, на его место был назначен я. Все, кто работал на демонтаже оборудования, были переведены на казарменное положение, работали без ограничения времени. Во второй декаде октября демонтаж оборудования был в основном закончен. Был подготовлен эшелон (поезд) из открытых углеродистых вагонов для отправки специалистов и рабочих на восток, на родственные заводы. Вагоны были накрыты брезентом, внутри – нары, матрацы, железная печка, запасы хлеба, картофеля, патоки с соседнего завода, о мясе не помню.

Перед отъездом я посетил свою комнату в соцгородке, она оказалась разграбленной, исчезли теплая одежда, книги, фотографии. Мы поехали, как выяснилось в пути, в Молотов (Пермь) на завод № 98. Эшелон должен был следовать через Тулу, Ряжск, Пензу, Куйбышев, Челябинск, Свердловск. Железная дорога была невероятно перегружена. На запад шли поезда с солдатами, военной техникой, продовольствием; на восток – поток эвакуируемых людей, оборудования, материалов.

Пассажирских поездов для гражданских нужд практически не было. Эшелоны шли медленно, по многу часов стояли в поле, перед разъездами, полустанками и на станциях. Мы приехали в Тулу на другой день и там застряли. Танки Гудериана подходили к Туле, немецкая авиация бомбила город и железнодорожную станцию, наши зенитки стреляли по немецким самолетам.

Был ад, мы сидели в углеродистых вагонах (или под вагонами), накрытых брезентом, и ждали, когда немецкая бомба или осколок нашего снаряда отправят нас в лучший мир. Дальнейшее движение к Молотову было скачками с препятствиями. Когда наш эшелон надолго останавливался в пути, я и два молодых инженера, мои попутчики, шли вперед, обходя стоящие эшелоны, влезали на подножки и тормозные площадки готового к движению эшелона и ехали, пока этот эшелон не застырел. Далее операция повторялась, мы останавливались и ждали свой эшелон в тепле и относительном комфорте вокзалов крупных железнодорожных станций. Так продолжалось до Куйбышева, мы пили пиво на вокзалах, ходили в парикмахерские, а в Пензе – даже в театр. В Куйбышеве мы помылись в бане, попили пива и поехали на вокзал, где нам сказали, что эшелон с названным нами номером через станцию не проходил. После долгого ожидания мы пришли к выводу, что потеряли свой эшелон (ему сменили номер). Дальше были мучительные скачки на подножках и тормозных площадках эшелонов. Наступил ноябрь, заморозки, морозы и снег. Я в легком пальтишке и туфлях замерзал до потери чувств. Я просил моих попутчиков ложиться на меня, чтобы согреть, попытки отогреться на стоянках у паровозов приводили к тому, что я еще сильнее замерзал на перегонах.

Наконец мы приехали в Молотов и выяснили, что наш эшелон мы обогнали в Свердловске. На заводе в Молотове не было своей электростанции и не планировалось ее сооружение. Эвакуированным на завод инженерам-энергетикам не было работы. И мне предложили выехать в Челябинск, где находился в то время Наркомат боеприпасов, за новым назначением. Это назначение я получил в Кемерово на ТЭЦ комбината № 392 этого наркомата. В сентябре 1941 года я отправил из Алексина теплоходом в Горький жену к ее отцу, затем она переехала в Челябинск к сестре, где мы и встретились снова.

16 декабря 1941 года я был назначен дежурным инженером ТЭЦ комбината № 392 и начал готовиться к самостоятельной работе дублером начальника смены котельного цеха.

На ТЭЦ были установлены четыре двухбарабанных котла НЗЛ (Невского завода имени Ленина) и три бесподвальных турбины фирмы «Эшер Висс» по 6 МВт 29 ат 400 °С с промышленным отбором пара.

Подготовка на должность ДИСа была прекращена в самом начале. В Кемерово находилась эвакуированная бригада Ленинградского отделения института «Теплоэлектропроект». Она проектировала расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ комбината № 392, собственных сил бригаде не хватало, объем проектных работ был большой. На многих заводах срочно устанавливались эвакуированное с запада страны оборудование. Дефицит электроэнергии и тепла был огромный.

Меня направили в бригаду ТЭПа для выполнения проектных работ. На ТЭЦ надо было установить котел № 5, аналогичный действующим, а также демонтированные на Алексинской ТЭЦ котел КО-VI-200 и турбину АП-25-1. Работа была трудной и интересной, работали, не считаясь со временем.

Г.И. Фомичев. ТЭЦ-11

В конце сентября – начале октября появились первые беженцы. Их поток нарастал день ото дня. Масса людей с узлами, детскими колясками и иными ручными повозками, груженными домашним скарбом, грузовые и легковые автомобили бесконечной вереницей днем и ночью тянулись по шоссе Энтузиастов. На электростанции все это хорошо видели.

Положение на фронте становилось угрожающим. Встал вопрос о возможном взрыве ТЭЦ.

На станцию привезли машину динамиита. Под руководством военных незаметно от персонала подготовили к взрыву котлы, турбины, электродвигатели. Все делалось под неослабным контролем представителей госбезопасности... Работники НКВД находились, кстати, во всех цехах. Рядом со мной тоже всегда был их человек.

Сколько-то дней электростанция работала заминированной. Но это было крайне опасно. Мало ли какая случайность... Все могло взлететь в воздух. Хоть на фронте было и тяжело, но в сдачу Москвы никто не верил. Взрывчатку решили снять. Поместили в подвал, поставили вооруженного часового. Управление Мосэнерго отпустило на организацию взрыва 1,5 ч, то есть, чтобы снова заложить взрывчатку и подорвать. Была сформирована специальная команда подрывников – 25 человек. Договорились так: выполнят свой долг и последними покинут столицу. В команду вошли одни коммунисты.

Долго решали, как поступить с силовыми трансформаторами. Там же уйма масла. Сначала думали тоже взрывать, поджечь. Но рядом же шоссе Энтузиастов, дорога на восток. Заполыхают – беды не оберешься, перекроешь дорогу. Подумали и решили залить кислотой.

Топливо

М.С. Абрамова. ТЭЦ-7

22 июля 1941 года было дано распоряжение свыше о вывозе горючего из Москвы в Коломну, а на ТЭЦ-7 все баки были заполнены мазутом.

Меня с 22 июля по 28 октября 1941 года мобилизовали на выполнение специального задания как ответственное лицо от ТЭЦ-7. Мной было за этот период сделано четыре рейса. Вывозили с территории ТЭЦ-7 в Коломну баржи с мазутом. И обратно – четыре рейса пустопорожних, в самые страшные дни нападений врага с воздуха на Москву и ее пригороды.

Я находилась на крыше баржи, а ведущий баржу – у руля двигателя. По пути следования много было сброшено бомб, и, к счастью, попадали они в Москву-реку. Всегда при налетах баржа была мокрая. Конечно, очень страшно было. Я молила Бога, просила: «Спаси нас, Бог». Хотя страху я натерпелась и раньше, при «ежовщине», но этот страх другой, если бы было прямое попадание, то это – смерть.

В.А. Степанова. ТЭЦ-7

До перевода котлов на сжигание угля ТЭЦ-7 (тогда ТЭЦ-2) работала на мазуте и имела мощные подземные нефтехранилища. С первых же дней войны, по распоряжению свыше, мазут со станции был вывезен в баржах по Москве-реке, оставался в баках только отстой. Впоследствии это поставило эксплуатацию в тяжелое положение, так как мазут был дефицитен.

Пришлось смонтировать специальный расходный бак в котельной для слива свежего мазута, который поступал на ТЭЦ в небольших количествах. А однажды, в секретных условиях, пришлось по людской цепочке из подземных баков вычерпывать ведрами «сливки» для заполнения расходного бака, чтобы предотвратить возможность погасания котлов, так как мазут на станцию по железной дороге не доставляли. Мазут использовался для растопки котлов и поддержания факела в случаях перебоя подачи угольной пыли из-за возникшей неисправности в мельнице «резомотор». Бункеров для пыли на котлах ТЭЦ-7 не было.

... Прекратилась подача угля с Донбасса. Как временный вариант стали подавать сушенку подмосковного угля с Каширской ГРЭС. Котлы станции снизили производительность, топки шлаковались, золу и шлак не успевали отвозить из котельной, работали «под себя», в результате, все зольное помещение было завалено шлаком и золой.

Л.А. Виноградов. ТЭЦ-9

Трудности работы в военное время не уменьшились, а еще больше увеличились. Донецкого угля нет. Жжем подмосковный, многозольный, малокалорийный. Разгрузка его смертельно трудная. Вагоны приходят с глыбами замерзшего угля, часто в открытых вагонах. Разгружали с ломами, кирками, кувалдами. В помощь ТЭЦ-9 были присланы мобилизованные на трудовой фронт. В основном из Узбекистана. Этих людей пришлось вскоре отправить домой. Климат, пища вызывали тяжелые болезни.

И.А. Иванищев. ГЭС-2

26 декабря 1941 года был освобожден город Калинин. Группировка фашистских войск была разгромлена. В это время наша электростанция не могла работать на полную мощность из-за недостатка топлива. Нам привозили уголь с московских заводов, мы использовали дрова.

В начале 1942 года был освобожден от фашистов Подмосковный угольный бассейн. Нам стали доставлять малокалорийный, многозольный подмосковный уголь. У нас в то время было установлено много небольших котлов низких параметров с ручной загрузкой угля. На жидким нефтяном топливе работало только два котла по 65 тонн пара в час.

Ручная загрузка угля (как на паровозе) – тяжелейшая работа. Каждый кочегар за восьмичасовую смену должен был забросить в топки котлов лопатой по 12–14 тонн угля при высокой температуре у топки. Зола от котлов вывозилась в вагонетках тоже вручную. Не все кочегары и зольщики могли выдержать такую физическую нагрузку. Как в песне: «И если кто мог бы туда заглянуть, назвал кочегарку бы адом». Несмотря ни на какие трудности, мы давали московским заводам, населению и транспорту электроэнергию, помогали, чем могли, ковать победу над злейшим врагом.

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

С нулевыми запасами угля электростанция работала с 1943 по 1945 год. Сказывались перегруженность железных дорог в результате перевозки военных грузов, отсутствие надлежащего числа подвижных составов, трудности с добычей.

ТЭЦ-11 ежегодно недополучала до 110 тысяч тонн угля. С разрешения Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) в 1943–1944 годах недопоставки частично восполнялись за счет госрезерва (антрацитом). В 1944 году антрацита было сожжено 15,4 тысяч тонн. Тем не менее, годовой план выработки электроэнергии оказался все же недовыполнен.

Впрочем, и поступавшее топливо не всегда снимало тревогу. С шахт Подмосковья уголь отгружали, как правило, в разнокалиберных вагонах, даже в теплушках. Разгрузить такие вагоны стоило больших трудов.

Особенно в осеннюю непогоду или зимой. Осенью он настолько спрессовывался, слеживался, слипался, что, будь вагоны даже саморазгружающимися, а таковые действительно время от времени поступали, без энергичного постороннего вмешательства отгрузить их все равно было невозможно. А зимой? На пути к ТЭЦ он успевал так промерзнуть, что превращался едва ли не в сплошной монолит. Приходилось пускать в ход и ломы, и кувалды. Приспособливали снегоочистительные механизмы, но и они не спасали положение. Темпы разгрузки резко замедлялись, а между тем существовал строгий спрос за малейший перепростой вагонов. Мало того, что в помощь персоналу топливно-транспортного цеха мобилизовывали весь наличный состав электростанции, не занятый на вахте или ремонтных работах. На разгрузку угля привлекались люди и других предприятий района, получавших от ТЭЦ тепловую и электрическую энергию. Обстановка иногда вынуждала идти на отмену выходных дней.

Нормы выгрузки, установленные НКЭС (Народным комиссариатом электростанций), были следующие: двухосной платформы при пяти работающих – 45 мин, четырехосной при шести работающих – 45 мин, двухосного крытого вагона при трех работающих – 1 ч 15 мин, четырехосного при шести работающих – 2 ч 30 мин, саморазгружающейся гондолы на складе при десяти работающих – 1 ч 45 мин, то же на бункерах при пяти работающих – 1 ч.

8-й отдельный электротехнический батальон
33-й отдельной мотоинженерной бригады

Рисунок из фронтового альбома А.Д. Степанова

Д.В. и Е.И. Кошкины

Л.М. Трилиссер. Тополчаны,
Чехия. 6 мая 1945 г.

И.В. Тихомиров с семьей. 1945 г.

Добыча торфа

Л.К. Агуреева. Каширская ГРЭС

Война застала в родном городе Иванове. Там прошли и все четыре страшных года. Вместо учебы, как и мои сверстники, работала наравне с взрослыми женщинами в поле, заготавливала сено, убирала урожай овощей в совхозах, валила лес. До сих пор вспоминаю о сбитых в кровь руках при изготовлении брикетов торфа. Просушенные торфяные пластины собирали в большие корзины, которые переносили на своих плечах, складывали в штабеля. Работали без рукавиц, их просто не было, кожа на ладонях была содрана так, что ранки постоянно кровоточили. Со временем кожа загрубела. Мне кажется, такой она осталась на всю жизнь.

А.Т. Каганова

В 30-е годы советским правительством был выдвинут клич: «Молодежь на торфоразработки!» И я вместе с подружками в 1938 году прибыла в п. Верей Орехово-Зуевского района на работу в Ореховское предприятие торфяной промышленности. Меня зачислили на работу на участок сушки торфа торфяницей. Их работа приравнивалась к шахтерам угольных шахт и рудной промышленности. Мы добывали и производили ценное, необходимое топливо для многих промышленных предприятий, заводов, фабрик, ТЭЦ.

Работать торфяницей на сушке торфа, а позже мотористкой мне пришлось многие-многие годы. Во время войны мы работали столько, сколько нужно было для Родины. Ежедневно поднимались в 3 часа ночи, шли на свои рабочие места, бараки-то были рядом, и трудились до 11 часов ночи. Такой был распорядок, такой уклад жизни. С первого дня войны мы считались мобилизованными, только на трудовой фронт. Так что нам тоже несладко было, доставалось на полную катушку. Уставали, выматывались, очень, очень хотелось спать. Мы были готовы не кушать сутки, лишь бы отоспаться. Но такой возможности почти не было.

Процесс приготовления торфа очень трудоемкий. Все работы выполнялись вручную. Из подготовленных колодцев мотористка подавала по шлангам в карьер воду. Карьер размывали. Эту жидкую массу по трубам насосами подавали на специально подготовленные ровные по горизонту площадки (поля). Вода постепенно по желобкам уходила в канавы. Оставшаяся масса примерно в течение недели становилась густой и со временем почти высыхала. Она резалась на квадраты примерно 40x50 сантиметров. Этот квадрат ставился на один, потом на другой и на третий бок, пока совсем не становился сухим.

Готовый торф носили корзинами в вагоны, которые подавались под погрузку. Железнодорожным полотном служила узкоколейка, вагоны и паровоз по размеру были меньше обычных. Дорога была съемной. Ее постоянно снимали с одного места и устанавливали туда, где был подготовленный торф для погрузки. Эту работу выполняли старенькие мужчины или прибывающие с фронта инвалиды. Трудоемкие работы выполнялись быстро и четко, по-военному, без малейших задержек. Все понимали – Родине нужно дать в установленный срок качественный торф. Дисциплина – строжайшая, нельзя было опаздывать на работу ни на минуту. Трудились все честно и добросовестно. Норму всегда

перевыполняли. Зарабатывали примерно по 300 рублей. Для сравнения, у начальника нашего почтового отделения был оклад в 127 рублей.

Наша работа носила сезонный характер. Работали с начала апреля и до ноября, точнее, до наступления заморозков.

Во время войны немецкий самолет выкинул две бомбы на территорию нашего участка, где работало много людей. К нашему счастью, они не взорвались. На другой день картина повторилась. И те, другие сброшенные две бомбы, тоже не взорвались. Видимо, для них оказался мягкий грунт. А может, была диверсия советских военнопленных патриотов, работавших уже тогда на военных заводах в Германии.

Учитывая, что мы сутками находились в пыльных условиях, многие, совсем молодыми, стали болеть астмой, а некоторым девушкам на медкомиссиях давали 3-ю и даже 2-ю группу инвалидности. За мои старания и честное патриотическое отношение к работе получила и я 2-ю группу. Кашель не проходил, думала, не выдержу, не перенесу. Слава Богу, со временем отпустило, прошла страшная одышка, перестали мучить удушающие приступы: таблетки, лечение и хорошее питание почти все поставили на свои места. Спустя некоторое время 2-я группа была снята, осталась навсегда 3-я. Так с ней и живу. В дождливую погоду я мучаюсь.

В личной жизни я не нашла себе вторую половинку. Встречалась с красивыми парнями, дружила, но по-настоящему кого-то полюбить не смогла, а жить с нелюбимым человеком, лишь бы выйти замуж, не решилась. Прожила всю жизнь одна.

Особо я и не унываю. Летом на огороде, чистый и свежий воздух, свои, без химикатов, фрукты и овощи, живу тихо, мирно, никому никогда не желала зла. Может, за это полюбил меня Господь и дает возможность пожить больше других и дольше. Спасибо Ему за это.

Работа на электростанции

М.С. Абрамова. ТЭЦ-7 и ГЭС-1

Когда 28 октября 1941 года после выполненных работ по спецзаданию я получила документы из отдела кадров ТЭЦ-7 Мосэнерго, то пошла на прием к М.Я. Уфаеву – директору ГЭС-1 Мосэнерго, который взял меня на работу. С ноября 1941 года я была начальником смены котельного цеха ГЭС-1 Мосэнерго у начальника цеха Петра Николаевича Обнорского, который впоследствии был главным инженером ТЭЦ-21 Мосэнерго.

На ГЭС-1 Мосэнерго я также находилась на казарменном положении – жила в подвале мастерской котельного цеха, спала на нарах. В свободное от работы время дежурила на посту на крыше МПВО ГЭС-1. Несколько раз на крыше во время налетов был М.Я. Уфаев. Начальником штаба ГЭС-1 был Александр Павлович Пятницкий. Уфаев на ГЭС-1 работал до 12 января 1942 года. Его сменил Николай Павлович Удалов, главным инженером всю войну был М.И. Иванов. М.Я. Уфаева перебросили на работу в Мосгорисполком на должность начальника топливно-энергетического

отдела, и, кроме того, ему вменили еще дополнительно быть ответственным за светомаскировку в Москве.

... С Уфаевым было хорошо работать, многому у него можно было поучиться всем директорам предприятий Мосэнерго да и всему многотысячному коллективу. Мне посчастливилось, что первона-чальный мой период работы в Московской энергосистеме был при нем.

Я на ГЭС-1 Мосэнерго проработала с ноября 1941 года по февраль 1942 года.

Л.К. Шарыгина. ТЭЦ-11

Женщины достойно работали, заменив мужчин, ушедших на фронт. Для защиты дежурного персонала при воздушном нападении на площадках турбин были установлены индивидуальные убежища, но мы ими не пользовались, так как при налетах стрелки на приборах метались из стороны в сторону, и, чтобы поддержать заданный ДИСом режим работы оборудования, приходилось все операции на регулирующей и запорной арматуре производить вручную – автоматов и электроприводов тогда не было. Особенно сложно было нести вахту в ночное время, когда цех погружался в темноту, и только у приборов щитков и тахометров турбин тускло светились лампочки синего цвета, обмазанные с одной стороны изоляцией. При различных переключениях (а в смену их производилось очень много) и обходах пользовались ручными фонариками.

Очень часто после 12-часовой рабочей смены турбинисты помогали разгружать уголь в разгрузочном сарае и пробивать кирками через решетки, так как подмосковный уголь поставлялся большими глыбами, замороженный.

К ТЭЦ-11 был прикреплен эвакогоспиталь, куда мы после смены ходили работать: переносить раненых, ухаживать за ними, стирать бинты, чистить картошку, подавать пищу, питье, убирать помещения и выполнять другие черные работы.

М.С. Михайлова. ТЭЦ-11

В июле 1942 года нас устроили учиться в ФЗУ № 10 на Старообрядческой улице. В декабре 1942 года была направлена в группу электриков. Когда пришла в отдел кадров, начальник Ерасов не хотел меня брать на работу: «Куда я этого ребенка возьму?! Такая худенькая, маленькая! Какая от нее работа!» Мне тогда было 18 лет, хотя выглядела я как подросток лет 12. Но потом начальник все-таки сжался, позвонил в электроцех: «Возьмите эту, самую маленькую, в электролабораторию». Меня сначала зачислили ученицей по релейной защите, а потом перевели в группу по испытаниям электрооборудования. Работали по 12 часов, потом шли разгружать уголь на станции Сортировочной. Я была постоянно голодная, хлеб собирала и ходила на рынок – меняла на одежду и обувь. Жила в общежитии баракного типа на 5-й улице Соколиной Горы.

А.И. Копин. ГРЭС-3

В 15 лет в феврале 1942 года я был принят в паровозное депо ГРЭС. Трудовой путь начал учеником слесаря в ремонтной бригаде, которая обслуживала дорогу широкой колеи и паровозы для нее. Было и два паровоза узкой колеи. Слесарное дело я осваивал быстро, вскоре стал слесарем седьмого разряда. Работали в нашей бригаде старики и мальчишки. Но железнодорожные пути у нас всегда были в полном

порядке, и паровозы ремонтировали и обслуживали быстро. Сейчас-то, спустя много лет, можно сказать, что зачастую для экономии времени делали это вопреки всем нормам охраны труда. Таких мальчишек на станции было немало – 319 высококвалифицированных рабочих за годы войны подготовили на ГРЭС-3 имени Классона.

В июле 1942-го ГРЭС включилась во Всесоюзное соцсоревнование. Под руководством комитета комсомола, который возглавляла Валентина Касаткина, в цехах создали комсомольско-молодежные бригады. В механической мастерской бригадой командовал Саша Захаров, в электроцехе – Борис Козлов, в турбинном – Слава Брюквин, Борис Волков и Виктор Чугунов – в котельном. Была бригада и у нас, в паровозном депо, из девяти человек, меня назначили бригадиром. Всего на ГРЭС сформировали 14 комсомольско-молодежных бригад. Между ними организовали социалистическое соревнование, по итогам которого мы постоянно становились одними из лучших.

П.Е. Васильев. Шатурская ГРЭС

Шатурияне, как и весь народ, понимали сложившиеся условия и подчинили свои мысли, труд и убеждения только одному: «Все для фронта! Все для победы!» Поэтому никого не удивило, когда на смену ушедшим на фронт мужчинам во все цеха электростанции пришли работать их дети, жены, сестры, матери. Многие стали работать семьями. Например, вместе с жестянщиком механического цеха ГРЭС-5 В.К. Колесниковым стали работать его четыре дочери, семья Щукиных привела к станкам четырех мальчиков, а мы, квалифицированные специалисты, оставленные в тылу, взяли на себя обязательство в кратчайший срок обучить это пополнение профессиям и необходимым приемам в работе.

К.П. Клеменова. Шатурская ГРЭС

Так все складывалось, что мне, как старшей, надо были идти работать, чтобы помогать семье. Благодаря хлопотам и просьбам матери, которая работала в турбинном цехе электростанции, меня приняли на работу ученицей помощника машиниста турбины № 5.

Наверное, помогло и то, что не хватало кадров, ведь в начале войны многие квалифицированные работники были взяты на фронт. Потом только, спустя некоторое время, была установлена бронь.

До войны должность помощника машиниста занимали в основном мужчины, а девчонку, да еще с таким маленьким ростом, брали неохотно, сомневались, смогу ли я все это освоить и справиться с работой. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы выучиться и постичь специальность помощника машиниста.

Благодаря моему трудолюбию и неуемному характеру, мне все это удалось, и вскоре я была допущена к самостоятельной работе помощника машиниста турбины № 5. В обязанности помощника машиниста входило постоянное наблюдение за работой всех вспомогательных агрегатов турбины, чтобы не допускать аварийных ситуаций, которые могли повлечь за собой снижение электрической нагрузки турбогенератора. Выполнять все распоряжения машиниста, каждые полчаса записывать в журнал показания приборов: термометров, манометров, тахометра и других. Вочные смены выполнять продувку испарителей. Кстати, в годы войны обязанность обслуживания испарителей и подогревателей возложили на одного помощника машиниста. Опять же по причине нехватки кадров. Во время дежурства главное внимание было направлено к работе конденсационного агрегата, к турбинке.

Постоянно и внимательно следить за ее оборотами по тахометру, уплотнением и охлаждением. Отклонения могли вызвать срыв вакуума турбины, что, в свою очередь, вело к снижению как мощности, так и экономических показателей турбины.

Особенно трудно было работать вочные смены. Как обычно, в это время снижалась электрическая нагрузка на турбогенератор, это требовало от персонала выполнения тех или иных действий по эксплуатации оборудования. При снижении нагрузки – это и прикрытие задвижек, вентилей.

В частности, при снижении нагрузки вызывала беспокойство работа одного из подшипников конденсационного насоса II ступени. Он постоянно грелся. Необходимо было следить за его температурой, чтобы он не расплавился, бывали случаи замены масла. Эта работа выполнялась вместе со старшим машинистом. Когда все оборудование было отрегулировано на нужный режим, наступал такой момент, когда сон валил с ног. Недаром говорят, что самое дорогое у человека на свете – это сон. В конце ночной смены порой можно было узнать по каракулям в журнале, как человек боролся со сном.

На рабочем месте поддерживалась чистота и порядок. Приходили на работу за полчаса, чтобы принять смену.

За высокие показатели и безаварийную работу неоднократно отмечалась благодарностями и денежными премиями, а один раз отметили подарком – полушибуком. Это для меня было роскошью, так как я не имела зимнего пальто.

В 1942 году меня приняли в комсомол и вскоре избрали комсоргом турбинного цеха. В годы войны в цехе было создано несколько комсомольско-молодежных бригад по ремонту оборудования.

Организовывалось соцсоревнование между бригадами под девизом: «Все для фронта! Все для Победы!» Молодые ребята, еще не достигшие совершеннолетия, работали под руководством опытных высококвалифицированных мастеров, выполняли текущие и капитальные ремонты оборудования. Время требовало сокращения сроков ремонта без ущерба качеству. Ремонтники работали, порой не выходя из цеха по несколько суток.

Все понимали, что наша электростанция давала ток заводам Москвы, выпускающим оружие и боеприпасы для фронта.

По результатам соцсоревнования подводились итоги, вывешивались плакаты с указанием победителей. Проводились субботники по уборке территории цеха, станции, а также другие мероприятия. Комсомольцы и молодежь, порой голодные и усталые, никогда не отказывались от того или иного поручения.

Все-таки беда сплачивает людей.

В.А. Степанова. ТЭЦ-7

С первых дней войны военкоматами Москвы со станции были отозваны подлежащие по возрасту военнообязанные рабочие и ИТР. Из пяти дежурных инженеров на фронт ушли трое. Из котельного цеха ушли почти все зольщики и несколько кочегаров. Из топливно-транспортного цеха ушел коллектив Моспогруза, и станция осталась без грузчиков. Мотористки с маленькими детьми эвакуировались вглубь страны. Вакуум с персоналом заполнялся случайными людьми из разных организаций. Переведена на ТЭЦ большая группа работников с сахарного завода – «сахарниц», как их мы называли. Сахарный завод перешел на продукцию для фронта. К счастью, старшими кочегарами в котельном цеху

работали пожилые люди. Вместе с другими старыми рабочими пришлось обучать новичков, в основном женщин-«сахарниц», из которых были укомплектованы мотористки – дежурные у мельниц и дымососов. Отдельные, более смелые, женщины были обучены на должность водосмотров и кочегаров котлов (теперь эти должности называются машинистами котлов).

Нелегко давались новые профессии как обучающим, так и обучаемым. Буквально приходилось заставлять зазубривать незнакомые, трудно усвояемые слова – манометр, уровень воды, масла, амперметр, ведь экзамен на кочегара сдавали представителям тройки котлонадзора. Я очень переживала из-за ухода из цеха опытных кочегаров. Ходила с требованиями выхлопотать «бронь». Но директор старался успокоить – «к максимуму твои кочегары придут, помнишь, как в финскую».

… В октябре 1941 года по приказу правительства был демонтирован котел № 6 и отправлен на Урал в Миасс.

На освобожденном месте была смонтирована сушильная система для подсушки сырого подмосковного угля. Схема эта была сложной. Мельницы часто барахлили. Зольщиками работали нестроевые военнообязанные и женщины. Большинство этих рабочих были слабосильными, неприспособленными к такой работе. Дефицит был во всем – не хватало смазочных масел, керосина, тряпок. Я в первые годы войны жила на станции на казарменном положении, спала на столе в кабинете, а под столом у меня хранился аварийный запас масла, керосина, тряпок, спичек для растопочного факела.

Смены были переведены на 12-часовую вахту, дневной персонал работал с 7 утра до 7 вечера.

… Несколько женщин цеха были направлены на рытье оборонительных сооружений под Кунцево. В ноябре ночью можно было слышать гудение земли, если приложить ухо к земле, – это были звуки фронта.

В заключение хочу немного рассказать о людях, работавших в военное время в цеху. Было голодно, холодно, плохо ходил транспорт, но люди работали, никогда не опаздывали. Фамилии многих не помню, а имя и отчество – и подавно. Мне 80 лет, да и времени прошло порядочно. Но война не забыта, и не забыты товарищи по работе. Мои непосредственные помощники – старшие кочегары Афонин, Мухин, Рязанцев, Фомин, кочегары Шлейн, Мария Битюкова, «сахарницы» Дубовицкая, Федорова, мотористки у насосов, у мельниц Удалова, Романцова, водосмотр Туманова. И другие честно несли свою вахту на своих рабочих местах, работали без аварий и неполадок.

В этом нам помогали ремонтники – особо много уделяли эксплуатации старший мастер Арсентий Григорьевич Сапронов и Ярин. Начальником котельного цеха был Петр Павлович Клюшин, старшим инженером – Леонид Иванович Костин, директором – Федор Васильевич Гурин. Всех выручала в добыче всякого дефицита начальник отдела снабжения Ольга Кирилловна Дзябченко.

А.И. Мазин. ТЭЦ-17

22 февраля 1940 года получил диплом с отличием и специальность «инженер-теплоэнергетик по проектированию, монтажу и эксплуатации теплосиловых установок электрических станций».

Перед выпускником всегда была проблема – куда направят работать? Я знал, что недалеко от Калуги в городе Алексине строят большой комбинат и при нем – современную электростанцию. Комбинат строил Наркомат боеприпасов, который был наделен правом брать к себе на работу специалистов из любых отраслей промышленности. Я обратился в отдел кадров управления НКБ, в введении которого

находился комбинат, и 15 марта 1940 года был принят инженером технического отдела строительства ТЭЦ комбината № 100 в Алексине Тульской области. Потом она стала ТЭЦ № 15 Мосэнерго.

На ТЭЦ монтировались три самых мощных тогда однобарабанных котла КО-VI-200, паропроизводительностью по 200 т/час, и 2 турбины – АП-25-1 с промышленным отбором пара и АТ-25-1 с теплофикационным, параметры пара у турбин 29 ат и 400 °С.

Я должен был обеспечивать работу по монтажу теплотехнического оборудования проектно-сметной документацией, проверять и визировать процентовки выполненных работ, проводить соответствие работ чертежам и фиксировать это в актах промежуточных работ, разрабатывать чертежи на выявленные нестыковки в проектах. Весной 1941 года были пущены после монтажа котел и турбина, продолжался монтаж других котлов и турбины.

На ТЭЦ и на комбинате было много молодежи – выпускников ВУЗов и техникумов. Новое оборудование, новые люди, было интересно и весело.

У меня была комната на двоих с молодым техником в доме строящегося соцгородка. Оклад мне установили 690 рублей в месяц, обед в столовой стоил около рубля, продукты в магазинах и на рынках стоили дешево (карточки отменили в 1935 году).

И вдруг война. ТЭЦ находилась вблизи железной дороги Калуга – Тула – Рязань. Уже в конце июля 1941 года на восток пошли поезда с демонтированным оборудованием, эвакуированными людьми (преимущественно женщины и дети). Люди ехали на открытых платформах, запыленные, грязные, измученные. В конце августа начались налеты немецкой авиации на ТЭЦ. Были повреждены циркуляционные водоводы, химводоочистка, один из котлов.

Б.А. Вейнер. ТЭЦ-9

Много квалифицированных работников, как ремонтников, так и эксплуатационников, ушли на фронт. Оставшиеся люди работали за двоих, троих. Рабочий день увеличился до 12 часов. Часть рабочих и ИТР была переведена на казарменное положение. В кортаках цехов поставили койки, оборудовали на крышах места наблюдений и укрытий.

Отработав рабочий день, который редко был равен 12 часам, а кончался с окончанием работы, шли в «казармы». При объявлении воздушной тревоги выходили на свои определенные места дежурств и были готовы к защите зданий от пожара, а также к восстановительным работам. Эксплуатационный персонал также работал по 12 часов, а всякий раз после ночных смен выходил на разгрузку угля и откатку шлака из-под котлов.

Вывоз шлака из территории был плохой из-за отсутствия транспорта, и поэтому территория ТЭЦ была им завалена.

Несмотря на все тяготы, голод и холод, наш персонал стойко боролся со всеми военными трудностями. Мы были уверены, что все это временное и что победа будет за нами.

Рабочие и ИТР на ремонте трудились не покладая рук, не считаясь со временем. Пришедшие из ремесленных училищ молодые ребята, попадая в коллектив, тянулись за ними, брали с них пример. Создавались фронтовые бригады, возглавляемые ветеранами, в которые вливались молодые. Так, например, бригады Ковалева, Мамонтова, Павлюкова, Фирсова, Панова и другие досрочно выполняли задания, давая выработку норм до 200 %. Обучали молодых. Наш персонал был очень дисциплиниро-

ван, стойко переносил все невзгоды военного времени. При воздушных налетах, бомбежках, не было случая ухода с рабочего места.

... Москва переживала грозные дни. Враг стремился захватить город до наступления зимы. Трудящиеся Москвы грудью встали на защиту столицы.

Многие предприятия эвакуировались на восток. На электростанции резко снизилась нагрузка. Топлива нет, подвоза нет. Кое-как изворачивались с топливом. Жгли все, даже трансформаторное масло. Немного подвозили угля и мазута с московских предприятий.

Электростанцию не дали погасить. Это заслуга партийной организации, районного комитета. Было время в октябре 1941 года, когда персонал хотели эвакуировать и электростанцию взорвать. Все было приготовлено для этого. Дежурила специальная бригада саперов.

Страшно вспомнить о тех днях. Воодушевил нас и еще более уверил в нашу победу парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

И велика была наша радость, когда радио принесло весть о победе наших войск над немецкими захватчиками под Москвой. Фашисты бегут, бросают военную технику, неся колоссальные потери живой силы.

Известие о провале захвата немцами Москвы удесятерило наши усилия в работе для фронта, для победы.

Это было доказано резко возросшей электронагрузкой ТЭЦ-9. Пошли поезда, заработали предприятия, не успевшие эвакуироваться.

Пошел уголь. Мы снова в полную силу работаем для фронта.

В.М. Кожевников. ТЭЦ-9

Когда началась война, мне было 13 лет. Мой отец был призван на фронт и в 1942-м погиб.

Я остался в семье за старшего и сказал: «Мама, я хочу работать у вас на ТЭЦ-9, а если директор откажется меня взять на работу, я убегу на фронт». Одной трагедии было достаточно в доме, чтобы и сына потерять, поэтому мать пошла мне навстречу, ведь в то время многие мальчишки убегали на фронт. Меня пригласили на работу в токарную мастерскую на ТЭЦ-9, где я начал свою трудовую деятельность на станке ДИП-200, что расшифровывалось как «догнать и перегнать». Токарь точил гильзы на станке, а ребята помогали – протирали, складывали гильзы в ящики, затем приходили люди и увозили их на фронт. И я стал протирать патроны и складывать их в ящики.

Рядом был стройцех, где трудились пять таких же мальчишек, они пригласили меня к себе, мы обивали каркасы вагонов, которые отправляли на фронт, там я проработал год. К нам приходили монтажники-электрики, приносили приборы, монтировали передвижные электростанции. Я спросил: «Зачем они?» Мне ответили: «Ты очень любопытный мальчик!» – «Ну, – сказал я, – мы все любопытные, это в нашей природе». Тогда мне объяснили, что это электростанции тоже для фронта. И я попросился в электроцех.

После работы часто ездил в Измайловский парк и занимался спортом. Зимой были тренировки два раза в неделю на беговых лыжах, я участвовал в соревнованиях и получал грамоты.

А.В. Гладков. Сталиногорская ГРЭС

Лично я в цех химической очистки воды пришел, когда ГРЭС уже «дышала». Дмитрий Иванович Бурцев, волевой, опытный руководитель, мне, 16-летнему, сказал: «Извини, сынок, не девку же мне заставлять ломом махать». И правда, пацаны были наперечет. Многие городские девчонки бросали учебу, чтобы «пайку» в доме увеличить: 600 граммов – это ведь не 200 «иждивенческих».

Из старших помню Алексея Арбузова – мастера, Дмитрия Рудакова – инженера. Наша ремонтная бригада – это Новиков, Гордеев, Воробьев... Всех не перечислю – уже не припомню. Задача была одна: обеспечить подачу очищенной воды в котлы. Шестая турбина при мне уже работала. Ради нее мы и трудились. Смены были условными. Дневали и ночевали на объекте. Никто в годы войны не смотрел в «метрику» – 20 тебе или еще 16 нет.

«Едок»? Значит, отрабатывай со всеми наравне.

Сразу оговорюсь. Не было «палочной» дисциплины! У каждого парнишки, девчонки отец, брат или оба вместе где-то дрались с фашистами. И каждый ждал своих. Значит, надо было приближать победу, встречу с дорогими людьми. Сказать честно, я и в другие годы не слышал столько по-отечески добрых слов, сколько тогда от начальника цеха Бурцева. Подойдет иногда: «Ты, дружок, часто не махай – дыхалку собьешь. Кидай пореже, бери побольше – дольше сдюжишь».

Очень трудно было с карбидом: поступал он с перебоями. Не наша вина. Но Бурцев смекнул, как на месте производить этот самый карбид. Со спецами проконсультировался – и дело пошло. То подсобное производство еще долго жило.

Помню другой эпизод. Цех был без стекол: взрывом вынесло еще в 1941-м. Досками заколотили окна, но толку мало: ветер гулял и снег прорывался. Придумали такую хитрость: доски в опалубку пустили, а проемы шлаком засыпали, заштукатурили. Тепло стало в нашем молодежном цехе.

О.А. Гусарова. Сталиногорская ГРЭС

Я ... работала в турбинном цехе. По комсомольской общественной должности мы в те годы красные уголки создали во всех подразделениях. Коротали обеденные часы (с кипятком и хлебом) за чтением газетных сообщений и, главное, писем с фронта. О семейных делах говорили. За девчонок радовались, которым прямо из окопа знакомые парни в солдатских треугольниках присыпали предложение руки и сердца.

Слезами радости плакали, когда к кому-то возвращался израненным, но живым – отец, брат или просто знакомый по переписке.

То было в короткие минуты отдыха. Но это время, конечно же, запомнилось и очень тяжелым трудом. В феврале 1942-го у нас на каждую девичью пару приходились кувалда, лопата и носилки. Меня в ту пору «кадровик» Лукский спросил: «Не заплачешь?» Сказала: «Нет!»

Плакала, конечно. А что делать? Рабочий паек много весомей иждивенческого. На «вредном» производстве он до буханки увеличивался.

... Второе рождение станции планировалось, расписано было по дням и даже часам. Мужчины призывающего возраста – только военные из службы охраны или специалисты, «забронированные» особым указом. Представьте, меня, шестнадцатилетнюю, как отличившуюся в работе с кувалдой и носилками, перед пуском шестой (первой по счету среди восстановленных) турбины назначают сразу

помощником машиниста! Без экзаменов! За одну лишь старательность. За любознательность и активность в комсомольской ячейке. Уже месяц находясь в должности, я готовилась к сдаче экзамена (технического). О какой-то там технике безопасности и речи не велось! Жили по законам военного времени...

В.И. Балашов. ТЭЦ-6

Только исполнилось 16 лет, как меня вызвали в военкомат и направили работать на ТЭЦ-6 в котельный цех в зольную. Жил на казарменном положении на улице Красина. Ежедневно приходилось вывозить поступающую в бункера золу вагонетками на улицу, от 40 до 50 тонн. Работа физически была очень тяжелой, сопряжена с большой влажностью, горячим паром. Зимой постоянно простыпал. Однажды капитально заболел двусторонним воспалением легких. Отремонтировали в больнице, и снова туда же.

Начальник цеха видел мое старание и добросовестное отношение к работе, пошел мне навстречу и порекомендовал однажды пройти учебу по техническому минимуму. Я его послушался. Что требовалось по программе, все изучил в указанный срок, комиссии сдал зачеты. Мастер оставил меня в цеху, только теперь уже назначил меня вахтенным кочегаром. Здесь была увеличена зарплата до 3000 рублей, стал получать усиленный паек – 1 килограмм хлеба по карточкам. Мама в то время получала гораздо меньше меня. Замечу, буханка хлеба тогда стоила 450–550 рублей.

Осенью 1944 года услышал, что в военкомате появился важный документ²³, по которому можно и семнадцатилетним подросткам добровольно уехать на фронт. Написал заявление и отнес дежурному по военкомату.

Вскоре получил повестку. Обрадовался. Мама очень расстроилась и, тем не менее, разрешила одеть отцов новый костюм, чтобы к 10 часам сходить на работу за денежным расчетом.

Девушки из бухгалтерии и кассирша сказали – меня разыскивают, и чтобы я немедленно зашел в котельный цех. Дело в том, что рабочий день начинался в 8.00, а деньги можно было получить только после 10.00.

Помню, как сейчас, около котла стояли дежурный инженер смены И.М. Синев, особист С.С. Шуруев, старший кочегар Абакумов, начальник смены М.И. Титов.

После моего приветствия последовал строгий вопрос: «Почему не на вахте?!» – повышенным голосом прокричал Шуруев. Я предъявил ему повестку, в которой значилось, что я должен завтра со своей командой в 12.00 с нашей железнодорожной станции убыть на фронт.

Он буквально выхватил из моих рук повестку, сначала скрутил в бесформенный комок, потом в нервозном состоянии, дрожащими руками, порвал ее на мелкие кусочки и бросил в ящик с песком, который служил нам вместо урны. Строго на меня посмотрел и снова прокричал: «Стать на вахту немедленно!» А потом спокойно произнес: «Я понимаю ваши чувства, высоко ценю патриотизм, но для вас сегодня передовая фронта проходит через котельный цех городской ТЭЦ. Считайте, что вы на передовой. С военкомом я все решил, работайте...»

²³ На основании постановления Государственного комитета обороны от 25.10.1944 г. за № 6784, подписанныго И.В. Сталиным, были призваны в армию несовершеннолетние (им было по 17 лет). Под ружье было поставлено более 2 млн подростков.

Обидно было до слез. Но что поделаешь? Так было надо! Я действительно рвался на фронт и хотел воевать, как мои земляки, но судьба распорядилась по-своему. И в новеньком костюме пришлось работать до окончания смены.

И дальше я трудился на ТЭЦ до 1948 года.

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

Пока сжигался малозольный тощий уголь, шлак из-под топок котлов – его образовывалось сравнительно немного – вывозился в опрокидывающихся вагонетках вручную или с применением конной тяги. Вместе с ним отправлялась и сепарирующаяся из топочного пламени в шлаковые бункера зола. С завершением в 1941 году сооружения системы гидрозолоудаления золу смывной водой с помощью шламовых насосов стали отправлять в золоотстойник в районе реки Нищенки. Подмосковный уголь, имевший в своем составе 24–26 % золы, и здесь предъявил свои требования. Шлака и золы стало накапливаться настолько много, что срочно встал вопрос не только о реконструкции шлаковых бункеров, но и всей системы золоудаления.

Во избежание кислотной коррозии хвостовых поверхностей нагрева котлов (в частности, воздухоподогревателей) потребовалась организация удаления из угля серного колчедана. В какой-то мере это способствовало и защите окружающей среды от оксидов серы. Котельный цех теперь напоминал нечто подобное буре в пустыне. То, что всего год-полтора назад директор мог носовым платком проверить чистоту тепловых щитов, казалось просто горькой шуткой или несбыточным сном. Наиболее мрачную картину цех представлял в часы пик – утром и вечером. Тридцатиметровые громады котлов тут и там курились сероватым дымком. Избыток образующихся газов выбивался наружу. Через неплотности в кладке, лючки и лазы вместе с газом наружу вырывались щупальца огня, оставляя после исчезновения миллиарды кирпично-красных искр. Воздух был пропитан остро-кисловатым удущившим запахом серы. Это оттого, что в топки вместе с угольной пылью попадал измельченный в мельницах серный колчедан.

Вместе с газом выбивалось много пыли и золы. Оседая, эта смесь толстым слоем покрывала все: пол, щиты управления, корпуса вентиляторов, моторов, площадки котлов, многочисленные, из конца в конец тянущиеся вдоль и поперек цеха, трубопроводы. С трубопроводов время от времени стряхивали излишки скапливавшейся на них золы, и она увесистыми ошметками падала вниз, обозначая места падения мягкими мини-взрывами. От обилия пыли, золы, задымленности воздуха даже свет мощных электроосветительных ламп превращался в нечто похожее на мутные маслянистые пятна, а все, отстоящее на 5–8 метров, – на неясно очерченные призраки. Дышать нередко приходилось через мокрые тряпки. Это в какой-то мере предохраняло людей от вредного воздействия газа и пыли. И все же в носу, полости рта и горлани скапливался студенистый, терпко-пресный налет, удалить который от смены до смены, как правило, не удавалось.

Люди передвигались как тени в насквозь пропитанных пылью и золой пропотевших спецовках. Их лица мало чем уступали выходящим из забоя шахтерам. И хотя каждый имел тряпичные «концы», чтобы вытереться, – это ничего не меняло. Приходя на смену, люди снимали все домашнее, облачались в спецовки. По окончании работы мылись в душе. И так изо дня в день.

Помимо обслуживающего персонала в каждой смене была уборщица. Бедные женщины! Каким однотонно-бездостным и нелегким был их труд! За котельным цехом была закреплена лошадь. Возница Акиншин, уже старый человек, одетый в брезентовую робу, безропотно тянул свою лямку. В его обязанности входила доставка в цех со склада отдела снабжения разных материалов и запасных частей, баллонов кислорода и вывоз шлака. Он же снабжал уборщиц опилками, доставляемыми от станционной лесопилки.

Горка опилок, смоченных водой, всегда лежала возле стены у входной двери в цех. Уборщицы набивали ими ведра, несли в конец цеха, к котлу № 3, рассыпали по полу и начинали мести. Когда подходили к котлу № 1, у третьего уже опять все было покрыто пылью и золой. Начинался новый цикл. И так без конца.

В районе мельниц еще сильней пахло серой. Выпадавший из колчеданных мешков сушилок колчедан, побывав в потоке 700–800-градусного сушильного газа, забираемого из нижней части топок, тут и там курился ядовито-зеленоватым дымком. Вместе с колчеданом выпадало много угля, и все это толстым слоем покрывало пол мельничного помещения. Поначалу с уборкой колчеданно-угольной массы справиться не могли. Едва хватало сил отбиваться от нее в тех местах, где ее накопление грозило бедой: от маслонасосов, подававших масло на шейки мельниц, да от решетчатых ограждений мельниц, дабы не препятствовать их вращению.

А что творилось в зольном помещении, отделенном от мельниц рядом дымососов! Точнее, это помещение следовало бы называть шлаковым.

Шлак... Кроваво-красный с дымной поволокой, образующейся от ... взаимодействия с воздухом, похожий на лаву, и днем, и ночью извлекался зольщиками из шлаковых шахт котлов. Зольщики были одеты в брезентовые спецовки, внешне напоминавшие доспехи пожарных, они стремились отбросить шлак подальше.

До поры до времени, пока система золоудаления не подверглась коренной реконструкции (надо было усилить сопловую подачу смывной воды в каналы, по которым шлакозоловодяная пульпа направлялась в насосную, шламовые насосы заменить на багерные), шлак накапливался и накапливался. Кремнисто-жесткой рыжей массой он напрочь завалил всю зольную, источая, пока не остывал до конца, терпко-кислый запах. Но хуже всего, когда его не удавалось до конца извлечь из шлаковых бункеров. Не часто, но такое случалось. Говорили: образовался «козел» – шлаковое образование в нижней части топок, когда шлак перекрывает все шлаковые бункера, и удалить его без останова котла становится уже невозможно.

Возникновения «козла» старались не допустить. Через нижние и верхние лючки шлаковых бункеров его непрерывно обдавали струями воды, околачивали пиками-шуровками. Шлак накапливался. Котел останавливали... Останов котла влек за собой перевод предприятий столицы на «голодный паек». На ТЭЦ-11 это понимали, поэтому работы по расшлаковке начинали сразу, не дожидаясь, пока котел остывает. В кладке фронтальной стенки топки пробивали проем, через который наводили деревянный помост, леса. Чтобы уберечься от нестерпимой жары, люди надевали телогрейки, ватные брюки, валенки, каски и противогазы. Работали по несколько минут несколько очередей. Прокаленная одежда источала едкий запах паленины. Внушительный проем делали и на заднем склоне шлакового бункера в зольной. И вот, с трех сторон: сверху, с лесов, снизу – через зевы шлаковых шахт и проем на задней стенке

бункера – начинали штурм. С течением времени он нарастал. Люди спускались с лесов и продолжали долбить и долбить его, стоя на набросанных поверх досках. Отколотые рыже-коричневые глыбы скатывались вниз. Там их подхватывали через пробитые в толще шлака дыры и выволакивали наружу. А в топке было еще душно и жарко. Ликвидация «козла» занимала обычно больше суток.

Ремонтные работы

А.А. Сычков. ГЭС-1

В начале войны на турбине Метро-Виккерс мощностью 18 000 кВт случилась крупная авария. Произошло смещение ротора, в результате повредилось 17 рядов рабочих лопаток. Запчасти к этим турбинам делал Свердловский турбинный завод – меня срочно послали на самолете в Свердловск заказать и получить эти лопатки. Было дано указание от министра директору этого завода – этот заказ выполнить сверхсрочно. Летели на самолете «Дуглас» – 13 мест, на одном из них сидел генерал. Через два часа самолет приземлился в Кольцово – 15 километров от Свердловска. На аэродроме стояли заграничные самолеты, бомбардировщики и очень много наших летчиков – они отправлялись на фронт.

Директору завода я сказал, что не могу уехать без лопаток, он хотел кричать, но, посмотрев на меня, сказал тихо: поживи месяц в Свердловске, хотя бы узнаешь, что мы едим. А в это время в Свердловске получали рыбий жир, чем и спасали людей от голода.

В конструкторском бюро к заказу отнеслись серьезно (из-за этой турбины были введены ограничения потребления электроэнергии на заводах Москвы). Я думаю, посмотрев на меня, пожалели меня, мальчика, и пустили заказ вне очереди. И теперь надо было упаковать заказ, подготовить и отправить на самолете (здесь тоже были небольшие сбои). И все-таки через 18 дней я был на аэродроме в Москве.

Оборонные заказы

А.Д. Саломатин. ГЭС-1

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, по заданию наркома электростанций А.И. Леткова, ремонтно-механический цех ГЭС-1, в числе некоторых других московских электростанций, должен был срочно приступить к производству боеприпасов для нужд фронта. Коллектив ремонтно-механического цеха, пополненный кадровыми рабочими других цехов станции, а также отрядом выпускников школы ФЗО, приступил с энтузиазмом к выполнению почетного и ответственного задания – изготовлению деталей М-13 для грозного, легендарного оружия «катюша». Сложную деталь приходилось осваивать на ходу, затяжка и промедление наладки производства нетерпимы. Война есть война! С целью освоения технологии нам не раз приходилось с М.Я. Уфаевым, который в начале

войны был директором нашей станции, бывать на головном заводе «Компрессор». Этот завод уже приступил к выпуску реактивных снарядов. Но наше оборудование не шло ни в какое сравнение с отличным заводским оборудованием. Поэтому практически все приходилось начинать на пустом месте, с нуля. Воспользоваться чем-либо на «Компрессоре» не пришлось. И тогда силами цеха совместно с группой конструкторов была разработана своя технология производства деталей, применительно к имеющемуся у нас устаревшему станочному оборудованию, а также не лучшему оборудованию, поступившему с других станций, не занятых на спецпроизводстве. Среди конструкторов, принимавших участие в разработке технологии и оснастке станков, ведущая роль принадлежала А.П. Буранову. Алексей Павлович ни одного приспособления и специинструмента не заносил в технологическую карту, не посоветовавшись с рабочими, которым надлежало выполнять ту или иную операцию. В силу этого технологические ошибки, то есть брак, сводились к минимуму.

Так, общими усилиями дело было направлено в надежную колею, и коллектив станции в меру своих сил начал участвовать в выпуске оружия для фронта. М.Я. Уфаев очень много внимания делу спецпроизводства. По несколько раз в день интересовался Михаил Яковлевич установкой и наладкой станков. Он знал по имени всех рабочих цеха. По его инициативе быстро, в одну неделю, ремонтно-строительным цехом было достроено и приспособлено помещение (ныне занятное химводоочисткой) под установку станков, калильной печи, гидропресса.

Заступивший вместо Уфаева директор Н.П. Удалов также отдавал много сил и энергии работе ремонтно-механического цеха. Будучи по призванию спортсменом, он успевал везде и всегда. Во время командировки в Шатуру ему удалось добиться перевода с Шатурской ГРЭС шести квалифицированных токарей, позарез необходимых для нашего дела. В числе прибывших был и Георгий Федорович Сиантьев. Этот человек с «золотыми» руками, сочетающий в себе квалифицированного токаря и не менее квалифицированного слесаря, выполнял несколько важных операций при изготовлении деталей.

Примерно в начале 1943 года к нам на станцию пришел новый директор П.Н. Федотов. Почувствовалось новое подкрепление в лице этого энергичного руководителя. Пропала излишняя суетолока. Быстрее и проще решались необходимые вопросы. Ритмичнее, по графику стал поступать металл и специинструмент. По заданию Федотова, помощник директора по кадрам А.П. Климов завербовал и доставил группу рабочих из Мордовской АССР. Эти люди не имели никакой профессии, и у них были проблемы со здоровьем. Однако с их приходом мы немного восполнили пробел, образовавшийся в связи с уходом некоторых токарей и слесарей на фронт, хотя основная масса людей и бронировалась за предприятием.

Изготавливаемые детали должны были отвечать строгим техническим условиям. Не допускались даже самые малейшие отклонения, самые ничтожные, казалось бы, погрешности на всех операциях, а этих операций было более двадцати. Изделия прямо в цехе принимались военпредами. При обнаружении дефектов, даже самых мельчайших, военпреды были неумолимы, детали браковались. Здесь следует сказать об ответственной работе наших контролеров, работников ОТК. В момент предъявления деталей военпреду и отправки на головные заводы им помогали слесари. Но самая большая и очень важная по своему значению работа выполнялась женщинами-труженицами.

Каждая деталь проверялась бринелированием и гидравликой, нужны были результаты механических и химических испытаний, чтобы главное изделие по срокам подготовить и сдать заводу. Я не

помню случая, когда бы цех сорвал поставку деталей и не выполнил план. И в этом главная заслуга наших контролеров ОТК и начальников смен. Эти люди руководили непосредственно загрузкой станков своих смен, готовили инструмент, предъявляли контролерам ОТК каждый свою продукцию, передавали задел из смены в смену. Каждый начальник смены имел свое клеймо. Также начальники смен отвечали за режим светомаскировки и поведение людей в ночное время при воздушных налетах противника.

А.А. Сычков. ГЭС-1

16 октября 1941 года ко мне в общежитие (я жил один в комнате) пришел начальник ремонтно-механического цеха Александр Дмитриевич Саломатин – предложил поработать у него в цехе токарем. Он меня поставил на станок ДИП-200 растачивать конус сопла снаряда для реактивных установок «катюша». Два цеха – 40 человек становчиков – за смену (12 часов) изготавливали 100 штук деталей для хвостовой части снаряда. Заготовки – литье – привозили завод имени Владимира Ильича и завод «Проектор».

В течение месяца я освоил еще одну операцию – это нарезка резьбы на оголовнике этой детали.

Через три месяца меня назначили начальником смены и дали 40 ребят, окончивших ПТУ. По 12 часов им было трудно работать, были случаи, когда мальчишки клоняются и ложатся к врачающейся детали, тогда я отправлял их ко мне в кабинет, где лежал матрац, чтобы хоть 10–15 минут могли вздремнуть. Им было по 15–16 лет, а мне – 21. В обеденный перерыв некоторые спали, но большинство терпели, пили чай, рассказывали разные истории. Каждое утро приезжал военпред и забирал продукцию.

А.И. Копин. ГРЭС-3

В механической мастерской на «лимонках» токари нарезали резьбу, выправляли уже отстрелянные гильзы, чтобы их можно было заправить на ПАСМ²⁴ и вновь пустить в дело... Но узнать, что делают в литейной, или увидеть, к примеру, корзины с «лимонками» можно было лишь случайно, заглянув в цех, – болтать об этом не следовало.

С.Д. Абрашин. ТЭЦ-11

Изготовление деталей для снарядов начали у себя, на ТЭЦ-11. Но и людей достаточно не оказалось, и оборудования – не потянули... А Мосэнерго на ТЭЦ-9 организовало специальный завод. Вот и нас откомандировали туда. На «девятке» пробыли до 44-го.

А.В. Панов. ТЭЦ-9

С первых дней Великой Отечественной войны механическому заводу ТЭЦ-9 поручили изготовление деталей легендарных «катюш». Мы получили чертеж и технические условия детали (сопла) реактивного снаряда. Наша задача состояла в составлении полной технологии изготовления изделия,

²⁴ Полевая артиллерийская снаряжательная мастерская. Имеется в виду ПАСМ-22, которая располагалась во время войны в п. Электропрерадача.

в которую входило: 1. Изготовление детали. 2. Термообработка. 3. Проверка детали на твердость по Брюнелю.²⁵

Для массового производства детали нам необходимо было срочно приобрести специальный мерительный прибор «Брюнель» и другое оборудование.

Механический завод ничего этого не имел.

Через районный комитет ВКП(б) завод «Калибр» выдал нам два комплекта необходимого измерительного инструмента, а также прибор «Брюнель». Из Калинина получили один токарный станок и одного токаря. ВТИ дал четыре токарных станка, четырех токарей и двух квалифицированных слесарей. Соседний завод «Парострой» выделил один токарный станок.

Получив оборудование, в помещении станочного зала произвели перестройку, установив станки в цепочку. Каждый станок на отдельную операцию.

Своими силами изготовили термопечь, форсунки. Смонтировали вентилятор, подвели мазут. Цех ТАИ смонтировал термопару для контроля за температурой печи. Специалиста-термиста пришлось готовить своими силами.

После проведения всех организационных мероприятий мы приступили к массовому выпуску деталей. Первое время получалось не совсем хорошо, но со временем, по мере освоения, дела пошли все лучше.

Порядок изготовления детали был следующим.

Поковки детали получали готовые. На четырех токарных станках они проходили черновую обработку. После обдирки деталь термообрабатывали и проверяли на твердость по Брюнелю.

Чистовая обработка состояла из 14 операций. После этого каждая деталь взвешивалась и поступала в ОТК. Каждая деталь строго учитывалась. Последней была тщательная проверка военпредом, ставившим свое клеймо. После этого деталь отправляли на другое предприятие для сборки снаряда.

Первое время станочники работали по 12 часов. Позже была организована работа в три смены.

Квалифицированные токари ушли на фронт, а вместо них пришли жены, никогда не видевшие станков. Прислали нам 15 человек ремесленников 15–16 лет. Для многих из них делали подставки у станков, так как не вышли ростом. Благодаря таким высококвалифицированным мастерам, как Глазов, Шалаев, Мешанинов, Ильин, Коптев, пришедшие быстро освоили работы на своих операциях.

В процессе производства поступило много рационализаторских предложений по оснастке, внедрению копиров. Большую помощь в их изготовлении оказал слесарь турбинного цеха Буряк.

Так, освоив выпуск деталей «катюш», механический завод ТЭЦ-9 за время Великой Отечественной войны изготовил их более двух миллионов штук.

²⁵ Ю.А. Бринелль (1849–1925) – шведский инженер..

Энергопоезд

И.В. Тихомиров

В 1940 году наш Инженерный институт в Нахабино принимал участие в создании энергопоезда мощностью 1000 киловатт. Он состоял из пяти вагонов. В одном была размещена электростанция, которая вырабатывала ток для движения энергопоезда, а на стоянках этот ток через второй вагон, где были повышающий трансформатор и распределительное устройство, при напряжении 6000 вольт передавался потребителям. В третьем вагоне размещался обслуживающий персонал, а в остальных двух – горючее и запасные части. Я был назначен членом комиссии для приемки и испытания этой станции. Прямо из ворот завода «Динамо» в Москве, где изготавлялась эта станция, мы выехали через Ленинград в Эстонию. Там, по договоренности с буржуазным правительством Эстонии, в Палдиски (Балтийский порт) недалеко от Таллина создавалась наша военно-морская база. Энергопоезд предназначался для снабжения электроэнергией строительства базы. Нашему поезду по всей линии железной дороги давали зеленый свет – мы шли как курьерский поезд и на второй день благополучно прибыли в Палдиски. Поезд показал отличные ходовые качества, так же успешно прошли и испытания в Палдиски в стационарном режиме. В боях под Москвой во время Великой Отечественной войны этот энергопоезд служил резервом для питания электрозаграждений и в замаскированном виде стоял на железнодорожной ветке Павшино – Архангельское.

Т.А. Филаретова

Что из себя представляет энергопоезд? Все те же цеха, что и на электростанции. Для шахт делали ответвление железной дороги, чтобы установить поезд. Строилось помещение для котельной. Остальные цеха так и оставались в вагончиках. Обслуживали энергопоезд 8–10 человек. Довольно скромно, по тем меркам. Там же они и жили, просто еще бытовка прицеплялась к составу. То есть если у меня был химцех, – я и делала все, что положено делать химцуеху на ТЭЦ или ГРЭС. Он уже приезжал к нам с посудой, реактивами, укомплектованный.

Над поездом строился навес, как ангар, были выведены трубы – тяга же должна быть, как в котельном цехе, чтобы получить пар, который дальше шел в турбину. А эта турбина – в своем цеху, в своем вагончике.

И вот поезд приезжает на место, строят ангар, устанавливают котлы, а дальше в одном стоит турбинный цех, в другом – генератор, далее – химцех, у каждого вагона своя функция, чтобы получить в итоге электроэнергию или горячую воду, смотря какие турбины были и их функции. И горячая вода, и конденсаторы, у нас все было. Главное – надо было дать электроэнергию в голом поле. Сети же туда не велись. Проводили очень короткие линии от поезда, вырабатывающего энергию, до объекта или шахты.

После ввода в строй стационарных электростанций энергопоезд получал новое назначение. Так, от шахты к шахте, от объекта к объекту, продвигались поезда вслед за освободителями, поднимая на ноги промышленность страны.

Награждение электростанций Красным знаменем Государственного комитета обороны

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

Пика своего восхождения на олимп Всесоюзного соревнования энергетиков электростанция добивается в августе 1943 года, когда ей удается завоевать первое место с получением переходящего знамени Государственного комитета обороны (ГКО) и денежной премии в размере 225 тысяч рублей. Коллектив удерживал знамя ГКО в течение трех месяцев (август–октябрь). Хорошо помню скромный товарищеский ужин, организованный по этому поводу руководителями ТЭЦ. Собственного помещения, где можно было бы провести такого рода мероприятие с большим числом приглашенных, электростанция тогда не имела. Собрались в фойе клуба завода «Компрессор». Были накрыты застеленные белыми скатертями столики на четыре персоны. Стояли тарелки с закусками. Было даже что-то спиртное. По тем временам все выглядело на пределе возможного. Произносились поздравительные тосты, играла радиола, под которую по окончании трапезы одна за другой выходили в образовавшийся круг танцующие пары.

А.И. Копин. ГРЭС-3

В декабре 1944 года коллектив ГРЭС-3 завоевал переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны и удерживал его четыре месяца подряд.

Вручение знамени проходило торжественно в нашем клубе при участии всего коллектива. Вручал его специально приехавший с фронта летчик-истребитель, дважды Герой Советского Союза Петр Покрышев. Это было ярким событием для всего поселка!

Б.А. Кузнецов. Германия,
Фрауендорф. Апрель 1945 г.

Б.А. Кузнецов (слева). Германия. 1945 г.

Б.И. Карапев. 1945 г.

Инженер-майор А.И. Голицын.
Май 1945 г.

Б.А. Хайлов

Штурмовик Ил-2 перед вылетом
(справа – В.И. Степичев). Литва,
аэродром недалеко от Шауляя. Январь 1945 г.

М.М. Комова (слева). Чехословакия. 1945 г.

С.Г. Сухомлин.
1945 г.

С.В. Карлова

А.Н. Маснев

Осмотр техником Ил-2 после полета
(справа - В.И. Степичев). Зима 1945 г.

М.И. Комаров. Шметтин.
15 апреля 1945 г.

Работа районов ВВС и кабельных сетей

Г.А. Кидияров. Северные электросети

Немцы рвались к Москве, Гитлер уже объявил о дне вступления в нее, бои шли на самых близких подступах к столице, жизнь все больше становилась прифронтовой.

Повседневными стали выезды линейщиков на восстановление линий, поврежденных бомбажкой и артобстрелом.

На подстанции Лобня ремонтники и защитники вели ремонтные работы, а на крыше были установлены пулеметные гнезда рядом с высоковольтными вводами, находящимися под напряжением, для отражения просочившихся немецких автоматчиков. Из-за артобстрела не всегда можно было попасть на подстанцию «Химки».

Г.В. Морозов. 4-й район ВВС

В связи с тяжелой обстановкой под Москвой и налетами немецкой авиации в октябре 1941 года были сформированы аварийно-восстановительные бригады служб ЛЭП и подстанций. Часть рабочих и ИТР были переведены на казарменное положение: днем работали, а вечерами проходили военную подготовку, начиная со строевой подготовки и изучения разных видов оружия. Каждому была выдана винтовка, у каждого был собран рюкзак с неприкосновенным запасом питания и одной сменой белья. Все эти мероприятия были предусмотрены на случай непредвиденных обстоятельств, в случае эвакуации и сбора на партизанской базе.

Б.А. Рунов. 5-й район ВВС

Моя мать работала машинисткой в Мосэнерго, недалеко от дома, и прибегала обедать домой. Когда началась война, я в шестнадцатилетнем возрасте начал работать на военном заводе. Таскал с одним марицем ящики со снарядами, вес каждого ящика был 118 килограммов. Намучаешься за 12-часовой рабочий день, придешь домой – сразу в постель, а утром рано опять на работу. И так почти год. Потом поменял работу, устроился поближе к дому, в МОГЭС, монтером-воздушником. Было интересно. Я перестал бояться высоты, когда лазаешь по этим опорам, и, причем, 220 кВ в сетях. Прицепишься, снимаешь гирлянды и провода – нелегкая работа, но я освоил. Был такой случай, когда я чуть не погиб. Заграждения со стратостатами делали от немецких самолетов, и получилось так, что один стратостат оторвался и полетел над Ногинском. У него хвост был большой от троса, и он зацепился за линии, и меня послали на осмотр линии обходчиком. Я нашел место, сначала линия была выключена, потом включилась. И вот висит провод, такой, скрученный жгутом, и не касается земли, я подошел к нему, связи не было, никаких телефонов, главное – обнаружил. И только я хотел отходить, как подул ветерок, и провод немножко прижало к земле, и тут как долбанет – короткое замыкание в землю, буквально в четырех метрах от меня. Я отскочил, а в земле такая дыра получилась. Это был для меня сильный удар, мне ведь было всего лишь 17 лет. Послали второго обходчика, на машине, линия второй раз вышла из строя. Потом ее уже починили.

В.А. Кузнецов

Я был мальчишкой, когда началась война. Наша семья жила тогда практически на территории сегодняшней подстанции № 75, что в Коломне. Мой отец, Александр Николаевич, работал в то время главным инженером района. Район был большой, простирался до Рязани, а из транспорта были только лошади: зимой запряженные в сани, а летом – в телегу. На лошадях ездили бригады на обслуживание линий, на них же (лошадях) возили лес на опоры и на топку печей. Этот вид транспорта, да еще зимой лыжи, стали основными в военное время. И ведь работали люди. Да еще как! В кратчайшее время было организовано круглосуточное дежурство не только диспетчеров, у которых этот режим работы был обычным, но и бригад, которые следили как за работой оборудования, так и за возможными налетами вражеской авиации. А налеты были. Одной из целей врага было отрезать железнодорожное сообщение Москвы с Рязанью и далее с тем, чтобы взять Москву в кольцо. Узловой станцией этого несостоявшегося плана стала станция Голутвин. Но судьбе было угодно этого не допустить: враг несколько раз пытался сбрасывать бомбы, но они не попадали в точку.

Осенью 1941 года шла активная подготовка к эвакуации оборудования подстанции № 75. Отец ходил угрюмым, но, отдать должное светлой памяти моим родителям, даже в такое страшное время в доме сохранялась добрая атмосфера. Как это им удавалось, не знаю!

В военное время жили дружно, и всячески друг друга поддерживали и помогали, чем могли. Карточная система обеспечивала только минимумом продуктов, поэтому вблизи подстанции взрослые быстро разработали землю для посадки овощей и картофеля. Нас, юнцов, привлекали ко всем работам, да мы и не отказывались. Ведь наше детство проходило среди работников предприятия, почти в рабочей обстановке. С отцами мы и в лес за дровами ездили, и на заготовку бревен для опор. Пилили огромные деревья обычной двуручной пилой, топорами отсекали сучья, распиливали на мерные поленья и увозили домой. Так проходило наше военное детство.

С постоянным и неотступным вниманием следили мы за продвижением наших войск. Эти сообщения передавались по радио: репродуктор был установлен на улице, а те приемники, которые были в личном пользовании в семьях, были все до одного сданы в милицию по особому распоряжению властей. Вероятно, с целью недопущения агитации врагов и ненужной информации. Мне отец дал поручение отнести приемник в милицию, что я и сделал, положив его аккуратно в мешок. Но каково же было наше общее удивление, когда по прошествии нескольких лет было разрешено получить их назад: где в 41-м году я положил мешок с приемником – там его и взял!

Е.И. Мелехова. ЦЭС

Во время войны работала в вооруженной охране (ВОХР) электроподстанции № 32. Молодые девчонки жили в общежитии, выходили на дежурства с винтовками и охраняли подстанцию. На постах рядом также стояли зенитные батареи.

Подстанцию бомбили, и на открытую территорию попала бомба. В наши дни работники еще могут увидеть гнутые металлические конструкции в том месте, где крепятся разъединители линейной шины трансформатора.

Е.В. Колыванова. Шатурские электросети

Когда началась война, я жила возле Шатуры с отцом. Мама умерла, когда мне было четыре года.

Мы с подругой сразу направились в военкомат – хотели на фронт. «Подрастите немного!» – сказали нам. И в 16 лет я начала работать на подстанции, младшим дежурным.

Получила рабочую карточку – на нее давали 200 граммов хлеба и крупу, в основном пшеничную, которая очень плохо переваривалась. Приносили с собой на работу картошку, пекли ее на подстанции и ели, так вкусно было!

Через год поступила на курсы, которые были организованы при Шатурском энерготехникуме, стала вести оперативный журнал и, получив образование, работала дежурным по подстанции № 175. Подстанция находилась в семи километрах от дома, идти на работу приходилось лесом, и было страшновато.

В Шатуре был 8-й район Мосэнерго. Несмотря на военное положение, энергетикам стали понемногу подвозить продукты, а главное, я чувствовала, что мой труд необходим. Честно работали, ждали окончания войны, не считались с трудностями, а в энергетике порой случаются и нештатные ситуации, и внеурочная работа. И вот, наконец, Победа!

А.В. Прокопенко. Коломенские электросети

Работникам 7-го района ВВС Мосэнерго приходилось решать сложную задачу обеспечения беспредвойного электроснабжения объектов народного хозяйства и оборонной промышленности Рязани, в то время питающихся с тупиковой ПС 74.

В начале 1941 года враг был на подступах к Коломне и находился от города на расстоянии 12 километров. Участились артобстрелы и бомбежки. Город жил напряженной и тревожной жизнью, неся многочисленные потери и разрушения. В результате частых бомбёзок не раз выходила из строя единственная в то время ВЛ 110 кВ Зарайск – Рязань. Город на длительное время оставался без электроэнергии, погружаясь во мрак, так как бомбёзки были в основном в ночное время. Монтеры-воздушники ПС 74, подчас рискуя собственными жизнями, старались в кратчайшие сроки восстановить линию и включить ее в работу. На восстановительные работы нередко привлекались и работники других подстанций 7-го района, и работники Мособлэлектро Рязани.

Меня война застала на ПС 62 «Зарайск». В начале июля меня перевели на ПС 74 дежурным техником, так как все дежурные техники-мужчины были взяты на фронт. Осталась там только Зина Филатова. Вдвоем с ней мы и дежурили, и проводили все эксплуатационные и восстановительные работы на оборудовании 110 и 6,6 кВ. На ОРУ-110 кВ часто сбрасывали зажигательные бомбы, и нам приходи-

лось их тушить. На подстанции было установлено круглосуточное дежурство и казарменное положение: работали и жили на подстанции без права отлучки в течение октября, ноября и декабря 1941 года. Но мы все понимали и не сетовали на усталость, бессонные ночи, на недоедание. Но даже еще вечерами ходили в госпиталь ухаживать за ранеными (у нас были спецпропуска).

Не верится, как мы могли выстоять, но нас ничего не сломило, и мы делали все, что требовала от нас страна. С болью в сердце вспоминается тот момент, когда мы, работники ПС 74 «Рязань», готовили оборудование и здание к взрыву. После завершения всех работ персоналу подстанции поставили в трудовой книжке штамп об увольнении. Это произошло 27 ноября 1941 года. Всем выдали выходное пособие, а мне как комсомолке было дано задание от горкома комсомола и властей Рязани в нужную минуту выполнить работы по взрыву и уйти.

Это день был самым печальным в моей жизни. Но, к нашей большой радости, этого не случилось, враг был отбит и разгромлен, и с каждым днем его все дальше гнали от Рязани.

Е.Е. Бабина. Западные электросети

22 июня 1941 года, когда началась война, я дежурила в дневную смену на ПС № 46 «Бутырки». В 12 часов дня по радио В.М. Молотов сообщил о том, что немецкие войска перешли нашу границу, вражеская авиация бомбит наши города... Началась война...

Нас перевели на казарменное положение. Это значит: на обед строем, никуда не отлучаться без разрешения, о каждом своем шаге обязан докладывать начальству, и оно знает, где ты находишься в каждую минуту. В свободное от дежурства время мы были заняты тушением зажигательных бомб при налетах и выполняли другие работы по указанию начальства.

Особенно фашисты хотели уничтожить мост окружной железной дороги, который находился около ПС № 46 «Бутырки». В 1941 году фугасная бомба упала во двор подстанции. В этот момент я работала в ночную смену, все здания так зашатались, что мы не знали, останемся живыми или нет.

... Очень тяжело было в октябре 1941 года, когда Москва находилась на осадном положении. Началась паника, народ начал эвакуироваться. На Москву было страшно смотреть, она была погружена во тьму – светомаскировка. В это время в центре Москвы около Большого театра была сброшена фугасная бомба. Москва опустела...

В 1942 году меня перевели работать дежурным на ПС № 17 «Фили». Вокруг подстанции было расположено очень много бараков, деревянных, без удобств, сараев. В бараках жили работники 11-го района и работники Москвотолевого завода, который был расположен через дорогу от подстанции (в последующее время он назывался Завод кровельных полимеров).

Немецкие самолеты очень интенсивно бомбили этот район, так как рядом с подстанцией № 17 находился военный завод. В эти дни фугасная бомба упала на пятый двор подстанции. Бараки и сарай загорелись как спички, горел, конечно, и толевый завод. Мы тушили зажигалки по несколько раз в день.

Вскоре меня перевели работать на подстанцию 35 кВ № 26 «Давыдково». Она была расположена на окраине одноименной деревни, там, где в настоящее время расположен универмаг «Минск». Эта подстанция очень ответственная. От нее получали электроэнергию заводы, выпускающие продукцию для фронта. От нее также питалась дача Сталина (ближняя).

Во время войны, несмотря на то, что работали неопытные молодые девчонки, я не знаю, чтобы были серьезные аварии или тяжелые отказы в работе оборудования. Мы все очень старались, были дисциплинированными в работе. Это происходило оттого, что мы жили в тяжелое время, жили и трудились вместе со всем народом во имя нашей победы над врагом.

А.М. Михайлова. Западные электросети

Я начала работать в 3-м районе ВВС Мосэнерго с октября 1942 года после окончания семи классов, мне было 17,5 лет. Принимал на работу начальник района Центр Лев Яковлевич. Он определил мне должность дежурного электромонтера подстанции 110 кВ.

Стажировку проходила на подстанции № 180 «Ново-Кунцево» в течение полугода. Она строилась в это время. На ней были установлены два трансформатора мощностью 150 тысяч кВа каждый. Они были обложены мешками с песком для защиты от разрывов фугасных бомб.

Для строительства напряжение получали по фидеру 6 кВ от завода № 304 – теперь это Московский радиозавод (МРТЗ). Включили сначала один трансформатор № 1 вместе с ЛЭП 30 кВ (Ново-Кунцево – ПС № 110 «Рублево»).

График был жесткий – по 12 часов каждые сутки. Жили в бараке при подстанции, а я в то время жила в доме моего отца в п. Немчиновка в комнате 13 м². В ней нас проживало шесть человек, все взрослые.

В распоряжении нашего участка было несколько газогенераторных грузовых автомашин. Топливом для них был не бензин, а дрова. Мы их заготавливали, а потом сушили в помещении синхронного компенсатора в свободное от дежурства время.

Жили на рабочую карточку. Для тех, кто не жил в то далекое время, скажу, что это такое. Это документ для нормированного получения продуктов питания. Было два вида карточек – рабочая и для иждивенцев. По первой полагался 1 килограмм хлеба в сутки, по второй – 400 граммов. В такой же пропорции полагались и другие виды продукции. Этого было явно недостаточно. Ходили вечно голодные. Но находили в себе силы добросовестно выполнять свои обязанности.

Во время войны проходила по стране ежегодная кампания подписки на заем. Это была передача части своего заработка в обмен на облигации государственного займа. Всеми нами двигало патриотическое настроение помочь Родине как можно скорее победить врага. Поэтому подписная сумма всегда была не меньше месячного заработка.

В 1945 году я была на лесозаготовках в Дмитровском районе... Жилье нам определили в конюшне, воду брали в Москве-реке. Мы постоянно находились в мокрой одежде, спецодежды не было. Но работали безотказно, так как были комсомольцами, и дисциплина была железная.

Н.В. Кожанова. Западные электросети

Я поступила работать в Мосэнерго 7 января 1942 года. Проживала я тогда в Дзержинском районе Москвы, учеба в школах была отменена, а мне надо было кончать 10-й класс. Осенью выезжали в Коломенский район на уборку урожая, октябрь–ноябрь я работала на оборонительных укреплениях в Ростокино, а в декабре создавали завалы на 83-м километре от Москвы, в Хотькове.

Шла война, устроиться на работу в то время было трудно, многие предприятия были эвакуированы, поэтому после возвращения пошла в Дзержинский РК ВЛКСМ и попросила направить на работу. Мне дали направление в 3-й район BBC Мосэнерго.

7 января 1942 года меня принял начальник Л.Я. Центер и направил на подстанцию № 46, которая находилась на Бутырском хуторе, для освоения должности дежурного электромонтера.

В начале войны многих работников взяли на фронт, и на этой подстанции не хватало электрослесарей и оперативного персонала. Меня приняли очень хорошо, за один месяц подготовили на должность диспетчера района, который одновременно исполнял обязанности дежурного инженера подстанции.

Стажироваться, как это принято сейчас, не было возможности, я сразу включилась в работу. Подстанция № 46 была в то время самой крупной в Москве. Было 220/110, 35, 10 кВ и 4 синхронных компенсатора, сложная американская схема по 220 кВ, очень трудная схема по 110 кВ, и все было так ново, незнакомо, что ни делю, все сложно.

Работали мы дружно. Рабочий день был продолжительностью 14 часов, на дорогу уходило 2 часа, так как транспорт ходил очень плохо, почти всегда ходила от Савеловского вокзала пешком.

Приезжала на смену к 8 часам утра, 2 часа обход, и с 10 до 22 часов дежурила. Выходных и отпусков не было. Мы все исполняли общественную нагрузку по линии комсомола: работали в избирательных комиссиях, агитаторами, занимались уборкой картофеля в колхозах Подмосковья. Питание было скучным. В столовой давали самый плохой суп, мы почти всегда ходили голодными.

Когда объявлялась воздушная тревога, мы никогда не покидали свое рабочее место.

Осенью 1943 года я была переведена на подстанцию № 81 «Бескудниково». Она снабжала электроэнергией важнейшие военные объекты. Эта подстанция не имела дистанционного управления приводов МВ, включение которых производилось вручную штурвалом. Для этого надо было приложить большое усилие, и мы привлекали на помощь работников охраны. Даже в это трудное время руководство ценило работников, отмечало из них лучших.

Летом 1944 года меня перевели на подстанцию № 70 «Сетунь», которая также снабжала электроэнергией военные заводы. Мощности в системе не хватало, постоянные ограничения, поэтому от дежурного персонала требовалась четкость и ответственность. Работали без выходных, по суткам.

Когда кончилась война, стало работать легче – по 12 часов.

Г.Г. Калмыков. Западные электросети

Работали по трехсменному графику без выходных дней и праздников. Писать было нечем, чернила делали сами из черной камуфляжной краски. На территории подстанции № 17 стояла бревенчатая избушка – линейный монтерский пункт. Особо хочется отметить конюха Буханова. Этот человек, бывало, до рассвета запрягает своего Рыжего и развозит изоляторы вдоль по ЛЭП – готовится к ремонтным работам на день. Шла война. Кроме Рыжего, на подстанции «Фили» другого транспорта не имели, никаких спецмашин, раций. … Неподалеку от проходной и по сей день стоит старый деревянный дом, в котором жили работники Управления Мосэнерго и работники подстанции № 17. Сейчас в нем находятся некоторые службы Западных электросетей Мосэнерго: Энергосбыт, ЖКО, ОКС.

… Выручали только огороды, благо земли на подстанции № 110 и около хватало. Ребята опухали от голода. Утром, бывало, смотримся в зеркало в комнате дежурных – кто насколько распух.

Помогали младшие дежурные – местные жители поселка Рублево, которые приносили картошку. В 1943 году уже была своя картошка, люди стали поправляться.

Когда на фронтах Великой Отечественной войны произошел перелом в нашу пользу, это почувствовалось повсюду. Выдали нам карточки «ГЦ» – это один килограмм хлеба в сутки, стали давать дополнительные талоны на обед. А в ателье принимали в ремонт, штопку и перелицовку одежду (даже ветхую).

Восстановление

К.Д. Лаврененко, Б.А. Дьяков

Всего 20 дней был Сталиногорск в руках оккупантов, но выглядел так, будто его разрушали изо дня в день много месяцев подряд. Теперь нужно заново ставить на ноги электростанцию. Первым делом восстановили железнодорожные пути и мосты. На самой ГРЭС заработала механическая мастерская. Вскоре же был создан специальный участок треста «Центрэнергомонтаж». Начали с шестой турбиной. В начале 1942 года Ленинградский металлический завод, поставлявший ранее турбоагрегаты, прислал опытного шеф-инженера В.А. Гарбузова, который до войны монтировал эту турбину и знал ее как свои пять пальцев.

Надо разбирать завалы. На морозе, иногда без необходимых инструментов, люди трудились с удивительной настойчивостью, с неугасимой ненавистью к врагу. Очистили от обломков оборудование. Вот он – теплофикационный турбоагрегат № 6 мощностью 50 тысяч киловатт. Разрушен меньше других, и над ним сохранилась часть перекрытия машинного зала. Значит, в первую очередь нужно браться за шестой. Тем более что возрождавшийся химкомбинат требовал подачи

пара, а его можно получить только из отборов этой турбины. Однако все так сложно, что не передашь! Необходимые детали прибыли из Ленинграда с опозданием: они переправлялись через Ладогу, по Дороге жизни. Гарбузов с московскими инженерами сделал чертежи недостающих узлов.

В решениях правительства об электростанциях главное внимание обращено на Сталиногорскую ГРЭС. Ей выделили материальные ресурсы, установили сроки, предусмотрели набор людей. Но где взять этих нужных людей? Одни на востоке, другие воюют.

Как всегда, на выручку пришел комсомол. Московский горком партии и ЦК комсомола обратились с призывом к молодежи. В Сталиногорск приехали из разных городов и сел сотни ребят, окончивших и не успевших ремесленные и другие училища. Приспособили под общежития вагончики и с энтузиазмом приступили к делу. Каждый попадающий на стройку дивился, что там много подростков. Но трудились они с завидным старанием.

Трудно было возвращать на Сталиногорскую ГРЭС оборудование! Найди-ка его в удаленных от железнодорожных станций местах, под снегом, на разных временных площадках. Грузи кустарными подъемными средствами, да попробуй доставить, когда на запад один за другим идут воинские эшелоны: им – «зеленая улица». И все же с этим наитруднейшим поручением справились особо уполномоченные ГРЭС. Они проверили множество различных адресов назначения грузов Сталиногорки и нашли то, что искали! Но оборудование мало вернуть – с ним нельзя ничего делать без электроэнергии. Ее подали через городскую подстанцию и «Угольную».

Появился и механический цех. Мастерская уже не годилась: очень мала. Ведь надо не только монтировать, а воссоздать строительные конструкции и детали. Наркомат получил токарные станки фирмы «Георг Свифт и сыновья» из города Галифакса (по ленд-лизу из Англии) и передал их ГРЭС. Распаковали ящики. И в одном из них – плакаты. Изображена поднятая мозолистая рука рабочего, а на ладони надпись: «От британского народа!»

Параллельно с возведением главного корпуса монтировали временный щит управления. Но за что ни возьмись – то одного, то другого нет. Не было, например, провода для панелей измерительных приборов, релейной аппаратуры. Многое находили здесь же, среди обломков. Необычайными усилиями восстановили девятый и десятый котлы. Пустили в ход дымососы, мельничные вентиляторы, сами мельницы и тракт топливоподачи. Строить все это заново куда бы легче!

Воля коллектива победила! 26 октября 1942 года принял нагрузку шестой турбогенератор. Сталиногорская ГРЭС вновь дала электроэнергию. Все остальное было так изуродовано, что неизбежным стало заводское участие. Монтаж возобновили в 1943 году. С четвертым турбогенератором пришлось повозиться. Турбину с помощью завода «подняли», а вот электрооборудования, в том числе генератора и трансформаторов, не было. Тогда в Ленинграде на «Электросиле» «оздоровили» генератор 50 тысяч киловатт, эвакуированный с Дубровской ГРЭС. Получили его уже обычным путем – блокада была прорвана. На статоре алело красное полотнище «Ленинград – Москве!» Трансформатор изготовили на столичном электрозваводе. В апреле 1944 года агрегат включили в сеть.

Чтобы пустить третью турбину, не хватило конденсатора – заполненного латунными трубками цилиндра диаметром примерно четыре и длиной семь метров. Где достать? Разумеется, только соорудить на самой стройке! Заводских приспособлений не было, нужно умудриться выполнить работу подручными средствами. Бригада мастера Боженко трудилась на открытой площадке, но соблюдала точность, принятую на заводе. В мирное время такое казалось бы фантастикой, а в военное – осуществилось! Не только конденсатор сделали сталиногорцы, но и газоходы, горелки, другое нужное оборудование. Выходили из любого кризисного и даже, на первый взгляд, безнадежного положения. Невольно напрашивается вопрос: могло ли подобное быть где-либо в капиталистической стране, даже во время войны? Конечно же, нет!

За два с лишним месяца до конца войны включили в сеть турбогенератор № 3. В День Победы мощность станции уже равнялась 150 тысяч киловатт.

Л.В. Точилин. Сталиногорская ГРЭС

Нам приходилось просматривать тысячи учетных листков, номера вагонов. Большинство пропавшего оборудования разыскивали. Не найдена была одна железнодорожная платформа с регулированием, приборами и щитом турбины № 6. Мне было поручено во что бы то ни стало ее найти. Монтаж шестой машины шел к концу, и эти механизмы и приборы были очень нужны монтажникам. Я проверил выходные железной дороги в сторону Урала на Московской окружной дороге, но платформу не обнаружил. Тогда решил идти пешком от станции Бирюлево в сторону Стalingорска, тщательно просматривая участки дороги, которые были подвергнуты бомбардировке. На станции Настасьино я обнаружил платформу с оборудованием.

В.К. Людина. ПКБ

Через четыре-пять месяцев [после эвакуации из Москвы осенью 1941 года] ПКБ начало воссоздаваться вновь. Сначала это была маленькая горстка людей. Вся проектная организация размещалась в одной комнате № 413. Занимались мы проектированием убежищ, защитой оборудования от повреждения осколками, ходили на сооружение оборонительных укреплений.

Вскоре началось восстановление разрушенных энергетических объектов.

Большие работы велись на Сталиногорской ГРЭС. Она была взорвана нашими войсками при отступлении. Когда мы приехали туда, вид станции на всех произвел потрясающее впечатление. Не верилось, что ее можно собрать. Главный корпус напоминал громадное допотопное животное, раненное разрывным снарядом, с развороченными внутренностями.

Много пришлось положить сил и труда на восстановление этого объекта. Люди не считались со временем, на станции несколько лет работала бригада во главе с главным инженером ПКБ Ф.Н. Мелетьевым. Выезжали наши работники и на восстановление ПС «Болоховка», где на территории валялись простреленные каски, наши и немецкие, отстрелянные гильзы снарядов, пулеметные ленты. Как-то ничто не страшило, хотя опасность была почти рядом.

И.Н. Васильев. ПКБ

В военные годы было мало новых подстанций, а главной работой и у меня, и в группе изысканий было восстановление сетей в Подмосковном угольном бассейне.

Мы с Ю.А. Ивановым бродили от шахты к шахте, часто не имея ни ночлега, ни питания.

Не один раз в морозные дни рабочие (которых иногда давали с шахты) убегали от нас, оставляя одних, с инструментами, в поле. Правда, нельзя считать, что оставляли совсем одних. Один раз, выйдя из леса и обернувшись, мы увидели, что почти по нашему следу шагают волки. Но они прошли мимо и не помогли нам тащить инструменты.

Жизнь в тылу

Централизованная система государственного управления подчи-нила деятельность всех партийных, советских, хозяйственных орга-нов решению главной задачи – защиты Отечества и разгрома врага, полностью мобилизовала ресурсы государства, добилась обеспечения выпуска необходимого количества военной продукции, но в то же вре-мя удовлетворение нужд фронта привело к резкому ухудшению мате-риального положения внутри страны.

Огромные потери в начальный период войны понесло сельское хо-зяйство. Основные зерновые районы были заняты врагом. Посевные площасти и поголовье крупного рогатого скота сократились в два раза. Валовая сельскохозяйственная продукция составляла 37 % довоенно-го уровня. Недостаток продовольствия стал одним из главных испыта-ний военного периода, от которого прежде всего страдал многомили-онный советский тыл (на государственном снабжении хлебом в 1942 г. находилось 61,8 млн человек, в 1945 г. – 80,6 млн; для сравнения: численность городского населения в СССР в 1940 г. – 63 млн 112 тыс., сельского – 130 млн 965 тыс.).

Переход к карточной системе начался в июле 1941 г. В первую оче-редь карточная система снабжения хлебом и продовольственными то-варами была введена для населения Москвы, Ленинграда, Московской и Ленинградской областей. Было также введено государственное нор-мированное снабжение промышленными товарами: тканями, кожаной и резиновой обувью, мылом и пр. К 10 ноября 1941 г. карточная система охватила практически все городские поселения страны.

Нормы снабжения устанавливались по четырем группам населения: рабочие, служащие, иждивенцы и дети в возрасте до 12 лет.

В зависимости от значения отраслей промышленности рабочие снабжались хлебом и сахаром по нормам 1-й и 2-й категорий. Это по 800 (600) граммов хлеба в день и такое же количество сахара и конди-терских изделий на человека в месяц.

С 1942 г. были введены специальные карточки для дополнительного питания рабочих, занятых на подземных работах, в горячих и вредных цехах, а также для беременных женщин, кормящих матерей, доноров, больных.

Выдача хлебных карточек населению производилась ежемесячно, а отпуск хлеба по ним – по соответствующим талонам в пределах установленной нормы каждый день, допускался отпуск хлеба на один день вперед.

С исчерпанием продрезервов в начале войны, в 1943–1945 гг. отечественное сельское хозяйство было уже не в состоянии прокормить многомиллионную армию и тыл. В середине войны разразился продовольственный кризис, и 21 ноября 1943 г. пришлось снижать нормы на хлеб. Рабочие получали по карточкам 500–700 граммов, служащие – 400–450 граммов, иждивенцы и дети – 300 граммов хлеба. Продовольственные поставки к середине 1944 г. потеснили в советских заявках по ленд-лизу металлы и даже некоторые виды вооружения. Продовольственные грузы заняли свыше 25 % в общем объеме ввезенных в конце войны грузов.

С 1945 г. нормы выдачи хлеба, действовавшие до ноября 1943 г., начали восстанавливаться.

*В тылу, как в тылу,
Ни кола, ни двора и ни хаты –
Вся деревня под снегом живет.
Эти годы, что были когда-то,
Горечь детства забыть не дает...
Мы великих дел не вершили
И по трижды чужой вине,
Как солдаты,
В землянках жили,
Умирали,
Как на войне.*

Владимир Фирсов

Л.К. Агуреева. Каширская ГРЭС

В годы войны приходилось дежурить и в размещенных в школьных зданиях госпиталях. Там по просьбе раненых солдат писала письма их родным, читала газеты, штопала белье, помогала по кухне. А вечерами сидилась за школьную парту. Конечно, громко сказано: за парту. Учились, где придется, и на дому у учителей, и в не занятых ранеными бойцами классах, занимались самостоятельно. Вот при таких условиях в 1944 году окончила десять классов и поступила в Ивановский энергетический институт. Но в то время было не до учебы, студенты, как и школьники, помогали колхозам и совхозам. До сих пор удивляюсь, как мы, хрупкие девушки, могли рубить большие деревья, распиливать их. Каждый из нас должен был выполнить норму три кубометра дров. Мы не только рубили деревья, но и распиливали их на чурбаки, кололи и складывали в поленницы. А еще зимой чистили от снега взлетные полосы аэродрома. Такой работе мы были только рады, после нее нас ждал сытный обед в солдатской столовой. Вот так прошли мои юношеские годы.

В.Н. Брюнина. Северные электросети

В 1941 году окончила 10 классов. Все мысли о предстоящей самостоятельной жизни были связаны, конечно, с миром. Война нарушила и перевернула все планы и надежды. Я поступила в фармацевтическую школу, но проучилась всего два месяца, школу закрыли, а нас направили рыть противотанковые рвы под Пензу. Днем мы работали, а вечером желающие ходили на курсы сандружинниц.

В марте 1942 года обком Российского Красного Креста направил меня с одной девушкой на работу в санитарный поезд № 187. Работали санитарками. Рейсы с ранеными и обратно длились обычно около двух недель. На обратном пути к фронту мы стирали белье, бинты, мыли вагоны, готовились к новому приему раненых. Особенно запомнился первый рейс: раненых принимали в Москве и отправляли в Алма-Ату. В поезде была организована агитбригада, вечерами ходили по вагонам, давали концерты для раненых. День Победы застал нас в Харькове в очередном рейсе с ранеными.

Н.И. Нагина. 7-й район ВВС

Все трудились в войну на лесозаготовках. Уезжали на вырубки с ночлегом, чтобы успеть выполнить свою норму заготовки двух кубометров на человека. Мы, молодые девушки, двуручными пилами пилили деревья, затем мерно (по 1,5 метра) их распиливали и складывали. Вечером наскоро делали шалаш для ночлега из подручных средств, но сна не было, так как вокруг шалаша бродили волки, чуя присутствие человека. Мы знали, что в таких случаях надо разводить костер, но страх не позволял выйти из шалаша. Вот так, в один из дней, едва дождавшись рассвета, подгоняемые волчьим воем, все девушки побежали к станции, чтобы успеть на поезд, но, не успев добежать, поняли, что поезд от станции уже тронулся. Из последних сил мы побежали через поле наперерез поезду, превозмогая страх и усталость. Удача нам улыбнулась: машинист заметил бегущих и остановил состав. Не помня себя, испуганные и уставшие, мы забрались в тамбур вагона и только тогда поверили в то, что спасены. И это был не страшный сон, а повседневная жизнь военного времени.

А.В. Ваваева. Октябрьские электросети

В 1941 году началась Великая Отечественная война, она не обошла стороной и наш завод, вместе со всеми я испытала и холод, и голод, и горечь поражения наших войск, а фронт приближался, и меня, как и всех сотрудников нашего предприятия, мобилизовали на расчистку и восстановление железнодорожных путей. Рыли и противотанковые окопы в Черкизово под Химками. Работали по 12–18 часов в сутки, в основном женщины и дети. В сердцах и умах у всех нас было одно: «Все для фронта, все для победы!» Немцы рвались к Москве, и наша Октябрьская железная дорога имела стратегическое значение. Бывало, только восстановим пути, только заработала «железка», как налетела немецкая авиация, и... мы снова шли восстанавливать.

Н.П. Новизенцева. 9-й район ВВС

В 1941 году всем женщинам нашего предприятия была предоставлена возможность эвакуации в тыл. Но некоторые отказались от эвакуации и вместе со всем коллективом решили отстаивать свой родной город от фашистского нашествия. Это в основном женщины-телефонистки и дежурные по подстанциям...

Кроме основной производственной работы, на женщин возлагалась дополнительная уборка помещений, приготовление пищи, стирка белья. В годы войны женщины и девушки нашего предприятия ежедневно в нерабочее время дежурили в подшефном госпитале (улица Каминского, школа № 6). Они убирали палаты, кормили тяжелораненых, писали письма. Иногда дежурили в палатах как санитарки, выполняли самую разнообразную работу.

В.И. Суханова. Шатурские электросети

Мне было 12 лет, когда по радио передали о начале войны. Главным делом всех, кто остался в п. Кривандино Шатурского района, стало своим ударным трудом и учебой не запятнать честь солдат, защищавших Родину.

Голодные, в латаной-перелатаной одежде, ходили в школу из разных деревень. Валенки были изношены так, что из дыр сено торчало. Чернила в непроливайках замерзали: школа не отапли-

валась. На уроках сидели в пальто и ждали хлеба. Его начали давать примерно в середине войны, каждому – по 50 граммов.

Каждую осень детей посыпали «на картошку». Ребята понимали, что в их руках находилось все пропитание поселка зимой, и старались на совесть. Выкапывали из мерзлой земли все до последнего клубня. Я заработала полтора мешка картошки. Главной кормилицей в семье была корова. Молоко меняли на хлеб. Вместо чая заваривали сушеную свеклу, морковь или тыкву. Клали в него полученный химическим способом, а потому очень вредный для здоровья сахарин.

Зимой обязанностью семей школьников была заготовка дров для школы – по три кубометра на семью. Летом собирали с колхозных полей колоски ржи, чтобы ни зернышка не пропало.

Объединяясь в тимуровские команды, ребята помогали семьям фронтовиков и погибших – дрова носили, мыли пол, выполняли другую домашнюю работу. Ни у кого даже мысли не возникало отлынивать.

Случались и развлечения. В дни, когда привозили кинофильмы, в клубе было не протолкнуться. Смотрели: «Чапаев», «Депутат Балтики», «Щорс», «Броненосец Потемкин». И про любовь – «Сказание о земле Сибирской», «Сердца четырех», «Моя любовь», но это уже позднее. Эти добрые фильмы учили нас жить. В Кривандино в годы войны базировались военные. Поэтому в клубе устраивали танцы, где играл духовой оркестр. Попробуй явиться с мятыми атласными лентами в косичках! Это было единственным украшением того времени, и девушки тщательно проглаживали ленточки о горячий самовар. Во всем остальном – традиционная строгость: ситцевое платье, носки, тапочки. Особым шиком считалась одежда из «гуманитарной помощи» американцев. Мне досталось шерстяное черное платье и добротное пальто.

С.В. Смирнов

В июне 1941 года новый военком Кривандинского района Елисеев начал мобилизацию мужского населения, а спустя месяц ушел на фронт сам. Он служил под командованием самого генерала Жукова старшим политруком стрелковой дивизии. Мама рассказывала, как тогда всем своим детским существом ощущала сильную тревогу, передающуюся от взрослых детям. Тогда немцы подошли совсем близко к Москве. На восток, в сторону Шатуры, шли сплошные эшелоны – из столицы вывозили целые заводы: станки, оборудование… Среди населения началась паника. Бабушка с четырьмя детьми сидела на узлах, готовая сорваться и уезжать, ведь если что – с семьей политрука враги расправятся в первую очередь. Но политрук Елисеев в своих коротких посланиях семье – серо-розовых открытках, исписанных мелким почерком, – настаивал: «Никуда не уезжайте, скоро мы погоним немца, победа будет за нами!» То ли дед знал больше, то ли работа у него была такая – но факт остается фактом: уверенность в том, что мы выиграем битву за Москву и «погоним фрицев», передавалась от деда близким. Политрук Елисеев погиб в бою в конце января 1942 года и похоронен в братской могиле. Так было написано в похоронке, которую получили дети. Мама вспоминает – брат долго стоял у окна и водил пальцем по стеклу. Вечером бабушка пришла с работы и долго молча сидела за столом. В Кривандино едва ли можно найти дом, в который бы не пришла похоронка на мужа, отца или брата. В классе мамы только у пяти-шести ребят отцы вернулись с войны.

300

Бойцы и командиры 8-го отдельного электротехнического
батальона у Рейхстага. 1945 г.

Ремонтная бригада. А.И. Копин (нижний ряд, четвертый справа). 1945 г.

А.И. Мишин

А.М. Акимов

Командир батальона
подполковник П.А. Сизых
и начальник штаба майор
А.И. Голицын (слева)
у Рейхстага. 1945 г.

Как они пережили войну? Мама говорит, сильно не голодали. Все потому, что бабушка – хрупкая учительница начальных классов, не раз ходила в соседние деревни за картошкой, меняя на нее свои крепдешиновые платья. Хлеб – маленькую буханку, полученную по карточкам, делила ровно на четыре части: что ела сама – непонятно. На большой перемене в школе детям давали чай с тоненьким кусочком хлеба и двумя конфетами-подушечками. В 1943 году семье дали небольшой участок земли, на котором бабушка со старшими детьми растила овощи.

В.И. Лунин. Рязанские электросети

Отца забрали на фронт, и в 15 лет я остался в семье за старшего. Работал трактористом в колхозе в Ростовской области, копал окопы на Дону около станицы Семикаракорской. А в первых числах мая 1943-го из-за острой нехватки солдат, меня, 17-летнего, в числе многих ребят-одногодков призвали в ряды Красной армии и направили в Сталинград.

Город был буквально напичкан минами, неразорвавшимися снарядами. Ходить по городу было очень опасно: под каждой доской или грудой обломков могла «притаяться» мина или неразорвавшийся снаряд. Приставили меня к опытному сержанту, вместе с ним мы собирали боеприпасы, разминировали улицы и дороги. Смертельно опасная работа требовала необыкновенной собранности и точности – я и мой напарник должны были действовать, как хирург с ассистентом во время сложной операции. Город был полностью разрушен, а потому осколки стен, кирпичей, стекла, труб устилали улицы толстым слоем. Завалы разбирали руками, использовали кисточки, как археологи. Работали саперы бок о бок со специальной похоронной командой. Но от беды я не уберегся – минер ошибается один раз... Мина снесла голову сержанту, осколки раздробили мне щиколотку левой ноги и пальцы, задели два ребра.

Я был признан негодным к строевой службе и направлен в Сталинградский металлургический завод «Красный Октябрь» для восстановления мартеновского цеха № 2.

31 июля 1943 года на самой первой восстановленной печи сварили первую плавку стали. На другой день вышла газета «Сталинградская правда» с заголовком «Есть Сталинградская сталь» аршинными красными буквами, послали телеграмму Сталину. Так весь мир узнал, что город жив, и борьба с фашизмом вспыхнула с новой силой.

На фронте остро не хватало цветных металлов для гильз, и именно на этом заводе во время войны впервые в мире разработали и сварили гильзовую сталь П-11, секрет которой был раскрыт только около 2000 года.

Хлеба на день рабочему мартеновского цеха полагалось один килограмм двести граммов – больше, чем остальным: учитывались особые условия труда. Суп давали из соленых огурцов, полусгнившей капусты и свеклы с запахом картошки. Рыбешка же на второе жарилась-парилась прямо в цеху, на болванках.

М.В. Лыкина. Коломенские электросети

Двое детей из нашей семьи умерли, а жизнь оставшихся можно назвать не жизнью, а выживанием. Впрочем, так жила тогда вся страна: чибрики (мороженую картошку) пекли на лопатах, если всю зелень, которая только растет вокруг. Что поразительно: никто ничем особенно не болел.

В основном помогали родителям на колхозных полях. Учеба в школе была, к сожалению, на последнем месте. Так, не получив приличных знаний, после окончания войны и всю последующую жизнь трудилась я по рабочей профессии.

Е.А. Евдокимов. Коломенские электросети

Вот и осталась мать с тремя сыновьями. Старшему 12 лет, мне еще десяти не было, а младшему всего два года. Мать, не разгибаясь, шила на ножной швейной машинке прямо на дому для солдат ватную одежду. Мы со старшим братом уносили готовые изделия, сдавали на склад. Получали и приносили домой крой для новых изделий. Говорят, что за годы войны Красная армия получила более 38 миллионов шинелей, 70 миллионов хлопчатобумажных и шерстяных шаровар, в том числе 19,6 миллионов ватных. Среди них сотни, которые мама сшила, а мы относили для отправки на фронт. Это в них наши солдаты переносили морозы, когда защищали Москву.

О войне много хороших книг написано, фильмы есть замечательные. Но надо написать книгу о русских женщинах, которые остались в тылу. Ведь этот тыл был настоящим вторым фронтом, без него не было бы победы.

А.Ф. Екатериничева. ТЭЦ-11

Узнала о войне в воскресенье днем 22 июня, после выпускного вечера. Школу у нас тут же закрыли, и вскоре стали поступать раненые. Это было в Пензенской области, Салтыковский район. Нас, всю молодежь, в ноябре угнали на восток копать окопы. Война шла на западе, а нас угнали на восток, всю молодежь. Школу закрыли, кто кончил, кто не кончил. И мужиков, таких, кто в армию не годились уже. Были мы далеко за Саратовом где-то. И были мы там до апреля месяца. А в апреле пришли оттуда, в лаптях, со вшами, ой, Боже мой! Потом нас послали на лесоповал, потом до сентября в колхозе были, нас косить научили, все там делать научили.

З.И. Черенкова. Подольские электросети

В 1943 году я вернулась из эвакуации в Рязанскую область. Вместе с другими девушками прокладывала рельсы на окружной железной дороге, проходившей через Михнево, Столбовую, Кресты. Вскоре по этому пути пошли на фронт эшелоны. Зимой приходилось чистить железнодорожную колею от снега, а это было много – сугробы под три метра. Мимо в теплушках на фронт ехали совсем юные новобранцы и кричали весело вслед девушкам: «Мы скоро вернемся к вам!»

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

8-й завод Метростроя такой был, это на территории гостиницы «Украина». Его снесли потом. Работал токарем по наждачным кругам для выработки колонн метро «Автозаводская», там еще остались в мраморе такие выделки. И вот, кругом этим чуть было меня не убило, я только отошел сменить шарошку, и он разорвался, пробил стену противоположную, стена там – доски да пленочки, и штукатурка, больше ничего, если бы чуть задержался – готов, сразу бы голову снесло.

Потом я поступил работать в Боткинскую больницу санитаром. Меня знакомый устроил туда. И полгода там проработал. Было много раненых. Вот где я насмотрелся на все это дело, многому научился.

Как раз началась Курская дуга, и привезли одного, голова вся забинтованная, прорезь для рта и для глаз, до пояса весь, он или летчик или танкист, голос у него был тихий, видимо, потому что ему больно. А там были очень большие палаты, по 22 койки стояло, и еще один раненый до него еще был, он все время стонал, никому спать не давал, а около этого вдруг образовалась какая-то компания, и хотят, он рассказывал анекдоты, все хотели. И тогда те, кто хотели, говорят тому, кто стонет: смотри, ему гораздо больнее, чем тебе, а он еще смеется. И он перестал стонать. Взял себя в руки. И я на всю жизнь запомнил, что надо ко всему стараться относиться с юмором. И побольше смеяться. Я работал там санитаром – на операцию, с операции, перевязки, в морг кого таскать. Проработал немного, полгода, потом поступил в торфяной техникум. Проучился там месяц, и меня в армию взяли.

Л.А. Назарова. ТЭЦ-17

Родилась в деревне Ежуры Кировской области. В семье было шестеро детей. Отец ушел на фронт в 1941 году. После неурожая деревню объявили невыгодной. Мама ушла работать на железную дорогу, путевым обходчиком. Было много диверсантов, было страшно делатьочные обходы. Мама работала в лесу, я ей помогала рубить деревья на шпалы. Вязали варежки и носки, сажали табак, продукты: все на фронт. Было мне 10 лет. Ели летом клевер, лепешки из липового листа. Помогала пасти колхозное стадо. Ухаживала за детьми и престарелой лежачей бабушкой. Помогали, чем могли, беженцам, которые проезжали мимо станции, на железнодорожном вокзале. Сами выживали, как могли, но ближним помогали. Работала на железной дороге на сезонной работе. Чистили снег по рельсам, заменяли шпалы, обходили железную дорогу. Валили лес, тоже для железной дороги на шпалы. Зачищали после валки леса территории.

Все, что требовалось для фронта и победы, делали добросовестно, от всего сердца.

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

Электростанция для молодых была, что называется, вторым домом. В канун 1945 года было решено устроить что-то вроде новогоднего бала. Естественно, с елкой, Дедом Морозом и Снегурочкой. До войны на такое смотрели косо. Дескать, религиозно-буржуазный предрассудок. Старорусская традиция, однако, опять получала права гражданства.

Потребовалась определенная сумма денег. Обращение к председателю завкома и директору Г.И. Фомичеву дало немного.

– Мы всей душой «за», но сами понимаете, – примерно таким был смысл их ответа.

Посоветовали обратиться к М.Я. Уфаеву: сам, мол, недавно работал на электростанции, войдет в положение, поможет. Отправились на Раушскую набережную, где находилось Управление Мосэнерго, без предварительной договоренности. Михаил Яковлевич в приемной ждать не заставил. Когда вошли в кабинет, поднялся из-за стола, широко, как для объятия при встрече желанных гостей, распахнул руки.

А мы привезли бумагу-заявление с изложением просьбы.

– Молодцы... Ради такого благого начинания... Помогу... С великим удовольствием... Правильно сделали, что пришли ко мне.

Вернулся за стол, начертал на бумаге размашистую резолюцию. Радуемся: все получилось как нельзя лучше. А заглянули в бумагу и от недоумения подрастерялись, не зная, что и сказать, как поступить: благодарить или несолено хлебавши уносить ноги. Резолюция состояла всего из трех слов: «Фомичеву. Обеспечить. Уфаев».

— Но мы же... — робко попытались объяснить Михаилу Яковлевичу, что у своего руководства уже были.

Но он все понял без слов. Заметив наше замешательство, лукаво, по-отечески улыбнулся, не дал договорить.

— На то у вашего директора и главный бухгалтер, чтобы найти нужную сумму... Это же не кому-то в карман, а на благое дело...

Были в тот новогодний вечер и елка, и Дед Мороз, и Снегурочка.

Т.Е. Смирнова. 1-й район ВВС

На вопрос, куда идти учиться, ответ уже был. Конечно же, в Московский энергетический техникум. На выбор стези повлиял один случай. Как-то раз я находилась в гостях у своей подруги, и в этот момент к ним зашел взрослый мужчина в красивой, но не военной форме. Это был родственник подруги, который работал в Мосэнерго. Вот с того самого дня я сделала свой выбор: моя жизнь будет посвящена энергетике.

После подачи документов началось томительное ожидание времени начала вступительных экзаменов, но пришла война...

Вступительные экзамены были отменены, а всех абитуриентов сразу же зачислили на первый курс набора 1941–1945 учебного года. Набралось 25 человек.

Хорошо помню нашу учебу. За все время занятия отменялись только один раз на две недели. В самом начале войны, осенью, когда в городе объявили осадное положение и началась эвакуация. А так, все было как обычно. Занятия, сессии, домашние задания, если кто-то не выучил урок, то ставили «двойки». По мере достижения призывного возраста юноши из группы уходили на фронт...

Еще запомнился холод. В первую зиму стрелка термометра опустилась ниже 30 градусов, система отопления не работала. Мы сидели за партами в верхней одежде, а руки были красные от мороза. Химические карманные грелки почти не спасали от этого жуткого холода. Все время хотелось кушать. Как учащимся нам выделяли продуктовые карточки, но порции хлеба были очень маленькие.

Запомнились бомбежки. Приходилось бежать прятаться в метро, а если сил уже не было, то прямо во дворе, в погреб. А еще хорошо помню 9 мая 1945 года. Радиоприемников ведь в то время ни у кого не было, а во всех домах висели так называемые тарелки. Под ними каждый день, затаив дыхание, слушали новости. В тот дождливый день Левитан сообщил о нашей Победе, о капитуляции Германии. Это был самый радостный день и самый грустный. Многие ведь до него не дожили...

А потом была защита диплома и распределение.

С.Г. Сухотин. ОЗАП

1 января 1942 года вновь начал функционировать Московский электромеханический техникум, и я поступил на 2-й курс. Учеба проводилась напряженно, ускоренными темпами, по сокращенной программе, и к июлю 1942 года мы закончили 2-й курс обучения. Всех нас, студентов, мобилизовали в Егорьевский леспромхоз Московской области для заготовки дров, так как Москва на зиму 1942–1943 годов оставалась без топлива, поскольку все основные источники топлива были захвачены или разрушены немцами. В Егорьевском леспромхозе мы проработали четыре месяца (июль–ноябрь), и нас отпустили продолжать учебу. За перевыполнение норм заготовки дров (что удавалось далеко-далеко не всем) по окончании работ я с напарником получил денежную премию.

К.П. Клеменова. Шатурская ГРЭС

С питанием было трудно, но мы еще не голодали, так как нас выручала картошка, которую мы накопали на огороде. Картошка по тому времени была вторым хлебом.

Жизнь с каждым днем менялась к худшему. Были введены талоны на хлеб, а потом их заменили карточки с пониженной нормой хлеба. Иждивенец получал 400 граммов. Это был такой маленький и тяжелый кусочек хлеба, а есть хотелось все больше и больше²⁵.

... Работали по 12 часов, посменно, получали килограмм хлеба как работники горячего цеха. Один раз в смену приносили питание. Мой килограмм был большой добавкой в семье. Получали зарплату, она у меня доходила до 600 рублей. За безаварийную работу зарплата повышалась.

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

Питались в войну, конечно, крайне скучно. В 42–43-м годах я ел лишь дважды в день: в обед (обменивал продовольственную часть карточки на обеденные талоны) и вечером, съедая зачастую оставшийся от обеда хлеб (как работник горячего цеха получал по килограмму) на пути от магазина до общежития.

В 43-м я часто ночевал у коллеги, который проживал рядом с ТЭЦ в чьей-то пустующей комнате. Мы готовили с ним суп на паях на газовой плите. Я привез с родины картошки, а он раздобыл

²⁵ 11 января 1942 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О нормах снабжения хлебом в Москве и Московской области и в городах, освобожденных от противника». Постановлением были установлены с 14 января 1942 г. следующие нормы снабжения хлебом:

1) В Москве и в городах области:

рабочим оборонных предприятий по 700 граммов в день,
рабочим остальных предприятий по 600 граммов в день,
служащим по 500 граммов в день,
иждивенцам и детям по 400 граммов в день.

2) В городах, освобожденных от противника:

рабочим по 500 граммов в день,
служащим по 400 граммов в день,
иждивенцам и детям по 300 граммов в день.

кости и пивные дрожжи. В течение вечера мы с ним уничтожали несколько котелков этого супа – подкладывая новые порции картошки и дрожжей и снова вываривая одни и те же кости.

В.И. Гришин

Я запомнил маму в момент бомбёжки нашего состава, который вез нас в эвакуацию. Мы прятались с ней под соседним вагоном, и она буквально закрывала меня, пятилетнего мальчишку, своим телом от всех бед.

Другой образ мамы – в комнате низкого домика в Омской области, где нас приютила во время эвакуации немецкая семья, выселенная из Поволжья. Запомнился потому, что мама была сама не своя, молчала и смотрела куда-то мимо нас. Она ходила в этот день, как обычно, в районный поселок Рубцовка в магазин и на почту. А когда вернулась, как я сейчас понимаю, ушла в себя под действием какого-то ужасного происшествия. Потом она как бы очнулась и поведала нам свои страхи.

Дорога в поселок длиной больше пяти километров шла через голую заснеженную степь. Обычно она была пустая: гуляющего народа в военное время было мало. Уже начало смеркаться. И вдруг, как-то вроде неожиданно, перед ней встала как вкопанная стая из пяти волков. Естественно, мама плохо запомнила эти страшные минуты. Хотелось закричать, бежать, закрыться сумкой с продуктами. Но сработал какой-то защитный механизм и остановил метания. Она, возможно из какой-нибудь книги, вдруг вспомнила, как надо себя вести в этих случаях. Взяла себя в руки и стала смотреть в упор в глаза вожака. Противостояние казалось вечным. Однако волк вскоре не выдержал, отвернулся и, словно побитый, затрусиł мимо остолбеневшей мамы, давая сигнал и всей стае. Такое слушать было очень страшно. Но мама уже через пару часов смеялась и шутила с нами, будто ничего не произошло.

Помню я и ежедневныеочные бомбёжки Стalingорска после нашего возвращения из эвакуации. Отец практически не бывал дома, а мы с мамой каждый день ложились спать на полу в коридоре, подальше от окон, почему-то считая эту зону менее безопасной. Причем мы знали, что бомбят не нас, а электростанцию, но на всякий случай принимали превентивные меры.

В одну из ночей мама изменила инстинкту самосохранения из-за моих настойчивых требований. Во время очередного нападения немецкой авиации сбежала на улицу моя любимая кошка. Я кричал и плакал, и мама вынуждена была пойти со мной на улицу и бегать от подвалу, вызывая нашу любимицу. Все полыхало вокруг, звучали разрывы бомб, но мы обратили внимание на опасность только тогда, когда Муська оказалась у меня в руках.

... По поводу питания отец шутил: «Блюда исключительно фирменные: суп «маклец» и каша «маклец». Дело в том, что, на счастье, в какой-то мере, сталиногорцев, немцы при отступлении пытались сжечь элеватор в поселке Маклец. Но часть зерна удалось спасти, и долгое время во всех столовых города готовили еду из этого зерна. Она припахивала керосином, который использовали для поджога, была почему-то голубоватого цвета, но, главное, съедобной, что в то голодное время было самым важным.

О.И. Матвеева (Гришина)

Помню, что мама рассказывала об эвакуации. Владимир был маленький – всего пять лет, так что многое вещей не возьмешь, только самое ценное. Кроме одежды, это были две вещи: швейная машина Zinger и патефон, который был куплен незадолго перед войной, с единственной пластинкой. Ехали мама с братом в теплушке с другими семьями сотрудников Стальногорской ГРЭС. Довезли их до Омской области и поселили – вот уж ирония судьбы! – в деревню, в которой проживали сосланные когда-то немцы. Так что любая новость с фронта воспринималась по-разному: что было радостно нашим, то вызывало огорчение у других. В доме жили дед с бабкой, но мама говорила, что они не были вредными.

Е.С. Платонова. Энергосбыт

Чем дольше длилась война, тем тяжелее было прокормиться самим. Большую часть продуктов отдавали на фронт, самим же приходилось выживать, чтобы не умереть с голоду. Есть было нечего. Платили зерном. Норму высчитывали по трудодням. Бывало, дадут три мешка зерна. Отнесешь его на мельницу, отдашь перемолоть, а сама стоишь и следишь, чтобы из твоего мешка никто горсть пшена не утащил. А после того, как перемелется все, сметаешь остатки в кучку куриным пером, собираешь муку, чтобы ничего не пропало. И вот эти три мешка муки растягиваешь на целый год.

Летом, пока в поле работали, бывало, отойдешь в сторону, нарвешь травы и ешь ее. Или, пока бороздишь, найдешь старую засохшую картошку, очистишь, просушишь, протолчешь в ступе и из этой крахмальной муки сделаешь лепешку. Вот тебе и хлеб.

В самые тяжелые моменты, когда есть совсем нечего было, я наряжалась в нищенку и ходила по окрестным селам побираться. Люди откликались, давали, кто что мог.

Стыдно было жутко просить милостыню, но про стыд в такие минуты забываешь. Помню, как младший брат все время говорил: «Дуся, я есть хочу». Трясется, как воробышек, от холода. Возьму подушки, обложу его, чтобы как-то согреть. А он дрожит как листик и только кушать просит.

Очень страшно было, когда на горизонте появлялся почтальон. Они никогда не приносили хороших новостей. Только похоронки. Увидишь почтальона, и в голове одна мысль: «Только бы не к нам». А раз не к нам, значит, есть еще надежда, что твои родные живы.

Так мы жили несколько лет.

Л.С. Соловьева. Шатурские электросети

Навсегда запомнилась карточная система снабжения продуктами: очереди в магазинах за хлебом. В школе мы с нетерпением ждали большой перемены, так как в это время нам раздавали по 50 граммов хлеба. И вкуснее его не было ничего на тот момент.

Б.С. Алексеев. Мосэнергопроект

Когда стало уже невмоготу маме, сестре и мне, нам дали направление на эвакуацию в город Краснотурьинск Свердловской области.

Пока мы были в эвакуации, в наш дом в Москве попала серьезная бомба и разрушила несколько подъездов. В нашу квартиру вселили две семьи из разрушенных подъездов дома. В 1943 году, чтобы не потерять квартиру, возвращаемся в Москву, тем более что немцев почти отогнали от Москвы, и я смогу пойти в московскую школу.

То, что мы увидели, привело в ужас: часть дома разрушена, и все газоны перед домом превращены в грядки для овощей. Продукты распределяли по карточкам. Чтобы получить дневной паек, надо было выстоять большую очередь. В нашей трехкомнатной квартире уже живут три семьи, каким-то образом нам возвращают одну из двух наших комнат с балконом. Помню, какие были салюты трассирующими пулями после освобождения наших городов.

Меня берут в 1-й класс «Г» школы № 50, так как мне еще нет семи лет. В этом классе собраны проблемные ребята, которые пострадали от взрывных устройств и тяжелой голодной жизни.

В школе нам каждый день давали горячий бублик. Наши родители по очереди носят обеды в школу для учителей, которые тоже голодают. Потом все постепенно приходит в норму. Наступает День Победы, и мы всем двором идем на Красную площадь, где столько счастливых людей, заслуживших этот праздник.

Л.Н. Гришукова. Каширская ГРЭС

Когда началась война, паники не было, только дяди, они были кадровыми офицерами, в одночасье уехали в свои части. Они уехали, а у женщин с детьми началась своя эпопея. Все ближе и ближе слышался грохот орудий, все чаще немецкие «мессершмитты» кружили над областью, скидывая бомбы. Одна из них попала на железнодорожную станцию, где шла эвакуация мирных жителей, раненых, привозимых из Брестской крепости, первыми принявших на себя огонь врага. Там же были и эшелоны с боеприпасами для фронта. Рвались снаряды, осколки от них разлетались во все стороны, на сотни метров, стонали раненые, плакали дети. Это было страшно. Такое не забудется никогда. Наш поезд разбомбили, железнодорожные пути тоже. Что делать? Решили эвакуировать людей с другой станции, в первую очередь подальше от линии фронта отправить детей. До близлежащей железнодорожной станции было далеко. Часть пути проехали на грузовых машинах, а часть – пешком. Многие жены офицеров остались в Ленинграде, надеясь дождаться мужей. Среди них была мамина сестра с маленьким сыном. Конечно, немцы их не пощадили. Как позже рассказали оставшиеся в живых соседи, женщину ранили, а годовалого ребенка немцы взяли с собой. Что с ним стало, мы до сих пор не знаем. После войны мы искали мальчика, но безрезультатно. Тех, кто добрался до станции, погрузили в товарные вагоны и отправили в Сибирь.

Высадили эвакуированных в городе Молотове, ныне это Пермь, а дальше путь их лежал в д. Шадрино. Вдали от фронта, там было тихо и спокойно. Только поразил вид местных жителей. Люди от мала до велика были одеты в самотканую одежду, типа мешковины, обуты были в лапти. Причем в этих лаптях они ходили и зимой, и летом, даже в весеннюю распутицу.

Среди таких людей, пусть плохо одетых, но добрых, отзывчивых, прожили мы почти три года, до снятия блокады Ленинграда. Это были тяжелые годы. Многое пришлось пережить подростку. Приходилось стоять за хлебом по карточкам часами, есть похлебку из воды и мерзлой картошки. Носила солдатские сапоги. Бывало, мама обмотает ноги портянками, наденет сапоги, а сверху

веревками перевяжет, чтобы дорогой не потеряла их. А где было тогда взять обувь, из своей дети быстро вырастали, как и из одежды. Вот и ходили мы, как киношный герой по имени Филиппок.

М.А. Трухачева. Северные электросети

Хорошо помню беженцев из Белоруссии. Одну семью поселили и у нас в доме. У них был взрослый сын, где-то через месяца два-три он тоже получил повестку, наступали холода, а у него ни шапки теплой, ни носков теплых не было, и я втихаря от мамы слазила в мамин сундук, где, как я знала, были две папины зимние шапки и несколько пар вязаных носков, взяла папину шапку и пару носков и на проводах подарила этому парню. Конечно, тайное стало явным, и мне досталось от мамы – не за то, что подарила, а за то, что взяла, не спросив, фактически украла. Но семья у нас была добрая, отзывчивая, думаю, что в глубине души мои родные тогда даже удивлялись – почему им самим в голову не пришла такая мысль.

Б.А. Хайлов. Мосэнергопроект

В начале войны вместе с 234-й московской школой оказался в эвакуации в маленьком селе на реке Чусовой на Урале.

В Москве был голод, пекли оладьи из картофельных очисток, и в эвакуации ребятам пришлось испытать и голод, и холод. Обувь сносилась, делали самодельную из старых тракторных покрышек, куски которых привязывали к ногам тряпками и веревками: называлась эта обувь ЧТЗ – «Челябинский тракторный завод». Мама и старшая сестра Лариса работали в это время – одна на военном заводе, другая на лесоповале.

В конце войны школа и ученики вернулись в Москву. Я учился хорошо и школу окончил с отличием.

И.Т. Саморукова. Мосэнергопроект

В 1944 году мама получила пенсию за отца, и у нас появилась возможность вернуться в Москву. В первую очередь мама отправила в Москву старших – Лиду и Петра.

В Москве у нас была комната в коммунальной квартире 26 м². Во время войны там оставалась сестра мамы, которая вышла замуж, родился ребенок, и еще прописали вторую сестру. Итого в комнате было четыре человека, когда приехали еще двое, стало шесть человек. Прописать младших отказались, так как все нормы при этом нарушались: 27/9 = 3 м².

Детям надо было учиться, школа в Ярославке была только начальная, да и маме надо было работать. Благодаря помощи друзей папы, с которыми он работал долгие годы на станкозаводе имени Серго Орджоникидзе, подготовили письмо М.И. Калинину.

На прием поехала мама с младшими детьми. «Всесоюзный староста» Михаил Иванович не отказал. Мы были прописаны, могли учиться. Жилищный вопрос постепенно решался. В 1949 году вся семья собралась в Москве.

ПОБЕДА!

9 мая 1945 года

Красную армию почти уничтожили в первые же месяцы войны – и, тем не менее, мы победили. Почему? Потому что в нас была мощнейшая жажда справедливости. Даже когда мы отступали, мы верили, что победим. Именно верили, слепо. Это было почти мистическое, ничем не обоснованное чувство.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что союзники нам помогали и что мы вместе воевали, вместе гибли. Нельзя мериться – у нас столько погибло, там столько погибло. Нам помнятся встречи на Эльбе, мы так были рады этому единству.

Наша страна совершила даже не подвиг, а чудо. Это чудо, которое совершилось в тяжелейших условиях, когда уже казалось: вот, все погибло. Можно ли понять, как случилось, что, обреченные потерпеть поражение, мы, тем не менее, победили? Ведь была отдана вся Украина, вся Белоруссия, большая часть России, люди погибали безо всякого утешения, надежды, что их смерть не напрасна. И все-таки страна выстояла. Почему? Когда-то Пушкин ответил на этот вопрос так:

*Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

Пушкин остановился на последнем. А то, что Пушкин называл «остервенением народа», – это я испытал. Мы избавили от фашизма Европу, да и весь мир. Фашизм сегодня приравнивается к преступлению. Это наша заслуга.

Даниил Гранин

А.Я. Коновалов. Каширская ГРЭС

Я учился на курсах лейтенантов, на плацу выстроили гарнизон, и командир торжественно объявил о капитуляции Германии. Что же тут началось! Ликование, эхом по округе разнесло многоголосое «Ура!» У солдат, за четыре года привыкших ко всем тяготам войны, видевших ежедневно смерть, на глазах выступили слезы, мужские скучные слезы, которых никто не стеснялся и не вытипал с лица. Это были слезы радости, слезы счастья.

А.Г. Захаров. Каширская ГРЭС

9 мая я встретил в госпитале, где залечивал раны, полученные в одном из боев за освобождение Сталинграда. Я как раз был после тяжелой процедуры, слышу, повсюду кричат: «Победа!» Спрашиваю у медсестры: «Что случилось? Почему все кричат?» А она сквозь слезы говорит: «Война кончилась». Я, забыв про боль, заплясал от радости, – смотрите, как моряки празднуют Победу! Конечно, глаза застилали слезы – нет больше проклятой войны. Это были слезы радости и скорби, скорби о своих товарищах, не доживших до этого светлого дня.

А.И. Князев. ГРЭС-3

Наши войска продвигались по Европе. В пустом доме в Восточной Пруссии я нашел баритон и в свободное время по памяти стал наигрывать мелодии. До полковника Пименова, любителя и ценителя музыки, дошли слухи, что в расположении части появился артист. Вызвав меня к себе, дал задание: «Саша, война скоро закончится, надо собрать по корпусу играющих ребят». На командирском «студебеккере» я поехал по корпусу. Нашлось 17 музыкантов, и в самый первый день Победы военный оркестр играл для победителей. Война для меня закончилась под Берлином. 8-й гвардейский танковый корпус, в котором я служил, 27 апреля 1945-го прибыл на окраину города и ждал команды – начать наступление. На пятый день ожидания объявляют: «Берлин пал! Война закончена!» 8 мая 1945 года немецкие главнокомандующие подписали акт о капитуляции.

Г.Ф. Сычева. Энергосбыт

9 мая 1945-го вместе с коллегами услышала стрельбу за окном. Все выскочили на Раушскую (Русаковскую) набережную и там узнали долгожданную весть: «Победа!!!» Не стоит говорить о чувствах, переполнявших всех в этот день...

Е.И. Фролова. Восточные электросети

День Победы запомнился так – был солнечный весенний день, я вместе с другими жителями работала в поле. И вдруг видят, прискакал гонец и кричит от радости – «Война закончилась!» Все бросили грабли, тяпки и со слезами на глазах стали обниматься. Это был единственный день, когда люди на время оставили свою нелегкую работу.

Л.И. Немцова. Ногинские электросети

Каждый день «говоря» на языке точек и тире, лишь одно слово, зашифрованное в бессмыслицейной фразе, до самого конца войны я передать никому не могла. Самое важное и желанное для каждого советского человека. Это слово – Победа. Ответственность за его несвоевременное распространение слишком высока.

И вот радостный день настал. Это случилось в Прибалтике. Захлебываясь от счастья, я выступала заветную и обретшую смысл абракадабру: «Пи-лаа-поо-ёт оо-коо-лоо баа-ки-те-кут есть доо-ми-ки ай-даа». И еще раз! И еще, и еще...!

В.И. Суханова. Шатурские электросети

Победу ждали каждый день и строили планы, которые должны были непременно сбыться. Радовались письмам, открыткам с видами городов, лицами девушек, сказочными сюжетами, которые мой брат Женя присыпал с фронта, уже из Европы. Радио в домах не выключалось – боялись пропустить важные сводки. Сообщение о Победе ликующим голосом Левитана мы услышали ночью. Очень обрадовались, хотя уже были готовы к этому известию.

М.М. Логоша. Каширские электросети

Уже в Германии, когда исход войны был ясен, в одном из поместий мы однажды увидели целое поле анютиных глазок и белых лебедей рядом. Это воспоминание навсегда осталось для меня символом нашей Победы и мирной жизни.

Н.И. Сельцов. Северные электросети

В самом конце апреля нашу часть отправили на несколько дней на отдых в Вену, где мы приняли участие в первомайском параде, а 2 мая уже находились в пути, предстояло совершить марш-бросок в район Праги, чтобы отрезать немцам пути отступления на запад. Несмотря на наличие хороших бетонированных дорог, продвижение не было быстрым: немцы устраивали на дорогах завалы из брошенных транспортных машин, которые приходилось растаскивать.

8 мая, когда мы находились в районе города Брно в Чехословакии, был получен приказ повернуть на Табор, пропустив вперед мотопехоту, посаженную на автомашины с крупнокалиберными зенитными пулеметами. Быстрое продвижение и здесь было невозможно, так как дороги были забиты брошенной техникой. 9 мая по радио было объявлено об окончании войны. Каждый из нас был переполнен радостью близкого мира, жил мыслями в мирном будущем. В этот день на одной из военных дорог немцы организовали полосу обороны и неожиданно открыли артиллерийский огонь по проезжавшей мимо них автомашине, где находились командир артиллерийского полка, его адъютант и радиост. Все погибли на наших глазах. Люди, прошедшие всю войну, погибли в День Победы! Возмущению нашему не было предела – без команды, стихийно, развернули орудия и всю полосу немецкой обороны накрыли артиллерийским огнем, расстреливая прямой наводкой все, что еще шевелилось. Так война не давала о себе забыть ни на миг.

И.Т. Саморукова. Мосэнергопроект

Это было в Ярославке, 1945 год, 9 мая – День Победы. Это был великий, сказочный, солнечный день. Все вышли на улицу, накрыли столы. Это был праздник со слезами на глазах, и продолжался он несколько дней.

О.Ф. Козьмина. ТЭЦ-16

Жили на первом этаже в Загорске, на рассвете стук в окно – приехали друзья мужа и сообщили об окончании войны. Вышли во двор – было много радости.

С.Г. Маликов. Алексинская ТЭЦ

В январе 1943 года был направлен на Дальний Восток и зачислен в 187-ю стрелковую дивизию (на границе с Китаем). День Победы встретил командиром минометного расчета.

Дисциплина у нас была железная – война, рядом граница, но когда пришло сообщение о Победе, почти все бросали посты и бежали в ближайший населенный пункт без увольнительных записок. Был большой праздник, салют. На железнодорожной станции Пограничной нас окружили местные жители с цветами, было просто невероятное веселье!

Е.С. Платонова. Энергосбыт

Люди были истерзаны войной духовно и физически. Из последних сил мы все так же продолжали трудиться в поле, сажали картошку. Вдруг смотрим, бегут односельчане, машут, шапки вверх подбрасывают. И тут по полю стали разноситься восторженные возгласы: ПОБЕДА! Так и узнали, что война закончена. Никто не приходил и не объявлял ничего. В тот день в деревне был большой праздник. Председатель зарезал барана, были песни и танцы. Для кого-то это был праздник, а для кого-то нет. Четвертая часть мужского населения деревни не вернулась с войны, в том числе и мой отец.

В.М. Белова. Подольские электросети

Одно из самых ярких воспоминаний – День Победы. Я встретила его в полку. Очень ждали и чувствовали, что этот день приближается. Пришел командир и сказал, что война закончилась. Нас, несколько человек, отпустили в Москву на Красную площадь смотреть салют Победы. Мы стали счастливыми участниками всеобщего праздника, ликования, но слезы у всех были не только от радости, но и от сознания колоссальных потерь. Ведь почти в каждой семье оплакивали тех, кто уже не вернется никогда.

Б.В. Филиппов. ЦЭС

Победу я встретил в составе 4-го Украинского фронта, в должности связиста. Хорошо помню день 9 мая: мы находились на марше в Чехословакии. Накануне всех подняли по тревоге, построили в походную колонну, в составе которой мы двигались в направлении Праги. Шли почти целые сутки, люди валились с ног, и к вечеру был объявлен привал. Спать ложились, буквально, кто где стоял. Вдруг среди ночи раздаются одиночные выстрелы, затем кто-то начинает истошно кричать: «Ура, ПОБЕДА!» Мы, сонные, ничего не понимаем. А потом, когда разобрались, всех охватила огромная радость. Что тут началось! Пальба в воздух из ракетниц, автоматов, кто-то начал стрелять из гаубицы... В жизни больше такого салюта не слышал. Не обошлось и без «наркомовских» 100 грамм.

Ф.Ф. Громадин. ЦЭС

1 мая 1945 года нас погрузили в эшелоны и спешно направили в Чехословакию. В то время в Праге и других чешских городах вспыхнуло восстание против фашистских оккупантов. Надо

было помочь восставшим. В памятную ночь с 8 на 9 мая мы находились в предместье Брно. Приснулись под грохот стрельбы, испугались, думали, немцы перешли в контратаку, от света трассиров было светло как днем. И тут кто-то кричит: «Победа!»...

Ю.Ф. Горбунов. ТЭЦ-21

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года в землянку вбегает дневальный и кричит: «Кончай ночевать – война кончилась!»

А.И. Душаков. ЦЭС

Для меня, 18-летнего парня, война началась в 1943 году в составе 451-го отдельного минометного полка 1-го Белорусского фронта. В нем служил до окончания войны, участвовал в кровопролитных сражениях за Берлин. В апреле 1945 года полк неожиданно был выведен из боев, доукомплектован. Всех погрузили в вагоны. Мы гадали, куда же нас отправят в этот раз? Думали, что поедем куда-нибудь в Чехословакию. Но военный эшелон отправился через всю страну на Дальний Восток, где предстояло добивать последнего врага в лице милитаристской Японии. По прибытии часть расположилась недалеко от китайского города Харбина. Вот там, в деревне, я и встретил День Победы. До мелочей помню этот день.

В распоряжении полка было небольшое подсобное хозяйство: семь коров, овцы. 9 мая 1945 года мне с другом выпала очередь гнать коров на пастбище. Вдруг слышим, в деревне, где стояла часть, какой-то праздник, крики, шум, звуки баяна. Гоню коров и вижу: народ ликует, радуется, плачет... Мы скорее домой. Прибегаем, а нам кричат: «Все, Победа! Война кончилась...» Сначала не верил, а потом сам слышу по радио уже ставший родным голос Левитана: «Внимание, внимание! Говорит Москва!» Левитан сообщил о нашей Победе, о капитуляции Германии. Этот день был самый радостный и самый грустный. Очень многие до него не дожили...

В.В. Сафонов. ЦЭС

Майские события 1945 года встретил в должности коменданта лагеря для военнопленных в городе Бреслау в Польше. Как раз 8 мая приняли большую партию военнопленных немцев – около 40 тысяч человек, хоть мы очень сильно устали, но до наступления темноты успели оформить документы и разместить на ночлег всех прибывших. Стемнело. Вдруг ночную тишину разрезают автоматные очереди, вспышки разрывов снарядов, крики... Мы решили, что высадился немецкий десант, подняли тревогу и побежали к траншеям. Здесь нам и сообщили, что война кончилась.

Т.В. Волкова. ТЭЦ-11

Я воевала на 3-м Украинском фронте, 6-я армия, были мы в Германии, служила в воинской части 1703, поваром. Мы легли спать, вроде война была, а встали – кругом стрельба, пальба, говорят – конец войне.

Однополчане-мосэнерговцы. Слева направо: О.В. Громов, М.И. Комаров, А.И. Голицын, Г.П. Сергеев. г. Штеттин. 15 мая 1945 г.

А.Н. Есаков (верхний ряд, пятый слева)

Б.Е. Рубинский. 1947 г.

318

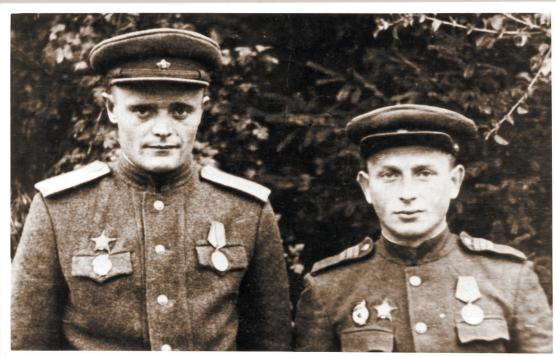
Б.Е. Рубинский (справа).
Август 1948 г.

М.А. Бублеев (справа)

У разрушенного Рейхстага.
М.И. Комаров (нижний ряд, второй слева). 1945 г.

А.А. Вайцен (справа)

В.И. Серебряков. 1949 г.

А.А. Вайцен (посередине)

М.М. Котова. ТЭЦ-17

В ночь на 9 мая, прия с дежурства, легли отдыхать, как вдруг раздались выстрелы – один, другой, третий. Вскочили, испугались, было 2 ч ночи, выскочили на улицу. Не можем понять, вроде бы далеко от передовой. Слышим, сначала тихо, потом громче и громче: «Ура! Победа!» Это наши ребята получили приказ о прекращении огня, и что немцы капитулировали. Спать больше не легли.

9 мая день был незабываемый. Я такого солнечного дня и ясного голубого и прозрачного неба больше не видела. Казалось, что само небо и земля радовались с нами. Были слезы радости и слезы за тех, кто не дожил до этого Дня Победы.

А.М. Соколов. Теплосеть

После ожесточенных боев в Венгрии мы перешли границу Австрии и продвигались в глубь ее территории. Здесь мы не встретили серьезного сопротивления, и бои велись местного значения с остатками разбитой фашистской армии. В начале мая 1945 года мы вошли в Грац. 7 мая из трансляции болгарского радио наши связисты узнали о капитуляции фашистской Германии и сообщили нам. Несмотря на это, мелкие стычки с противником продолжались до 9 мая. Так, например, в этот день был убит наш однополчанин Вася Васильев, родом из Сибири. Он прокладывал телефонный кабель на командный пункт нашего полка и был сражен вражеской пулей.

Когда пришло официальное сообщение из Москвы о подписании капитуляции Германии, нашей радости не было предела. У многих на глазах были слезы, мы обнимались, целовались, плясали. Это была всеобщая радость, которую трудно выразить словами. Наше душевное ликование завершилось салютом из всех видов оружия. В Граце мы встретили американцев, которые прибыли в город на автомашинах и вели себя несколько развязно и высокомерно, считая, что они победили фашистскую Германию. При встрече они стали предлагать нам виски и закуску. Но компанию им составить решились немногие.

Б.Е. Рубинский. Управление Мосэнерго

Победу встретили в Латвии. Мы переезжали на новое место и остановились на дороге колонной. Все спрашивают: «Чего?» Были рации, но пока они были выключены. Потом кто-то кричит далеко, потом ближе, потом – выстрел, потом слышим: «Включите радио!» Рацию включили, говорят – Победа! Ну, и тут пошло, сплошные стрельбы, вся армия, и из орудий стреляли. А потом военторг придумал, привез одеколон тройной в огромных бутылях, там литров десять, наверное, солдатня, у кого сколько денег есть, скупали, и вот, первый раз я тоже попробовал, во рту, как мыло все равно, пенится.

Правда, перед этим нам на Победу выдали. Но мы все выпили!

Ю.И. Соколов. Каширская ГРЭС

Война для меня закончилась в Чехословакии, на территории которой базировался наш авиационный Краснознаменный имени Суворова полк. О победе над фашистской Германией я узнал, находясь в наряде. Сначала не понял, почему солдаты и офицеры, выбегая из казармы, палят из автоматов и пистолетов и кричат «Ура!» Когда объяснили, ликовал вместе со всеми.

У мужчин, перенесших все тяготы страшных четырех лет, по щекам текли крупные слезы, и их никто не скрывал, потому что это были слезы радости. Такого ликования я больше никогда не видел в своей жизни.

А.И. Голицын. 1-й район ВВС

После окончания боевых действий мне поручили 4 мая 1945 года обеспечить электроснабжение нужд Управления Северной группы советских войск, располагавшегося в окрестностях Штеттина.

В условиях покинутого населением города, отсутствия действующих электроустановок и водоснабжения, умышленного повреждения и приведения оборудования в состояние, затрудняющее запуск, при наличии в батальоне двух кочегаров отопительных котлов и одного помощника машиниста турбин (Тяпкина с ГРЭС-10 Мосэнерго) и электриков из Мосэнерго и Московского метрополитена, в том числе из МКС: В.П. Преснякова, И.И. Тюрина, Г.В. Чулаева, осуществил пуск электростанции с запуском турбогенератора в День Победы 9 мая 1945 года.

Группой электриков под руководством Г.П. Сергеева была разведана имеющаяся городская кабельная сеть 15 и 5 кВ и подготовлена схема ее для подачи напряжения в расположение штаба Северной группы войск, на горводокачку и очистные сооружения, пуск которых осуществлял командир другого батальона бригады – инженер-гидротехник Н.И. Смолин. Распределительной сетью низкого напряжения в расположении штаба занимались и ведали М.И. Комаров и О.В. Громов с подчиненным им составом из батальона.

Б.Д. Крестов. ТЭЦ-11

День Победы! Помню, вечером, задолго до назначенного салюта, поехали в центр. Красная площадь, Кремль, как магнит, притягивали к себе всех и вся. В тот день, единственный раз в жизни, довелось наблюдать, как в вагоне метро играли на баяне, пели песни, плясали «русского» с традиционными платочками и коленцами. С великим трудом выйдя на станции «Библиотека им. Ленина», стиснутые со всех сторон, мы долго не могли выбраться наружу. Когда же, наконец, это удалось, салют и фейерверк, к сожалению, уже закончились. Всюду – море людей, яблоку негде упасть. Радостные улыбки, счастливые глаза, возбужденный говор тысяч и тысяч несмолкающих уст. Тут и там дружно подбрасывали на руках людей, одетых в военные гимнастерки. Их, победителей, сокрушивших ненавистного врага. Нет, тогда даже и мысли ни у кого не возникало такой же мерой одарить кого-то из участников трудового фронта. Это было бы воспринято, наверное, как досадный курьез. И – справедливо! Работавшим в тылу, конечно, так же, как и им, было всегда тяжело, а порой даже очень тяжело, но за их плечами не маячила смерть. На электростанции не обходилось, конечно, без производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом. В апреле 1942 года, например, погибла мотористка дробильного завода, та же участь постигла шуровщика угля. Тем не менее, это были единичные случаи. Так, чтобы смерть с косой подстерегала, как там, на фронте, каждую минуту, – такого не было. Поэтому даже теперь, по прошествии многих лет и всестороннем осмыслении минувшей войны, роли и значения в общенародном подвиге каждого советского человека, осмыслении, воздавшем должное и тем, кто во имя Победы трудился в тылу, даже теперь правда такого разграничения сохраняет – и по праву – свою силу.

А 24 июня 1945 года в день Парада Победы работники электростанции рано-рано собирались во дворе ТЭЦ. Взволнованные ожиданием предстоящего, крепко пожимали друг другу руки, как если бы, будучи родственниками или добрыми старыми знакомыми, не виделись Бог весть сколько. Каждого переполняла щедрая чаша счастья. Длинной колонной шли по шоссе Энтузиастов, Заставе Ильича, Землянке, мимо Курского вокзала, направляясь на Красную площадь, к Кремлю. День был пасмурный, начался дождь, но никто не покидал сомкнутых рядов. Миновав Земляной Вал, надолго остановились. В центр, к Кремлю, бесконечными потоками со всех концов города стекались участники трудового фронта из других районов столицы. И чем ближе стекались к звездному месту, где шел Парад Победы и воины-победители бросали к подножью мавзолея Ленина знамена и штандарты поверженного врага, тем медленнее и медленнее становилось продвижение колонн. А дождь усиливался, временами переходя в ливень. До Красной площади в тот день так и не дошли. По радио объявили об отмене по погодным условиям народной демонстрации. И хотя не удалось пройти мимо Кремля, каждый все же уходил домой с таким впечатлением, словно и он прошел по Красной площади с твердой верой до конца исполненного в годы войны своего гражданского долга.

Н.А. Лескин. Каширская ГРЭС

В феврале 1945 года наш 2-й дивизион 340-го зенитно-артиллерийского полка, в составе которого я служил, базировался в небольшом польском городке недалеко от Варшавы. Там я и встретил Победу. В ночь с 8 на 9 мая был на посту, охранял склад с боеприпасами. Рядом с нашим дивизионом располагалась авиационная часть, где всегда работало радио. Именно по нему передали сообщение об окончании войны, о безоговорочной капитуляции немецкой армии.

Что тогда началось! Авиаторы выбежали и начали палить из винтовок в воздух. Зенитчики выкатили свои пушки и под громкоголосое «Ура!» громыхнули из орудия. Проснувшись от нашей пальбы поляки, время было полночное, испуганно спрашивали: «Опять война начинается?», на что им со смехом русские солдаты отвечали: «Не начинается, а окончилась». И уже невозможно было понять, где русские, где поляки, все слилось в многолицую веселую толпу. Люди обнимались, ликовали. В воздухе эхом проносилось заветное для всех слово «Победа!»

Н.С. Пожидаев. Южные электросети

9 мая встретил в самом центре Берлина. Объявили по радио. Как радист я первый узнал, что война кончилась. И сразу – салют из пистолетов и автоматов.

И оттуда, из центра Берлина, мы – на Дрезден, там остался штаб армии, 1-й танковой. А нас послали в Россельдорф. Туда приехали – там танки некуда ставить. Нас в Каменц, там было эсэсовское танковое училище. Там, конечно, прекрасно, казармы, гаражи для каждого танка теплые. И мы всей бригадой, 65 танков, все поставили. И так до 47-го года, 8 марта – до демобилизации.

Вернулись на Белорусский вокзал. Родные приехали за мной на станцию на лошадке. Погрузил я свой чемоданчик, аккордеон – и домой. Дома стол накрыли, встреча была. Хорошо встретили. Мать радовалась. Говорит, всю войну за тебя Богу молилась, поэтому и жив остался.

Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы

Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы, работавшие в Мосэнерго

Васильчиков Владимир Владимирович

Родился 2 июня 1921 г. в г. Калуге, в рабочей семье. В 1924 г. вместе с родителями переехал в Москву, где в 1938 г. окончил среднюю школу. Работал в МОГЭС на электростанции (предположительно: с 5 июня 1940 г. – ТЭЦ-9 Мосэнерго, электроцех, электромонтер, уволен 28 ноября 1940 г.), одновременно учился в аэроклубе. С 1940 г. служил в РККА. В 1942 г. окончил Батайскую военную авиационную школу. С 19 августа 1942 г. – в действующей армии. 6-я воздушная армия, 243-я штурмовая авиационная дивизия, 33-й гвардейский штурмовой авиационный полк, старший пилот, гвардии старший сержант. Принимал участие в боях на Северо-Западном фронте. В конце января 1943 г. Васильчиков, будучи ведущим четверки, обнаружил колонну автомашин противника и атаковал ее, уничтожив около 50 единиц транспорта врага. По дороге на аэродром атаковал железнодорожный эшелон, груженный танками и орудиями, пустив его под откос.

Совершил 75 боевых вылетов, лично сбил четыре самолета противника и шесть в группе. 23 февраля 1943 г. Васильчиков принял участие в воздушном бою с четырьмя немецкими истребителями, сбив один и повредив еще один. Погиб 14 марта 1943 г. в воздушном бою. Шестерка советских самолетов, в которую входил Васильчиков, возвращалась с боевого задания, израсходовав практически весь боезапас. Неожиданно она подверглась атаке 13 вражеских истребителей в районе Старой Руссы. Васильчиков маневрами своего самолета отвлек внимание напавших, дав возможность своим товарищам уйти. Он мог заскочить в облачность, но не стал этого делать, стремясь как можно дольше задержать противника. Бой был неравным, самолет Васильчикова был сбит, и пилот погиб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1943 г. за «доброту, исключительные образцы героизма, проявленные в боях с немецкими захватчиками», посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Похоронен: Новгородская область, Крестецкий район, п. Крестцы, Ямское кладбище.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 01.05.1943), ордена Красной Звезды (08.01.1943), Красного Знамени (26.01.1943).

Вилков Алексей Яковлевич²⁶

Родился 20 октября 1920 г. в с. Самодуровка Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне – Пителинского района Рязанской области). Образование неполное среднее. В 1937 г. переехал в Коломну. Работал на Коломенском тепловозостроительном заводе электромонтером.

В октябре 1940 г. был призван в Красную армию. На фронте с июня 1941 г. Служил разведчиком-наблюдателем пушечно-артиллерийского полка в составе частей Центрального, Брянского и 1-го Белорусского фронтов. Хорошо зная немецкий язык, после взятия пленных допрашивал их самостоятельно и пленных в штаб полка сдавал с письменной справкой. Часто выполнял роль переводчика при допросах.

В ноябре 1943 г. левое крыло Белорусского фронта развивало наступление на Гомельско-Бобруйском направлении. Главный удар был направлен на станцию Речица с последующим выходом в тыл вражеской группировки. Вилков предложил командиру полка провести разведку на этом важном железнодорожном узле. Пользуясь знанием немецкого языка, умея играть на гитаре и петь, под видом бродячего артиста перешел линию фронта и проник в расположение немецких войск. Добыв ценные сведения, вернулся в расположение полка.

10 августа 1944 г. в боях в районе населенного пункта Парчев с двумя товарищами при проведении разведки были неожиданно окружены гитлеровцами. Вилков бросил в сторону врага две гранаты и дал несколько очередей из автомата. Рванувшись в образовавшуюся брешь, все трое выскошли из вражеского кольца. Вскоре с нового наблюдательного пункта радист передавал координаты целей на позиции своей батареи, корректируя ее огонь по точкам противника. В этом бою сбил 10 противников.

Приказом от 31 августа 1944 г. награжден орденом Славы III степени.

12 января 1945 г. началась Висло-Одерская наступательная операция, целью которой был разгром немецко-вражеской группы армий «Центр». Наши передовые части с ходу на подручных средствах форсировали р. Вислу, захватили плацдарм и повели бой за его расширение. Среди пехотинцев находились трое артиллеристов: разведчик-наблюдатель Вилков, его командир взвода и радист. Они выслеживали вражеские пулеметы, орудия, минометы и координаты целей передавали на свои огневые позиции. Артиллеристы вели обстрел врага из-за Вислы.

14–15 января 1945 г. в боях на левом берегу р. Вислы, находясь на переднем крае, ближе всех к противнику, мастерски отыскивая вражеские огневые точки, наносил их на карту, а затем по его координатам вели огонь наши батареи. В районе населенного пункта Сохачев, находясь в составе передового НП, выдвинулся вперед, скрытно проник в расположение врага и взорвал дот, уничтожив находившихся там противников. Затем, отыскав радиста, стал передавать на батарею координаты огневой позиции немецких минометов.

В конце января – начале февраля 1945 г. на заключительном этапе Висло-Одерской операции войсками 1-го Белорусского фронта был захвачен Кюстринский плацдарм на западном берегу

²⁶ Полный кавалер ордена Славы. В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1967 г. и 30 апреля 1975 г. лица, награжденные орденом Славы трех степеней, фактически приравнены к Героям Советского Союза.

р. Одер. Разведчик Вилков был в составе первой группы бойцов, участвовавших в захвате плацдарма на вражеском берегу. Вскоре к ним переправились еще несколько групп советских солдат для его расширения. В феврале противник предпринимал многоократные попытки ликвидировать этот плацдарм, но все они были отражены с большими для него потерями.

Приказом от 4 марта 1945 г. награжден орденом Славы II степени.

В апреле 1945 г. при форсировании р. Шпрее в районе пригорода Берлина Кепинг находился в боевых порядках первых эшелонов наступающей пехоты. 23 апреля, находясь на передовом наблюдательном пункте, обнаружил в одном из домов крупнокалиберный пулемет противника, стрелявший в спину нашей пехоте, и гранатами уничтожил его.

С 23 по 30 апреля 1945 г. в уличных боях за Берлин, находясь впереди в боевых порядках наступающей пехоты, ликвидировал свыше 10 противников, восемь захватил в плен, подавил несколько огневых точек. 29 апреля спас советского офицера, застрелив целившегося в него гитлеровца.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1945 г. за «исключительное мужество, отвагу и бесстрашие, проявленные в боях с вражескими захватчиками», гвардии сержант А.Я. Вилков награжден орденом Славы I степени.

После войны продолжал службу в армии. В мае 1946 г. демобилизован. Вернулся в Коломну. В 1946–1953 гг. – агент по снабжению в УКС завода им. В.В. Куйбышева. С 1953 г. работал водителем на различных предприятиях Коломны, в 1969–1972 гг. – слесарь в Конструкторском бюро машиностроения. В сентябре 1972 г. – феврале 1976 г. – водитель автомашины ЗИЛ-164 и ЗИЛ-55 в службе механизации и транспорта Коломенских электрических сетей Мосэнерго, в 1976–1977 гг. – водитель в Центральной изыскательской партии № 3, в 1977–1978 гг. – на предприятии коломенская Теплосеть.

Скончался 12 апреля 1978 г. Похоронен на Старом кладбище Коломны.

Награды: медали «За отвагу» (15.07.1943), «За освобождение Варшавы» (1945), «За взятие Берлина» (05.12.1945).

Демченков Филипп Трофимович

Родился 27 октября (по другим сведениям: 26 ноября) 1915 г. в д. Стайки (Стойки) Пронинского сельсовета Ельниковского района Смоленской области, в крестьянской семье. Рано лишившись отца, он вместе с четырьмя братьями и сестрами остался на попечении матери. Окончил семь классов в Коробецкой школе. После окончания школы переехал в Москву. Работал на 2-й Московской государственной электростанции кочегаром. В 1936–1939 гг. учился в Батайской школе летчиков Гражданского воздушного флота, работал пилотом Южно-Казахстанского управления ГВФ. Призван в РККА в 1940 г. С начала Великой Отечественной войны на фронте. К декабрю 1941 г. – командир звена 150-го авиационного полка 46-й авиационной дивизии, младший лейтенант. Совершил 146 боевых вылетов на бомбардировку скоплений войск и коммуникаций противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и геройство» удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали

«Золотая Звезда» (№ 687). «В июне (16 июля) 1942 г. вместе с другими летчиками части бомбил железнодорожную станцию Миллерово, занятую фашистами. Сбросив на цель смертоносный груз, Демченков развернулся и лег на курс к своему аэродрому. И в это же время он заметил шесть вражеских истребителей. Завязался неравный бой. Умело маневрируя, отстреливаясь, летчик пытался уйти от преследования. Штурман доложил: «Кончились боеприпасы». Загорелась машина. Удерживая самолет в горизонтальном положении, Демченков приказал штурману прыгать. Огонь подбирался к кабине. Нечем было дышать. Убедившись, что штурман выпрыгнул, он тоже решил оставить самолет. И в самый момент отделения от кабины его тело пронзила страшная боль.

Приземлился с перебитой ногой недалеко от своего штурмана. У того обгорел затылок. С трудом добрались до деревни. Их укрыла в доме колхозница, перевязала раны.

На счастье, в деревне не было немцев. Штурман ушел пробираться к своим. На четвертый день отважный летчик Н.В. Власов на легком самолете У-2 ночью на минимальной высоте пересек линию фронта, совершил посадку между двумя шоссе в районе станции Миллерово, по которым двигались войска противника, подобрал на борт Демченкова и под огнем противника доставил его на свой аэродром. В ту же ночь Демченков был отправлен в Москву» (<http://elnja.narod.ru/Heroes/Demtenkov.html>). Командир эскадрильи с июля 1943 г. После окончания войны продолжил службу в Советской армии. В 1949 г. окончил Военно-воздушную академию. В 1958 г. в звании подполковника был уволен в запас. Жил в Смоленске. Работал в кинопрокате. Умер 4 сентября 1975 г. Похоронен на Новом кладбище Смоленска.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 12.04.1942), ордена Ленина (22.01.1942), Красного Знамени (30.11.1941), Отечественной войны II степени (10.07.1944), медали «За оборону Сталинграда» (09.03.1943), «За оборону Москвы» (06.10.1944).

Евтушенко Никифор Тимофеевич

Родился 25 января (7 февраля) 1917 г. в с. Старая Осота (ныне – Александровский район Кировоградской области Украины), в крестьянской семье. С 1929 г. проживал в г. Каневе Черкасской области. В 1932 г. окончил восьмилетнюю школу, в 1937 г. – Каневский сельскохозяйственный техникум. В августе 1937 г. Евтушенко был призван на службу в РККА. В мае 1940 г. окончил Мелитопольское военное авиационное училище, после чего служил в Забайкальском военном округе. С июля 1941 г. – на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Западном, Брянском, 2-м Прибалтийском фронтах.

За время своего участия в боях совершил 110 боевых вылетов, сбросив 36 тонн авиационных бомб, нанеся противнику большие потери в живой силе и боевой технике, сняв с противника 16 тыс. км² оборонительных позиций. Евтушенко первым обнаружил отход вражеских войск из Орла, благодаря чему советская авиация нанесла по ним штурмовой удар. К моменту представления к званию Героя Советского Союза гвардии капитан Никифор Евтушенко был штурманом эскадрильи 99-го гвардейского отдельного разведывательного авиаполка 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 г. за «мужество и героизм, проявленные в боях», удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В октябре 1945 г. окончил Военно-воздушную академию. В мае 1946 г. в звании майора был уволен в запас. С ноября того же года – на службе в органах МВД Латвийской ССР. В 1955 г. окончил Московский заочный юридический институт. В марте 1956 г. Евтушенко был арестован, лишен звания подполковника милиции и уволен из рядов МВД по причине дискредитации звания начальствующего состава.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1957 г. был лишен звания Героя Советского Союза и всех государственных наград.

С 1958 г. работал мастером на Центральном ремонтно-механическом заводе Мосэнерго, затем прошел путь от мастера до начальника цеха деревообрабатывающего комбината. Окончил Всесоюзный заочный лесотехнический техникум.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 января 1969 г. был восстановлен в звании Героя Советского Союза, ему вернули все награды.

Проживал в Москве, скончался 5 сентября 2002 г., похоронен на Рогожском кладбище Москвы.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 1944), ордена Красной Звезды (25.12.1942), Ленина (02.09.1943), Красного Знамени (1944), два ордена Отечественной войны I степени (16.02.1943).

Ершов Ефим Федорович

Родился 19 января 1904 г. в с. Янгужинский Майдан (ныне – Ковылкинский район Республики Мордовия). Окончил четыре класса. В 1924 г. поступил работать на торфопредприятие им. Классона, обеспечивавшее ГРЭС-3. Работал на торфопредприятии в п. Красный Угол Павловско-Посадского района Московской области. Жил в с. Мележи Киржачского района Владимирской области. Из рядовых рабочих перешел на должность сначала бригадира по добыче торфа, потом начальника поля, начальника участка.

В сентябре 1941 г. был призван в Красную армию. Воевал на Западном, Центральном, 2-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. К лету 1943 г. – в составе моторизированного батальона автоматчиков 11-й гвардейской отдельной танковой бригады.

В августе 1943 г. на одном из участков Центрального фронта, который оборонял мотострелковый батальон, разгорелся жаркий бой. Только в боях с 1 по 8 августа 1943 г. минометный расчет, в котором Ершов был заряжающим, уничтожил 93 вражеских солдата, одну пушку, три миномета противника, один ручной пулемет и одну автомашину. Солдаты расчета захватили в плен двух противников. В этой схватке парторг Ершов из личного оружия уничтожил шесть противников.

26 января – 20 февраля 1944 г. в боях на территории Винницкой области Украины у сел Очеретня, Татьящевка и Почапинцы командовал отделением автоматчиков. Со своими бойцами уничтожили более 100 солдат и офицеров противника, один пулемет и одну автомашину. Из личного оружия в этих боях уничтожил 25 противников.

5–12 марта 1944 г., во время боев по ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника, у сел Ульяновка и Джулунка с минометным расчетом истребил много солдат и офицеров противника, поразил шесть автомашин с грузом, пушку и крупнокалиберный пулемет. Отражая контратаки противника, из личного оружия уничтожил 50 противников.

Приказом от 25 апреля 1944 г. награжден орденом Славы II степени. Приказом от 26 июня 1944 г. награжден орденом Славы III степени.

В завершающих боях Великой Отечественной войны в Германии был командиром бронетранспортера отдельной разведывательной роты 11-й гвардейской отдельной тяжелой танковой бригады.

За период боевых действий с 14 апреля 1945 г. сделал 32 выхода в разведку, и из каждого поиска он доставлял ценные сведения о противнике. 19 апреля в районе Штраусберг, рискуя жизнью, под сильным огнем противника пробрался в расположение вражеских войск и точно установил местонахождение засады вражеских танков. В результате танки его бригады успешно совершили обходной маневр. 28 апреля в районе Берлина пробрался в тыл противника и вместе с группой разведчиков вступил в неравный поединок с гитлеровцами, вооруженными фаустпатронами. В схватке группа Ершова истребила девять противников, а двух взяла в плен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками гвардии старший сержант Ершов награжден орденом Славы I степени.

В сентябре 1945 г. был демобилизован. Вернулся в с. Мележи. Работал начальником участка на том же торфопредприятии. За высокие показатели, достигнутые в социалистическом соревновании, за доблестный труд был удостоен ордена Ленина. С 1963 г. жил в с. Филипповское Киржачского района Владимирской области. Скончался 25 ноября 1965 г.

Награды: орден Ленина, два ордена Красной Звезды (31.08.1943; 16.05.1945).

Жеребцов Иван Кузьмич

Родился 9 (22) декабря 1917 г. в г. Орехово-Зуево Кудыкинской волости Покровского уезда Владимирской губернии (Московской области). Детство провел в с. Асники Захаровского района Рязанской области. С 1928 г. жил в Орехово-Зуево. Окончил семь классов в 1932 г., школу ФЗУ – в 1934 г. С 1934 г. – торфоразработки «Сажени», Орехово-Зуевский район, слесарь-тракторист. 1935–1938, 1940–1941 гг. – ТЭЦ-6, турбинный цех, слесарь. В 1938–1940 гг. служил в РККА. Окончил полковую школу, заместитель политрука в Ленкоранском погранотряде (Азербайджан). Призван 13 июля 1941 г., в действующей армии с 15 декабря 1941 г. В декабре 1941 г. – мае 1943 г. – разведчик и помощник командира взвода отдельной разведывательной роты 26-й стрелковой бригады. Воевал на Западном и Калининском фронтах. С июля 1943 г. – командир взвода, а в феврале–октябре 1944 г. – командир 183-й отдельной разведывательной роты 156-й стрелковой дивизии 43-й армии, старший лейтенант. Воевал на Западном и 1-м Прибалтийском фронтах. Легко ранен 7 апреля и 15 декабря 1943 г. и 1 июля 1944 г. Особо отличился при подготовке Рижской операции. В период с 1 января по 24 сентября 1944 г. выполнил три рейда в тыл противника, связанных с форсированием р. Лиелупе. В ходе этих рейдов захватил 10 пленных, которые полностью вскрыли

всю группировку противника, оборонявшуюся в этом районе. В ночь на 13 сентября 1944 г. во главе группы разведчиков преодолел р. Лиелупе в районе д. Пазоли (Яунсвирлаукская волость, Елгавский край, Латвия), обошел с тыла гарнизон противника численностью в 40 человек и в коротком бою разгромил его. Бойцы взорвали блиндаж, захватили в плен шесть солдат и вернулись без потерь в расположение дивизии.

5 октября 1944 г. тяжело ранен в правую руку, до февраля 1945 г. находился на излечении в госпитале в г. Гусь-Хрустальный (Владимирская область). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за «мужество и героизм, проявленные в боях», удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В феврале–августе 1945 г. служил на военном складе в Московском военном округе начальником команды сопровождения воинских транспортов на фронт. После войны продолжал службу в армии. В январе 1946 г. в звании капитана уволен в запас. В 1946–1948 гг. – инструктор политработы Стalinского райотдела милиции г. Москвы. В 1948–1953 гг. работал старшим дежурным электромонтером подстанции тока высокого напряжения в СКБ-627 (разработка магнитного антирадарного покрытия). Проживал в Москве, до выхода на пенсию работал в научно-исследовательском институте. Умер 24 декабря 1995 г. Похоронен на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 24.03.1945), ордена Красного Знамени (19.06.1944), Отечественной войны I (6.04.1985) и II степени (7.01.1944), Красной Звезды (17.08.1943), медаль «За отвагу» (26.04.1942).

Жидов Георгий Никанорович

Родился 20 февраля 1916 г. в д. Толмачёвка Кораблинского района Рязанской области, в крестьянской семье. В 1933 г. окончил семь классов в Кашире. Здесь же учился в ФЗУ при Каширской электростанции. До января 1935 г. работал слесарем на Каширской ГРЭС. С января по декабрь 1935 г. учился в Рязанском аэроклубе с отрывом от производства.

В январе–марте 1936 г. – слесарь на Каширской ГРЭС. В РККА с 4 марта 1936 г. В 1936 г. окончил 3-ю Оренбургскую военную авиационную школу летчиков им. К.Е. Ворошилова, в 1937 г. – Борисоглебскую военную школу летчиков. В 1939 г. участвовал в походе Красной армии в Западную Белоруссию. В начале Великой Отечественной войны – в составе 123-го истребительного авиационного полка в районе Бреста. 22 июня 1941 г. в первом бою сбил бомбардировщик Хе-111 (Ю-88). Воевал на подступах к Москве. В составе полка переведен под Ленинград. 30 ноября во главе звена вступил в бой с двенадцатью Ю-88 и двенадцатью Ме-109 над мысом Осиновец. Командир эскадрильи 123-го истребительного авиационного полка (7-й истребительный авиационный корпус). К июню 1942 г. совершил 266 боевых вылетов на штурмовку аэродромов и войск противника, в 40 воздушных боях сбил лично восемь и в группе 13 вражеских самолетов. Тяжело ранен 4 октября 1942 г. в воздушном бою в районе Колпино. В декабре 1942 г. над Ладожским озером ударом правой плоскости таранил фашистский бомбардировщик. Успешно произвел посадку на поврежденном самолете. За «образцовое выполнение боевых заданий командования, мужество, отвагу и геройство, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», Указом Пре-

зидиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В апреле 1944 г. гвардии майор Г.Н. Жидов назначен командиром 401-го истребительного авиационного полка (ИАП). В 1944 г. участвовал в освобождении Прибалтики. Войну на западе закончил под Берлином. В апреле 1945 г. 401-й ИАП был направлен на Дальний Восток. В составе 297-й истребительной авиационной дивизии (ИАД) Забайкальской армии ПВО участвовал в советско-японской войне. В августе 1945 г. принимал участие в боевых действиях на территории Маньчжурии. За время Великой Отечественной войны на истребителях И-153, Як-1, Ла-5 выполнил 364 боевых вылета и два боевых вылета на Ла-7 в Маньчжурии. В 70 воздушных боях сбил 29 вражеских самолетов: 16 лично и 13 в группе (семь бомбардировщиков, 21 истребитель и один разведчик Хе-126). После войны служил в авиации войск ПВО страны, полковник. Окончил Краснознаменную Военно-воздушную академию. В 1957 г. уволен в запас. Умер 11 апреля 1974 г. в Москве. Похоронен на Введенском кладбище.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 14.02.1943), пять орденов Красного Знамени (31.12.1941; 30.04.1942; 28.06.1944), ордена Отечественной войны I (21.02.1944) и II степени (5.07.1943), два ордена Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда» (2.06.1943), «За оборону Москвы» (21.03.1945).

Зайцев Дмитрий Александрович

Родился 18 октября 1918 г. в с. Кутьма Умченского сельсовета Крапивенского района Тульской области, в семье крестьянина. Вместе с родителями проживал в Туле. Окончил семь классов. Продолжая семейную традицию, в 1941 г. пришел работать в Тульские электрические сети электромонтером в лабораторию по ремонту электросчетчиков. Одновременно учился в аэроклубе. Призван в РККА в 1937 г. В 1940 г. досрочно в течение года окончил Борисоглебскую Краснознаменную военную авиационную школу им. В.П. Чкалова. В июле 1941 г. принимал участие в обороне Киева в звании командира звена 2-го ИАП 36-й ИАД противовоздушной обороны Юго-Западного фронта. 4 июля 1941 г. вылетел на истребителе И-16 на перехват вражеского воздушного разведчика Ю-88, идущего в направлении Киева. Обнаружил противника на высоте 2000 м и атаковал его. Заметив преследование, пилот «юнкера» попытался уйти в сторону линии фронта. Непрерывно атакуя, израсходовал все боеприпасы, но разведчик продолжал лететь. Чтобы не дать ему уйти, принял решение таранить и винтом отрубил хвостовое оперение самолета противника. Тот потерял управление и упал на окраине Киева. Двое членов экипажа «юнкера» приземлились на парашютах и были взяты в плен. Зайцев благополучно совершил посадку на своем аэродроме. За совершенный подвиг 2 августа 1941 г. одним из первых авиаторов Юго-Западного фронта был удостоен звания Героя Советского Союза и награжден медалью «Золотая Звезда» (№ 356) и орденом Ленина. С 1944 г. майор Зайцев был летчиком-инспектором по технике пилотирования Военно-воздушных сил Северного флота. За годы войны совершил 130 боевых вылетов, сбил 13 самолетов лично и два в группе. 1 октября 1944 г. погиб при катастрофе самолета. Похоронен на Всехсвятском кладбище в Туле.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 02.08.1941).

Ю.Ф. Горбунов (справа). Просстев, Чехословакия. 15 мая 1945 г.

Ю.Ф. Горбунов. Просстев,
Чехословакия. Май 1945 г.

Работники ПКБ. Стоят, слева направо: Н.Е. Афанасьев (четвертый), В.А. Самаров (пятый)

Н.В. Харитонов

И.А. Мальцев

В БОЮ С ФАШИСТСКИМИ СТЕРВЯТИКАМИ

Из рассказа летчика-туляка, Героя Советского Союза Д.А. Зайцева

На фронте я с первых дней войны. С тех пор ежедневно поднимаю свой «ястребок» в воздух для выполнения боевых заданий командования ...

Первое боевое крещение я получил 4 июля. С того дня и начался у меня счет сбитых фашистских «мессершмиттов» и «юнкерсов».

... На нашем аэродроме шла обычная боевая работа. Мы готовились к очередному рейду во вражеский тыл. Неожиданно взвилась ракета. Я быстро сел в свой истребитель и поднялся в воздух. На огромной высоте – фашистский бомбардировщик. Надо достичь врага, атаковать его и сбить.

Когда я набрал нужную высоту, фашист заметил меня и, отстреливаясь, начал развертываться над пунктом Н. Бомб он не сбрасывал. Я понял, что это бомбардировщик-разведчик спешно фотографировал местность. Я настиг хищника и ударил из пулемета по его правому мотору. Мотор задымил, но продолжал работать. Думаю: «Все равно не уйдешь, гад!» На небольшом расстоянии открываю по фашисту сильный огонь из всех пулеметов. Вражеская машина стала трусливо удирать. Настигаю ее и нахожусь на гашетку. Но выстрела не последовало. Оказывается, гоняясь за врагом, я не заметил, как израсходовал все патроны...

Что делать? Оставить фашиста и вернуться на свой аэродром? Отпустить врага безнаказанным?

Нет! Решаю таранить! Круто бросаю свой «ястребок» в пике и пристраиваюсь к бомбардировщику. Фашистские летчики ищут меня в воздухе и не могут найти. Тогда, решив, видимо, что я сбит, враг спокойно пошел по прямой в свое логово. Тем временем я пристроил свой «ястребок» рядом с брюхом бомбардировщика и, взяв штурвал на себя, со всей своей силой врезался ему в фюзеляж. Раздался оглушительный треск. Во все стороны полетели обломки. По огромному туловищу фашистского бомбардировщика словно пробежала судорога, и оно развалилось на две части. Хвостовое оперение, отлетев на несколько метров, быстро пошло к земле. Моторная часть, где сидел экипаж, на мгновение задержавшись в воздухе, также рухнула на землю.

Из моторной части гитлеровцы выбрасывали карты и фотоаппараты, а вслед за этим двое из них выбросились на парашютах. С земли за моим боем следили колхозники. Они-то и подобрали документы, а заодно прихватили их самих.

Я благополучно приземлился на одном из наших аэродромов и в тот же день снова вылетел на выполнение боевых заданий ...

За время войны мое звено сбило десятки вражеских машин...

Я обещаю своим землякам, трудящимся Тулы, еще беспощаднее быть лютых врагов, презренных германских фашистов. Врагам не будет пощады нигде – ни на земле, ни в воздухе!

(Газета «Коммунар» № 217, 14 сентября 1941 г.)

В.М. Капленкова

Я училась с Дмитрием Александровичем Зайцевым в 5–7 классах. Мы были с ним не только одноклассники, но и земляки. Он жил в д. Кутыме, а я в д. Умчино, а сельсовет был Умчинский.

В пятом классе он был со мной в одной бригаде, так как в то время был бригадный метод учебы. Я была бригадиром. Он учился в моей бригаде хорошо и не подводил свою бригаду (в бригаде было пять человек). Особенно мне запомнились годы учебы в седьмом классе. Здесь мы считали себя взрослыми, нам было уже по 15 лет.

Дмитрий, по сравнению со своими сверстниками, был выше ростом, сидел на последней парте у окна, плечистый, ну, и симпатичный. Учился вполне удовлетворительно по точным предметам: физика, математика. Тогда нам не ставили хороших, отличных отметок, оценки были «неуд», «уд» и «вполне уд».

Меня с ним больше сближала математика, так как я также увлекалась математикой, просто любила решать задачи, и я к нему ходила на квартиру, и с ним вместе выполняли уроки. Жил он в Крапивне у своей тети на Набережной улице, а на выходной мы ходили домой.

Он был очень веселый, простой парень, большой шутник и хороший товарищ. К нему тянулись ребята. Был большой выдумщик. Я вспоминаю такой случай. Наш седьмой класс учился во вторую смену, и на выходной мы ходили домой поздно вечером, а расстояние от Крапивны до Умчино было километров пять. Дороги были с большими колеями, да еще и занесены снегом. И вот, чтобы не сбиться с дороги, он придумал на палки намотать пакли от пеньки (конопли), смазать керосином и зажечь. И вот, мы с такими факелами шли до самой деревни. Как увидят из деревни огоньки на дороге, то родители говорили, что идут наши ребята. А училось нас много из всех деревень, примерно человек 30. Он был хорошим товарищем и мог выручить из беды своих лучших друзей. Мне вспоминается такой случай из жизни своего класса. На кафельной лежанке одна ученица (она была старше намного нас и училась плохо) написала во время перемены слово «ХОДЯ»²⁷ перед уроком истории. Мы не знали значение этого слова, а кто писал, тот знал. И вот к нам на урок истории пришел молодой учитель-кореец Джебонышев Джемобек Байганович. Посмотрел он на эти слова и ушел, не стал проводить урока. Я в это время была дежурная по классу, но в классе на перемене не была, и старосты в классе не было, в общем, все бегали по коридору. А Зайцев сидел и решал задачу в классе, он видел. И вот, у нас было срочное собрание, пришли директор школы, классный руководитель и стали спрашивать, кто написал это слово. Никто не признался. И на другой день – приказ по школе: меня исключить из школы сроком на две недели, старосту – на месяц за политическую близорукость, классному руководителю, как мы позже узнали, – строгий выговор. Но Зайцев Дмитрий разобрался, что к чему, и решил рассказать, кто писал. Нас снова приняли в школу, а ту девчуну исключили из школы совсем.

Когда Дмитрий учился в школе, то в дружеской беседе с ним на досуге, он всегда говорил: вот кончу семь классов, поступлю в техникум, а как бы поступить учиться на летчика? Это его была мечта еще в седьмом классе. Фантазии было много, как он будет летчиком. И вот, его мечта

²⁷ Пренебрежительное название китайца.

сбылась. Он стал прекрасным пилотом, даже командиром эскадрильи. Мне посчастливило с ним встретиться осенью в 1944 году, незадолго перед его гибелью, в Крапивне. Он уже был Героем Советского Союза. Высокий, стройный, красивый, и на груди гимнастерки сияла звезда Героя.

Он был очень веселый, смеялся, шутил. Я его поздравила с большой наградой. Он сказал: скоро уезжаю снова бить врага, разобъем, и обязательно я приеду в Крапивну, встречусь со своими друзьями, и разопьем бутылку шампанского.

Но не суждено ему дожить до этого времени. Жаль, конечно, но что делать – война есть война, она никого не щадит.

Вот все, что я могла вспомнить о Дмитрии Зайцеве – Герое Советского Союза, лучшем своем школьном товарище.

Н.С. Рогожина

Когда мои родители приехали из деревни, они жили на улице Луначарского, дом 44. В 1936–1937 нам дали квартиру на берегу Упы за территорией Кремля. Квартира была довольно хорошая, просторная. В деревне у отца остался старший брат, у которого было девять человек детей. Старший сын, Дмитрий Александрович Зайцев, приехал к нам на квартиру, отец мой помог ему поступить на работу. Поступил он работать в лабораторию по ремонту счетчиков в Тульские электросети, а вечером ходил учиться в аэроклуб. Закончив его, был назначен в училище.

В 1941 году в первые дни войны взят на фронт.

В Крапивне Щёкинского района открыта школа в его честь, на открытие были приглашены все родные. В школе есть уголок героя Д.А. Зайцева, там его детские вещи. Когда исполнилось 60 лет со дня его рождения, также в школе организовали встречу родных с учениками.

Зайцев Дмитрий, как я его помню, смелый, находчивый, жизнерадостный. Когда он приезжал в дни войны, все родные собирались в доме отца на Халтурина. И мы в дни отъезда провожали его на аэродром, и вот однажды он на подаренном ему именном самолете делал мертвые петли и рассказывал о своих полетах.

Ионов Сергей Петрович

Родился в 1912 г. в с. Злобино (ныне – Каширский район Московской области). После окончания пяти классов школы работал трактористом в колхозе. В 1934–1939 гг. проходил службу в РККА.

В 1939 г. был демобилизован. Вернувшись в родное село, работал в турбинном цехе Каширской ГРЭС. С июля 1940 г. по сентябрь 1941 г. вновь работал трактористом в совхозе.

В сентябре 1941 г. повторно был призван в армию. С октября того же года – на фронтах Великой Отечественной войны. К августу 1944 г. был механиком-водителем танка 3-й танковой бригады 23-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. 21–23 августа 1944 г. Ионов неоднократно отличался во время освобождения румынских городов Тыргу-Фрумос и Роман, форсировании р. Сирет. В одном из боев протаранил своим танком противника, а затем, проведя ремонт, вновь вступил в бой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После окончания войны был демобилизован. Вернулся в Московскую область, работал трактористом в Ступино. В 1952 г. переехал в г. Находку Приморского края, работал плотником. Скончался в 1961 г. Похоронен на старом городском кладбище Находки.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 23.12.1944), ордена Отечественной войны II степени (06.02.1943), Красной Звезды (15.09.1943), Славы III степени (16.09.1944).

Ищенко Василий Каленикович

Родился 1 января 1919 г. в с. Трояны ныне Добривеличковского района Кировоградской области. В 1937 г. окончил семь классов школы в родном селе, в 1938 г. – ФЗУ в Одессе. Работал токарем по металлу на заводе им. М.И. Калинина в Одессе. В 1939 г. окончил Одесский аэроклуб.

В армии с сентября 1939 г. В феврале 1941 г. окончил Одесскую военную авиационную школу летчиков, в июне 1941 г. – Чугуевскую военную авиационную школу летчиков.

Участник Великой Отечественной войны: в августе–декабре 1941 г. – летчик 182-го истребительного авиационного полка. Участвовал в обороне Крыма. В марте 1942 г. – мае 1945 г. – летчик, командир звена и командир эскадрильи 1-го гвардейского истребительного авиационного полка. Воевал на Калининском, Волховском, Степном, Брянском, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Участвовал в боях на ржевском направлении, прорыве блокады Ленинграда, Ржевско-Вяземской операции (1943), Курской битве, освобождении Белоруссии и Прибалтики, Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской, Берлинской и Пражской операциях. 31 июля 1943 г. был легко ранен в воздушном бою.

Всего за время войны совершил 318 боевых вылетов на истребителях ЛаГГ-3, «Харрикейн», Як-7Б, Як-1, Як-9 и Як-3, в 66 воздушных боях сбил лично 13 и в составе группы – пять самолетов противника (по другим данным – лично 14 и в составе группы – четыре).

За мужество и геройство, проявленные в боях, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1946 г. окончил курсы при Липецкой высшей офицерской летно-тактической школе ВВС. До 1952 г. продолжал службу в строевых частях ВВС командиром авиаэскадрильи и заместителем командира истребительного авиаполка (в Центральной группе войск, Венгрия).

В 1956 г. окончил Военно-воздушную академию (Монино). До октября 1957 г. служил летчиком-инспектором – начальником боевой подготовки истребительной авиации Управления боевой подготовки ВВС. В январе–июне 1958 г. – начальник штаба 706-го учебного авиационного полка Качинского военного авиационного училища летчиков. С июля 1958 г. полковник В.К. Ищенко – в запасе.

Работал на Центральном ремонтно-механическом заводе Мосэнерго: инженером (1966–1967), старшим инженером (1967–1969), начальником сектора отдела материально-технического снабжения (1969–1975) и старшим товароведом (1975–1984).

Жил в Москве. Умер 3 июля 2004 г. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 27.06.1945), два ордена Красного Знамени (04.09.1942; 05.04.1945), ордена Александра Невского (06.09.1944), Отечественной войны I (06.04.1985) и II степени (06.08.1943).

Карасев Борис Иванович

Родился 28 июля (июня) 1919 г. в д. Рига-Васильевка Сталиногорского района Тульской области. После перевода отца на другую работу семья переехала в Москву. Окончил в 1934 г. семилетнюю школу. Работал на автомобильном заводе им. Сталина (ЗИЛ), окончил заводскую школу ФЗУ. Вскоре вернулся в Сталиногорск и поступил работать электромонтером на Сталиногорскую ГРЭС. Без отрыва от производства учился в аэроклубе. Выпускник сталиногорского авиационного клуба им. Михаила Бабушкина (обучался на самолете У-2). В 1938 г. стал летчиком-инструктором и комендантом аэроклуба. В январе 1939 г. поступил в Качинскую Краснознаменную военно-авиационную школу летчиков. Призван в РККА 1 марта 1939 г. После окончания школы летчиков в 1940 г. служил в частях BBC Киевского особого военного округа, в 88-м истребительном авиационном полку под Винницей. Вскоре стал командиром истребительного авиационного звена. С 22 июня 1941 г. в действующей армии.

Летал на самолетах И-16, ЛаГГ-3 и Ла-5. В бой с фашистами вступил в первый же день войны, прикрывал подступы к городу с воздуха, не позволяя вражеской авиации бомбить Винницу. Сразу отличился в боях как умелый и отважный летчик. 1 июля 1941 г. по указанию командующего войсками Южного фронта Карасеву приказали произвести разведку территории Румынии в районах Липканы, Штафанешти и вдоль р. Прут, особенно мест скопления войск противника и направление их движения. Возвращаясь домой, Карасев обнаружил командный пункт врага, усиленно охранявшийся зенитчиками. Карасев пошел на штурм, ударив по КП из пушек и пулеметов. Немцы открыли ответный огонь. И-16 сильно качнуло. Карасев с трудом дотянул до аэродрома подсекока. Осмотривая машину, механики обнаружили пробоины в бензобаке и более 20 – в фюзеляже и крыльях. Заделав пробоины в бензобаке деревянными пробками, Карасев поднялся в небо и добрался до своего аэродрома под Винницей. На следующий день, вылетев на разведку, у линии фронта встретил группу Ме-109. Завязался бой. Искусно маневрируя, Карасев попытался уйти от удара. Но огонь велся очень плотный: один из снарядов «мессера» попал в плоскость И-16 и отбил ее. «Ишачок» вошел в штопор и начал падать. На высоте 800 метров Карасев покинул машину и держнул за кольцо троса. Однако парашют не раскрылся. Казалось, конец неизбежен. Но произошло чудо. Карасев почувствовал сильный удар. А в следующую секунду он уже сидел на земле вместе с накрывшим его парашютом. Наблюдавшие за воздушным боем с КП фронта видели, что парашют не раскрылся, и решили: летчик погиб. Однако Карасев остался жив, лишь немного повредил левую ногу. Можно представить удивление товарищей, когда он вернулся в свой полк, где его уже считали павшим смертью храбрых.

Постепенно за Карасевым закрепилась слава одного из лучших летчиков эскадрильи, а потом и полка. Скоро его назовут мастером разведки. В 1941–1942 гг. особо важные воздушные разведки в дивизии в интересах всего фронта доверяли только двум летчикам – А.И. Покрышкину и Б.И. Карасеву. В марте 1942 г. лейтенант Борис Карасев сошелся в неравной схватке с 10 гитлеровскими

истребителями! Командир эскадрильи И-16 капитан Середа получил боевую задачу: обеспечить сопровождением шестерку самолетов соседнего полка, срочно вылетевшую на штурмовку противника. Во время полета на минимальной высоте он сбил двух «мессеров», а третий, погнавшийся за И-16, сам зацепился за верхушку дерева и рухнул на землю. Но и Карасеву не удалось увернуться от вражеского снаряда. Поскольку бой шел почти у поверхности земли, ему удалось посадить горящий самолет на брюхо. Промчавшись по полю на бешеной скорости, машина развалилась на части, летчика вместе с креслом отбросило далеко в сторону. Бойцы расположенной рядом артиллерийской батареи, видевшие весь бой от начала и до конца, доставили летчика в госпиталь. Карасев был контужен и повредил позвоночник. Около месяца пролежал в госпитале, не долечившись, выпился в конце апреля и вернулся в строй. В ноябре 1943 г. зачислен в 41-й гвардейский истребительный авиационный полк и воевал в нем до самой Победы. Отличился в боях при освобождении Донбасса. Участвовал в Львовско-Сандомирской операции, боях под Краковым, Бригом, Котбусом, Дрезденом, в штурме Берлина, в уничтожении последней группировки немцев в Карпатах.

Всего за период войны командир эскадрильи 41-го гвардейского истребительного Черновицкого ордена Кутузова авиационного полка гвардии капитан Б.И. Карасев совершил 509 боевых вылетов, из которых 136 приходится на штурмовку наземных войск противника и 85 – на разведку (из которых более 40 – особо важные и сложные). В 80 воздушных боях сбил девять самолетов врага лично и четыре в группе с товарищами. (<http://airaces.narod.ru/all6/karashev.htm>). После войны продолжал службу в Военно-воздушных силах СССР. Был помощником командира истребительного авиационного полка (ИАП), старшим инспектором-летчиком 42-й воздушной армии и Главного штаба Войск противовоздушной обороны страны, членом летной квалификационной комиссии при Главкоме Войск ПВО. В 1964 г. полковник Б.И. Карасев вышел в запас. В 1965 г. поступил в Гражданский воздушный флот СССР. Работал в Аэрофлоте в Центральном управлении международных воздушных сообщений, был штурманом и руководителем бюро аэронавигационной информации в аэропорту Шереметьево. В Аэрофлоте трудился до 1997 г., отдав авиации более 60 лет жизни. Во время войны трижды считался погившим, представлялся к званию Героя Советского Союза, но документы непонятным образом исчезли. 22 сентября 1997 г. Указом Президента Российской Федерации за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», гвардии полковнику в отставке Карасеву Борису Ивановичу было присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» (№ 413). После демобилизации проживал в Москве. Умер 29 августа 2011 г.

Награды: Герой Российской Федерации (медаль «Золотая Звезда», 22.09.1997), три ордена Красного Знамени (5.11.1941; 29.04.1942; 5.07.1944), орден Александра Невского (22.02.1945), два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени (6.04.1985), медаль «За храбрость» (Чехословакия).

Мальцев Иван Александрович

Родился 25 февраля 1918 г. в с. Новокрасивое Ефремовского района Тульской области, в семье крестьянина. Окончил семь классов и школу ФЗУ. Работал электрослесарем на Сталиногорской ГРЭС. В 1939 г. призван в ряды РККА и направлен в Краснодарское военно-авиационное училище, эвакуированное в г. Евлах Азербайджанской ССР. Окончил училище в 1942 г. В действующей армии с 4 мая 1943 г. Сражался на Северо-Кавказском, 4-м Украинском фронтах, в Отдельной Приморской армии, на 2-м Белорусском фронте в составе 7-го гвардейского штурмового авиационного полка 230-й штурмовой авиационной дивизии 4-й воздушной армии. Летчик, командир звена, заместитель командира и командир эскадрильи. Летал на штурмовике Ил-2. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 г. И.А. Мальцеву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В наградном листе указано: «...за отличное выполнение боевых заданий и проявленное при этом мужество и героизм, за совершенные 96 успешных боевых вылетов и уничтоженные при этом 16 танков, 53 автомашины, 7 железнодорожных эшелонов, 3 паровоза, 75 вагонов, 25 зенитных орудий, 23 зенитные точки, 12 цистерн, 6 барж, 4 переправы, истребление до 800 солдат и офицеров противника... за умелое воспитание летчиков и хорошую штурмовую подготовку...». К концу войны командир эскадрильи гвардии капитан И.А. Мальцев совершил 149 боевых вылетов. После войны продолжал службу в Военно-воздушных силах.

В 1955 г. окончил Военно-воздушную академию. Полковник. В 1960 г. уволен в запас. Жил в Ленинграде. Умер 14 января 1987 г. Похоронен на Серафимовском кладбище Ленинграда.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 26.10.1944), орден Красной Звезды (30.09.1943), Отечественной войны II (7.12.1943) и I степени (24.10.1944; 1985), два ордена Красного Знамени (22.02.1944; 20.07.1944), орден Александра Невского (22.05.1945), медаль «За оборону Кавказа» (20.10.1944).

Маснев Алексей Никанорович

Родился 5 мая 1915 г. в с. Готовые Уколовского района Воронежской области (ныне – Красненского Белгородской области), в семье крестьянина. В 1931 г. вместе с семьей переехал в Москву. Окончил девять классов. Работал слесарем-машинистом на ТЭЦ²⁷. В РККА с сентября (ноября) 1937 (1938) г. В 1938 г. окончил Борисоглебскую Краснознаменную военную авиационную школу им. В.П. Чкалова. В ноябре 1938 г. назначен на должность младшего летчика 51-го истребительного авиационного полка (ИАП) Забайкальского военного округа. С января 1940 г. – летчик 149-го ИАП ВВС Ленинградского военного округа. Участвовал в советско-финской войне 1939–1940 гг. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. в составе 149-го ИАП, летал на МиГ-3 и ЛаGG-3. Сражался на Западном, Крымском, Сталинградском, Южном, Северо-Кавказском, 4-м Украинском фронтах. Свою первую победу лейтенант А.Н. Маснев одержал в первый день

²⁷ Точное место работы установить не удалось.

войны, отражая налет вражеских бомбардировщиков в воздушном бою 22 июня 1941 г. в районе аэродрома Черновицы.

В июне 1942 г. направлен заместителем командира эскадрильи 13-го ИАП (25 августа 1943 г. преобразован в 111-й гвардейский ИАП), летал на ЛаГГ-3 и Ла-5. В декабре 1942 г. назначен командиром эскадрильи. В конце апреля 1943 г. сбит в воздушном бою в районе Новороссийска. Тяжело раненым покинул горящий самолет с парашютом и приводнился в Черное море, где был подобран на бронекатере десантниками 83-й морской бригады 18-й армии и переправлен в Геленджикский госпиталь. К маю 1943 г. – командир эскадрильи 13-го ИАП (Северо-Кавказский фронт, 4-я Воздушная армия). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм» удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После излечения вернулся в свою часть, в сентябре 1944 г. назначен заместителем командира 111-го гвардейского ИАП, летал на Ла-7. К маю 1945 г. гвардии майор А.Н. Маснев провел 36 воздушных боев, в которых сбил лично 15 самолетов противника и семь в группе с товарищами.

Войну закончил в Праге. Всего совершил около 500 боевых вылетов. Имел одно легкое и два тяжелых ранения (ожоги лица и рук). Участник Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. в составе сводного авиационного полка. После войны продолжал службу в ВВС. В 1947 г. окончил Высшие летно-тактические курсы усовершенствования командного состава. Командовал авиационной частью. 21 декабря 1948 г. уволился из рядов вооруженных сил по состоянию здоровья.

Жил в Краснодаре. Умер 10 октября 1979 г. Похоронен в Краснодаре на Славянском кладбище.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 24.08.1943), орден Ленина (05.11.1941), три ордена Красного Знамени (25.03.1943; 14.04.1945; 28.05.1945), медаль «За оборону Кавказа» (26.04.1945).

Моргунов Сергей Николаевич

Родился 30 ноября 1918 г. в д. Чернятинские Выселки (ныне Каширский район Московской области). Окончил семь классов и ФЗУ Каширской ГРЭС, несколько месяцев поработал на электростанции электромонтером. Работал слесарем в Ступино Московской области, окончил аэроклуб. С 1937 г. в рядах Красной армии. Армейскую службу проходил на Дальнем Востоке. В 1941 г. окончил Качинскую военную авиационную школу пилотов.

С 7 апреля 1943 г. младший лейтенант С.Н. Моргунов на фронтах Великой Отечественной войны в должности летчика, командира звена, заместителя командира и командира эскадрильи (с 1 июня 1944 г.). Сражался на Северо-Кавказском, Южном, 4-м Украинском, 1-м и 3-м Белорусских фронтах. Летал на Як-7, Як-1, Як-9 и Як-3.

К маю 1945 г. заместитель командира эскадрильи 15-го ИАП капитан С.Н. Моргунов выполнил 350 боевых вылетов, провел 96 воздушных боев, в которых сбил лично 41 самолет противника. Сам ни разу сбит не был, в одном из воздушных боев был лишь легко ранен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. удостоен звания Героя Советского Союза с вручением

ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

А через месяц, 19 июля (июня) 1946 г., погиб во время выполнения учебно-тренировочного полета. Похоронен в Кашире.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 15.05.1946), ордена Красного Знамени (17.01.1944; 22.05.1944; 29.03.1945; 04.06.1945), Отечественной войны I (15.08.1943) и II степени (06.05.1943), медали «За оборону Кавказа» (21.04.1945), «За взятие Берлина» (26.10.1945).

Пирязев Андрей Никифорович

Родился 15 октября 1916 г. в с. Вязовёнки (ныне – Скопинский район Рязанской области). В 1923 г. семья переехала в д. Нивки Озерского (ныне Ступинского района) Московской области. Окончил начальную школу в д. Суково. Работал на Каширской ГРЭС помощником моториста. С 1934 г. жил и работал в п. Бабурино (Озерского района) под г. Озёры, затем – в ж/д депо ст. Голутвин Московской области, в геолого-разведывательной экспедиции в Иркутской области.

В 1941 г. был призван на службу в РККА. С февраля 1943 г. – на фронтах Великой Отечественной войны.

К октябрю 1943 г. сапер 12-го отдельного саперного батальона 106-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 65-й армии Центрального фронта. Отличился во время битвы за Днепр.

15 октября 1943 г. в составе передовой группы переправился через Днепр в районе п. Лоев Гомельской области Белорусской ССР и принял активное участие в боях за захват, удержание и расширение плацдарма на его западном берегу, лично уничтожил несколько вражеских солдат. Совершил пять рейсов, перевозя бойцов и командиров со снаряжением, несмотря на тяжелое ранение в спину, продолжал выполнять боевую задачу, пока не потерял сознание от потери крови. За пять рейсов на 10-местной десантной лодке переправил на правый берег 75 бойцов.

После этого боя полгода пролежал в госпитале. После выздоровления его направили на 1-й Белорусский фронт и поручили обучать новоприбывших солдат пулеметному делу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» красноармеец Андрей Пирязев был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1946 г. в звании старшины демобилизован. Проживал в Коломне, работал слесарем, затем шофером на тепловозостроительном заводе. Скончался 20 августа 1983 г., похоронен на воинском кладбище Коломны.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 15.01.1944), медаль «За отвагу» (06.10.1943).

Полетаев Федор Андрианович

Родился 9 [22] июня (по др. свед.: 14 мая) 1909 г. в с. Катино, в крестьянской семье. Образование начальное. В 1923 г. уехал на заработки в Подмосковье, в п. Электропередача Павлово-Посадского района. Работал грузчиком на торфоразработках электростанции Электропередача (ГРЭС-3 им. Классона).

В 1931 г. вернулся на родину в с. Катино. В том же году, осенью, был призван в Красную армию, служил в артиллерийском полку Московской Пролетарской стрелковой дивизии. В армии освоил профессию кузнеца.

В августе 1941 г. призван в РККА. Воевал под Москвой в 159-м легком артиллерийском полку 78-й стрелковой дивизии (позднее – в 28-м гвардейском артиллерийском полку 9-й гвардейской стрелковой дивизии), командовал дивизией полковник А.П. Белобородов. В составе 159-го легкого артиллерийского полка принимал участие в боях за деревни Нефедьево – Козино, где проходила линия электrozаграждений. Бывший командир 1-го дивизиона П.П. Добрынин вспоминал: «На нашу батарею прибыло несколько человек из пополнения. Среди них был рослый, крепкого сложения боец, выделявшийся даже среди богатырей-сибиряков. В беседе заявил, что до войны служил в артиллерию и знаком с огневым делом. Когда его спросили, откуда он родом, Федор Андрианович ответил просто: «рязанский». Так его и стали звать: Федор Рязанский». В декабре 1941 г. Ф.А. Полетаев писал жене: «Жив, здоров. Получил от командования благодарность. Воюю достойно». А.П. Белобородов вспоминал после войны: «1-я батарея артполка снова оправдала репутацию геройского подразделения... Среди бывалых фронтовиков, недавно пополнивших батарею, был и красноармеец Ф.А. Полетаев. За время боевых действий первый орудийный расчет сержанта В.М. Парубца (в этом расчете воевал Полетаев), уничтожил десятки автомашин, пулеметных гнезд, орудий, танков, около ста солдат и офицеров противника».

Весной–летом 1942 г. Ф.А. Полетаев воевал в районе р. Оскол в Курской и Харьковской областях. В июне части дивизии оказались в окружении. В июле 1942 г. в районе с. Бокай гвардии рядовой (по некоторым данным – сержант) Полетаев был тяжело ранен и ошибочно признан погибшим (согласно справке Архива МО СССР, он был похоронен в братской могиле в этом селе). С другой стороны, некоторое время Полетаев числился перебежчиком к немцам, его искал особый отдел дивизии, командира батареи допрашивал Смерш. И только после войны стало известно, что Полетаев попал в плен.

Судьба Федора Полетаева сложилась так: он был вынесен с поля боя своими боевыми товарищами, но из-за тяжелого ранения в ногу его пришлось оставить в одном из хуторов, где он три месяца лечился, а поправившись, решил идти к своим – или перейти линию фронта, или искать связь с партизанами. Он попал в плен, но той же ночью бежал. Пытался снова выйти к своим, но был пойман полицаями.

Прошел лагеря военнопленных в Вязьме, Бердичеве, Мелеце. Попав в лагерь возле г. Славонски-Брод, в марте 1944 г. он с группой военнопленных бежал, но вскоре был снова пойман и отправлен в рабочую команду на территории Италии, близ Генуи.

Летом 1944 г. с помощью итальянских коммунистов Ф.А. Полетаев бежал. Лагерный друг Ф.А Полетаева Н.Н. Петухов вспоминал: «Мы чертовски устали от сумасшедшего бега и от пере-

житого. Кровь с рук и лица, разодранных колючими шипами роз, сочилась, не переставая, я и Кочкин то и дело спотыкались и падали, Федор же был тверд. Физическая сила и сила духа казались в нем неисчерпаемыми. Он помогал нам подниматься, брал за руки и тащил. Это же делали наши проводники. Обнаружив побег, гитлеровцы подняли тревогу и устроили погоню. Их автоматные очереди раздавались за спиной все ближе и ближе. Нашим ничего не оставалось, как оказать сопротивление. Хватило шести гранат, чтобы отбиться». Так Полетаев вместе с двумя товарищами оказался у итальянских партизан и вступил в батальон под командованием Нино Франки бригады «Орест» дивизии «Пинан Чикеро». Среди партизан он получил прозвище «Поэтан».

Участвовал во многих боевых операциях итальянских партизан, совершивших нападения на гитлеровцев в районе автострады Генуя – Серравалле – Ск rivия.

В начале 1945 г. немцы предприняли широкомасштабную карательную операцию против партизан в Лигурии. В операции принимали участие части Туркестанского легиона. 2 февраля в Долине молний возле городка Канталупа партизаны батальона вступили в бой с немецкими карательями и заставили их перейти к обороне. Но необходимо было заставить их сдаться до прихода подкреплений. Тогда Федор Полетаев поднялся в атаку и, ведя огонь из автомата, приказал немцам сдаваться. Следом подоспели партизаны. Немцы начали бросать оружие, но в последний момент один из них выстрелил в Полетаева. Пуля пробила горло.

Федор Полетаев был похоронен со всеми почестями 3 февраля на кладбище в местечке Рокетта. После окончания войны его прах был перезахоронен в Генуе на кладбище Стальено.

25 мая 1947 г. в Генуе советскому консулу были вручены для передачи семье героя награды: золотая медаль «За военную доблесть» на синей муаровой ленте и бронзовая пятиконечная звезда – знак бойца Гарибальдийской партизанской бригады. На обратной стороне медали выгравировано имя – Федор Александр Поэтан.

26 декабря 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Федору Полетаеву было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Произошло это благодаря тому, что советский писатель и общественный деятель Сергей Смирнов, изучив документы и фотографии, доказал, что человек, носивший имя Федор Поэтан, является советским солдатом Федором Андриановичем Полетаевым.

Рунов Борис Александрович

Родился 24 мая 1925 г. в Богородске Московской области, в семье рабочего. Образование среднее. С начала Великой Отечественной войны работал на военном заводе, затем устроился монтёром в Ногинские электросети Мосэнерго.

В РККА был призван в 1943 г. В 1944 г. окончил Московское военно-инженерное училище. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1944 г.

За успешную операцию и взятие в плен большой группы немцев, которые, как потом выяснилось, выходили прямо к штабу 4-й танковой армии, лейтенант Б.А. Рунов был представлен к званию Героя Советского Союза.

В 1945 г. вышел в запас в звании старшего лейтенанта. В 1950 г. окончил Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства и аспирантуру. Работал в этом же институте ассистентом, с 1953 – доцент.

После стажировки в 1960–1961 гг. в Айовском университете (США) был проректором Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (1961–1962).

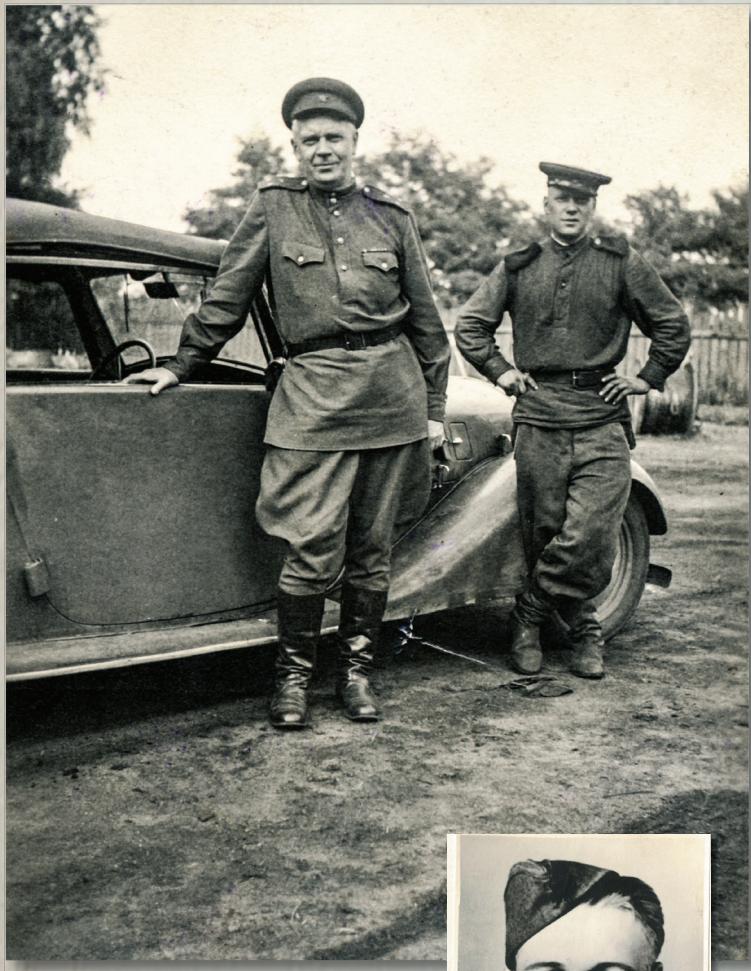
Затем работал заведующим сектором науки и образования в Сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС (1962–1965, 1968–1970) и советником Посольства СССР в Канаде (1965–1968). С 1970 г. по 1985 г. – заместитель министра сельского хозяйства СССР. В 1953 г. стал кандидатом технических наук, а в 1973 г. защитил докторскую диссертацию и стал доктором сельскохозяйственных наук. С 1986 г. по 1989 г. – начальник отдела внедрения науки и передового опыта Госагропрома СССР. С 1989 г. – председатель Совета по пропаганде и организации освоения достижений науки и техники ВАСХНИЛ. В 1988 г. избран академиком ВАСХНИЛ. С 1992 г. – начальник отдела пропаганды и издательской работы РАСХН. В 1994–1995 гг. – академик-секретарь отделения землеустройства и строительства РАСХН. С 1995 г. – главный научный сотрудник Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки РАСХН. Автор более 300 научных трудов и пяти монографий по проблемам агропромышленного комплекса. С 1995 г. также профессор Московского государственного агринженерного университета им. В.П. Горячкина и МСХА им. К.А. Тимирязева.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 27.06.1945), два ордена Красной Звезды (31.12.1944; 31.03.1945), ордена Отечественной войны I степени (06.04.1985), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2005), медаль «За отвагу»

Синельщиков Матвей Трофимович

Родился 19 августа 1920 г. в д. Коробово Оськинского сельсовета Спасс-Клепиковского района Рязанской области, в крестьянской семье. Окончил семь классов на родине в 1939 г. С 1 октября 1939 г. – Шатурская ГРЭС, ФЗУ, ученик слесаря.

В Красной армии с октября 1940 г. Служил слесарем в мастерской танкового полка, дислоцированного во Львове. Прошел подготовку и овладел специальностью механика-водителя танка, самостоятельно обкатывал танки после ремонта. На фронте с июня 1941 г. В составе Юго-Западного фронта с боями отходил в сторону Киева, Харькова. В марте 1942 г. направлен в 20-й учебный танковый полк для переподготовки на механика-водителя, потом участвовал в составе 18-го разведывательного танкового батальона в битве на Курской дуге. С августа 1943 г. воевал на Западном фронте. В бою за Ельню раздавил своим танком два вражеских орудия и уничтожил три пулеметные точки. В числе первых ворвался в город под сильным огнем противника и был ранен. После госпиталя в январе 1944 г. направлен механиком-водителем танка 3-го танкового батальона 18-й гвардейской танковой бригады. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, прошел с боями Восточную Померанию. 6 октября 1944 г. в бою в районе населенного пункта Пежи, в 39 км западнее Шауляя, умело маневрируя боевой машиной, помог экипажу уничтожить два тяжелых танка противника, самоходное орудие и свыше 10 солдат противника. Приказом от 15 декабря 1944 г. награжден орденом Славы III степени. 25–28 февраля 1945 г. в наступательных

Н.А. Андреев (слева)

С.П. Гуськов

М.П. Рыбаков

М.И. Курков

И.И. Задежанский

И.И. Чикашов

А.Г. Тюленев

В.Г. Волостнов

А.Я. Вилков

В.И. Степиничев (второй справа) с однополчанами. Луцк. Сентябрь 1950 г.

347

боях на территории Польши, в районе населенных пунктов Яжелибец, Боболице, танк гвардии старшины Синельщикова прошел с боями 80 км без единой аварии. 27 февраля 1945 г. на подступах к г. Бублиц подбил два танка, уничтожил несколько автомашин и бронетранспортеров. Экипаж одним из первых ворвался в город, уничтожил пушку, три пулеметные точки и свыше отделения живой силы противника. Приказом по 19-й армии от 23 апреля 1945 г. награжден орденом Славы II степени. В апреле 1945 г. в боях на левом берегу р. Одер южнее Штеттина, действуя в составе экипажа, поджег головную машину вражеской колонны на шоссе Берлин – Штеттин и уничтожил большое количество боевой техники и живой силы. Воевать закончил 6 мая 1945 г. в г. Висмар в Германии, где их часть встретилась с войсками союзников. Приказом по 70-й армии от 14 мая 1945 г. гвардии старшина Синельщиков повторно награжден орденом Славы II степени. В 1946 г. демобилизован. Вернулся в родную деревню. Работал на машинно-тракторной станции. С 1950 г. жил в с. Новохаритоново Раменского района Московской области. Работал слесарем, механиком участка в Гжельском СМУ-5 треста «Главмособлстрой», позднее, по окончании техникума – главным механиком. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1968 г. в порядке перенаграждения М.Т. Синельщиков удостоен ордена Славы I степени. В 1970-е годы стал героям телепередачи «Золото, а не машина» из цикла «Солдатские мемуары», подготовленного писателем К.М. Симоновым. Скончался 10 февраля 1997 г.

Награды: орден Отечественной войны I степени (06.04.1985).

Харитонов Николай Васильевич

Родился 1 января 1920 г. в с. Пусто-Ярославль Волосовского сельсовета Собинского района Владимирской области, в семье крестьянина. После окончания семи классов средней школы в 1935 г. переехал в Москву, где закончил девять классов средней школы № 455 в 1936 г. Работал штукатуром на ТЭЦ-11. Параллельно с работой занимался в аэроклубе.

С 1 декабря 1937 (1938) г. в рядах РККА. В 1940 г. окончил Борисоглебскую Краснознаменную военную авиационную школу им. В.П. Чкалова. С 22 июня 1941 г. в действующей армии. Воевал в составе Западного, Сталинградского, Центрального и Белорусского фронтов. Сражался в небе Минска и Вязьмы, Сталинграда и Курска, Орла и Белгорода, Варшавы и Берлина.

По 5 ноября 1941 г. – Западный фронт, командир звена 521-го ИАП. До 20 июля 1942 г. находился на излечении в Казани после тяжелого ранения. К февралю 1943 г. – заместитель командира эскадрильи 520-го ИАП (283-я истребительная авиационная дивизия (ИАД), 16-я воздушная армия, Центральный фронт), старший лейтенант.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 14 апреля 1945 г. сбит в воздушном бою на территории Германии в районе Геритц-Лебус. Был объявлен в полку пропавшим без вести и приказом Главного управления кадров НКО СССР исключен из списков Красной армии. 14 апреля 1945 г. в паре с ведомым комсомольцем Борисом Барановым прикрывал переправу наших войск через Одер. Пришлось отбивать атаку вражеской авиации. Самолет

Баранова сел на аэродром с уже мертвым летчиком в кабине. А Харитонов с задания не вернулся. Через несколько дней нашли обломки его обгоревшего самолета. Из них сослуживцы соорудили памятник своему бесстрашному другу и поклялись отомстить за него в Берлине.

А 30 апреля Николай Харитонов «воскрес». Оказалось, что в бою над Одером самолет Харитонова был подбит. Он выпрыгнул из объятой пламенем машины и потерял сознание. Парашют приволок его в траншею к фашистам. Из немецкого плена Харитонова вызволил наш разведчик, работавший в тылу врага под прикрытием (по другой версии: немецкий врач, который выдал его за мертвого). Он спрятал Харитонова в товарный вагон, где уже находились такие же, как он, пленные. Потом этот вагон был отцеплен на одной из станций. 30 апреля 1945 г. танкисты 2-го Белорусского фронта, прорвав оборону противника, захватили железнодорожную станцию, а на одном из ее запасных путей нашли эшелон с пленными.

7 мая 1945 г. вернулся в свой полк. Всего совершил свыше 250 боевых вылетов. Провел 80 воздушных боев, сбил 14 самолетов лично и 10 в группе с товарищами (по другим сведениям: более 300 боевых вылетов, сбил 16 вражеских самолетов лично и еще 11 в составе группы). Был три раза ранен в воздушных боях: 5 ноября 1941 г. тяжело под Москвой – в руку и ногу; 10 сентября (октября) 1942 г. легко под Сталинградом – в руку, ногу и голову; 14 апреля 1945 г. легко на р. Одер (Германия) – в правую ногу, лицо и руки. После войны продолжал служить в ВВС, летал на реактивных самолетах. Был командиром эскадрильи, помощником командира полка, заместителем командира полка по летной подготовке 56-го гвардейского ИАП. В 1955 г. окончил Военно-воздушную академию. По сентябрь 1956 г. был заместителем начальника штаба 283-й ИАД (34-я воздушная армия, Закавказский военный округ), по август 1958 г. – заместитель начальника штаба 29-й ИАД на острове Сахалин. В 1960 г. полковник Н.В. Харитонов уволен в запас. Жил в Москве. Умер 11 сентября 1988 г. Похоронен на Кунцевском кладбище.

Награды: Герой Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», 01.05.1943), два ордена Красного Знамени (23.10.1942; 28.05.1943), орден Александра Невского (15.06.1945), два ордена Отечественной войны I степени (16.01.1943; 06.04.1985), орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда» (03.11.1944), «За оборону Москвы» (08.12.1944).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы

(постановления, распоряжения, справки и докладные записки)
советских и партийных органов, касающиеся вопросов обеспечения
работы Мосэнерго в годы войны

30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) был образован чрезвычайный орган управления – Государственный комитет обороны (ГКО), обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в стране с 1941 по 1945 гг. Первое постановление ГКО выпущено 1 июля 1941 г. Последнее – 4 сентября 1945 г., после окончания Второй мировой войны.

Главным направлением деятельности ГКО стала работа по переводу советского государства на военные рельсы, превращение страны в единый боевой лагерь: военное производство, основные базовые отрасли экономики и транспортная система находились под жестко централизованным управлением ГКО. 8 декабря 1942 г. при ГКО было создано Оперативное бюро, в задачи которого входил контроль за текущей работой всех оборонных наркоматов и наркоматов тяжелой промышленности, в том числе Наркоматом электростанций.

В рамках этих направлений ГКО решал огромное количество различных вопросов: за 1626 дней своей работы (30 июня 1941 – 4 сентября 1945) ГКО принято 9971 постановление и распоряжение, то есть примерно по шесть решений в день. И почти треть (28 %) из всего количества постановлений ГКО было посвящено перестройке военной экономики, увеличению производства военной техники, вооружения и боеприпасов.

Через Наркомат электростанций, который осуществлял оперативное руководство энергосистемами, постановления ГКО доводились до Мосэнерго. Таким образом, главнейшие вопросы, с которыми сталкивалась Московская энергосистема в годы войны, – демонтаж оборудования, эвакуация и реэвакуация, восстановление мощностей, проблемы с топливом и введением лимитов для потребителей, вплоть до социалистического соревнования – решались ГКО и затем воплощались в действие в Мосэнерго. Вопросы функционирования энергосистемы находились на постоянном контроле и у городских властей – в партийных органах и исполкоме.

Публикуемые ниже уникальные документы показывают, как функционировала Московская энергосистема и сколь непростые задачи приходилось решать энергетикам, чтобы обеспечить стабильное энергоснабжение предприятий и бытовых потребителей Москвы и Московской области.

Самоотверженный труд работников Мосэнерго в годы Великой Отечественной войны получил высокую оценку Правительства СССР. Многие энергетики Москвы, Подмосковья, Тулы были награждены орденами и медалями. 1 апреля 1945 г. достойную оценку получила работа электростанций. Указом Президиума Верховного Совета были награждены орденом Трудового Красного Знамени коллективы: ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона – «за достижение высоких технико-экономических показателей по эксплуатации и в связи с 30-летием работы первой в СССР торфяной электростанции»; Каширской ГРЭС – «за успешную работу в годы Великой Отечественной войны»; Шатурской ГРЭС – «за достижение образцовых технико-экономических показателей»; ТЭЦ-9 – «за успешное освоение энергетического оборудования высокого давления и бесперебойную работу по энергоснабжению оборонной промышленности г. Москвы».

Подготовка к войне

**Справка зав. топливно-энергетическим отделом МК ВКП(б) А.Г. Жукова секретарю
МК ВКП(б) Б.Н. Черноусову о подготовке к противовоздушной обороне предприятий
системы Мосэнерго. 6 января 1941 г.**

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Светомаскировка выполнена на всех предприятиях Мосэнерго и принята специальной комиссией Мосэнерго

Основными методами светомаскировки были приняты синий цвет и зашторивание. Учитывая опыт современной войны в Европе, на объектах Мосэнерго в настоящее время ведутся работы по ее дальнейшему совершенствованию.

В июне месяце 1940 г. штабом первого корпуса ПВО была проведена проверка с воздуха эффективности светомаскировки Сталиногорской, Шатурской, Каширской ГРЭС и ГРЭС им. Классона.

Проверка установила, что наряду с отдельными недостатками в светомаскировке этих объектов главными демаскирующими факторами являются их основные ориентиры – водные поверхности и дым котельных, которые просматривались самолетом со значительных высот.

В связи с этим перед Мосэнерго встает задача комплексного разрешения вопроса маскировки этих объектов, т.е. светомаскировка и создание ложных объектов.

В настоящее время ведутся переговоры с ВЭИ об устройстве ложных объектов на этих станциях.

Строительство спецсооружений

... Кроме строящихся убежищ на объектах ГРЭС № 3, 4, 5 и ТЭЦ № 6 запроектировано на военный период устройство щелевых укрытий.

Большая разветвленность сетей Мосэнерго, как кабельных, так и воздушных, делает их весьма уязвимыми при воздушных налетах. Поэтому важнейшей задачей подготовки сетевого хозяйства является создание в мирное время резервов сетевого оборудования и материалов для целей обеспечения важнейших промпредприятий надежной схемой питания и для производства восстановительных работ при авариях и разрушениях от бомбардировок с воздуха, а также и их охрана в военное время. Мосэнерго неоднократно разрабатывало потребность в запчастях и резервах сетевого оборудования, но фондов на это не выделялось, и на 1941 г. еще не рассматривались как материальное снабжение, а также и охрана сетей.

Авиазенитная оборона

Крупнейшие электростанции Мосэнерго – ГРЭС № 4 мощностью 180 тыс. кВт, ГРЭС № 5 мощностью 186 тыс. кВт и ГРЭС № 10 мощностью 350 тыс. кВт – расположены вне зоны г. Москвы.

Удельный вес этих объектов огромен. Достаточно указать, что в случае выхода из строя этих электростанций система Мосэнерго лишится 64,4 % своей мощности.

В конце апреля месяца 1940 г. военным командованием МВО ранее введенные части АЗО с этих объектов были сняты, причем было сообщено, что части снимаются временно, в то же время до настоящего времени эти части на объекты не вернулись.

Зав. топливно-энергетическим отделом МК ВКП(б) Жуков

Строительство диспетчерского пункта Мосэнерго

26 марта 1941 г. зам. наркома электростанций СССР Д.Г. Жимерин направил зам. председателя СНК СССР М.Г. Первухину докладную записку за № ПГ-143 следующего содержания: «Метрострой проектирует строительство диспетчерского пункта III очереди метрополитена.

В Мосэнерго оперативное управление станций и сетей сосредоточено в диспетчерском пункте, построенном в 1926 г. без учета требований ПВО, поэтому крайне необходимо построить и для системы Мосэнерго резервный диспетчерский пункт.

Народный комиссариат электростанций считает, что в целях удешевления строительства необходимо совместить сооружение диспетчерских пунктов метро и Мосэнерго в одной точке и просит Совнарком СССР обязать Метрострой произвести проектирование и строительство резервного диспетчерского пункта Мосэнерго, включив эти работы в генсмету 3-й очереди метро».

На имя Первухина была также направлена справка за подписью В. Бондарева, в которой сообщалось, что «в 1939 г. метропроектом по договору с Мосэнерго был составлен эскизный проект основного диспетчерского пункта с местонахождением возле Раушской набережной с использованием шахты метро. На производство работ согласно эскизному проекту Наркомэлектростанций согласия не дал.

В настоящее время наркомат ставит вопрос о постройке дублирующего пункта, расположенного в пункте между Охотным рядом и площадью Революции. Связь между дублирующими и основными пунктами будет осуществляться по линиям связи, прокладываемым в тоннелях метро. Проект распоряжения прилагаю».

В прилагавшемся проекте распоряжения СНК СССР устанавливался срок «окончания строительных работ по диспетчерскому пункту Мосэнерго в IV кв. 1941 г. и окончание монтажных работ (проводимых Наркомэлектростанций) в I кв. 1942 г.». На проекте имеются пометы: «Включено в постановление по диспетчерским пунктам» (подпись неразборчива, предположительно – М.Г. Первухина) и «В Архив. Решено постановлением СНК СССР № 1499-612сс. В. Бондарев».

**Записка зам. председателя СНК СССР М.Г. Первухина председателю СНК СССР
И.В. Сталину «О проекте постройки подземных диспетчерских пунктов для
электростанций Москвы, Ленинграда, Баку и Донбасса» № с-21. 27 мая 1941 г.**

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Для оперативного управления несколькими электростанциями, работающими параллельно в общую электросеть, в таких крупных энергосистемах, как Мосэнерго (11 электростанций), Ленэнерго (9 электростанций), Донэнерго (10 электростанций) и других, существуют центральные диспетчерские пункты.

В условиях войны наиболее уязвимыми и ответственными пунктами в работе электростанций являются центральные диспетчерские пункты, при разрушении которых может быть расстроена подача электроэнергии потребителям при полной сохранности самих электростанций.

Для обеспечения нормального оперативного управления электростанциями в условиях противовоздушной обороны считаю необходимым постройку подземных диспетчерских пунктов в Москве, Ленинграде, Баку и Донбассе.

В Москве и Ленинграде указанные подземные диспетчерские пункты целесообразно построить совместно с намеченными к постройке подземными диспетчерскими пунктами метро.

Прошу утвердить прилагаемый проект постановления о строительстве подземных диспетчерских пунктов, подготовленный совместно с Наркоматом электростанций.

M. Первухин

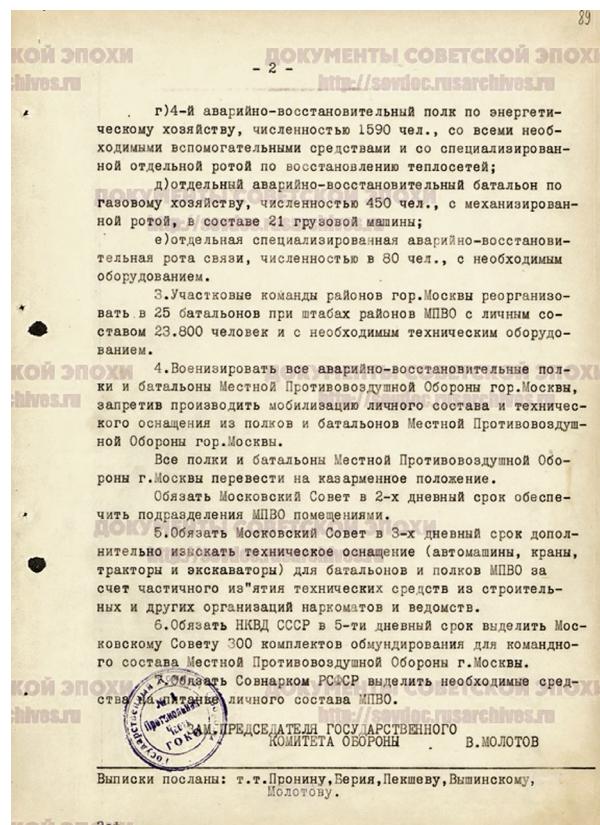
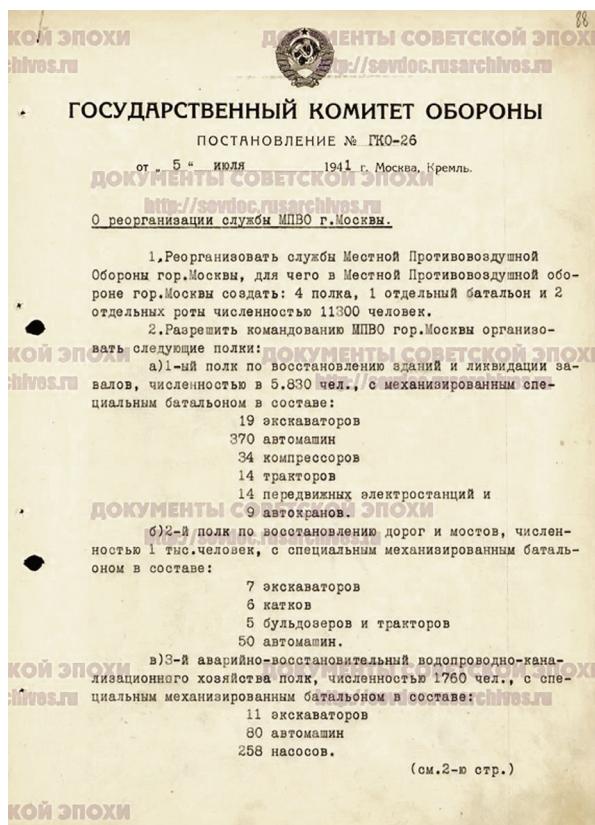
В верхнем левом углу документа помета: «Тов. Первухину. Прошу согласовать настоящий проект с НКПС (метро) и Госпланом. Ст[роительст]во пунктов сомнений не вызывает.

Н. Вознесенский».

5 июня 1941 г. принимается постановление № 1499-612сс СНК СССР «О строительстве подземных диспетчерских пунктов для Мосэнерго, Ленэнерго, Азэнерго (Баку), Донэнерго и Днепроэнерго», которым предписывалось: «1. Обязать Наркомат электростанций построить подземные диспетчерские пункты с вводом их в действие: по Мосэнерго – в январе 1942 г. [...]. 3. Возложить выполнение строительных работ по подземному диспетчерскому пункту Мосэнерго на Метрострой НКПС по договору с Мосэнерго НКЭС, с окончанием всех строительных работ в ноябре 1941 г.».

МПВО, противовоздушная оборона

Постановление ГКО № 26 «О реорганизации службы МПВО г. Москвы». 5 июля 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-26
от «5» июля 1941 г. Москва, Кремль.

О реорганизации службы МПВО г. Москвы

1. Реорганизовать службы Местной Противовоздушной Обороны гор. Москвы, для чего в Местной Противовоздушной обороне гор. Москвы создать: 4 полка, 1 отдельный батальон и 2 отдельных роты численностью 11 300 человек.
2. Разрешить командованию МПВО гор. Москвы организовать следующие полки:
 - а) 1-й полк по восстановлению зданий и ликвидации завалов, численностью в 5 830 чел., с механизированным специальным батальоном в составе:

19 экскаваторов
370 автомашин
34 компрессоров
14 тракторов
14 передвижных электростанций и
9 автокранов.
 - (б) 2-й полк по восстановлению дорог и мостов, численность 1 тыс. человек, с специальным механизированным батальоном в составе:

7 экскаваторов
6 катков
5 бульдозеров и тракторов
50 автомашин.
 - (в) 3-й аварийно-восстановительный водопроводно-канализационного хозяйства полк, численностью 1760 чел., с специальным механизированным батальоном в составе:

11 экскаваторов
80 автомашин
258 насосов.

- 19 экскаваторов
370 автомашин
34 компрессоров
14 тракторов
14 передвижных электростанций и 9 автокранов.
- 6) 2-й полк по восстановлению дорог и мостов, численностью 1 тыс. человек, с специальным механизированным батальоном в составе:
- 7 экскаваторов
6 катков
5 бульдозеров и тракторов
50 автомашин.
- в) 3-й аварийно-восстановительный водопроводно-канализационного хозяйства полк, численностью 1760 чел., с специальным механизированным батальоном в составе:
- 11 экскаваторов
80 автомашин
258 насосов.
- г) 4-й аварийно-восстановительный полк по энергетическому хозяйству, численностью 1590 чел., со всеми необходимыми вспомогательными средствами и со специализированной отдельной ротой по восстановлению теплосетей;
- д) отдельный аварийно-восстановительный батальон по газовому хозяйству, численностью 450 чел., с механизированной ротой, в составе 21 грузовой машины;
- е) отдельная специализированная аварийно-восстановительная рота связи, численностью в 80 чел., с необходимым оборудованием.
3. Участковые команды районов гор. Москвы реорганизовать в 25 батальонов при штабах районов МПВО с личным составом 23 800 человек и с необходимым техническим оборудованием.
4. Военизировать все аварийно-восстановительные полки и батальоны Местной Противовоздушной Обороны гор. Москвы, запретив производить мобилизацию личного состава и технического оснащения из полков и батальонов Местной Противовоздушной Обороны гор. Москвы.
- Все полки и батальоны Местной Противовоздушной Обороны г. Москвы перевести на казарменное положение.
- Обязать Московский Совет в 2-х дневный срок обеспечить подразделения МПВО помещениями.
5. Обязать Московский Совет в 3-х дневный срок дополнительно изыскать техническое оснащение (автомашины, краны, тракторы и экскаваторы) для батальонов и полков МПВО за счет частичного изъятия технических средств из строительных и других организаций наркоматов и ведомств.
6. Обязать НКВД СССР в 5-ти дневный срок выделить Московскому Совету 300 комплектов обмундирования для командного состава Местной Противовоздушной Обороны г. Москвы.

7. Обязать Совнарком РСФСР выделить необходимые средства на питание личного состава МПВО.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Выписки посланы: т.т. Пронину, Берия, Пекшеву, Вышинскому, Молотову.

**Постановление ГКО № 73с «О создании Службы маскировки при Московском Совете».
9 июля 1941 г.**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-73с

от «9» июля 1941 г. Москва, Кремль.

О создании Службы маскировки при Московском Совете

1. Разрешить Московскому Совету создать из архитекторов и художников Службу маскировки наиболее важных оборонных объектов г. Москвы.

Оплату работы этой Службы произвести за счет бюджета Московского Совета.

2. Обязать Службу маскировки Московского Совета обеспечить маскировку таких объектов как оборонные заводы, водопроводные станции, Кремль, Центральный телеграф, нефтехранилища и городские мосты.

3. Обязать соответствующие наркоматы провести все необходимые работы по маскировке своих объектов по указаниям Службы маскировки при Московском Совете.

Разрешить наркоматам и ведомствам тратить средства за счет общих капиталовложений на маскировку своих объектов.

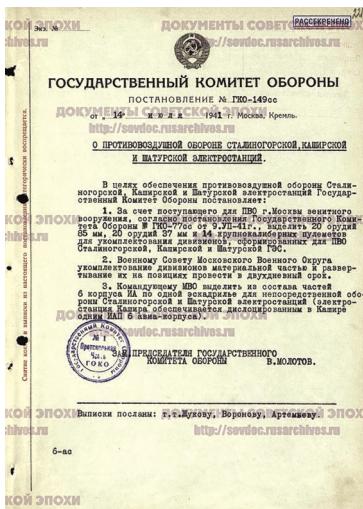
4. Обязать Наркомат химической промышленности т. Денисова выделить по заявке Московского Совета необходимое количество красок для маскировки военных объектов.

5. Обязать Наркомат Обороны оказать полное содействие Службе маскировки в проведении маскировочных работ важнейших объектов г. Москвы.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Выписки посланы: т.т. Пронину, Берия, Жукову – все. Денисову – п.н. 2,3,4. Шахурину, Носенко, Устинову, Горемыкину, Седину, Богатыреву, Леткову, Тевояну, Гинзбургу, Казакову, Малышеву, Паршину, Кагановичу, Ефремову, Кузнецову (НКВМФ), Донченко, Ломако, Митрохину, Смирнову, Пересыпкину, Булганину, Звереву, Хохлову, Молокову, Федорову (К-т Гидрометслужбы), Донченко, Агафонову (Упр. «Москва-Волга»), Чуенкову, Лопухову, Поликарпову (Радиокомитет) – п.н. 2, 3.

Постановление ГКО № 149сс «О противовоздушной обороне Сталиногорской, Каширской и Шатурской электростанций». 14 июля 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-149сс

от «14» июля 1941 г. Москва, Кремль.

О противовоздушной обороне Сталиногорской, Каширской и Шатурской электростанций

В целях обеспечения противовоздушной обороны Сталиногорской, Каширской и Шатурской электростанций Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. За счет поступающего для ПВО г. Москвы зенитного вооружения, согласно постановления Государственного Комитета Обороны № ГКО-77сс от 9.VII – 41 г., выделить 20 орудий 85 мм, 20 орудий 37 мм и 14 крупнокалиберных пулеметов для укомплектования дивизионов, сформированных для ПВО Сталиногорской, Каширской и Шатурской ГЭС.
2. Военному Совету Московского Военного Округа укомплектование дивизионов материальной частью и развертывание их на позициях провести в двухдневный срок.
3. Командующему МВО выделить из состава частей 6 корпуса ИА по одной ротации для непосредственной обороны Сталиногорской и Шатурской электростанций. Кашира обеспечивается дислоцированным в Кашире одим ИАП 6 авиа-корпуса.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Выписки посланы: т.т. Жукову, Воронову, Артемьеву.

Мероприятия по эвакуации Москвы и введению осадного положения

Постановление ГКО № 740сс. 8 октября 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-740сс

от «8» октября 1941 г. Москва, Кремль.

В связи с создавшейся военной обстановкой, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Для проведения специальных мероприятий по предприятиям города Москвы и Московской области, организовать пятерку в составе:
 - 1) Заместителя Наркома Внутренних Дел СССР т. Серова (руководитель);
 - 2) Начальника Московского Управления НКВД т. Журавлева;
 - 3) Секретаря МГК ВКП(б) т. Попова;
 - 4) Секретаря МК ВКП(б) т. Черноусова;
 - 5) Начальника Главного Военно-Инженерного Управления Наркомата Обороны т. Котляра.
2. Создать в районах г. Москвы и Московской области тройки в составе: Первого секретаря Райкома ВКП(б) (руководитель), начальника РО НКВД и представителей инженерных частей Красной Армии.
3. Обязать Комиссию в однодневный срок определить и представить Государственно-му Комитету Обороны список предприятий, на которых должны быть проведены специальные мероприятия.
Разработать порядок, обеспечивающий выполнение этих мероприятий, выделить исполнителей и обеспечить предприятия необходимыми материалами.
4. Поручить пятерке тщательно проверить исполнителей и организовать их соответствующую техническую подготовку.
5. Комиссии наладить надлежащую связь с районными тройками и оповещение их о начале действий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Берия, Щербакову, Серову, Журавлеву, Попову, Черноусову, Котляру, Шапошникову.

Постановление ГКО № 789сс «О плане эвакуации электростанций из Тульской и Московской областей». 13 октября 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-789СС

от «13» октября 1941 г. Москва, Кремль.

О плане эвакуации электростанций из Тульской и Московской областей

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Принять предложение Наркомата Электростанций об эвакуации оборудования и персонала предприятий Наркомэлектростанций, расположенных в Тульской и Московской областях.
2. Обязать Наркомэлектростанций (т. Леткова) установить очередность остановки и демонтажа турбин и котлов электростанций в зависимости от снижения нагрузки в системе.
3. Обязать НКПС выделить Наркомэлектростанций для эвакуации оборудования и персонала 4805 вагонов с разбивкой по предприятиям, согласно приложению, обеспечив при этом ежесуточную подачу в размере 100 вагонов.
4. Обязать Свердловский, Челябинский, Омский и Новосибирский облисполкомы обеспечить жилплощадью эвакуируемых работников и членов их семей в районах расположения предприятий Наркомэлектростанций.
5. Ответственность за эвакуацию районных электростанций Московской и Тульской областей возложить на Наркома Электростанций т. Леткова А.И.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Первухину, Леткову, Швернику, Микояну – все; Кагановичу – 3; обкомам ВКП(б) – соотв.

Постановление ГКО № 801сс «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 15 октября 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-801сс

Особой важности

от «15» октября 1941 г. Москва, Кремль.

Об эвакуации столицы СССР г. Москвы

Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану).
2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).
3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.
4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Берия, Молотову, Кагановичу – все; Шапошникову – 3, Кузнецовой (НКВМФ) – 3, Щербакову – 4.

Постановление ГКО № 813 «О введении осадного положения в г. Москве и прилегающих к городу районах». 19 октября 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

№ 813 от «19» октября 1941 г.

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–120 километров западнее Москвы, поручена Командующему Западным фронтом генералу армии т. ЖУКОВУ, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. АРТЕМЬЕВА возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. СИНИЛОВА, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, Милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Москва, Кремль
19 октября 1941 г.

Отчет зам. председателя Совета по эвакуации при СНК СССР А.Н. Косыгина первому секретарю МК ВКП(б) А.С. Щербакову о ходе эвакуации из г. Москвы и Московской области предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения по состоянию на 25 ноября 1941 года. 30 ноября 1941 г.

[...] 14. Наркомэлектростанций эвакуируется Каширская и Шатурская ГРЭС, Фрунзенская и Сталинская ТЭЦ, высоковольтная сеть Мосэнерго, Волгоэлектросетьстрой, Шатурский и Ореховский торфотресты.

С Каширской ГРЭС отправлены турбогенераторы № 5 и 6 по 50 мвт, за исключением конденсаторов и фундаментных рам; отгружен, за исключением каркаса и коробов воздухоподогревателя, котел № 5 на 100 тонн пара/час. Отгружены барабаны и часть поверхности нагрева котла № 4 на 160 тонн пара/час, отгружены 6 фаз повышительных трансформаторов. Необходимо отгрузить котел № 3 и оставшуюся часть оборудования.

С Шатурской ГРЭС отгружен турбогенератор № 6 мощностью 44 мвт и 3 фазы повышающего трансформатора. Необходимо отгрузить 3 котла со всей комплектующей аппаратурой.

С Фрунзенской ТЭЦ отгружен турбогенератор № 1 мощностью 25 мвт, за исключением фундаментной плиты и части трубопроводов.

На Сталинской ТЭЦ демонтируется турбина и котел.

Всего по предприятиям Наркомэлектростанций отгружено 1518 вагонов оборудования и 1623 т кабельных изделий и 400 человек рабочих, ИТР и служащих.

Кроме того, по Стalingорской ГРЭС отгружены полностью турбогенератор № 6 на 50 мвт, турбогенератор № 3 на 50 мвт, турбогенератор № 5 на 100 мвт, турбогенератор № 1 на 50 мвт, за исключением конденсатора и воздухоохладителя, турбогенератор № 4 на 50 мвт – отгружен статор и ротор. Отгружены котлы № 6, 7, 8, 9, 10, 11 мощностью по 160 т пара/час каждый, из них 5 котлов отправлены не полностью.

Для окончания эвакуации указанных предприятий необходимо 2700 вагонов.

Следует отметить, что Наркомэлектростанций плохо организована работа по демонтажу котлов.

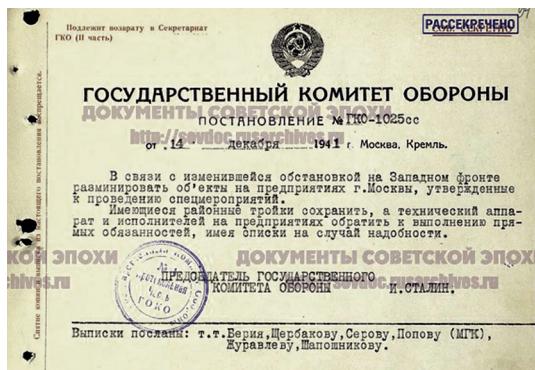
[...] Для завершения эвакуации предприятий из г. Москвы и Московской области намечено провести следующие мероприятия:

1. Планом на декабрь предусматривается сокращение подачи вагонов под эвакуацию машиностроительных предприятий и увеличение подачи под эвакуацию предприятий текстильной промышленности, электростанций, резиновой, химической и цементной промышленности, так как эти отрасли промышленности по эвакуации являются наиболее отставшими.

2. В декабре будет предусмотрена увеличенная подача вагонов специально для эвакуации рабочих и служащих с предприятий, а также населения г. Москвы.
3. Будут определены предприятия, которые должны быть оставлены для работы в г. Москве в соответствии с последними решениями Государственного Комитета Обороны по обеспечению нужд фронта и текущих потребностей города.
4. Для обеспечения работы предприятий, оставляемых в г. Москве, будет создан на них запас материалов за счет имеющихся в г. Москве ресурсов эвакуированных предприятий.

A. Косыгин

Постановление ГКО № 1025сс. 14 декабря 1941 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1025сс

от «14» декабря 1941 г. Москва, Кремль.

В связи с изменившейся обстановкой на Западном фронте разминировать объекты на предприятиях г. Москвы, утвержденные к проведению спецмероприятий.

Имеющиеся районные тройки сохранить, а технический аппарат и исполнителей на предприятиях обратить к выполнению прямых обязанностей, имея списки на случай надобности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Берия, Щербакову, Серову, Попову (МГК), Журавлеву, Шапошникову.

Упорядочивание энергоснабжения в Москве

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2090 «О разрешении Моссовету установить режим экономии электроэнергии и издать спецпостановление в отношении лиц, эвакуировавшихся из города». 20 сентября 1941 г.

Москва, Кремль

Вопросы Моссовета

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Разрешить Моссовету с 23 сентября с.г. дать по Москве свет в полнакала, согласно предложению Моссовета. Моссовету дать об этом соответствующее объявление в печати.
2. Разрешить Моссовету издать специальное постановление о запрещении въезда в Москву лиц, эвакуировавшихся из Москвы, впредь до особого распоряжения Моссовета.
3. СЕКРЕТНО.
4. Обязать Моссовет не выдавать продовольственных карточек лицам, эвакуировавшимся из Москвы и самовольно вернувшимся в Москву.

Секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совнаркома СССР И. Сталин

Докладная записка секретаря МГК ВКП(б) по промышленности В.В. Вишнякова в МК ВКП(б) «О сокращении ежесуточного расходования электро- и теплоэнергии в столице». Не ранее 4 декабря 1941 г.

Московские электростанции, работающие на угле, в настоящее время вырабатывают в сутки электроэнергии 2425 тыс. кВт ч и теплоэнергии 5720 мкал и расходуют на эти цели 2660 т донецкого топлива в сутки.

Запасы донецкого топлива на электростанциях на 4 декабря с.г. составляют 57 тыс. т, т.е. при существующем расходе топлива электростанции обеспечены донтопливом лишь на 21 день.

В целях экономии донтоплива на электростанциях Исполнительный комитет Московского городского совета считает необходимым провести сокращение на декабрь месяц ежесуточного расходования электроэнергии с 9415 тыс. кВт ч до 5460 тыс. кВт ч, в том числе (в тыс. кВт ч):

по промышленности – с 4900 до 2900

по трамваю – с 200 до 150

по троллейбусу – с 100 до 50
по метрополитену – с 153 до 130
по строительству Дворца Советов – с 100 до 50
по водопроводно-канализационному хозяйству – с 312 до 280
на коммунальные и бытовые нужды по городу – с 1350 до 750
на коммунальные и бытовые нужды по области – с 550 до 300
по собственным нуждам электростанций и потерям в сетях Мосэнерго – с 1750 до 850.

Для снижения указанного количества расходования электроэнергии Исполнительный комитет Московского совета просит разрешить провести следующие мероприятия:

1. Установить жесткий лимит расходования электроэнергии всеми промышленными предприятиями г. Москвы и Московской области.
2. Сократить количество выпускаемых на линию троллейбусов с 288 в ноябре месяце до 200 машин в декабре месяце и трамвайных вагонов – на 561 вагон.
3. Установить график частоты движения поездов метрополитена с интервалом до 10 минут вместо существующих 5–6 минут.
4. Ограничить пользование электроэнергией на освещение в жилых домах: в комнатах площадью до 15 кв. м – одной лампы мощностью не свыше 16 ватт и в комнатах площадью свыше 15 кв. м – одной лампой мощностью не свыше 25 ватт.
5. Запретить пользоваться в домах электроэнергией (за исключением котельных) с 8 часов 30 минут до 16 часов 30 минут и с 23 часов до 5 часов утра.
6. Установить расход электроэнергии в учреждениях и торговых предприятиях не свыше 2 ватт на квадратный метр площади, запретить пользоваться люстрами, одновременно настольными лампами и общим освещением, а также ночным дежурным освещением в складах и магазинах.
7. Разрешить Мосэнерго, по согласованию с Мособлисполкомом, отключать от сети отдельные поселки.
8. Во всех жилых и нежилых домах запретить пользование лифтами.

Проведение указанных мероприятий даст возможность сократить расход донецкого угля до 2 тыс. т в сутки.

Кроме того, сокращение лимита потребления тепловой энергии на 15 % и уменьшение температуры подаваемой горячей воды по теплосетям на 10 % даст возможность сократить ежесуточный расход угля на 200 т.

Вишняков

Распоряжение ГКО № 2754 «Об упорядочении энергоснабжения по системе Мосэнерго».
18 января 1943 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

РАСПОРЯЖЕНИЕ № ГОКО-2754

от «18» января 1943 г. Москва, Кремль.

Об упорядочении энергоснабжения по системе Мосэнерго

1. Разрешить Наркомэлектростанций (Мосэнерго) уменьшить отпуск электроэнергии для целей освещения учреждений г. Москвы и Московской области по мощности на 5 тыс. квт.

2. Обязать Управляющего Мосэнерго – т. Клочкива уменьшить расход на собственные нужды и потери на электростанциях и в сетях, по мощности на 7 тыс. квт.

Обратить экономию, полученную от указанного снижения расхода электроэнергии, на экономию топлива на электростанциях.

3. Запретить Мосгорисполкуму (т. Пронину) перерасходовать лимиты электроэнергии по мощности и по киловаттчасам для трамвая и троллейбуса.

4. Запретить НКПС (т. Хрулеву) и Метрополитен (т. Новикову) перерасходовать электроэнергию по мощности и киловаттчасам для нужд Метрополитена и электротяги.

5. Отклонить предложение НКПС об увеличении лимита электроэнергии для нужд электротяги на 1 млн. квт. часов.

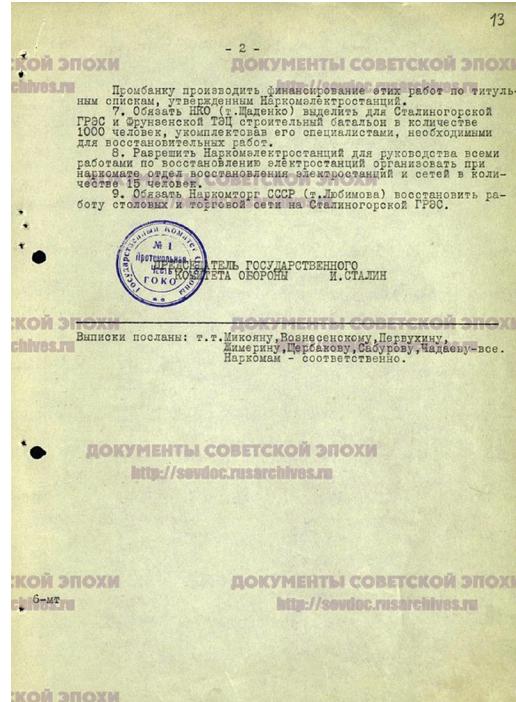
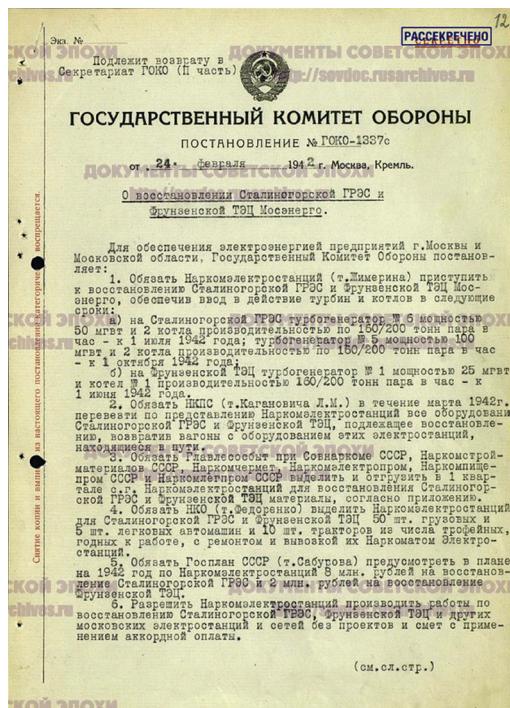
6. Разрешить Мосгорисполкуму (т. Пронину) и Мосэнерго (т. Клочкиву) с 20 января 1943 г. производить порайонное отключение электроэнергии от жилых домов единовременно на срок не более двух-трех часов, в часы пик. В связи с этим запретить Мосэнерго производить неорганизованное отключение жилых домов г. Москвы.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Послано т. Молотову, Микояну, Маленкову, Щербакову, Жимерину, Черноусову, Попову (МГК ВКП/б/), Пронину, Тарасову, Клочкиву, Вознесенскому, Соколову (СНК СССР), Хрулеву, Новикову (Метрополитен), Чадаеву.

Восстановление работы эвакуированных и остановленных предприятий

Постановление ГКО № 1337с «О восстановлении Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ Мосэнерго». 24 февраля 1942 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-1337с
от «24» февраля 1942 г. Москва, Кремль.

О восстановлении Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ Мосэнерго

Для обеспечения электроэнергии предприятий г. Москвы и Московской области, Государственный Комитет Обороны постановляет:

- Обязать Наркомомэлектростанций (т. Жимерина) приступить к восстановлению Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ Мосэнерго, обеспечив ввод в действие турбин и котлов в следующие сроки:
 - а) на Сталиногорской ГРЭС турбогенератор № 6 мощностью 50 мгвт и 2 котла производительностью по 160/200 тонн пара в час - к 1 июля 1942 года;
 - б) на Фрунзенской ТЭЦ турбогенератор № 1 мощностью 25 мгвт и котел № 1 производительностью 160/200 тонн пара в час - к 1 октября 1942 года;
 - в) на Фрунзенской ТЭЦ турбогенератор № 2 мощностью 25 мгвт и котел № 2 производительностью 160/200 тонн пара в час - к 1 июня 1942 года.
- Обязать НКПС (т. Карагановича Л.М.) в течение марта 1942г. перевезти по представлению Наркомомэлектростанций все оборудование Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ, подлежащее восстановлению, из состава железнодорожных вагонов с оборудованием этих электростанций, предварительно в пути.
- Обязать Гидравлосовет при Совнаркоме СССР, Наркомстройматериалов и Наркомимущим СССР выделить и отгрузить в 1 квартале с.г. Наркомомэлектростанции для восстановления Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ материалы, согласно приложениям.
- Обязать Наркомомэлектростанций выделить необходимые машины для Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ 10 шт. грузовых и 5 шт. легковых автомашин и 10 шт. тракторов из числа трофеиных, годных к работе, с ремонтом и вывозкой их Наркоматом Электростанций.
- Обязать Госплан СССР (т. Сабурова) предусмотреть в плане на 1942 год по Наркомомэлектростанции 8 млн. рублей на восстановление Сталиногорской ГРЭС и 2 млн. рублей на восстановление Фрунзенской ТЭЦ.

Разрешить Наркомомэлектростанций производить работы по восстановлению Сталиногорской ГРЭС, Фрунзенской ТЭЦ и других московских электростанций и сетей без проектов и смет с применением аккордной оплаты.

(см. с.л.стр.)

б) на Фрунзенской ТЭЦ турбогенератор № 1 мощностью 25 мгвт и котел № 1 производительностью 160/200 тонн пара в час – к 1 июня 1942 года.

2. Обязать НКПС (т. Кагановича Л.М.) в течение марта 1942 г. перевезти по представлению Наркомэлектростанций все оборудование Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ, подлежащее восстановлению, возвратив вагоны с оборудованием этих электростанций, находящиеся в пути.

3. Обязать Главлесосбыт при Совнаркome СССР, Наркомстройматериалов СССР, Наркомчермет, Наркомэлектропром, Наркомпищепром СССР и Наркомлегпром СССР выделить и отгрузить в 1 квартале с.г. Наркомэлектростанций для восстановления Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ материалы, согласно приложению.

4. Обязать НКО (т. Федоренко) выделить Наркомэлектростанций для Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ 50 шт. грузовых и 5 шт. легковых автомашин и 10 шт. тракторов из числа трофейных, годных к работе, с ремонтом и вывозкой их Наркоматом Электростанций.

5. Обязать Госплан СССР (т. Сабурова) предусмотреть в плане на 1942 год по Наркомэлектростанций 8 млн. рублей на восстановление Сталиногорской ГРЭС и 2 млн. рублей на восстановление Фрунзенской ТЭЦ.

6. Разрешить Наркомэлектростанций производить работы по восстановлению Сталиногорской ГРЭС, Фрунзенской ТЭЦ и других московских электростанции и сетей без проектов и смет с применением аккордной оплаты.

Промбанку производить финансирование этих работ по титульным спискам, утвержденным Наркомэлектростанций.

7. Обязать НКО (т. Щаденко) выделить для Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ строительный батальон в количестве 1000 человек, укомплектовав его специалистами, необходимыми для восстановительных работ.

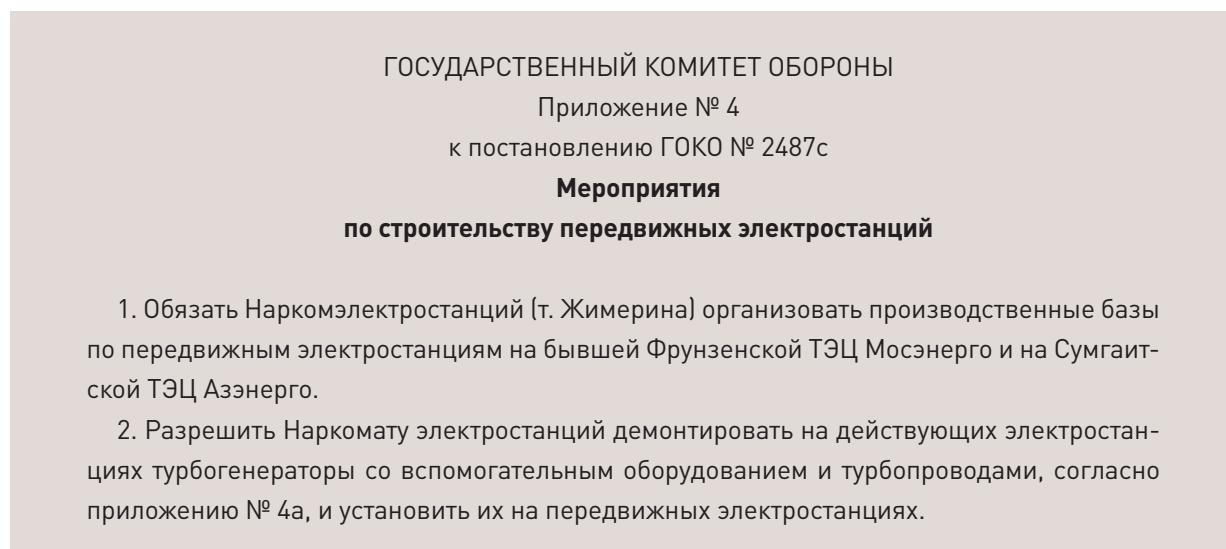
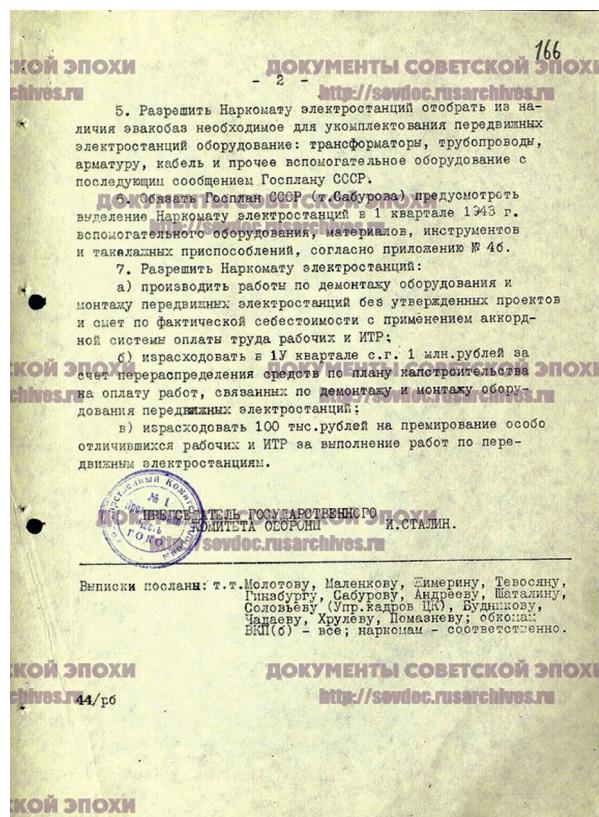
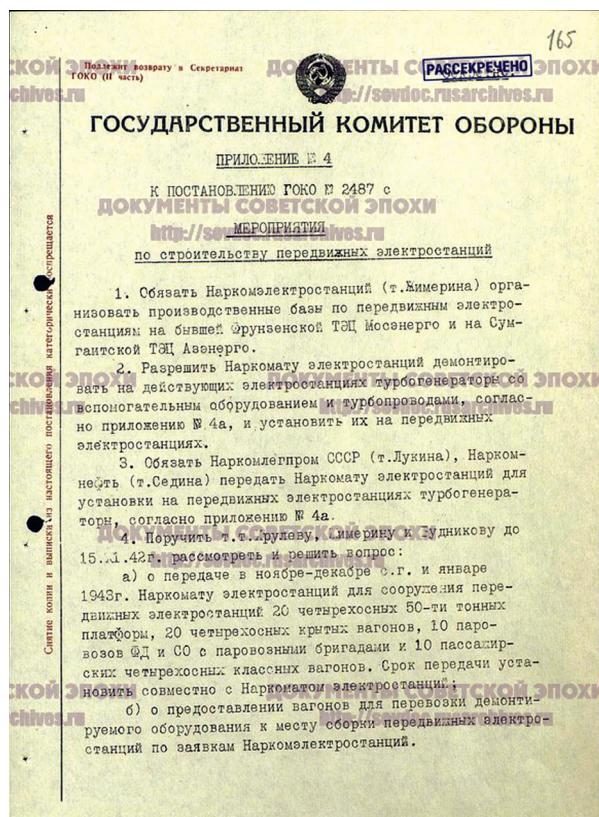
8. Разрешить Наркомэлектростанций для руководства всеми работами по восстановлению электростанций организовать при наркомате отдел восстановления электростанций и сетей в количестве 15 человек.

9. Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова) восстановить работу столовых и торговой сети на Сталиногорской ГРЭС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.м. Микояну, Вознесенскому, Первухину, Жимерину, Щербакову, Сабурову, Чадаеву – все. Наркомам – соответственно.

Приложение к постановлению ГКО № 2487с «Мероприятия по строительству передвижных электростанций». 5 ноября 1942 г.

3. Обязать Наркомлегпром СССР (т. Лукина), Наркомнефть (т. Седина) передать Наркомату электростанций для установки на передвижных электростанциях турбогенераторы, согласно приложению № 4а.

4. Поручить т.т. Хрулеву, Жимерину и Будникову до 15.XI.42 г. рассмотреть и решить вопрос:

а) о передаче в ноябре–декабре с. г. и январе 1943 г. Наркомату электростанций для сооружения передвижных электростанций 20 четырехосных 50-ти тонных платформ, 20 четырехосных крытых вагонов, 10 паровозов ФД и СО с паровозными бригадами и 10 пассажирских четырехосных классных вагонов. Срок передачи установить совместно с Наркоматом электростанций;

б) о предоставлении вагонов для перевозки демонтируемого оборудования к месту сборки передвижных электростанций по заявкам Наркомэлектростанций.

5. Разрешить Наркомату электростанций отобрать из наличия эвакобаз необходимое для укомплектования передвижных электростанций оборудование: трансформаторы, трубопроводы, арматуру, кабель и прочее вспомогательное оборудование с последующим сообщением Госплану СССР.

6. Обязать Госплан СССР (т. Сабурова) предусмотреть выделение Наркомату электростанций в 1 квартале 1943 г. вспомогательного оборудования, материалов, инструментов и такелажных приспособлений, согласно приложению № 4б.

7. Разрешить Наркомату электростанций:

а) производить работы по демонтажу оборудования и монтажу передвижных электростанций без утвержденных проектов и смет по фактической себестоимости с применением аккордной системы оплаты труда рабочих и ИТР;

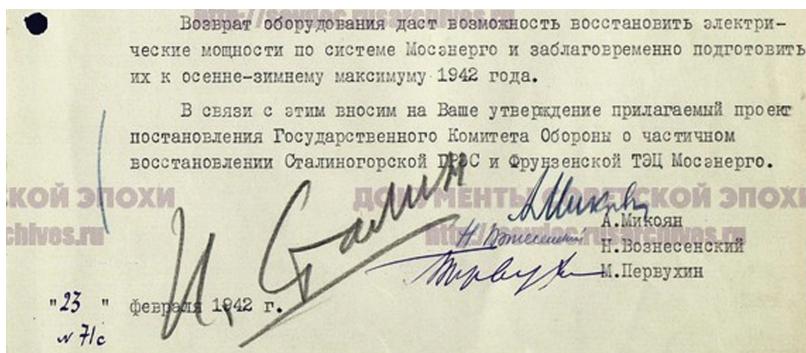
б) израсходовать в IV квартале с.г. 1 млн. рублей за счет перераспределения средств по плану капстроительства на оплату работ, связанных по демонтажу и монтажу оборудования передвижных электростанций;

в) израсходовать 100 тыс. рублей на премирование особо отличившихся рабочих и ИТР за выполнение работ по передвижным электростанциям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Молотову, Маленкову, Жимерину, Тевояну, Гинзбургу, Сабурову, Андрееву, Шаталину, Соловьеву (Упр. кадров ЦК), Будникову, Чадаеву, Хрулеву, Помазневу; обкомам: ВКП(б) – все; наркомам – соответственно.

Письмо И.В. Сталину А.И. Микояна, Н.А. Вознесенского, М.Г. Первухина «О возвращении эвакуированного оборудования Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ».
23 февраля 1943 г.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Наркомэлектростанций просит возвратить эвакуированное оборудование Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ.

По Сталиногорской ГРЭС подлежит возврату: турбогенератор № 6 мощностью 50 мгвт, вывезенный на Богословский алюминиевый завод; турбогенератор № 5 мощностью 100 мгвт, вывезенный для хранения на Челябинскую ТЭЦ; оборудование 4 котлов производительностью по 160/200 тонн пара в час, вывезенное на Среднеуральскую ГРЭС и на ТЭЦ Богословского алюминиевого завода, а по Фрунзенской ТЭЦ - турбогенератор № 1 мощностью 25 мгвт и частично демонтированное оборудование котла № 1 производительностью 160/200 тонн пара в час, вывезенное на Челябинскую ТЭЦ.

Оборудование турбогенераторов и котлов Сталиногорской ГРЭС частично прибыло в новые пункты размещения, а частично находится в пути в пределах Казанской ж.д. и ж.д. им. Куйбышева.

Для перевозки возвращаемого оборудования Наркомату Электростанций потребуется по Сталиногорской ГРЭС 150 вагонов и по Фрунзенской ТЭЦ 62 вагона.

Возврат оборудования даст возможность восстановить электрические мощности по системе Мосэнерго и заблаговременно подготовить их к осенне-зимнему максимуму 1942 года.

В связи с этим вносим на Ваше утверждение прилагаемый проект постановления Государственного Комитета Обороны о частичном восстановлении Сталиногорской ГРЭС и Фрунзенской ТЭЦ Мосэнерго.

А. Микоян

Н. Вознесенский

М. Первухин

«23» февраля 1942 г.

Топливо

Из справки зав. топливно-энергетическим отделом МК ВКП(б) К.В. Бородина секретарю МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову и секретарю МК ВКП(б) Б.Н. Черноусову о состоянии и задачах топливно-энергетической промышленности Московской области.

Не ранее 17 декабря 1941 г.

Московская энергетическая система в связи с эвакуацией потеряла значительную часть мощности. До войны общая установленная мощность всех электростанций равнялась 1463 тыс. кВт, в настоящее время – 711 тыс. кВт. Таким образом, вышло из строя 752 тыс. кВт. В настоящее время из-за перебоев в снабжении топливом и отсутствия воды на Угличской гидростанции создалось чрезвычайно напряженное положение с энергобалансом Москвы. В связи с недостатком электроэнергии происходят частые отключения (в последнее время – каждый день) промышленных предприятий. В отдельные дни мощность отключаемых абонентов доходит до 60 тыс. кВт. [...]

В связи с недостатком угля и трудностью его подвоза особая роль выпадает на долю наших торфяных электростанций – Шатурской и ГРЭС им. Классона, которые должны работать бесперебойно, на полную мощность.

Однако в последнее время эти станции (особенно ГРЭС им. Классона) систематически сбрасывают нагрузку и этим ставят в тяжелые условия Московскую энергосистему и промышленность г. Москвы и Московской области.

[...] Необходимо сказать, что эксплуатационный персонал электростанций и электросетей понимает свою роль.

Однако перебои в снабжении топливом и плохая работа торфянников (особенно на ГРЭС им. Классона) срывают нормальную работу электростанций, что приводит к недовыполнению плана выработки электроэнергии и ухудшению технико-экономических показателей.

О качестве работы наших людей можно судить по тому, что за последнее время станции Мосэнерго совершенно не имеют аварий. И вот только последняя авария 15/XII (обрыв троса, тянувшего вагоны с торфом) ухудшает общую картину безаварийной работы.

Осуществление мероприятий МПВО по маскировке энергетических объектов, по защите персонала и оборудования от взрывной волны и осколков фугасных бомб помогли противостоять вражеским попыткам нанести ущерб московскому энергетическому хозяйству, несмотря на то, что в отдельные дни фашистские стервятники сбрасывали большое количество зажигательных и фугасных бомб. Правильной организацией противопожарной службы и самоотверженной работой персонала удавалось полностью обезвредить зажигательные бомбы, хотя на некоторые объекты одновременно сбрасывалось 100 и более зажигательных бомб.

Значительное количество повреждений в результате воздушных налетов врага было в сетевом хозяйстве системы; но и здесь напряженной работой вахтенного персонала и ремонтных бригад сетевиков удавалось быстро восстановить разрушенное и наладить нормальное питание потребителей электроэнергии. [...]

Крупнейший торфяной трест Московской области – Орехово-Зуевский, снабжающий торфом ГРЭС им. Классона, в ответственную зиму 1941 г. работает неудовлетворительно.

План осенне-зимних перевозок торфа за период с 1 октября по 15 декабря с.г. выполнен всего лишь на 73 % (по Шатурскому тресту план выполнен на 100 %). Многочисленные аварии на транспорте торфопредприятия им. Классона срывают работу электростанции.

Торфотранспорт оказался неподготовленным к зиме. Особенно плохо обстоит дело в паровозном и путевом хозяйстве, а также на погрузочных кранах. Из 15 паровозов, имеющихся в парке, 5 паровозов фактически бездействуют, а из остальных 10 полностью используются не более 6–7.

Эксплуатация паровозов поставлена из рук вон плохо; вместо 30 минут паровозы экипируются в большинстве случаев 1,5–2 часа, оборот паровозов на 15–20 % ниже планового; в результате небрежного и халатного отношения со стороны обслуживающего персонала имеют место многочисленные факты охлаждения паровозов в пути и т.д.

Путевое хозяйство торфопредприятия им. Классона не в порядке. Имеется факт, когда на одном и том же участке пути три дня подряд паровозы сходили с рельсов, а полотно на этом участке все же не исправлялось.

Большой вагонный парк этого предприятия используется бесхозяйственно (количество больных²⁹ вагонов превышает норму в 4 раза).

Чрезвычайно неблагополучно обстоит дело с организацией работ на точках погрузки. Погрузочные краны в большинстве случаев используются не более чем на 25–30 %.

16 декабря бюро МК ВКП(б) объявило выговор директору торфопредприятия им. Классона т. Г. и строго предупредило управляющего Орехово-Зуевским торфотрестом т. Д. о том, что, если в ближайшие дни не будет налажена нормальная подача торфа электростанции, он будет привлечен к строгой партийной ответственности. [...]

Для обеспечения программы торфодобычи в сезоне 1942 г. должны быть привлечены все свободные силы данного района. На партийные организации области в этой части ложится обязанность суметь организовать для работы на торфе домашних хозяйств, школьников, свободную рабочую силу из колхозов и др. [...]

Фактически выполнение плана заготовки и вывозки дров по леспромхозам и райтопам колеблется в пределах не более 10–20 %, а по отдельным районам заготовка и вывозка дров, по существу, еще только начинается.

²⁹ Так в документе, надо «неисправных».

[...] Основной причиной совершенно неудовлетворительного положения с заготовкой и вывозкой дров является почти полное отсутствие транспорта и недостаток рабочей силы. [...]

В настоящее время вся рабочая сила, гужевой и автомобильный транспорт леспромхозов заняты на заготовке и вывозке лыжного кряжа и болванки, на изготовлении саней, на устройстве завалов и т.д.

В нынешнем году положение с топливом усугубляется еще и тем, что 20 тыс. т угля, которые раньше ежемесячно завозились в Московскую область, теперь надо покрыть за счет дополнительных дровозаготовок, ибо на подвоз угля рассчитывать не следует, так как железнодорожный транспорт занят более важными перевозками.

Необходимо иметь в виду, что некоторое количество дров необходимо будет заготовить для г. Москвы в связи с затруднениями в подвозке угля. Поэтому на местах районные и городские комитеты ВКП(б) должны уделить исключительное внимание вопросу заготовки и вывозки топлива. Надо привлечь все население к делу заготовки и вывозки дров [...].

По примеру прошлых лет и теперь придется, видимо, объявить трудовую и гужевую по-винность на заготовке и вывозке топлива.

Сосредоточив внимание на заготовке дров, необходимо также не забывать о бережном отношении к топливу, о его рациональном расходовании, о максимальном использовании всяких отходов (угольник, хворост).

Зав. топливно-энергетическим отделом МК ВКП(б) Бородин

Записка секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова председателю ГКО И.В. Сталину о срочной доставке угля и мазута в Москву. 29 декабря 1941 г.

СЕКРЕТНО

В Москве и Московской области вследствие длительного перерыва в снабжении до-нецким и подмосковным углем создалось крайне тяжелое положение с топливом.

Значительное количество промышленных предприятий имеют ничтожные запасы угля (Наркомата минометного вооружения, Наркомата электропромышленности и др.), а на предприятиях текстильной промышленности запасы угля совершенно отсутствуют. Больницы и свыше 800 жилых домов г. Москвы имеют только 5-6-дневный запас топлива.

Особенно неблагополучно положение на электростанциях.

Из-за отсутствия угля и мазута электростанции Мосэнерго вместо потребных 540 тыс. кВт развивают мощность всего лишь 400–430 тыс. кВт, что приводит к систематическому отключению и простоям промышленных предприятий. Так, например, 28 декабря были отключены все текстильные предприятия, ряд жилых поселков и городских районов. Суммарная мощность ограничений по Мосэнерго в этот день составила свыше 100 тыс. кВт.

ГРЭС № 1 – при мощности 88 тыс. кВт фактически несла 50 тыс. кВт

ГРЭС № 2 – 36 тыс. кВт – 10 тыс. кВт

ТЭЦ № 9 – 52 тыс. кВт – 35 тыс. кВт

ТЭЦ № 11 – 60 тыс. кВт – 30 тыс. кВт

ТЭЦ ЗИС – 22 тыс. кВт – 10 тыс. кВт

Согласно распоряжению СНК СССР от 11 декабря 1941 г. с 15 декабря в Москву должно отгружаться ежесуточно 5000 т донецкого и 1000 т подмосковного угля для Каширской ГРЭС.

До 28 декабря Москва должна была получить 65 000 т донецкого и 13 000 т подмосковного угля. Фактически за это время получено 5000 т донецкого и 3000 т подмосковного угля.

Положение усугубляется еще и тем, что распоряжениями СНК СССР и Наркомугля несколько маршрутов с углем, подходивших к Москве, были переадресованы другим потребителям (в Тамбов – три маршрута, в Архангельск – один). Кроме того, имеются факты самовольной переадресовки железными дорогами маршрутов с углем для собственных нужд.

Неблагополучно также с завозом в Москву мазута.

Московский крекинг-завод, снабжающий электростанции топочным мазутом, ежесуточно должен получать 1800 т мазута прямой гонки, фактически завод получал в декабре месяце 512 т в сутки.

Московский областной и городской комитеты ВКП(б) просят:

1. Установить на январь месяц ежесуточный завоз в Москву и Московскую область 10 500 т донецкого угля, в том числе для электростанций 3000 т, подмосковного угля 4500 т, из них 1800 т для Каширской ГРЭС.

2. Обязать т. Л.М. Кагановича (НКПС) и т. Вахрушева (Наркомуголь) под их личную ответственность организовать бесперебойное снабжение Москвы углем и установить постоянный контроль за своевременной погрузкой и продвижением железнодорожных маршрутов с углем, идущих в Москву.

Категорически запретить железным дорогам самовольную переадресовку маршрутов с углем, направляющихся в Москву.

3. Обязать НКПС и Главнефтесбыт при СНК СССР обеспечить бесперебойную подачу 2000 т мазута прямой гонки для Московского крекинг-завода и установить для электростанций, работающих на мазуте, лимит ежесуточного расхода топлива в размере 800 т.

4. Создать в Москве правительственную комиссию по учету и централизованному распределению топлива в составе:

- т. Пронин – председатель Мосгорисполкома,
- т. Дубровин – зам. Наркома путей сообщения,
- т. Курмашев – зам. Наркомугля
- и т. Вишняков – секретарь МГК ВКП(б) по электростанциям и электропромышленности.

Секретарь МК и МГК ВКП(б) Щербаков

Постановление ГКО «О топливоснабжении Каширской ГРЭС № 4 Мосэнерго». 1943 г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ**

О топливоснабжении Каширской ГРЭС № 4 Мосэнерго

Государственный Комитет Обороны считает, что снабжение топливом Каширской ГРЭС № 4, являющейся основной станцией в системе Мосэнерго, проходит совершенно неудовлетворительно.

В результате систематической недопоставки топлива на станции израсходован весь эксплоатационный запас подмосковного угля и значительная часть запасов УГР. Электростанция работает с пустыми бункерами и снабжается топливом «с колес». Такое неустойчивое состояние работы Каширской ГРЭС № 4 может привести к аварийному положению всей системы Мосэнерго.

В целях обеспечения бесперебойной работы Каширской ГРЭС и создания минимальных запасов топлива, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать нач. Главуглеснаба при СНК СССР тов. Курмашева и управляющего Тульской конторой Главуглеснаба тов. Пшеничникова:

а) отгружать Каширской ГРЭС № 4 с 17 января по 15 февраля включительно при любом уровне общей отгрузки ежесуточно 6500 тонн подмосковного угля и тем самым создать до 1 февраля 1943 года четырехдневный и до 15 февраля семидневный эксплоатационный запас топлива;

6) пополнение запасов УГР на электростанции производить сверх установленной настоящим постановлением ежесуточной отгрузки с 15.II.1943 г.

2. Обязать НКПС (тов. Хрулева) для обеспечения перевозки угля в пятидневный срок организовать 8 кольцевых маршрутов по 25 гондол, запретив расформирование их без разрешения ГОКО.

3. Обязать Исполком Мособлсовета (т. Тарасова) в пятидневный срок мобилизовать для Каширской ГРЭС на разгрузку угля 250 человек рабочих сроком до 1 апреля 1943 года.

4. Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова) выделить Каширской ГРЭС для рабочих, занятых на разгрузке угля, 500 комплектов теплой спецодежды и валенок.

5. Обязать Наркомчермет (тов. Тевосяна) и директора завода «Серп и молот» (тов. Ильина) изготовить и поставить в 1-м квартале 1943 года для Каширской ГРЭС № 4 стальных шаров для мельниц 200 тонн, троса стального 1,5 тонны и стальное литье для бил резолюторов и брони мельниц 50 тонн (в счет фондов НКЭС).

6. Отмечая неудовлетворительное продвижение маршрутов с подмосковным углем обязать начальника Московско-Донбасской ж.д. т. Пичугина установить диспетчерский контроль за продвижением маршрутов с углем для Каширской и других электростанций Мосэнерго.

7. Утвердить секретаря Перовского ГК ВКП(б) т. Медведева С.М. уполномоченным ГОКО в Подмосковном угольном бассейне по обеспечению поставки угля Каширской ГРЭС.

8. Государственный Комитет Обороны считает важнейшей задачей Московского комитета партии обеспечение устойчивой работы Каширской электростанции и создание для этой цели необходимых запасов топлива, за счет использования угля из отвалов и перевыполнения плана угольными трестами Подмосковного бассейна.

Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на секретаря Московского обкома ВКП(б) тов. Черноусова Б.Н.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Распоряжение ГКО № 2757. 18 января 1943 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

РАСПОРЯЖЕНИЕ № ГОКО-2757

от «18» января 1943 г. Москва, Кремль.

1. Запретить Наркомату Электростанций и управляющим энергоуправлениями и комбинатами: Мосэнерго, Горэнерго, Молотовэнерго, Свердловэнерго, Челябэнерго, Казэнерго, Куйбышевэнерго, Сарэнерго, Орским и Омским энергокомбинатами перевыполнять планы выработки электроэнергии и тепла.

2. Разрешить Наркомату Электростанций (т. Жимерину) временно, до 1 мая 1943 года, отменить премирование руководящих работников главных управлений энергосистем, энергокомбинатов и электростанций за выполнение планов выработки электроэнергии и тепла.

Одновременно увеличить до 1 мая с. г. размер премий для этого же руководящего персонала за экономию топлива с 40 до 80 % оклада за каждый процент сэкономленного топлива и премию за экономию электроэнергии на собственные нужды электростанций с 5 до 10 % оклада за каждый процент экономии электроэнергии на собственные нужды электростанций.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ

Послано т.м. Молотову, Микояну, Маленкову, Щербакову, Жимерину, Звереву, Вознесенскому, Соколову (СНК СССР), Клочкову, Чадаеву.

Управляющим указанными энергоуправлениями и энергокомбинатами.

Проблемы золоулавливания и золоудаления на электростанциях Москвы

Из протокола заседания бюро МГК ВКП(б) «О неудовлетворительном использовании золоулавливающих установок на теплоцентралях № 7, 8, 9 Мосэнерго и ТЭЦ Автозавода им. Сталина». 17 мая 1943 г.

Бюро МГК ВКП(б) отмечает, что золоулавливание и золоудаление на отдельных электростанциях г. Москвы находятся в неудовлетворительном состоянии. Имеющиеся золоулавливающие установки на ТЭЦ № 8 (директор т. Васин) и ТЭЦ автозавода им. Сталина (нач. т. Лебедев) не используются. Руководители этих теплоэлектроцентралей, ссылаясь на затруднения с транспортом, ничего по существу не сделали в использовании железнодорожного транспорта.

На ТЭЦ № 7 (директор т. Розовский) и ТЭЦ № 9 (директор т. Поляков) по распоряжению Мосэнерго (главный инженер т. Чижов) установки для золоулавливания частично демонтированы и используются для других целей.

В результате такого безответственного отношения со стороны руководителей электростанций и Управления Мосэнерго к использованию золоулавливающих установок 70 % всей золы уносится в атмосферу, загрязняя улицы, заводы, жилые дома, что наносит большой вред здоровью трудящихся, а также разрушает оборудование промышленных предприятий.

Недооценка в использовании золоулавливающих установок на теплоэлектроцентралях является совершенно нетерпимой, так как отсутствие их в работе приводит в антисанитарное состояние районы, прилегающие к электростанциям.

В целях прекращения загрязнения воздуха дымовыми газами от электростанций г. Москвы бюро МГК ВКП(б) постановляет:

1. Запретить управляющему Мосэнерго т. Уфаеву и директорам электростанций: главному инженеру ТЭЦ № 11 т. Некрасову – немедленно, т. Лебедеву (ТЭЦ автозавода им. Сталина) – к 1 июня 1943 г., т. Розовскому (ТЭЦ № 7), т. Васину (ТЭЦ № 8) – с 25 июня 1943 г. и ТЭЦ № 9 (т. Поляков) – с 5 июля 1943 г. допускать эксплуатацию оборудования электростанций без включенных в работу золоулавливающих установок.

Обязать директоров и главных инженеров этих электростанций до 10 августа 1943 г. произвести наладку и испытание золоулавливающих установок с целью повышения их коэффициента полезного действия.

2. Обязать управляющего Мосэнерго т. Уфаева:

- а) в 10-дневный срок направить с других предприятий Мосэнерго 13 человек слесарей и 3 электромонтеров для производства монтажных работ на золоулавливающих установках ТЭЦ № 9;

6) до 15 июня 1943 г. возвратить шнеки (снятые с электрофильтров ТЭЦ № 9) с ГРЭС № 4 на ТЭЦ № 9.

3. Принять к сведению заявление управляющего Мосэнерго т. Уфаева о том, что необходимые материалы и оборудование для восстановления золоулавливающих установок электростанциям будут выделены в количествах и сроки, согласно приложению.

4. Обязать директора ТЭЦ № 9 т. Полякова до 5 июля 1943 г. провести следующие работы:

а) монтаж электрической и реконструкцию механической части электрофильтров;

б) отепление здания золоулавливающей установки;

в) прокладку железнодорожного пути широкой колеи (для вывозки золы) длиной 300 м.

5. Обязать директора ТЭЦ № 7 (т. Розовского) до 25 июня 1943 г. провести следующие работы:

а) произвести ревизию пневмоэлектрической автоматики и других устройств электрофильтров;

б) перевести работающий на погрузке золы экскаватор с жидкого топлива на электропривод;

в) произвести прокладку железнодорожной ветки на золоотвалы «Камушки» длиной 800 м.

6. Предложить начальнику Мосэлектросельстроя т. Снитовскому изготовить и смонтировать на ТЭЦ № 7 шнеки – основные, 30 м, к 20 июня 1943 г., и резервные, 40 м, к 25 июля 1943 г.

7. Обязать директора ТЭЦ № 8 т. Васина:

а) привести в рабочее состояние 3 скреперные лебедки для погрузки золы к 1 июня 1943 г.;

б) перевести работающий на погрузке золы экскаватор с жидкого топлива на электропривод к 1 июня 1943 г.;

в) смонтировать и пустить в эксплуатацию две электролебедки для вывозки золы из котельной к 10 июня 1943 г.

12. Принять к сведению заявление секретарей Таганского РК ВКП(б) т. Семенова и Краснопресненского РК ВКП(б) т. Поповой о том, что для выполнения монтажных работ на золоулавливающих установках ТЭЦ № 8 и № 7 будут выделены с предприятий Таганского района для ТЭЦ № 8 – 10 человек слесарей и 5 электромонтеров, а с предприятий Краснопресненского района для ТЭЦ № 7 – 10 человек слесарей сроком на 45 дней.

13. Просить НКО (т. Щаденко) выделить в июне месяце 1943 г. для погрузочно-разгрузочных работ на ТЭЦ № 7, ТЭЦ № 8 и ТЭЦ № 9 Наркомата электростанций 300 человек военнообязанных из числа негодных к строевой службе, но годных к физическому труду.

Секретарь МГК ВКП(б) А. Щербаков

Организация социалистического соревнования на предприятиях Наркомата электростанций

Постановление ГКО № 1859 «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования предприятий и строительств Народного комиссариата электростанций СССР».
4 июня 1942 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-1859

от «4» июня 1942 г. Москва, Кремль.

Об организации Всесоюзного социалистического соревнования предприятий и строительств Народного Комиссариата Электростанций СССР

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить ВЦСПС и Народному Комиссариату Электростанций СССР организовать Всесоюзное социалистическое соревнование электростанций, электросетей, торфопредприятий и строительств Наркомата Электростанций.
2. Утвердить представленные ВЦСПС и Наркоматом Электростанций Условия Всесоюзного социалистического соревнования (см. приложение).
3. Учредить переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны для тепловых электростанций, занявших первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании.
4. Разрешить ВЦСПС и Наркомату Электростанций подготовить для опубликования в печати текст Условий Всесоюзного социалистического соревнования предприятий и строительств Наркомата Электростанций.
5. Обязать газеты «Правда» и «Известия» опубликовать Условия Всесоюзного социалистического соревнования предприятий и строительств Наркомата Электростанций и систематически освещать результаты соревнования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

Выписки посланы: т.т. Швернику, Смирнову (НКЭС), Александрову, Михайлову – все; Постелову, Ровинскому – 4, 5.

Организации и предприятия Московской энергосистемы

Прежние наименования		Современное название
Каширская ГРЭС	ГРЭС-4	Каширская ГРЭС
Шатурская ГРЭС	ГРЭС-5	Шатурская ГРЭС
Сталиногорская ГРЭС	ГРЭС-10	Новомосковская ГРЭС
	ТЭЦ-15	Алексинская ТЭЦ
1 район Высоко-вольтных воздушных сетей (ВВС)	Южный район электросетей – Южные электрические сети	Южные электрические сети, Московские высоковольтные сети (МВС)
2 район ВВС	Измайловский район электросетей – Восточные электрические сети	Восточные электрические сети, МВС
3 район ВВС	Октябрьский район электросетей – Октябрьские электрические сети	Северные электрические сети, МВС
4 район ВВС	Софринский район электросетей – Северные электрические сети	Северные электрические сети, МВС
5 район ВВС	Ногинский район электросетей – Ногинские электрические сети	Восточные электрические сети
6 район ВВС	Подольский район электросетей – Подольские электрические сети	Южные электрические сети
7 район ВВС	Коломенский район электросетей – Коломенские электрические сети	Восточные электрические сети
8 район ВВС	Шатурский район электросетей – Шатурские электрические сети	Восточные электрические сети
9 район ВВС	Тульский район электросетей	Тульские электрические сети Тулэнерго
10 район ВВС	Сталиногорский район электросетей	Новомосковские электрические сети Тулэнерго
11 район ВВС	Западный район электросетей – Западные электрические сети	Западные электрические сети, МВС
	Волоколамские электрические сети	Западные электрические сети
	Высоковольтные кабельные сети (ВКС)	МВС
	Каширские электрические сети	Южные электрические сети
	Можайские электрические сети	Западные электрические сети
	Рязанские электрические сети	Рязаньэнерго
	Скопинские электрические сети	Рязаньэнерго
	Центральные электрические сети (ЦЭС)	МВС
Проектно-конструкторское бюро (ПКБ)	Мосэнергопроект	Мосэнергопроект

Авторы воспоминаний. Фотопортреты участников войны и тружеников тыла³⁰

Абрамова (Садкова) Мария Семеновна. ТЭЦ-7 – ГЭС-1 – Управление Мосэнерго. (В: 214, 231, 233, 260, 265)

Абрашин Сергей Дмитриевич. ТЭЦ-11. (В: 278)

Агуреев Иван Поликарпович. Каширская ГРЭС. (В: 219)

Агуреева Лидия Константиновна. Каширская ГРЭС. (В: 264, 297)

Акимов Анатолий Михайлович. Октябрьские электросети. (В: 120, 189; Ф: 202, 301)

Аксенова Г.П. ГЭС-1. (Ф: 95)

Алексеев Борис Сергеевич. Мосэнергопроект. (В: 228, 308)

Алешонков Дмитрий Иванович. ТЭЦ-17. (Ф: 184)

Алотин Лазарь Файусович. ЦРМЗ. (В: 24)

Андреев Николай Алексеевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)

Антипов Федор Петрович. 9-й район ВВС. (В: 253)

Архипова Ю.Л. Управление Мосэнерго. (Ф: 160)

Астахов Алексей Тихонович. Ногинские электросети. (В: 132)

Афанасьев Михаил Алексеевич. Каширская ГРЭС. (В: 24)

Афанасьев Николай Емельянович. ПКБ. (Ф: 333)

Бабина Екатерина Егоровна. Западные электрические сети. (В: 287)

Байков Юрий Сергеевич. Можайские электросети. (В: 151, 192)

Балашов Вячеслав Иванович. ТЭЦ-6. (В: 273)

Белобородов Афанасий Павлантьевич. Генерал армии. (В: 42)

Белова Валентина Михайловна. Подольские электросети – Южные электрические сети. (В: 106, 316)

Бирашевич Владимир Макарович. Управление Мосэнерго. (Ф: 160)

Блюдин А.П. ТЭЦ-12. (Ф: 140)

Бобков Александр Васильевич. Шатурская ГРЭС. (Ф: 29).

Бодрова Надежда Ивановна. Сталиногорская ГРЭС. (В: 65)

Бойко Павел Филимонович. Тулэнерго. (В: 96)

Большаков Николай Дмитриевич. 1-й район ВВС. (В: 218)

Бомин Н.С. Мосэнерго. (Ф: 49)

Брюнина Вера Николаевна. Северные электрические сети. (В: 297)

Бублеев Михаил Алексеевич. ТЭЦ-11. (Ф: 318)

Булыгин Павел Матвеевич. Коломенские электросети. (В: 167)

Бурдаков Евгений Максимович. Управление Мосэнерго. (Ф: 241)

Ваваева (Афанасьева) Анна Владимировна. Октябрьские электросети. (В: 298)

Вайнштейн Лев Меерович. Управление Мосэнерго. (Ф: 141)

³⁰ Указано: ФИО, место работы (предприятие, либо организация), иные биографические данные. В: номер страницы (воспоминания), Ф: номер страницы (фотография). Курсивом выделены лица, не работавшие в Московской энергосистеме.

- Вайцен Алексей Ангелович. Рязанские электрические сети. (В: 205; Ф: 241, 319)
- Васильев Аркадий Александрович. 9-й район ВВС. (В: 239, 249, 252)
- Васильев Иван Никитич. ПКБ. (В: 293)
- Васильев Петр Евгеньевич. Шатурская ГРЭС. (В: 267)
- Васильчиков Владимир Владимирович, Герой Советского Союза. ТЭЦ-9. (Ф: 141)
- Вейгнер Борис Александрович. ТЭЦ-9. (В: 215, 224, 270)
- Вилков Алексей Яковлевич, полный кавалер ордена Славы. Коломенские электросети. (Ф: 240, 241, 347)
- Виноградов Леонид Андреевич. ТЭЦ-9. (В: 224, 234, 260)
- Виноградов Михаил Демьянович. Рязаньэнерго. (В: 181)
- Волков Иван Иванович. Каширская ГРЭС. (Ф: 49)
- Волкова Тамара Васильевна. ТЭЦ-11. (В: 176, 317)
- Володин Петр Степанович. ГЭС-1 – ТЭЦ-12. (В: 200)
- Волостнов Владимир Георгиевич. Теплосеть. (В: 54, 187; Ф: 347)
- Галахов Василий Александрович. Скопинские электросети. (В: 89)
- Гатов Анатолий Соломонович. ТЭЦ-12. (Ф: 140)
- Гладков Александр Васильевич. Сталиногорская ГРЭС. (В: 272)
- Голицын Алексей Иванович. 1-й район ВВС. (В: 38, 47, 321; Ф: 49, 282, 301, 318)
- Горбачева Надежда В. ГЭС-1. (Ф: 72)
- Горбунов Юрий Федорович. ТЭЦ-22 – ТЭЦ-21. (В: 85, 317; Ф: 332)
- Горельцев Анатолий Иванович. ТЭЦ-12. (В: 200)
- Городенцев Алексей Никитич. Энергосбыт. (В: 71, 104)
- Григорьев Иван Григорьевич. Мосэнерго. (Ф: 241)
- Гришин Владимир Иванович. Сын гл. инженера Сталиногорской ГРЭС И.К. Гришина. (В: 248, 307; Ф: 73)
- Гришин Иван Кириллович. ГРЭС-10 – Управление Мосэнерго. (Ф: 73)
- Гришин Роман Александрович. Энергосбыт. (В: 54)
- Гришукова Людмила Никифоровна. Каширская ГРЭС – Библиотека Дома культуры им. Ленина в г. Кашире. (В: 63, 309)
- Громадин Федор Федорович. Центральные электрические сети. (В: 115, 316)
- Громов Олег Владимирович. 3-й район ВВС. (Ф: 318)
- Гусарова (Овчаренко) Ольга Акимовна. Сталиногорская ГРЭС. (В: 272)
- Гуськов Сергей Петрович. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)
- Демченков Филипп Трофимович, Герой Советского Союза. ГЭС-2. (Ф: 117, 161, 185)
- Дергачев Алексей Иванович. Коломенские электросети. (В: 174)
- Дмитриев Владимир Николаевич. Восточные электрические сети. (В: 91)
- Дмитриев П.П. 9-й район ВВС. (Ф: 94)
- Дорофеев Иван Яковлевич. ГРЭС-3. (В: 136; Ф: 185)
- Дудаков Александр Пантелеевич. Директор Музея Министерства финансов РФ. (В: 37)
- Душаков Алексей Иванович. Центральные электрические сети. (В: 88, 228, 317)
- Дьяков Борис Александрович. Союз писателей СССР. (В: 290)
- Евдокимов Евгений Алексеевич. Коломенские электросети. (В: 137, 303)

- Евстигнеев Федор Иванович. Коломенские электросети. (В: 148)
- Екатериничева Александра Федоровна. ТЭЦ-11. (В: 170, 303)
- Екимов Петр Гаврилович. ТЭЦ-7. (Ф: 160)
- Емельянов Михаил Семенович. Шатурская ГРЭС. (Ф: 29)
- Епифанцев Александр Терентьевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 160)
- Есаков Алексей Николаевич. Коломенские электросети. (В: 61; Ф: 116, 318)
- Ефременков Константин Семенович. ТЭЦ-11. (В: 148)
- Жаворонков Василий Гаврилович. Тульский обком ВКП(б). (В: 52, 246)*
- Жидов Георгий Никанорович, Герой Советского Союза. Каширская ГРЭС. (Ф: 73, 141)
- Журавлева Лидия Васильевна. Западные электрические сети. (В: 204)
- Забежанский Илья Иосифович. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)
- Зайцев Дмитрий Александрович, Герой Советского Союза. 9-й район ВВС. (В: 334; Ф: 72, 202)
- Зайцев Петр Степанович. Управление Мосэнерго. (Ф: 94)
- Захаров Алексей Григорьевич. Каширская ГРЭС. (В: 130, 314)
- Зимаков Владимир Михайлович. Северные электрические сети. (В: 183)
- Иваницев Иван Антонович. ГЭС-2. (В: 229, 261)
- Иванов Василий Федорович. ТЭЦ-11. (В: 225)
- Игнатьев Петр Денисович. Каширская ГРЭС. (В: 216, 217, 250)
- Каганова Александра Тимофеевна. Ореховское предприятие торфяной промышленности. (В: 264)*
- Казакова Вера Ефимовна. Каширская ГРЭС. (В: 219)
- Казакова Серафима Михайловна. Можайские электросети. (В: 194)
- Каланчев Николай Кузьмич. Северные электрические сети. (В: 124, 126, 137)
- Каликов Василий Федотович. ТЭЦ-12. (В: 96, 152, 159; Ф: 223)
- Калита Василий Тихонович. Сталиногорская ГРЭС. (В: 247)
- Калмыков Георгий Георгиевич. Западные электрические сети. (В: 290)
- Каплан Григорий Соломонович. Управление Мосэнерго. (В: 81, 100, 143, 155, 158, 165, 167, 173, 175; Ф: 184)
- Капленкова В.М. Одноклассница Героя Советского Союза Д.А. Зайцева. (В: 335)*
- Карасев Борис Иванович, Герой Российской Федерации. Сталиногорская ГРЭС. (Ф: 282)
- Карпова (Зотова) Софья Васильевна. Жительница с. Перхуцково Московской области. (В: 44; Ф: 283)*
- Карташова Ангелина Степановна. Рязаньэнерго. (Ф: 185)
- Кидияров Геннадий Александрович. Северные электрические сети. (В: 38, 40, 234, 257, 284)
- Клеменова (Земскова) Клавдия Павловна. Шатурская ГРЭС. (В: 221, 267, 306)
- Клиентова Зинаида Ивановна. ТЭЦ-15 – ТЭЦ-17. (В: 123)
- Клочков Иван Матвеевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 28)
- Князев Александр Ильич. ГРЭС-3. (В: 114, 125, 144, 314)
- Князев Владимир Федорович. ГЭС-1 – Алексинская ТЭЦ. (Ф: 49)
- Ковбаса Анатолий Михайлович. Рязанские электрические сети. (В: 155)
- Кожанова Нина Владимировна. Западные электрические сети. (В: 289)
- Кожевников Виктор Михайлович. ТЭЦ-8 – ТЭЦ-9. (В: 271)
- Козлова А.М. ГЭС-1. (Ф: 73)

- Козьмина Октябрина Федоровна. 4-й район ВВС – ТЭЦ-12 – ТЭЦ-16. (В: 316)
- Кокорев Василий Федорович. ТЭЦ-17. (Ф: 222)
- Колесникова Анастасия Алексеевна. Энергосбыт. (В: 62)
- Колыванова Евдокия Васильевна. Шатурские электросети – Центральные электрические сети. (В: 286)
- Комаров Матвей Иванович. Северные электрические сети. (В: 40, 110; Ф: 283, 318, 319)
- Комиссаров Алексей Георгиевич. ГРЭС-5. (Ф: 94)
- Комова Екатерина. Жительница г. Новомосковска.* (В: 248)
- Коновалов Александр Яковлевич. Каширская ГРЭС. (В: 135, 150, 313)
- Коновалов Виктор Петрович. Энергосбыт. (В: 60)
- Коновалов Михаил Егорович. Каширская ГРЭС. (В: 23)
- Константинов Василий Иванович. Тульские электросети. (В: 244)
- Копин Александр Иванович. ГРЭС-3. (В: 216, 220, 266, 278, 281; Ф: 202, 301)
- Кордатов Сергей Алексеевич. Подольские электросети. (Ф: 223)
- Королев Сергей Алексеевич. Октябрьские электросети – Западные электрические сети. (В: 168)
- Костин Михаил Федотович. Управление Мосэнерго. (Ф: 203)
- Котов Алексей Иванович. Шатурская ГРЭС. (В: 80, 101)
- Котова Мария Макаровна. ТЭЦ-17. (В: 320; Ф: 283)
- Кочкин Николай Михайлович. Шатурские электросети. (В: 25, 104)
- Кошкин Дмитрий Васильевич. ТЭЦ-17. (Ф: 263)
- Кошкина Евфросиния Ивановна. ТЭЦ-17. (Ф: 263)
- Крамаровский Аркадий Аронович. 9-й район ВВС. (В: 235)
- Краснопёров Федор Андреевич. ТЭЦ-9. (В: 110)
- Крестов Борис Дмитриевич. ТЭЦ-11. (В: 261, 274, 281, 304, 306, 321; Ф: 185)
- Крючкова Татьяна Филимоновна. Высоковольтные кабельные сети. (В: 192)
- Кряжков Николай Иванович. Сталиногорская ГРЭС. (В: 181)
- Кузнецов А.М. ГЭС-1. (Ф: 73)
- Кузнецов Борис Александрович. ТЭЦ-17. (Ф: 282)
- Кузнецов Владимир Александрович. Коломенские электросети. Сын А.Н. Кузнецова, работавшего в годы войны гл. инженером 7-го района ВВС. (В: 285)
- Кукушкин Виктор Владимирович. Ногинские электросети. (В: 112)
- Курков Михаил Иванович. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)
- Лабунец Георгий Григорьевич. ТЭЦ-6. (Ф: 240)
- Лаврененко Константин Дмитриевич. Министерство энергетики и электрификации СССР.* (В: 290)
- Лаврентьев Георгий Федорович. Подольские электросети. (В: 177)
- Лапаев Виктор Григорьевич. Энергосбыт. (В: 151)
- Лаптев Юрий Алексеевич. Северные электрические сети. (В: 62)
- Лапшинова Надежда Петровна. МКС. (В: 190)
- Лебедев Василий Павлович. МКС. (Ф: 202)
- Леваков Александр Дмитриевич. 9-й район ВВС. (В: 251)
- Левитский Георгий (Юрий) Сергеевич. ТЭЦ-17. (В: 109, 137, 142, 145)

- Лескин Николай Антонович. Каширская ГРЭС. (В: 106, 322)
- Лобанова Евдокия Ильинична. ТЭЦ-11. (В: 105, 138; Ф: 184, 222)
- Логоша Михаил Митрофанович. Каширские электросети – Южные электрические сети. (В: 139, 315)
- Ломакин Алексей Филиппович. Каширская ГРЭС. (В: 124)
- Лунин Василий Иванович. Рязанские электрические сети. (В: 302)
- Лыкина Мария Васильевна. Коломенские электросети. (В: 302)
- Лыкова Нина Ивановна. Западные электрические сети. (В: 193)
- Лысенко Вера Михайловна. ТЭЦ-11. (В: 89, 122, 137, 152, 168; Ф: 203)
- Людина Васса Константиновна. ПКБ. (В: 235, 293)
- Мазин Александр Ильич. Алексинская ТЭЦ – ТЭЦ-17. (В: 258, 269)
- Макаров Николай Дмитриевич. Дирекция ВВС Мосэнерго. (В: 204)
- Малахов Николай Павлович. МКС. (В: 79; Ф: 222)
- Маликов Сергей Гаврилович. Алексинская ТЭЦ. (В: 189, 316)
- Мальцев Иван Александрович, Герой Советского Союза. Сталиногорская ГРЭС. (Ф: 333)
- Малютин Борис Сергеевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 241)
- Малютин Николай Николаевич. Шатурская ГРЭС – Каширская ГРЭС – Сталиногорская ГРЭС – Управление Мосэнерго. (Ф: 28)
- Маркин Василий Федорович. Северные электрические сети. (В: 145, 150)
- Маркович Исаак Моисеевич. Управление Мосэнерго. (В: 25, 232)
- Мартынов Терентий Владимирович. ТЭЦ-11. (В: 60)
- Маснев Алексей Никанорович, Герой Советского Союза. (Ф: 222, 283)
- Матвеева (Гришина) Ольга Ивановна. Дочь гл. инженера Сталиногорской ГРЭС И.К. Гришина.* (В: 308)
- Мелехова Евдокия Ивановна. Центральные электрические сети. (В: 286)
- Михайлова Анна Михайловна. Западные электрические сети. (В: 288)
- Михайлова Мария Степановна. ТЭЦ-11. (В: 189, 266)
- Михалевский Лев Фадеевич. ПКБ. (Ф: 95)
- Михалин Иван Терентьевич. Коломенские электросети. (В: 82)
- Мишин Александр Ильич. ТЭЦ-17. (Ф: 301)
- Мишин Лев Николаевич. Ногинские электросети. (В: 63, 131, 139, 146, 148, 176)
- Моргунов Сергей Николаевич, Герой Советского Союза. Каширская ГРЭС. (Ф: 140)
- Морозов Георгий Викторович. 4-й район ВВС. (В: 257, 284)
- Мосалов Георгий Павлович. 9-й район ВВС. (В: 50)
- Мосалова Мария Тимофеевна. Жена Г.П. Мосалова. (В: 50)
- Набатчиков Егор Дмитриевич. ТЭЦ-17. (Ф: 203)
- Нагина Надежда Ивановна. 7-й район ВВС. (В: 228, 298)
- Назарова (Перминова) Любовь Алексеевна. ТЭЦ-17. (В: 304)
- Насонов Анатолий Петрович. Энергосбыт. (В: 74)
- Немцова Людмила Ильинична. Ногинские электросети. (В: 145, 314; Ф: 222)
- Нестеров Лев Дмитриевич. Каширская ГРЭС. (В: 24)
- Нестерова (Урманчеева) Магнитор Айнуловна. Энергосбыт – МКС. (В: 217; Ф: 141)

- Нечаев П. ГЭС-1. (Ф: 72)
- Никитин Александр Григорьевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 223)
- Николаевский Николай Николаевич. ГРЭС-3. (В: 114)
- Новизенцев Борис Сергеевич. Тулэнерго. (В: 98)
- Новизенцева Надежда Петровна. 9-й район ВВС. (В: 298)
- Обыденный Петр Трофимович. Брат И.Т. Саморуковой.* (В: 138, 186, 195)
- Одевалина Валентина Ивановна. МКС. (Ф: 140)
- Орлюков Алексей Алексеевич. Коломенские электросети. (В: 176)
- Панов Алексей Васильевич. ТЭЦ-9. (В: 278)
- Платонова Евдокия Сергеевна. Энергосбыт. (В: 26, 190, 308, 316)
- Плохин Александр Михайлович. Коломенские электросети. (В: 115)
- Пожидаев Николай Семенович. Южные электрические сети. (В: 84, 118, 138, 149, 177, 322)
- Поздняк Алексей Андреевич. ТЭЦ-16. (Ф: 140)
- Полетаев Федор Андрианович, Герой Советского Союза. Торфоразработки ГРЭС-3 им. Классона. (Ф: 48)
- Поливанов Василий Васильевич. Дирекция ВВС Мосэнерго. (Ф: 49)
- Поляков Иван Иванович. Северные электрические сети. (В: 108, 145)
- Прокопенко Антонина Васильевна. Коломенские электросети. (В: 286)
- Пятницкий Александр Павлович. ГЭС-1. (В: 26)
- Ремизов Николай Сергеевич. Каширские электросети. (Ф: 240)
- Рогожина Надежда Сергеевна. Родственница Героя Советского Союза Д.А. Зайцева.* (В: 336)
- Родин Василий Петрович. Черепетская ГРЭС. (Ф: 203)
- Ромадин Владимир Иванович. ТЭЦ-9. (В: 109)
- Романовский Николай Корнеевич. Северные электрические сети. (В: 127)
- Рубинский Борис Евгеньевич. Западные электрические сети – Управление Мосэнерго. (В: 26, 80, 126, 139, 149, 156, 159, 164, 166, 168, 170, 171, 172, 173, 199, 303, 320; Ф: 318)
- Рунов Борис Александрович, Герой Советского Союза. 5-й район ВВС. (В: 111, 143, 171, 284; Ф: 161)
- Рыбаков Михаил Павлович. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)
- Рябов Иван Алексеевич. ГРЭС-3. (Ф: 95)
- Савинова Елена Федоровна. ГЭС-1. (Ф: 73)
- Савостьянов Алексей Иванович. Управление Мосэнерго. (Ф: 94)
- Садкова Валентина Семеновна. Управление Мосэнерго. (Ф: 241)
- Сакович Н.И. Управление Мосэнерго. (Ф: 49)
- Саломатин Александр Дмитриевич. ГЭС-1. (В: 276; Ф: 72)
- Саморукова Ирина Трофимовна. Мосэнергопроект. (В: 197, 310, 315)
- Сатаров Василий Александрович. ПКБ. (В: 41, 227; Ф: 333)
- Сафонов Виктор Васильевич. Центральные электрические сети. (В: 93, 317)
- Сафонов Николай Степанович. Северные электрические сети. (В: 83; Ф: 223)
- Сельцов Николай Иванович. Северные электрические сети. (В: 315)
- Семин Василий Васильевич. ГЭС-1. (В: 218)
- Сергеев Георгий Петрович. МКС. (Ф: 240, 318)

- Серебряков Василий Иванович. ТЭЦ-17. (Ф: 319)
- Серов Николай Владимирович. Энергосвязь. (В: 63)
- Смирнов Б.И. Управление Мосэнерго. (Ф: 140)
- Смирнов Сергей Витальевич. Генеральная дирекция Мосэнерго. (В: 299)
- Смирнова Татьяна Евгеньевна. 1-й район ВВС – Центральные электрические сети. (В: 305)
- Смоленов Михаил Васильевич. Мосэнерго. (Ф: 141)
- Соколов Алексей Михайлович. Теплосеть. (В: 82, 113, 138, 143, 231, 320)
- Соколов Юрий Иванович. Каширская ГРЭС. (В: 129, 144, 320)
- Соловьева Людмила Степановна. Шатурские электросети. (В: 308)
- Сорокин Игнат Васильевич. 9-й район ВВС. (Ф: 95)
- Степанов Анатолий Дмитриевич. ЦЛЭМ. (В: 99; Ф: 240)
- Степанова Валентина Александровна. ТЭЦ-7 – ТЭЦ-16. (В: 216, 221, 233, 260, 268)
- Степанова Ольга Макаровна. Восточные электрические сети. (В: 201)
- Степин Иван Петрович. ТЭЦ-17. (В: 131)
- Степичев Владимир Иванович. МКС. (В: 129, 176; Ф: 282, 283, 347)
- Сукачёв Владимир Васильевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 140)
- Сутягина Мария Сергеевна. Энергосбыт. (В: 129)
- Суханов Михаил Афанасьевич, генерал-майор.* (Ф: 332)
- Суханова (Митрохина) Валентина Ивановна. Шатурские электросети. (В: 298, 315)
- Сухотин Сергей Георгиевич. ОЗАП. (В: 103, 219, 306; Ф: 283)
- Сыров Сергей Михайлович. Западные электрические сети. (В: 92)
- Сычева Галина Федоровна. Энергосбыт. (В: 314)
- Сычков Александр Алексеевич. ГЭС-1 – Управление Мосэнерго. (В: 220, 231, 232, 276, 278)
- Тальберг Виктор Васильевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 48)
- Тихомиров Игорь Всеолодович. Центральный научно-исследовательский испытательный институт инженерных войск (пос. Нахабино).* (В: 27, 44, 84, 280; Ф: 49, 263)
- Тихонов Владилен Степанович. Щёкинская ГРЭС. (В: 102)
- Торгашов Александр Яковлевич. Октябрьские электросети. (В: 71, 106, 147, 163, 166)
- Точенова Марта Ивановна. Коломенские электросети. (В: 59)
- Точилин Леонид Васильевич. Сталиногорская ГРЭС. (В: 292)
- Трилиссер Леонид Михайлович. ГРЭС-5. (Ф: 263)
- Трофимова Нина Николаевна. Энергосбыт. (Ф: 116, 160)
- Трухачева (Ремнева) Мария Андреевна. Северные электрические сети. (В: 25, 101, 107, 136, 158, 165, 171, 310)
- Трушкин В.В. ГЭС-1. (Ф: 73)
- Туз Александр Павлович. ГРЭС-3. (В: 118; Ф: 161)
- Тюленев Александр Григорьевич. ТЭЦ-17. (Ф: 346)
- Умов Павел Алексеевич. МКС. (В: 226)
- Усанов Леонид Васильевич. ТЭЦ-11. (В: 169)
- Устинов Николай Васильевич. ТЭЦ-11. (В: 89)
- Уфаев Михаил Яковлевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 28, 203)

- Фатянов Николай Андреевич. ТЭЦ-17. (В: 93)
- Филаретова Текуса Александровна. Работница энергопоезда. (В: 280)
- Филиппов Борис Васильевич. Центральные электрические сети. (В: 175, 316)
- Филиппов Владимир Михайлович. Алексинская ТЭЦ. (В: 61)
- Филиппович (Никитина) Антонина Николаевна. ТЭЦ-15 – ТЭЦ-17. (В: 60)
- Фомичев Григорий Иванович. ТЭЦ-11. (В: 234, 259; Ф: 29)
- Фридкин Иосиф Аронович. МКС. (В: 214, 227)
- Фролов В.И. Восточные электрические сети. (Ф: 223)
- Фролова Екатерина Ивановна. Восточные электрические сети – МВС. (В: 314)
- Хайлов Борис Александрович. Мосэнергопроект. (В: 310; Ф: 282)
- Хайлова (Демидова) Зоя Федоровна. Мосэнергопроект. (В: 123; Ф: 184)
- Харитонов Николай Васильевич, Герой Советского Союза. ТЭЦ-11. (Ф: 222, 333)
- Хатунцева Клавдия Петровна. Коломенские электросети. (В: 187)
- Холин Андрей Васильевич. 9-й район ВВС. (В: 243; Ф: 117)
- Хрипунова Анна Ивановна. Каширская ГРЭС. (В: 104, 126)
- Царин Серафим Дмитриевич. ТЭЦ-11 – ЦРМЗ. (В: 64)
- Черенкова Зинаида Ивановна. Подольские электросети. (В: 303)
- Чикашов И.И. Управление Мосэнерго. (Ф: 346)
- Шарков Федор Иванович. Мосэнерго. (Ф: 117)
- Шарыгина Лидия Кузьминична. ТЭЦ-11. (В: 139, 266)
- Шашкин Александр Григорьевич. ТЭЦ-6. (В: 157)
- Шевелев Николай Александрович. 4-й район ВВС. (В: 27; Ф: 222)
- Шицман Семен Евсеевич. Управление Мосэнерго. (Ф: 48)
- Щеглов Александр Евсеевич. ТЭЦ-17. (В: 136, 193)
- Юренков Виктор Дмитриевич. 9-й район ВВС – Управление Мосэнерго – Центральная лаборатория ВВС. (Ф: 28)
- Яковлев Владимир Николаевич. ТЭЦ-17. (В: 121)
- Яковleva Зинаида Трофимовна. 4-й район ВВС. (В: 225)
- Якушин Николай Федорович. Каширская ГРЭС. (В: 52)

Литература, интернет-сайты

Алексей, сын Ангела : Последний выживший российский узник лагеря смерти Собибор, где служил вертухаем представший сейчас перед судом Демьянюк, вспоминает то, что он пытался забыть 65 лет // Новая газета. 2009. № 142 (21 декабря). (<https://novayagazeta.ru/articles/2009/12/21/39898-aleksey-synangela>).

Арзамазов Н.С. Западные электросети : Хроника развития : День вчерашний, сегодняшний, завтрашний. М., 2000.

Белобородов А.П. Ратный подвиг. М., 1973.

«Идут бои на всем фронте под Тулой....» // Молодой коммунар. 2015. 20 ноября (stalinogorsk.ru).

Как ни атакует немец, а ни на шаг продвинуться не может // Молодой коммунар. 2015. 23 октября.

Каликов В.Ф. (<https://www.moypolk.ru/surgut/soldiers/kalikov-vasiliy-fedotovich>).

Каплан Г.С. Воспоминания о войне. (<https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/kaplan-grigoriiy-solomonovich>).

Конторщикова А.М. Московская энергетическая система – ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : К 30-летию победы над фашизмом. 1975 (рукоп.).

Крестов Б.Д. Энергия энтузиастов : Исторический очерк. М., 1996.

Кулагин А.В. За небо Углича. Углич, 2009.

Лаврененко К.Д., Дьяков Б.А. Свет жизни. М., 1980.

Липенский Г.В. Район назвали первым : Из истории Южных сетей. М., 1997.

Москва военная 1941–1945 : Мемуары и архивные документы. М., 1995.

Москва прифронтовая 1941–1942 : Архивные документы и материалы : К 60-летию битвы под Москвой. М., 2001.

Московская энергетика в годы Великой Отечественной войны / Г.Л. Андреев, Ю.Н. Вавилов ; Под общей ред. А.Я. Копсова. М., 2015.

Рунов Б.А. Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены // От солдата до генерала : Воспоминания о войне. М., 2003. Т. 1.

Седугин В.И. Новомосковская ГРЭС : Очерк истории. Новомосковск, 1993.

Сердюк К.П. Говорят оставшиеся в живых. Орехово-Зуево, 2010.

Соколов А.М. Мой двадцатый век. М., 2010.

Сталиногорцы : От Бобрикстроя до марша Победы : Альманах. Новомосковск, 2010.

https://aif.ru/society/history/pervyy_den_voyny_hronologiya_sobytiy_22_iunya_1941_goda

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаем благодарность всем организациям и лицам, оказавшим помощь в поиске и предоставлении архивных материалов, а также в подготовке книги к изданию

ПАО «Мосэнерго»

Е.В. Лушпаевой, С.А.Пронину, Е.Н. Кошелевой, Т.Р. Осиповой

ГЭС-1 и ТЭЦ-9

Г.Н. Реброву, М.Ю. Боруновой, Н.П. Приходько, А.Ю. Курбатову, Е.А. Левкович, Е.Б. Стрижовой
ГРЭС-3

А.Л. Шалатонову, В.Е. Орлову, О.В. Кудряшову

ТЭЦ-8

Ю.Г. Гребневу, М.М. Лющенову, А.В. Кащеевой

ТЭЦ-11

М.С. Жуку, В.Б. Крестову, В.М. Резцовой

ТЭЦ-12

А.В. Петрухину, С.С. Маковскому, С.В. Голованову, Ю.В. Полянской

ТЭЦ-16

С.Н. Костиной

ТЭЦ-17

М.И. Герасину, В.Ф. Куцеву, А.Н. Копылову, Н.И. Дрожжиной

ТЭЦ-21

Г.Ф. Шевченко, Т.С. Казаковой

Мосэнергопроект

И.Т. Саморуковой, Т.С. Поздняковой

Филиал «Каширская ГРЭС» АО «Интер РАО – Электрогенерация»

Б.И. Саранцеву, Ю.С. Жерздеву, Е.Г. Матвеевой, О.Б. Горячевой

Филиал «Шатурская ГРЭС» ПАО «Юнипро»

С.Ф. Бакурину, Ю.И. Горелову, М.М. Дудкину, С.В. Файбисовичу

Производственное подразделение «Новомосковская ГРЭС» филиала ПАО «Квадра» – «Центральная генерация»

Н.Н. Кривовой, С.А. Внукову, И.А. Щербининой

ПАО «Россети Московский регион»

И.В. Гуреевой, Д.В. Есину, Э.Г. Антонову, Г.И. Потаповой, Е.В. Гранкиной, И.С. Матасовой, Т.А.

Стрельцовой, А.А. Насоновой, А.В. Ягремцеву

Координационный Совет ветеранов войны и труда

А.А. Митяеву, И.О. Барановой, А.М. Кононову, В.А. Смирнову, А.В. Малову, В.В. Тютяеву, С.Е.

Родькиной, А.В. Нагину, Т.П. Щербаковой, Л.Н. Рюминой

Департамент по связям с общественностью

Л.В. Душиной, С.В. Логвиновой, И.Н. Ананьевой, О.Ю. Ашмариной, А.С. Бадаковой, О.М. Болдыревой, С.Ю. Водолазовой, И.В. Ермаченко, П.А. Карапетяну, Т.Л. Назаренко, А.В. Шапочкину

Филиал ПАО «МРСК Центра и Приволжья» – «Тулэнерго»

И.А. Родионову, Б.И. Шлипкину, Т.И. Волковой, Л.М. Симоновой

Филиал ПАО «МРСК Центра и Приволжья» – «Рязаньэнерго»

О.С. Майоровой

АО «Мосэнергосбыт»

А.В. Кужилину, В.В. Надточиеву, М.А. Лукутиной, Е.В. Будановой

МБУ до СЮТ

Г.А. Фурасеевой

А также:

Н.А. Алемасовой

Т.Г. Андреевой

А.Г. Баринову

И.В. Кукушкиной

В.М. Липовских

О.Б. Покровской (Руновой)

И.И. Тихомирову

О.С. Шашковой (Сухотиной)

В книге использованы фотографии и материалы из архивов

Музея истории Мосэнерго и энергетики Москвы

Музея ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона

Музея Каширской ГРЭС

Музея Шатурской ГРЭС

Музея Новомосковской ГРЭС

Музея ТЭЦ-11

Музея ТЭЦ-17

Музея Каширских электрических сетей

Музея Коломенских электрических сетей

Музея Можайских электрических сетей

Музея Новомосковских электрических сетей

Музея Ногинских электрических сетей

Музея Северных электрических сетей

Музея Тульских электрических сетей

Музея Южных электрических сетей

Музея Московских кабельных сетей

Музея боевой славы г. Коломны

Редакции газеты «Ленинская Шатура»

Содержание

<i>Вступительное слово А.Я. Копсова</i>	7
<i>Вступительное слово А.А. Бутко</i>	10
<i>Вступительное слово П.А. Синютина</i>	12
<i>От составителя / Г.Л. Андреев.....</i>	14

Начало войны

22 июня 1941 года	18
--------------------------------	-----------

Фронт

Оборона	34
Битва под Москвой.....	37
Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года	38
Электрозаградительный рубеж под Москвой	38
Защита Каширы.....	50
Тульская оборонительная операция.....	52
Бои за Севастополь	54
Блокада Ленинграда	56
Перелом	68
Сталинград	70
Форсирование Днепра	71
Освобождение	76
Яссская операция.....	79
Бои в Прибалтике	80
Взятие Кёнигсберга.....	81
Освобождение Венгрии	82
Берлин	83
Война с Японией.....	86
Воинские профессии.....	90
Пехота	91
Артиллеристы, минометчики	98
Зенитчики, противовоздушная оборона	104
Саперы, минеры.....	108
Водители.....	112

Танкисты	114
Бронепоезд-мечта	120
Радисты	122
Связисты, телеграфисты	123
Разведчики.....	124
Летчики.....	127
Моряки.....	130
Рассказы о войне	134
Призыв.....	135
Учеба	143
Дорога на фронт.....	144
Первый бой	147
Страх	149
Ранения	150
Смерть.....	158
Вещие сны.....	164
Фронтовые случаи	165
Женщины на фронте	169
Враг сдается.....	171
Быт	173
О войне	175
Фронт за линией фронта	178
Партизаны, боевые операции в тылу врага	181
В оккупации.....	189
Плен, концлагеря.....	199
Тыл	
Внимание! Воздушная тревога!.....	212
Местная противовоздушная оборона (МПВО)	214
Маскировка, защита объектов	215
Авианалеты, бомбежки	217
Война у порога.....	230
Строительство укреплений под Москвой	231
Эвакуация Москвы в октябре 1941 года	232
Осажденная Тула	235

Захват немцами Стalinогорска.....	245
Защита Каширы.....	249
Линия электропередачи Кашира – Тула.....	251
Мосэнерго в годы войны.....	254
Демонтаж и эвакуация энергооборудования	257
Топливо	260
Добыча торфа.....	264
Работа на электростанции	265
Ремонтные работы.....	276
Оборонные заказы.....	276
Энергопоезда	280
Награждение электростанций Красным знаменем Государственного комитета обороны.....	281
Работа районов ВВС и кабельных сетей.....	284
Восстановление	290
Жизнь в тылу	294

Победа!

9 мая 1945 года	312
------------------------------	------------

Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы

Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы, работавшие в Мосэнерго	324
--	------------

Приложение

Документы (постановления, распоряжения, справки и докладные записки) советских и партийных органов, касающиеся вопросов обеспечения работы Мосэнерго в годы войны	352
---	-----

Организации и предприятия Московской энергосистемы	385
Авторы воспоминаний. Фотопортреты	386
Литература, интернет-сайты	394
Благодарность.....	395

К 75-летию Победы

МОСКОВСКИЕ ЭНЕРГЕТИКИ

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИКОВ МОСЭНЕРГО –
УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ И ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

Автор-составитель **Г.Л. Андреев**

Редактор **Е.В. Лушпаева**

Дизайн и верстка **Е.В. Апраксина**

Бильд-редактор **Г.Л. Андреев**

Корректор **О.А. Горяйнов**

Подписано в печать с готовых монтажей: 15.03.2020

50 п.л. 1/8 64×90. Гарнитура Times.

Бум. 90 гр/м., матовая, мелованая. Тираж 700 экз.

Типография «Медиаколор»

Москва, Сигнальный проезд, д. 19

site@mediacolor.ru, mediacolor.ru

+7 (499) 903-69-52